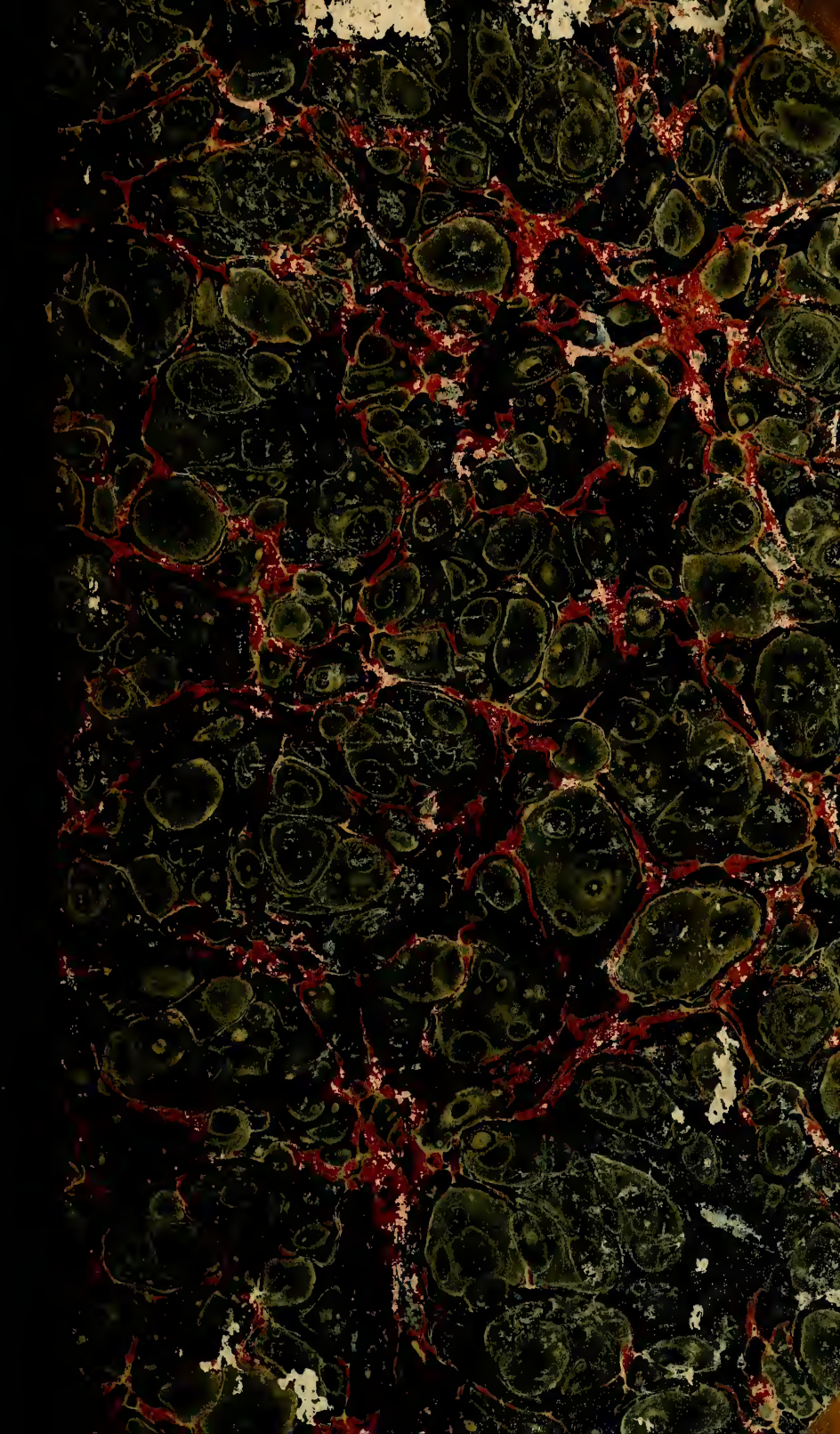

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЪ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ИЗДАНИЕ

книгопродавца *Александра Смирдина.*

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВДОВЫ ПЛЮШАРЬ СЪ СЫНОМЪ.

1855

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.

Санктпетербургъ, 1835 года августа 31 дня.

Ценсоръ *А. Никитенко.*

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

В О Р О Н Ъ,

ВОЗВРАТИВШІЙСЯ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ.

— Гдѣ ты побылъ, черный воронъ?
Что ты видѣлъ? Расскажи! —
«Былъ я въ славномъ Кашемирѣ
«И въ Италіи святой:
«Все тамъ — юность, все тамъ — пѣга,
«Все тамъ — жизнь и красота!
«Живописныя долины
«Тонуть въ морѣ изъ цвѣтовъ;
«Кипарисовыя рощи
«Сладко дремяють въ тишинѣ;
«Ручейки манятъ прохладою,

«Соловей всю ночь поетъ;
 «Небо вѣчно голубое,
 «Круглой годъ цвѣтеть весна,
 «Круглой годъ небесный праздникъ.....»
 — Ну, а люди? — «Люди тѣ жъ,»
 — А вороны? — «Тѣ жъ, какъ люди!»

«Быль въ Америкѣ богатой,
 «И въ Ганзейскихъ городахъ.
 «Все тамъ — роскошь, все — довольство,
 «Все, все — золото, жемчугъ!
 «Съ каждымъ шагомъ кипы блонды,
 «Груды камней дорогихъ;
 «Серебромъ и бирюзою
 «Чуть ли улицъ не мостятъ;
 «Кружевами ловятъ рыбу,
 «Мишурой пруды прудятъ;
 «Корабли снастятъ шелками.....»
 — Ну, а люди?—«Люди тѣ жъ»
 — А вороны? — Тѣ жъ, какъ люди!

«Быль я въ Африкѣ пустынной,
 «И на Южныхъ Островахъ.
 «Все тамъ дико и мертво!
 «Обожженные равнины
 «Подъ камнями гниютъ;
 «Тигры, барсы и шакалы
 «Бродятъ въ рощахъ и горахъ;
 «Знойный вѣтеръ дышетъ язвой,
 «Змѣи вьются подъ цвѣтами.....»
 — Ну, а люди? — «Люди тѣ жъ.»
 — А вороны?.....—«Тѣ жъ, какъ люди!!»

А. ТИМОФЕЕВЪ.

У Н Д И Н А.

=

СТАРИННАЯ ПОВѢСТЬ.

=

* * Мы сдѣлали бѣ преступленіе противъ удовольствія нашихъ читателей, если бѣ, имѣвъ случай прочесть одно изъ прелестнѣйшихъ твореній знаменитаго Пѣвца въ станѣ Русскихъ воиновъ, предназначенное къ украшенію полнаго изданія его сочиненій, не удѣлили здѣсь хоть нѣсколькихъ отрывковъ. Мы читали только три главы «Ундины», и чувствуемъ, что выдергивать изъ нихъ отдѣльныя мѣста, значить — портить поэму, но мы пишемъ, эти строки еще подѣ влияніемъ восхищенія, какое возбудили въ насъ эта необычайная мягкость, прозрачность и свѣтлость языка, эта поэзія нѣжная, сладкая и восхитительная какъ тихая мелодія заколдованнаго чертога, и готовы перепортить все въ мірѣ, чтобъ только передать другимъ часть нашего наслажденія, — съ правомъ для всякаго исправить дѣло прочтеніемъ цѣлой поэмы, когда выйдетъ полное изданіе, которое, говорятъ, выйдетъ скоро. — Рыцарь, заблудившійся въ лѣсу, въ которомъ «водится нечистая сила», ищетъ гостепріимства у рыбака и приходитъ съ нимъ въ его хижину:

=

.....
Тамъ, передъ яркимъ огнемъ, горѣвшимъ въ каминѣ и
въ чистой

Горницѣ трепетный блескъ разливавшимъ, на стулѣ широкомъ,

Со спинкой рѣзною сидѣла, жена рыбака пожилая.

Гостя увидѣвъ, старушка встала, ему поклонилась

Чинно, и сѣла опять, не подумавъ почетнаго мѣста

Гостю отдать. Рыбакъ, засмѣявшись сказалъ: «Благородный
«Рыцарь, прошу не взыскать, что хозяйка моя свой покойный

«Стулъ для себя сберегла: у насъ такой ужъ обычай.».....

Рыцарь взялъ осторожно скамейку, придвинулъ къ камину, Сѣлъ, и сердцу его такъ стало пріютно, какъ будто бы Былъ онъ у милыхъ родныхъ, возвратяся изъ чужа въ отчизну.

Стали они разговаривать. Рыцарь развѣдать о страшномъ Лѣсѣ хотѣлъ, но рыбакъ ночью порою боялся Рѣчь о немъ заводить; за то о своей одинокой Жизни и промыслѣ трудномъ своемъ рассказывалъ много. Съ жадностью слушали мужъ и жена, когда говорилъ имъ Рыцарь о томъ, какъ въ разныхъ земляхъ онъ бывалъ, какъ отцовскій

Замокъ его у истоковъ Дуная стоитъ, какъ прекрасна Та страна: онъ прибавилъ — «Меня называютъ Гульдбрандомъ.

«Имя же замка Рингштетенъ.»—Такъ говоря, не однажды Рыцарь слышалъ какой-то шорохъ и плескъ за окошкомъ, Точно какъ-будто водой кто опрыскивалъ стекла снаружи. Всякой разъ съ досадою нахмуривалъ брови, послушавъ плесканье,

Старый рыбакъ; но когда же какъ ливнемъ вдругъ обдало стекла,

Такъ, что окно зазвенѣло и въ горницу брызги влетѣли, Съ сердцемъ вскочилъ онъ и крикнулъ въ окошко съ угрозою: «Ундина!

«Полно проказничать; стыдно: въ хижинѣ гости.» — При этомъ

Словъ стало тамъ тихо, лишь изрѣдка слышенъ былъ легкой

Шепоть, какъ-будто бы кто потихоньку смѣялся. — «Почтенный

«Гость, не взыщи,» сказалъ рыбакъ, возвращаясь на мѣсто: «Можетъ-быть, шалостей много еще ты увидишь, но злаго «Умысла нѣтъ у нея. То наша дочка Ундина;

«Только не дочка родная, а найденнышъ: сущій младенецъ! «Все проказить, а будетъ ей лѣтъ ужъ осьмнадцать; но сердце

«Самое доброе въ ней.».....

.....Вдругъ растворилася пастежь
Дверь, и въ нее бѣлокурая, легкая станомъ, съ веселымъ
Смѣхомъ впорхнула Ундина; какъ что-то воздушное. «Гдѣ же
«Гости, отецъ? За чѣмъ ты меня обманулъ?» Но увидя
Рыцаря, вдругъ замолчала она, и глаза голубые,
Вспыхнувъ звѣздами подъ сумракомъ черныхъ рѣспиць,
устремилась

Быстро на гостя, а онъ, изумленный чуднымъ явленьемъ,
Былъ какъ вкопанный, жадно смотрѣлъ на нее, и боялся
Взоръ отвести: онъ думалъ, что видитъ сонъ, и вглядѣться
Въ образъ прекрасный спѣшилъ, пока онъ не скрылся.

Ундина

Долго смотрѣла, пурпурныя губки раскрывъ какъ младенецъ;
Вдругъ, вострепнувшись, какъ рѣзвая птичка она подбѣжала
Къ рыцарю, стала предъ нимъ на коленъ и цѣпью бле-
стящей,

Къ коей привѣшенъ былъ мечъ, играя, сказала: «Прекрасный,
«Милый гость, какою судьбой очутился ты въ нашей
«Хижинѣ? Долго ты по свѣту долженъ былъ странствовать
прежде,

«Нежели къ намъ дорогу найти? Скажи, черезъ лѣсъ нашъ
«Какъ ты проѣхалъ?» Но онъ отвѣчать не успѣлъ; на Ун-
дину

Крикнула съ сердцемъ старушка: «Оставь въ покоѣ, Ундина,
«Гостя; встань и возмись за работу.» Ундина, ни слова
Ей не сказавши въ отвѣтъ, схватила скамейку, и сѣвши
Подлѣ Гульдбранда съ своимъ рукодѣльемъ, тихонько
шепнула:

«Вотъ гдѣ я буду работать.» Старикъ, притворясь, что не
видитъ

Новой проказы ея, хотѣлъ продолжать; но Ундина,
Рѣчь перебила его: «У тебя я спросила, мой милый
«Гость, откуда пріѣхалъ ты къ намъ? Дождусь ли отвѣта?»
—Изъ лѣсу прямо пріѣхалъ я, прелесть моя. — «Разскажи же,
«Какъ ты въ лѣсу очутился, и что въ немъ чуднаго видѣлъ.»
Трепетъ почувствовалъ рыцарь, вспомнивъ о лѣсѣ; невольно

Онъ обратилъ глаза на окошко, въ которое кто-то
Бѣлый, ему показалось, глядѣлъ; но было въ окошкѣ
Пусто: за стеклами ночь густая чернѣла. Собравшись
Съ духомъ, рассказъ онъ готовъ былъ начать, но старикъ
торопливо

Молвилъ ему: «Не доброе время теперь намъ о лѣсѣ
Рѣчь заводить: расскажешь намъ завтра.» Услышавши это,
Съ мѣста вскочила Ундина, и глазки ея засверкали,
«Нынче, не завтра онъ долженъ рассказывать! нынче; те-
перь же!»

Вскрикнула съ сердцемъ она, и бровки угрюмо нахмутивъ,
Топнула маленькой ножкою объ полъ; и въ эту минуту
Такъ забавно мила и прелестна была, что въ Гильдбрандѣ
Вспыхнуло сердце, и онъ еще болѣе плѣнился смѣшною,
Дѣтской досадою ея, чѣмъ прежней веселостію рѣзвой.
Но рыбакъ, потерявши терпѣнье, причудницу началъ
Крѣпко журить за ея нетерпѣнье и дерзкую вольность
Съ гостемъ. Старушка пристала къ нему. Тутъ Ундина
сказала:

«Если браниться хотите со мной, а того не хотите
Сдѣлать, о чемъ я прошу, такъ прощайте жъ! Одни оста-
вайтесь

«Въ вашей скудной, дымной лачужкѣ.» Съ сими словами
Прыгнула въ двери она, и въ минуту во мракъ пропала.

=

Рыцарь вскочилъ, за нимъ и рыбакъ, и бросились оба
Въ дверь, чтобъ ее удержать; но напрасно: Ундина такъ
быстро

Скрылась, что даже было нельзя догадаться, въ какую
Сторону вздумалось ей побѣжать. Испуганнымъ взоромъ
Рыцарь спросилъ рыбака: что дѣлать? — «Ужъ это не въ
первый

«Разъ,» рыбакъ проворчалъ: «такими побѣгами часто
«Насъ забавляетъ она».....

Стали они разговаривать; только при каждомъ, малѣйшемъ

Шорохъ, — стукнетъ ли что въ окошко, — и даже не рѣдко
 Просто, безъ всякаго стука и шороха, вдругъ умолкали
 Оба, и, палецъ поднявши, глаза неподвижно уставивъ
 Въ двери, слушали; каждый шепталъ: Идетъ! И не тутъ то
 Было! Не шелъ никто. И, вздохнувши, они начинали
 Слова свой разговоръ. — Расскажи мнѣ, сказалъ напоследокъ
 Рыцарь, какъ вамъ случилось найти Ундицу? — «А вотъ
 какъ

«Это случилось,» рыбакъ отвѣчалъ: «тому ужъ пятнадцать
 «Будетъ лѣтъ, какъ я съ товаромъ моимъ черезъ этотъ
 «Лѣсъ былъ долженъ отправиться въ городъ. Жену я о-
 ставилъ

«Дома, какъ то бывало всегда, а въ то время и нужно
 «Было ей дома остаться. За чѣмъ? ты спросишь. Господь
 намъ

«Въ позднія наши лѣта даровалъ прекрасную дочку:
 «Какъ же намъ было покинуть ее? Товаръ мой продавши,
 «Я возвратился домой, и, солгать не могу, не случилось
 «Мнѣ ничего, какъ и прежде, въ лѣсу недобраго встрѣтить.
 «Богъ мнѣ сопутствовалъ всякой разъ, когда черезъ этотъ
 «Страшный лѣсъ мнѣ идти удавалось; а съ нимъ и опасный
 «Путь неопасенъ.» При этомъ словъ старикъ съ умиленнымъ
 Видомъ шапочку спялъ съ головы, и руки сложивши,
 Въ набожныхъ мысляхъ минуты на двѣ умолкнулъ, потомъ
 онъ,

Шапочку снова надѣвъ, продолжалъ: «Я съ веселымъ
 «Сердцемъ домой возвращался, а дома ждало несчастье:
 «Вся въ слезахъ на встрѣчу ко мнѣ жена прибѣжала.
 «Царь небесный! что случилось? я вскрикнулъ. Гдѣ наша
 «Дочка? — Она у того, чье имя, и кого ты въ эту минуту,
 «Бѣдный мой мужъ, призываешь, жена отвѣчала. И, молча,
 «Горько заплакавъ, пошелъ я за нею въ хижину: тѣла
 «Милой малютки моей я глазами искалъ тамъ, но тѣла
 «Не было. Вотъ какъ это случилось: съ нашимъ младенцемъ
 «Подлѣ воды на травѣ жена спокойно сидѣла;
 «Съ нимъ въ беззаботномъ весельѣ играла она; вдругъ ма-
 лютка

«Сильно къ водѣ потянулась, какъ-будто чудесное что-то
«Въ свѣтлыхъ примѣтя струяхъ. И видить жена, что нашъ
милой

«Ангель смѣется, рученками что-то хватая; но въ этотъ
«Мигъ, какъ-будто какою невидимой силой, швырнуло
«Въ волны дитя, и въ ихъ глубинѣ бѣдняжка пропала.
«Долго я тѣла искалъ; но напрасно, нигдѣ и примѣты
«Не было. Вотъ мы, на старости двѣ сироты, въ безот-
радномъ

«Горѣ сидѣли въ тотъ вечеръ вдвоемъ у огня и молчали:
«Еслибъ и можно было отъ слезъ говорить, то не стало бъ
«Духу; и такъ мы оба молчали, глаза устремивши
«Въ тусклый огонь, какъ вдругъ въ дверяхъ послышался
легкій

«Шорохъ: онѣ растворились, — и что же видимъ мы? Чудной
«Прелести, дѣвочка, лѣтъ четырехъ, въ богатомъ уборѣ,
«Намъ улыбаясь, какъ ангель, стоитъ на порогѣ. Сначала
«Мы въ изумленъ не знали, живой ли то былъ человѣчекъ,
«Или облачный призракъ какой; но скоро примѣтилъ
«Я, что вода съ золотыхъ кудрей и съ платья малютки
«Капала: я подумалъ, что вѣрно младенецъ недавно
«Былъ въ водѣ, и что скорая помощь нужна. И вдох-
нувши,

«Такъ сказалъ я женѣ: Никто не подумалъ спасти намъ
«Милое наше дитя; по-крайней-мѣрѣ мы сами
«Сдѣлаемъ то для другихъ, чего не могли намъ другіе
«Сдѣлать, и что на землѣ блаженствомъ было бы нашимъ.
«Мы раздѣли малютку, ее уложили въ постель, и напиться
«Дали горячаго ей. А она все молчала, и только
«Свѣтлонебесными глазками глядя на насъ, улыбалась.
«Скоро заснула она, и, свѣжа какъ цвѣточекъ весенній,
«Утромъ проснулась. Когда жъ мы спрашивать стали,
откуда

«Родомъ она и какъ попала къ намъ въ хижину, толку
«Не было въ странныхъ отвѣтахъ ея ни какого; и вотъ ужъ
«Ровно пятнадцать лѣтъ, какъ съ нами живетъ, а добиться

«Путнаго мы не могли отъ нея ничего. По рассказамъ
 «Вздорнымъ ея подумать легко, что она къ намъ упала
 «Прямо съ луны: о какихъ то замкахъ прозрачныхъ, жем-
 чужныхъ
 «Гротахъ, коралловыхъ роцахъ и разныхъ другихъ небы-
 лицахъ
 «Все твердить и теперь какъ твердила тогда; удалось
 «Вывѣдать только одно, что, катаясь по озеру въ лодкѣ
 «Съ матерью, въ воду упала она, и что волны на здѣшній
 «Берегъ ее принесли, гдѣ она и очулась».....

..... Но рыцарь
 Тутъ прервалъ рыбака. Онъ шепнулъ:—Послушай, послушай,
 Что тамъ?—Неразь ужъ во время рассказа былъ онъ встре-
 воженъ

Шумомъ воды; но въ эту минуту былъ явственно слышенъ
 Ревъ потока, который бѣжалъ съ возрастающей силой
 Мимо хижины. Оба вскочили и бросились въ двери.
 Въ мѣсячномъ свѣтѣ открылося имъ, что ручей, выходящій
 Изъ лѣса, сильно разлившись, ворочая камни, ломая
 Съ трескомъ деревья, въ озеро мчался. Было все небо,
 Словно какъ море, взволновано: тучи горами катились
 Мимо луны, поминутно ее заслоняя, и чудно
 Вся окрестность подъ блескомъ и тмой трепетала; при
 свистѣ

Вихря было внятно, какъ грозное озеро голосъ
 Свой возвышало, и какъ, скрипя отъ вершины до корня,
 Гнулись и шумно сшибались вѣтвями деревья—«Уидина!....
 «Царь мой небесный!..... Уидина!» Старикъ закричалъ; по
 отвѣта

Не было. Оба тогда побѣжали, забывши о бурѣ,
 Каждый своею дорогою къ лѣсу, и громко, при шумѣ
 Вѣтра, въ почной глубинѣ раздавалось: Уидина! Уидина!

..... Хотя и самъ онъ дрожалъ, вспоминая
 Все что тамъ видѣлъ прошедшимъ днемъ; хотя и казалось
 Въ эту минуту ему, что стоялъ тамъ, равенъ съ деревьями,
 Бѣлый, слишкомъ знакомый ему великанъ, и оскаливъ
 Зубы, кивалъ на него головою; но самый же ужасъ
 Только что съ большею силою влекъ его въ лѣсъ: тамъ

Ундина.

Въ страхѣ, одна, безъ защиты была! И вотъ ужъ ступилъ
 онъ

Смѣлой ногою въ кипячую воду; какъ вдругъ недалеко
 Сладостный голосъ сказалъ: «Не ходи! не ходи! берегися
 «Злаго потока! Старикъ сердитъ и обманчивъ.» Знакомы
 Рыцарю были прелестные звуки. Они замолчали:
 Онъ, уже стоя въ водѣ, озирался и слушалъ; но мѣсяцъ
 Темной задернуло тучей, и волны быстро неслися,
 Ноги его подмывая, и онъ, почти опрокинуть,
 Былъ какъ въ чаду, и кружилась его голова. И, глазами
 Долго искавъ въ темнотѣ, наконецъ онъ воскликнулъ:—Ун-
 дина!

Ты ли? Гдѣ ты? Если не хочешь явиться, я брошусь
 Самъ въ потокъ за тобой. Откликнись! Мнѣ лучше по-
 гибнуть,

Нежели быть безъ тебя!—И глубже въ воду пошелъ онъ.
 Тотъ же голосъ и такъ же близко сказалъ: Оглянись!
 Въ эту минуту вышелъ мѣсяцъ изъ тучи, и рыцарь
 Въ блескъ его увидѣлъ Ундину: былъ маленькій островъ
 Подлѣ берега быстрымъ разливомъ ручья образованъ;
 Тамъ, подъ навѣсомъ деревьевъ густыхъ въ травѣ угнѣз-
 дившись,

Призракомъ свѣтлымъ сидѣла Ундина.

Е. ЖУКОВСКИЙ.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ.

=

Какой-то Англичанинъ жилъ
Въ Неаполѣ: въ словахъ или на дѣлѣ,
Кого и чѣмъ онъ оскорбилъ,
Не могъ развѣдать я доселѣ;
Но, возвращаясь вечеромъ,
Чуть повернулъ онъ въ переулокъ темный,
Встрѣчается ему рѣзакъ наемный,
Съ которымъ онъ отчасти былъ знакомъ,
Не такъ какъ съ рѣзакомъ,
А какъ съ разсылщикомъ. Въ-частую тотъ, бывало,
По городу справлялъ его нужды,
И денегъ за труды
Въ годъ перебралъ съ него не мало.
Британецъ, возрѣвшись въ бродячаго слугу,
Не ждалъ отнюдь опасной встрѣчи,
Какъ тотъ ему: «Милордъ! моей послушай рѣчи,
«Да самъ, смотри же, ни гугу:
«Не то, вотъ ножъ. Ты мнѣ заказанъ;
«Тебя зарѣзать я обязанъ, —
«И хоть теперь могу;
«Да вотъ въ чемъ затрудненье!
«Во первыхъ, мы друзья;
«Тобою не обиженъ я,
«И даже помню одолженье,
«Какъ ты въ концѣ зимы
«Повѣрилъ мнѣ два скудія въ займы:
«Заѣли насъ тогда кормы,
«И мнѣ бъ не миновать иль петли иль тюрьмы.
«Но это прошлое! А нынче воскресенье:
«Мнѣ патерь Вольпи запретилъ,
«Чтобъ души я по праздникамъ губилъ;
«А деньги ужъ взяты! Такъ слушай предложенье.

«Съ другимъ око меня ввело бы въ опасенье;
«Иной, пожалуй, пожъ прибравъ къ своимъ рукамъ,
«Пыриеть, злодѣй; по ты душой кривить не станешь,
 «И, давши слово, не обманешь.
 «Не откажи: чѣмъ вздорить намъ,
 «Зарѣжься самъ!
«А пожъ какой! Взгляни, я наточилъ какъ бритву.
 «Прочти-ка наскоро молитву,
«Да съ Богомъ.» — Можно ли! — «Я знаю, грѣхъ великъ;
 «Но ты вѣдь еретикъ:
 «Ни въ пану ты не вѣруешь, ни въ Бога;
 «Такъ все же въ адъ тебѣ дорога.
«Рѣшайся.» — Не хочу. — «Не хочешь. А, милордъ!
 «Я думалъ, ты, какъ Англичанинъ, гордъ,
 «И не откажешь хоть изъ чести.
«Что жъ о себѣ вы распустили вѣсти,
«Какъ-будто васъ чуть разберетъ тоска,
«Вы духомъ рѣжетесь, и не дрогнетъ рука?
 «Анъ струсилъ ты!» — Неправда: я не трушу.
Коли судьба меня подъ пожъ твой привела,
Быть такъ; но самъ себѣ не сотворю я зла.
Рѣжъ ты. — «Безсовѣстный! губить живую душу
 «Мнѣ патеръ въ праздникъ не велѣлъ.»
— Такъ отпусти. — «Признаться, не хотѣлъ;
 «А видно Богу такъ угодно.
 «Прощай же, до другаго дня;
«Но ты теперъ замѣченъ у меня:
 «Ты поступилъ неблагогородно,
 «И попадись еще мнѣ разъ,
«Припомню все, — и просьбу и отказъ!»

КАТЕНИНЪ.

А Л М А З Ъ.

=

В А С Н Я.

=

Покрытый твердою корою,
 Алмазь на улицѣ лежалъ.
 Идутъ толпы людей, одна вслѣдъ за другою, —
 Никто его не замѣчалъ!
 Но наконецъ алмазь попалъ минералогу:
 Очищенъ, ограненъ, свой блескъ природный взялъ,
 И, благодарность Богу!
 Онъ у царя въ вѣнцѣ блисталъ.

М. СУХАНОВЪ.

Т У Ч А.

=

Ходитъ туча въ синемъ небѣ;
 Смотритъ туча мрачнымъ взоромъ,
 На груди покоя громъ.

«Гдѣ бы лучше», молвитъ туча,
 «Мнѣ растлаться въ синемъ небѣ
 «Молнѣблещущимъ ковромъ?»

Видитъ море. Чернымъ валомъ
 Плещетъ море въ дальній берегъ,
 Ходитъ бѣлою грядой.

«Разостмалась бы надъ моремъ:
 «Не спалить мнѣ синя моря,
 «Не зажечь волны сѣдой.»

Туча дальше. Столпъ гранита,
 Подпирая сине небо,
 Ополсанъ бездной водъ.

«Раздавила бѣ, растопила бѣ
 «Я Атланта; но, могучий;
 «Онъ разрушенъ — не падетъ.»

Туча дальше. Тучны нивы
 Дышать грудью золотою,
 Блещутъ бисеромъ росы.

«Не надъ ними грому грянуть!
 «Пища червя, — имъ ужасенъ
 «И ничтожный взмахъ косы.»

Ходить туча въ синемъ небѣ;
 Смотритъ туча мрачнымъ взоромъ,
 На груди колебля громъ.

«Гдѣ бы лучше,» ропщетъ туча,
 «Мнѣ отгрянуть въ синемъ небѣ
 «Разрушительнымъ ядромъ?»

Видитъ царство. Городъ пышный,
 Семь холмовъ собой раздвинувъ,
 Три рѣки сплотилъ собой.

Шпицы башень блещутъ въ солнцѣ;
 Будто горы — мѣдны стѣны
 Бьются длинною трубой.

Пышность зданій; блескъ уборовъ;
 Шумъ движенія; говоръ людства;
 Громъ тимпановъ и мечей.

Стала туча. Дышетъ гнѣвомъ.
 Меркнетъ солнце отъ движенья
 Мрачно-огненныхъ очей.

«Разстелюсь я надъ холмами,
 «Я всколеблю ось земную,
 «Я разрушу пышный градъ!»

Но могуща сила Вѣры:
 Дряхлый старецъ слабой дланью
 Двиннулъ грозную назадъ!.....

П. ЕРШОВЪ.

Э Л Е Г І Я.

О ты, звѣзда любви, еще на небесахъ,
 Діана не блестишь въ пылнѣтельныхъ лучахъ.
 Долины подъ холмомъ, гдѣ токъ шумитъ игривый,
 Сіяніе пролей на путь мой торопливый.
 Нейду я похищать чужое въ тмѣ почной,
 Иль путника губить преступною рукой;
 Но я люблю, любимъ; мое одно желанье,
 Съ прелестной Нимфою въ тишинѣ найти свиданье,
 Она прекрасныхъ всѣхъ прекраснѣе, милѣй,
 Какъ ты полночныхъ звѣздъ крассоу всѣхъ свѣтлѣй.

И. КОЗЛОВЪ.

П Р О З А.

КАВКАЗСКІЕ ОЧЕРКИ.

V.

ДОРОГА ОТЪ СТАНЦІИ АЛМАЛЫ ДО ПОСТА МУГАНСЫ.

Апрѣль, 1834 года.

Казалось, холмы несли меня впередъ своей зеленою зыбью; принесли, и отхлынули съ берега валомъ. Наконецъ и вдругъ увидѣлъ я потокъ Алазани, — увидѣлъ ожиданно и внезапно. Никогда не забуду тебя, видопись * Алазанской долины; никогда не вспомню безъ умиленія! Далеко, далеко вправо, сливаясь съ синетою, или лучше сказать, изливаясь

* Волею или неволею, а должны принять господа уставщики кавыкъ мое «слово *видопись*, вмѣсто *пейзажъ*, по-крайней-мѣрѣ за урядъ, до изобрѣтенія лучшаго.» *Марлинскій*. — Остроумный авторъ, подъ названіемъ «уставщиковъ», разумѣть вѣроятно не насъ, потому что мы не только не сочиняемъ уставовъ для языка, но даже не вѣримъ мудрости уставовъ, уже сочиненныхъ; рѣшительно отвергаемъ «уставный» книжный языкъ, какъ не-Русскій, произвольный, условный, мертвый, и подчиняемся одному верховному и непогрѣшительному уставу, — современному, живому Русскому языку, лучше, умнѣе и красивѣе котораго не знаемъ ничего въ мірѣ. Что касается до слова *видопись*, вмѣсто «пейзажъ», то оно такъ счастливо, такъ согласно съ духомъ языка, что будетъ принято съ восхищеніемъ и благодарностью всею Россією. Если бъ авторъ не сказалъ, что оно ново, мы бы даже не примѣтили этого, и были бы увѣрены, что оно родилось того же года, мѣсяца и числа, какъ слово *живопись*. Со введенія слова «живопись», которымъ такъ вѣрно передано Греческое *зоо-графія*, слово «видопись» логически уже существовало въ нашемъ язы-

изъ синеты отдаленія, сверкала, вдохновенная горными снѣгами рѣка, и ярче, все ярче, и разливитъ, и быстрѣй, катилась она ко мнѣ, и наконецъ увлекла, закружила очи мои быстриною, будто колеса мельницы. Она разгоралась на бѣгу, краснѣла жаромъ, накалялась, таяла, рдѣла, и уже мимо текла расплавленной мѣдью, брызжа лучами, парами кипя,—столь мутна пескомъ, и столь румяна зарею была она. И вотъ, въ сотнѣ шаговъ влѣвъ, обогнувъ острымъ локтемъ скалу,—Алазань, какъ стыдливая, новмѣстѣ пылая невѣста, кидалась въ объятія крутыхъ береговъ, и въ нихъ исчезала. На мысу подъ деревьями, ожидая очереди на паромъ, отдыхали въ живописныхъ купкахъ конные Ширванскіе *керваны*, * Бакинскіе арбы съ огромными, но легкими колесами, и тяжкія, неуклюжія Грузинскія арбы. Волы, кони и верблюды паслись вблизи, грѣмя колокольчиками. Погонщики, христіане и мусульмане, всѣ съ огромными кинжалами на поясъ, съ винтовками за плечомъ, кто въ желтыхъ Дагестанскихъ сапогахъ, кто въ узкихъ замшанныхъ ноговицахъ и въ лапчинахъ съ круторогими носками,** лѣниво управлялись со вьюками или неподвижно лежали на буркахъ; и только струйки дыма съ ихъ трубокъ доказывали, что они дышатъ. Дикіе голуби кружились, кувыркались,

къ, и только ожидало устъ вдохновенныхъ, которые бы произнесли его и освятили будущую его жизнь крещеніемъ таланта. «Видопись» превосходно выражаетъ и искусство пейзажиста и самый пейзажъ, то есть, «видъ» страны, какъ *живопись* означаетъ вмѣстѣ искусство изображающаго кистью «живыя» фигуры и самую картину съ «живыми» фигурами, потому что Греческое слово *зоографія* или *зография* собственно относится только къ нимъ. *Б. для. Ч.*

* Караваны.

** Полусапожки Лезгинъ и Грузинъ на высокихъ каблукахъ не рѣдко имѣютъ острый носокъ въ четверть длины, какъ во время Карла VII у Французовъ (*poulins*).

хлопали крыльями въ воздухъ. Разбитые на цѣхъ сизыхъ крыльяхъ лучи, словно сыпались врознь яхонтами, изумрудами, рубинами,—и вдругъ эти жильцы воздуха, какъ градины, витою чертой, низрѣвались долу, и доверчиво, и привѣтно воркуя, клевали крошки хлѣба у самыхъ стопъ путниковъ. Суровый Азіятецъ, съ улыбкою во взорѣ, по-тихоньку бросаеъ эти крошки, чтобы не испугать робкихъ птишекъ взмахомъ руки, и я, лакомый Европеецъ, забылъ о голодѣ и ружьѣ своемъ, любуясь на эту картину. Какая-то неизъяснимая, теплая доброта разлита была въ воздухъ; она дышала изъ земли; она проникала и упоила чувства тихимъ свѣтомъ заката; она освѣжала ихъ крыломъ вѣтерка и слышалась въ плесканіи воды. Казалось мнѣ, ни какое враждебное чувство не могло зародиться или проснуться ни въ одномъ живомъ существѣ въ такіа минуты; ни одна злая или печистая мысль не могла всползти на сердце человеческое. Я стоялъ очарованный, какъ Адамъ въ земномъ раю въ первый вечеръ своего бытія, предвкушая сладостный покой сна, однимъ солнцемъ послѣ предвѣчной ночи ничтожества.—Солнце потонуло въ изумрудныхъ волнахъ Кахетискихъ Горъ, и заря,—прекрасный завѣтъ умершаго свѣтила, облила океаномъ розовой воды землю и небо: небо лилось на землю; земля погружалась въ немъ,—и возникала чистая какъ младенецъ изъ купели.

Я очнулся! Паромъ тихо всходилъ на теченіе, бичевою. Лезгинны робко сторонились отъ всплесковъ; кони храпѣли пугливо, и копытомъ скребли помость. Кони и всадники Лезгистана! отчего такъ измѣнились вы менѣе нежели въ полвѣка? Въ старину, вы не спрашивали брода, не ожидали плотовъ, чтобы вторгнуться бурнымъ набѣгомъ въ Грузію. Вплавъ съ крутизны бросались ваши неукротимыя дружины, и гордые кони выносили ихъ на желанный берегъ, не

страшась ни крути, ни быстрины. «Мы свершили омовенье на Алазани, а намазъ на Курь» * пѣли предки ваши, любуясь черноокими плѣнницами, похищенными изъ сердца Грузіи. Теперь не то,—и слава Богу! Теперь вы, трепеща Русскаго штыка, стережете ваши завѣтные ущелія, свои, не разъ Русскимъ пламенемъ сожженные деревни;—только шайки почныхъ разбойниковъ дерзають перекладывать струны, что бы выкрасть изъ сада усталаго селянина или угнать пару запоздавшихъ на нивѣ быковъ. И вамъ, какъ вѣтеръ неуловимые глуходары, ** и вамъ скоро пробьетъ роковой часъ покоя смерти, или покоя бездѣйствія! Огненный мечъ выходитъ уже изъ ноженъ,—мѣдныя пласти разверзають зѣвъ свой,—скоро разыграетъ гибель по хребтамъ вашихъ горъ и пламя войны псушитъ потоки Каръ-сырта*** Много, но недолго литься на Кафъ-казъ дождю кровавому; гроза расцвѣтаетъ тишью, желѣзо бранное будетъ поражать только грудь земли,—и цѣпные мосты повиснутъ черезъ пропасти, надъ которыми страшно было видѣть и радугу,—и

* Этотъ стихъ, необыкновенно вѣрно изображающій скорость пѣска, взятъ изъ одной Аварской пѣсни. Я слышалъ ее на буйной вечеринкѣ у Аслана, хана Казн-Кумыкского, на границѣ Аваріи,—и современемъ передамъ ее моимъ читателямъ вполне. Но чтобы сдѣлать приведенный стихъ понятнымъ для всякаго, я долженъ еще замѣтить, что омовенье совершается мусульманами непосредственно передъ зачатіемъ намаза, или молитвы.

** «Глуходарами» называютъ въ Лезгінъ всѣхъ бездомныхъ удалцевъ, живущихъ на счетъ ближняго для славы или необходимости, то есть, всѣхъ бѣглыхъ отъ кровомщенія, отъ Русскихъ, изъ охоты поназдничать. Это—все равно, что за Терекомъ и Кубанью *абреки*, и напрасно думаютъ иные, указывая на ихъ многочисленность въ Белокани, будто «глуходары» особый народъ, когда они не что иное какъ псургенты, если дѣйствуютъ открыто, и бандитты, когда разбойничаютъ небольшими шайками.

*** *Каръ-сырты*, степовые хребты, но *кара-сыртъ* и *кара-дагъ* значить—черный хребтъ, черная гора.

Валдайскій колокольчикъ загудитъ по крутизнамъ, гдѣ теперь свистятъ только пули.

Дайте Кафъ-казу миръ, и не ищите земнаго рая на Евфратѣ: it is this, it is this!—«онъ здѣсь, онъ здѣсь!»**»

Но ангелъ смерти братъ ангелу мира,—и старшій братъ. Крѣпко стоятъ дома на могильномъ склепѣ; богатыя жатвы всходятъ на полѣ битвы. Я видѣлъ скалу разбитую молніею: изъ трещины брызнулъ ключъ цѣлительной воды,—вотъ Азія. Въ ней, и въ ней одной, справедлива пословица, украденная у судьбы,—«Не щади человѣка для человѣчества!»

Здѣсь умъ возникъ Геркулесовскими столбами и задвигаетъ путь просвѣщенію кремнистой грядою неприемлемости и неподвижности. Гордъ, что переросъ головою животныхъ, онъ выучился только написать—«Не далѣе!», и стоитъ стражемъ у этой безсмыслицы. Дерзкой, жалкой безумецъ! развѣ не слышишь ты отголосковъ Рускаго ура, потрясающихъ твои родимые утесы? Это глаголь судьбы; это безотчетное выраженіе Европы; это переводъ словъ «далѣе» и «впередъ, все впередъ». Уступи или гибни!

Онъ не уступитъ.

Раскинь же на вѣтеръ коршуновы крылья твои, духъ войны; повеселись, сердце богатырское; разгуляйся, ретивый конь! Весело удалому топтать подковою ледяной вѣнецъ горъ, давать имъ новую денницу пожаромъ, кружить скалы своею молніею. Творить—божественно, но и разрушать тоже божественно. Разрушеніе—тукъ для новой, лучшей жизни. Разгарается молотъ, поражая наковальню: какъ же не разгораться намъ, живымъ, мыслящимъ орудіямъ Провидѣнія, перековывающаго земной шаръ въ благо?—Первая!—или—Третья!—или! Гренадеры, шагу! на руку! бѣглымъ шагомъ!—Николай, и побѣда!—Ура!.....Заваль взять, враги пали,—все наше!

** Томасъ Муръ, Light of the Haram.

Мечта, мечта, дитя воспоминанія и предчувствія, куда ты умчала меня!! Все тихо и мирно кругомъ. Здѣсь никто не думаетъ о битвѣ: пабожный бегъ, провожатый мой, сбросилъ съ плечъ свое ружье, послалъ чуху къ ногамъ коня, и, оmyвъ руки по локоть, ноги по колѣна, преклонилъ ихъ для намаза. Мѣрно возникали и стихали въ его голосъ звуки молитвы вдохновеннаго Араба. Молился бегъ, и съ нимъ, вы быскажали, молилась вся окрестность, — въ такую благоговѣйную тишь одѣта была она; такъ все обращено было къ небесамъ, все, отъ молодыхъ листиковъ тополей до хребтовъ Лезгистана. И точно, ступенями въ чертогъ Аллаха всходили они другъ изъ-за-друга, и чѣмъ выше, чѣмъ далѣе отъ земли, тѣмъ болѣе, тѣмъ ярче, тѣмъ небеснѣе становились, и наконецъ опаловидныя вершины ихъ, оживленныя облаками, распустились, закипѣли головками херувимовъ: ихъ была громада, водопадъ, цѣлый міръ, съ голубыми, съ розовыми, съ золотистыми крылушками; они стекали, они лились, они волновались, зарились и погасали, словно капли дождя въ радугѣ. И вотъ всѣ улеглись подъ крыло сумрака. Безгласная гармоника перестала. На распаханное небо палъ занавѣсъ ночи. Сквозь него чуть мерцала уже серебряная полоса снѣговъ, будто фосфорный слѣдъ пролетнаго метеора.

Душа всротилась въ свою раковину. Паромъ причалилъ. *Гайда**!

И тихо ѣхалъ я вдоль рѣки, по благоуханной Алазанской долины, и тихо вставалъ мѣсяцъ надо мною, и тихо было въ душѣ моей: на меня канулъ часъ самоабвенія, въ который наслаждаешься созерцаніемъ

* Я думаю, почти всѣ читатели знаютъ, что Турецкое, или, если угодно, Татарское, восклицаніе *гайдъ*, *гай-да*, значить — ну! ну же! ступай! Тѣ, кому это не извѣстно, могутъ вспомнить, что сами они часто употребляютъ его, восклицая напримѣръ, — *ай-да* молодець! А изъ этого слѣдуетъ, что они, себѣ невѣдомо, прекрасно говорятъ и пишутъ по-Татарски.

природы сквозь дрему и покоемъ сна безъ мечтаній. Тогда я не слышалъ на себѣ тѣла, не чувствовалъ въ груди бѣенія сердца; кажется, я составлялъ тогда одно съ природою, — сладостное, безотчетное бытіе, — бытіе, котораго нельзя ни опредѣлить словомъ, ни измѣрить часами, потому что граница и мѣра суть ужѣ отрицательныя частицы вѣчности и пространства, которымъ одна только мысль можетъ ссужать условную цѣну. Можно ли измѣрить неизмѣримость взмахомъ маятника или погономъ сажени?

И не знаю, долго, коротко ли длился этотъ часъ самозабвенія, которымъ такъ неожиданно подарилъ меня Богъ. Была ночь; прелестная южная ночь, когда произошло разлученіе я отъ не-я. Мѣсяцъ, какъ усталый пловецъ, пробивался сквозь буруны облаковъ, а они, расшибаясь о грудь его, озарялись на мигъ блѣднымъ пламенемъ, точно фосфороносныя всплески моря. Выбравшись снова на раздолье, онъ гордо и покойно плылъ въ синей безднѣ; и снова плескалъ таинственнымъ свѣтомъ на купы горъ, на букеты деревъ, еще не замитыхъ въ туманы; и снова набрасывалъ обманчивые мосты тѣней черезъ обрывы и ущелія въ міръ духовъ и мечтаній.

И дивны были пѣсни этихъ духовъ, плѣнительны хороводы этихъ мечтаній!..... Но я не перескажу ихъ, не опишу ихъ людямъ. Я заглянулъ въ очарованіе того міра, подслушалъ поэзію его; но въ этомъ мірѣ нѣтъ красокъ, нѣтъ струнъ для выраженія небесъ. Нѣтъ у меня луча солнечнаго вмѣсто кисти, нѣтъ звѣздъ вмѣсто словъ.

Но были у меня и земныя мечты, пышныя, свѣжія душистыя, — вспырынутыя росой надежды; — мечты, отъ которыхъ прыгаетъ сердце какъ благородный конь при звукѣ боевой трубы. Были, — но и тѣхъ не отдамъ я свѣту. Не даровыя и не продажныя они, а завѣтныя. О, не спрашивай меня, красавица — «что за-

вѣту?» — Огнемъ очей своихъ ты привыкла уже топить въ пѣмѣну клятвы, данныя другимъ; поты прежде сожжешь въ пепелъ мое сердце, чѣмъ даромъ похитишь изъ него тайну. Я мягче воска принимаю впечатлѣнія: зато я крѣпче стали храню ихъ; и они чуднѣе, драгоценнѣе печати Соломоновой. Многое дамъ, многое потребую, красавица! Подумай. Я не возьму отъ тебя алмазной серги, не возьму вѣнца золотого, не хочу цвѣтнаго пояса; я шепну тебѣ слово на ухо, — и кромѣ этого слова, тяжелы тебѣ станутъ всѣ серги въ свѣтѣ; я вложу тебѣ въ голову мысли, которыя пробьются на чело звѣздистыми лучами; я обвою тебя новымъ чувствомъ, сотканнымъ изъ прелести и радости, — и потомъ ты не потерпишь инаго пояса на сердце. Затвою улыбку готовъ я отдать жизнь, за поцѣлуй — счастье жизни; но и за это не отдамъ я тебѣ завѣтныхъ своихъ мечтаній..... Еще ли хочешь знать — «Что завѣту!»

Тррръ!..... трахъ!!..... *Бураданъ, агд!*..... *серъ гисайъ, агд!* «Вотъ здѣсь! Осторожнѣе, сударь!» — кричитъ мой проводникъ. Вотъ тебѣ и разъ! — осторожнѣе! — конь мой провалился сквозь кровлю землянки, вырытой въ скатъ горы! Трескъ, шумъ, крикъ подо мною. — «Кого это чортъ принесъ? А-ли у васъ головы въ торокахъ? А-ли вы звѣзды считали?» пицаль изъ подъ земли хриплый голосъ.

Послѣднее обвиненіе однако жъ было напрасно; если бъ я и хотѣлъ считать звѣзды, то не могъ бы: мѣсяцъ уже закатился, а небо подернулось тучами. Не могъ и ничего видѣть подъ ногами, — такая темнота потопила землю. Въ остальномъ виноватъ: занявъ сердечнымъ торгомъ, я не замѣтилъ, что проводникъ объѣхалъ вправо, — и я — бухъ, задними ногами коня, въ плетеную крышу казачьяго поста. Впрочемъ, когда дѣло зайдетъ о взаимности красавицы, я, не по

разсѣянію, а нарочно готовъ прыгнуть въ огонь и въ воду..... Вы сомнѣваетесь, сударыня? Испытайте.

Къ счастью, пробивъ глыбу земли, конь мой зацѣпился за перекладину, и, ободренный двумя ударами плети, удачно выскочилъ на твердую землю. Ну, пріѣхали!

Очень весело, что пріѣхали! хоть бы этотъ дрянной постъ еще ушелъ на версту въ землю, я бы не подосадовалъ: а то чортъ надоумилъ его сунуться ко мнѣ подъ ноги, когда моя поэтическая мѣна шла къ такой счастливой развязкѣ! И вотъ судьба всего земнаго. Послѣ шампанскаго — головная боль. Послѣ поцѣлуя свиданія — слеза разлуки. Послѣ каждого наслажденія, тѣмъ болѣе сладкаго, чѣмъ оно завѣтище, — сожалѣнье или раскаяніе. Послѣ роскошной природы и обаятельныхъ живчиковъ, — мечтаній моихъ, — грязная землянка, хмѣльные казаки, сверчки и мыши!

И вотъ ощую, какъ воробей на огонь, попалъ я въ почтовую хату. Если когда-нибудь воображалъ я себя Браминскій страннопріимный домъ для всякой гадины, то онъ представлялся мнѣ не иначе, какъ въ видѣ Закавказскаго казачьяго поста. Вообразите себя яму, накрытую суковатыми пнями, на которые, сверхъ черствыхъ вѣтокъ, навалена груда земли: вотъ вамъ нашъ караванъ-сарай, безъ насмѣшки. Свѣтъ вмѣстѣ съ вѣтромъ, какъ нищій стучится въ наземное оконце, заклеенное промасленнымъ рапортомъ. Люди чуть не ползкомъ пробираются въ конячью лазейку, изъ лести называемую дверью. И ужъ эта мнѣ дверь! Ворчитъ, ворчитъ проклятая, словно брюзгливая старуха; нето, заведетъ непрошеную пѣсню, да и давай прихлопывать да прищелкивать разохшимися досками: того и гляди, пойдетъ въ присядку. Совершивъ невольное челобитье притолокѣ, вы наконецъ входите въ приказную хату съ шишкою на лбу и при свѣтѣ искорь, которыя еще сыплются у васъ изъ глазъ, за-

мѣчаете направо и налево петесаныя нары, которыя обѣщаютъ взборонить вамъ бока своими сучьями,—и вѣрно сдержатъ слово. Между нихъ столъ, хромою и кривоногій отъ рожденія, изувѣченный и разбитый отъ походовъ, но, несмотря на свою скрышучую хилость, такой злой, что готовъ укусить васъ за пальцы оскаленными трещинами. Слосная грязь покрываетъ лице его разноцвѣтнымъ жиромъ,—и тутъ-то, какъ на сковородѣ блинъ, прѣтѣтъ паспортная книга въ здобномъ переплетѣ. На одномъ вискѣ стола помадная банка, и въ ней—перо, промокшее до хвостика, вливается, словно пискарь, въ чернильную тину. На другомъ, растоптанная, изъ бумаги сложенная коробочка, наполненная веществомъ, надъ которымъ призадумался бы самой лихой минералогъ. Не надо подсказывать, что это чернильница и песочница: вы легко угадаете должность первой позастарѣлой коросты, покрывающей ее черною чешуею, а назначеніе второй,—по струямъ золы, дресвы и всякой дряни, изверженныхъ изъ этой пылью-дышащей сопки. Посреди нихъ, въ кочерыжкѣ за урядъ подсвѣчника, оплываетъ огрызѣнная крысами свѣча, и хоть очень плохо свѣтитъ, зато ужъ трещитъ на славу,—будто хвастаетъ сосѣдкамъ своимъ, что она еще не спитъ. Теперь не угодно ли вслѣдъ за этой рѣзвою мышкой погулять взорами по стѣнамъ. Стѣны землянки могли бы стать золотымъ рудникомъ для Бальзака. Что въ нихъ за роскошь неопрятности,—что за разнообразіе грязи,—смазанной, недомазанной, торчащей, отпавшей,—то въ промежуткахъ тростника и хвороста,—то въ трещинахъ уродливой, кривобокой, печки, которая, кажется, кашляетъ трубою и что-то шепчетъ надъ горшечкомъ съ сальною ваксою, назначенною для смазки уздѣ, лядунокъ и сѣделъ,—хоть они, вѣчно въ прозелень отъ сырости, качаются кругомъ на стопкахъ. Тамъ же, нанизанные какъ грибы на нитку, шеве-

лятся листки предписаній кордонныхъ начальниковъ постовымъ, — лавровый и терновый вѣнокъ казачьей службы. Съ потолка, соперничая съ ними, спускаются, вѣются, переплетаются, падаютъ тѣсныя и кружева паутины, мохнатой пылью, изорванной вѣтромъ въ лоскутки. И такая ихъ тамъ пропасть, что невольно подумаешь — хитрой народъ эти Донцы! хотятъ вѣрно подорвать замысловатаго французика, — сами заводятъ фабрику шелковыхъ пауковъ! Посидите подъ такимъ занавѣсомъ четверть часа: каждый ударъ дверию будетъ насыпать на васъ цѣлую мятель сору, пыли и паутины, такъ, что вы не успѣете отчихиваться, отряхиваться и протирать глаза.

И надо примолвить, какъ вся эта пещера смотритъ кисло, чахло, сторблено, старо; какъ все пахнетъ развалиною, хотя не время, а лѣнь дала ей морщины и плесень. Щетинистый мохъ просѣдаетъ вездѣ, — точь-въ-точь небритая борода у будочника. Грязный потъ каплетъ и сочится сквозь всѣ поры, будто съ лица пьянушки. Какой-то прѣлый запахъ, — смѣсь передбанника съ казармою, поражаетъ ольфактивные нервы чиханьемъ, и долго послѣ преслѣдуетъ васъ ѣдкостью своею, выпаряясь изъ платья. И по всѣмъ угламъ кучи сору, прозсрливо и хозяйственно сметенныя, чтобы въ случаѣ праздничнаго паденія съ койки, служили изголовьемъ хмѣльному товарищу и спасали отъ носокрушенія всѣхъ путешествующихъ по изрытому богатырскими коблуками дну землянки. Вотъ краткой очеркъ поста за Кавказомъ. Носколькохъ тутъ не достаесть тѣней и подробностей!

И, ни-дать ни-взять, такого разбора землянка привѣтливо разстегнула мнѣ свои двери. Меня встрѣтила какая-то веселая фигура въ офицерской шинели, наброшенной сверхъ необходимостей, еще неудобостенныхъ называться одеждою.

— Сюда-съ! Милости просимъ, сюда! бормотала она, сбрасывая рукой съ головы комки глины. Ну, батюшка, напугали же вы насъ! Мы думали, небо рушится. Да и васъ еще Богъ помиловаль: а то, чортъ возьми, чуть-чуть не брякнулись вы прямо въ ендову сквозь кровлю!

Ендова въ самомъ дѣлѣ чинно стояла на столикѣ, и посреди ея возникалъ новозданной островокъ, обломки комсты, сорванный подковою моего коня съ потолка: только Кахетинское это озеро обмелѣло, по всѣмъ примѣтамъ, гораздо ранѣе землетрясенія.

— Да оно и не мудрено-съ, впрочемъ, такъ сказать! Тьма такая, что кротъ хвоста своего не увидить. Заблудеши въ гору, а попадеши въ нору. Снимайте-ко оружіе, да не угодно ли прилечь?

Я извинился и благодарилъ, а между-тѣмъ, глазами нырялъ и плавалъ вокругъ и въ глубину, прощупывая однимъ взглядомъ и устрицу, и скалу, къ которой она прироста. Недаромъ сказапо—на ловца и звѣрь бѣжитъ! Донцы эти—чудаки хоть куда.

На одной койкѣ сидѣлъ усатый урядникъ, уже испившій до дна чару гнѣва Божія: онъ сдва подергивалъ отяжелѣвшими вѣками, и мѣрно качаясь надъ ендовою, собирался, кажется, удить изъ ней рыбу носомъ. Напротивъ, хорунжій,—такъ онъ отрекомендовался мнѣ,—былъ еще только на-веселъ, маячилъ безпрестанно по землянкѣ, и говорилъ безъ умолку. Онъ былъ человекъ лѣтъ тридцати, и маленькій, тщедушный и до того безплотный, что монастырскій котъ могъ бы его съѣсть въ пятницу, не оскоромившись. Его рыжіе волосы, обсахаренные известкой и паутиной, торчали артишокомъ. Блѣдное лицо, на которомъ веснушки и рябины дрались за каждую точку, украшено было за то краснымъ носомъ, куда весь румянецъ его существа перебрался для совместнаго служенія съ родимымъ пятномъ сургучнаго цвѣта, такъ,

что издали его физіономія очень походила на запечатанный пакетъ съ надписью — «о нужномъ». Глаза у него свѣтились и катались какъ два серебряные пяточка, а усы,—явная эпиграмма нащетки, передергивались съ необыкновенною выразительностью. Разглядывая пристальнѣе эти рыжіе усы, я могъ повторять уроки геологіи и возсоздать за цѣлыя три дня исторію объѣдовъ господина хорунжаго, потому что, играя навѣрняка въ половинѣ съ зубами, его усы намывкою и осадкою сохранили въ себѣ остатки всего, что онъ изволилъ кушать, начиная съ бѣлужьей косточки до зеренъ гречневой каши,—что, слѣплено будучи дрожжами краснаго вина, составило очень любопытный конгломератъ.

Не успѣлъ еще я вкусить Китайскаго нектара изъ фузы какого-нибудь Чу-кин-цына, а хорунжіи наговорили ужъ мнѣ три погибели. Волею, и неволею узналъ я, что его резиденція Закаталы, Русская крѣпость Джарской Области, и что онъ по-крайней-мѣрѣ въ собственномъ мнѣніи, знаменитая особа, такъ, что генераль посылаетъ его только по самымъ важнымъ дѣламъ.

— Вотъ и теперь я прибылъ сюда, говорилъ онъ, гордо охорашиваясь: по экстренному случаю.....

— Ужъ нѣтъ ли гдѣ возмущенія? спросилъ я.

— Да-съ! По случаю возмущенія воды въ Алазани и ранняго разлива, генераль поручилъ мнѣ высморить канаты для паромъ. Скачу-съ, сломя голову; пріѣзжаю,—и чтожъ бы вы думали? Вотъ ужъ двѣ недѣли дожидаюсь инструментовъ для осмолки: вода утекаетъ, а паромъ течетъ!

— Какихъ же это инструментовъ?

— Смолы и котловъ-съ. Здѣсь, кромѣ этого котелка, ни какого не оказалось..... Не угодно ли нашей похлебочки-съ отвѣдать? Дѣло походное-съ.

Дрожь меня взяла, когда я взглянулъ въ мутную влагу, гдѣ подъ жирными звѣздами грозно выглядывалъ блуждѣющій глазъ и мелькали утопленные сухари.

— Благодарю, возразилъ я. Я никогда не ѣмъ на ночь горячаго. Мнѣ сейчасъ подадутъ фазана, подстрѣленнаго за Алазанью.

Между многими множествомъ чепухи, этотъ хорушій разсказалъ мнѣ одинъ забавный анекдотъ. Казацкій полкъ ***ва, въ послѣднюю войну противъ Польскихъ мятежниковъ, въ дѣлѣ подъ ***мъ, былъ сбитъ сильнымъ натискомъ кавалеріи. Полковой писарь улепетывалъ въ числѣ прочихъ; увидавъ, что истомленная лошадевка его пристала, а испріятель на хвостъ, молодецки крикнулъ: «Стой, товарищи, стой! Вспомните, что у меня сумка съ вашимъ жалованьемъ и фуражными, а я не тронусь съ мѣста!» Эта вѣсть какъ электрическая искра пробѣжала по сердцамъ бѣгущихъ, и они лавою ударили назадъ, смяли Поляковъ и, увлеченные вновь отвагою, далеко ихъ преслѣдовали и кучу перерубили. Конечно, это не стоитъ жезла маршала Вилларса, брошеннаго въ схватку, чтобы заставить своихъ идти впередъ, ни догадки Суворова, который, видя бѣгущихъ своихъ гренадеровъ, кричалъ имъ — Славно, братцы! лихо! Заманивай ихъ! заманивай! Ну теперь стой! Въ штыки!..... помилуй Богъ! Впередъ! — и, разумѣется преслѣдователи были стоптаны. Но это доказываетъ, отъ какихъ ничтожныхъ вещей зависитъ иногда побѣда:

Кстати о писаряхъ: отъ многихъ встрѣчъ съ Донцами, не исключая послѣдней, въ меня всѣдается горькое убѣжденіе, что чернильная ржавчина грызетъ булатъ, когда-то страшный Туркамъ и Французамъ. Легче достигая до эполетъ перомъ нежели пикою, Донцы привыкають теперь хвалиться болѣе крючковтворствомъ, чѣмъ удалствомъ. И мой рыжеволосый,

герой измучилъ меня похвальбою о своемъ всезнаніи канцелярскаго порядка.

— Да, батюшка! я не даромъ служилъ четырнадцать лѣтъ писаремъ: всѣ заголовки у меня въ головѣ, каждый самъ по себѣ. Вотъ, на примѣръ, письмо такъ письмо: «Милостивый государь», или Милостивѣйшій государь», — а иному такъ и «Государь мой» завернуть, — да и пошелъ ваять. Ну, а просьбамъ просьба: «Потитулъ: просить такой-то, имярекъ, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты.» Пунктъ первый: «Имѣя ревностное желаніе.....»

Я подсунулъ оратору вновь наполненную мною ендову, и чернила слились съ краснымъ виномъ. Я заснулъ на коврѣ своемъ при плескѣ купающихся въ ендовѣ пунктовъ, при чахотномъ кашлѣ печки, которая, кажется, подавилась кирпичемъ, служащимъ изъ одной чести за выюшку, и подъ шопоть стѣнъ, которыя пыхтели на меня изъ всѣхъ щелей и, къ великому моему удовольствію, задули наконецъ свѣчку.

Румяная заря, прокравшись въ землянку на цыпочкахъ и не тревожа замка, сквозь расстѣлину двери, давно ужъ хозяйничала и егостила вокругъ моей кровати; а я еще бралъ на храпокъ у Морфея утренніе маки. Наконецъ я почувствовалъ на своихъ щекахъ свѣжій поцѣлуй богини, и весело встрепенулся. Запей, — она въ поле, — играетъ, рѣзвится, вѣетъ своею газовою мантилею, брызжетъ душистою росой: потомъ поманила вдаль розовою перчаткою и взвилась въ поднебесье жаворонкомъ.

— «Коня, коня! Полцарства за коня*!»

И борзый конь взвился подо мною.

=

* A horse, a horse, a kingdom for a horse! (*Richard the III*).

VI.

ОНЪ БЫЛЪ УБИТЪ.

«Отъ праха взять, ты снова станешь прахомъ!»
Но вѣчно ли? но весь ли я? мой взоръ,
Невѣдомымъ одолевая страхомъ,
Таинственный читаетъ приговоръ.
Ужели духъ и мысли чада свѣта
Не убѣгутъ тѣлѣтворнаго завѣта?

А. Б.

Онъ былъ убитъ, бѣдный молодой человекъ! убитъ наповаль! Впереди всѣхъ бросился онъ на засаду — и назади всѣхъ остался; остался въ тѣсномъ кружкѣ храбрыхъ, легшихъ трупомъ съ нимъ рядомъ. Я зналъ его отвагу, я зналъ быстроту коня его, — и удивленный, не видя его передъ собою, проникнутый холодомъ страшнаго предчувствія, оглянулся назадъ: въ дыму, окровавленномъ выстрѣлами, сверкнуло мнѣ лицо друга; желѣзная рука смерти на всемъ скаку осадила его разгоряченнаго бѣгуна; задернуть, онъ сталъ на дыбы, и пораженный всадникъ падалъ съ него, качаясь. Я едва успѣлъ оборотить своего коня, едва успѣлъ сброситься съ сѣдла, чтобы принять на руки несчастнаго. Тихо опускаю его на землю, — гляжу, — глаза закатились; не слышитъ, не дышитъ онъ..... Рву сюртукъ, раздираю на груди рубашку: нѣтъ надежды! — Свинецъ пробилъ сердце на вылетъ, — самое сердце!! И еще около насъ свистали вражескія пули, еще игра и громъ стрѣльбы раздирали воздухъ, а ужъ того, къѣмъ было начато это ура, кто вызвалъ эти выстрѣлы, не стало! Быстрѣе пули умчался онъ, исчезъ кратче звука. Но и пролетный звукъ оживаетъ хотя на мигъ въ отголоскѣ: неужели жъ ты, прекрасная душа, не оставила по себѣ ни какого слѣда? Ужели нѣтъ тебѣ на землѣ ни эха, ни тѣни?

Я съ горькою тоской смотрѣлъ на убитаго и думалъ: Развѣ тѣнь или отголосокъ души, это гордое, выразительное лице, съ котораго кончина не успѣла еще стереть пылаго, боеваго румянца, сорвать улыбки безстрашія? Но пусть пролежитъ на немъ одна ночь, пусть только вампиръ — тлѣніе насосетъ на немъ багровыя пятна, сомнетъ его своими ледяными перстами, и кто узнаетъ тогда, въ обезображенномъ обликѣ, вчерашняго товарища? Черезъ три дня это стройное тѣло, въ которомъ только-что гаснеть теплота жизни, только-что замираетъ біеніе силы, будетъ пиршествомъ червей и ужасомъ взоровъ.

Я освободилъ изъ оледенѣвшей руки мертвеца рукоять пашки: на клинкѣ было написано имя того, кто за мигъ владѣлъ имъ.

И брусъ непримѣтно источить этотъ булатъ, и ржавчина догрызетъ остальное. Нѣтъ пощады ни мечу, ни рукѣ, вращавшей его, ни имени того, кѣмъ былъ онъ страшенъ когда-то!

И потомъ, что такое имя? Павшій листъ между осенними листьями, — волна между волнами океана, — флагъ тонущаго корабля, который на минуту вѣется надъ бездною: мелькнулъ, — и пѣть его! Забвеніе пожираетъ память, какъ смерть — существованье; но смерть есть только переходъ изъ одного бытія въ другое, возрожденіе Феникса изъ пепела, а забвеніе, — безымянная могила, — свинцовый гробъ, ничего не отдающій стихіямъ, — бездонная и вѣчно ненасытная пасть ничтожества. Въ газетахъ напечатаютъ: Такой-то, убитый въ сраженіи противъ Горцевъ, неключается изъ списковъ.» Товарищи когда-нибудь вспомнятъ о немъ между трубкою и стаканомъ. Потомъ и память умереть въ нихъ о погибшемъ, или сами они умрутъ и сгинутъ: вотъ и все!

Безотрадная истина!

Вирочемъ, не всѣ имена тонуть въ забвеніи? Конечно не всѣ! Что жъ изъ этого? Звѣзды имѣютъ лучи вмѣсто крыльевъ, чтобъ перелетать бездны неба; слава на воздушномъ шарѣ переноситъ любимцевъ своихъ черезъ море въковъ; — но только любимцевъ, только баювней, а слава прихотлива какъ женщина, и у ней, какъ у Фортуны, завязаны глаза: другъ мой не попался ей подъ руку; онъ не выслужилъ у нея ни желѣзнаго вѣнца Чингисъ-Хана, ни петли Ваньки Каина. Не успѣлъ онъ взять ее за себя какъ награду, или похитить какъ добычу. Онъ былъ только добрый, благородный, умный человекъ, — какихъ мало, — и храбрый офицеръ, — какихъ много. Онъ умеръ, онъ умеръ весь.

Что же значить имя, сорванное смертію на самомъ востокѣ? Имя, ни разу не написанное кровью на знаменахъ, или лучами на скрываляхъ законовъ? Имя, которое не звучало пѣснію на устахъ красавицы, не заставляло биться сердца юноши, не давало важныхъ думъ старику? Имя, которое не летѣло перуномъ, не горѣло звѣздой путеводною, не было пригвождено къ столбу изумляющаго позора? Словомъ, имя, никогда не утомлявшее всесвѣтной или народной молвы? Что, если не звукъ, невозбуждающій мысли; іероглифъ безъ значенія; погребальная урна, изъ которой самый прахъ разнесенъ вѣтромъ!

И такъ, бѣдный другъ мой, ты осужденъ судьбою на забвеніе, на всегдашнее забвеніе! На ничтожество, на вѣчное ничтожество! Тяжело не только говорить «прости» мертвецу, но прощаться даже съ памятью умершаго, но предавать его тлѣнію земли, на которой онъ цвѣлъ, забвенію міра, которому онъ былъ красою. О, это ужасно!..... Это несправедливо! сказалъ бы я, если бъ не вѣровалъ въ будущую жизнь.

Правда, ничто не вѣчно на свѣтѣ: не вѣченъ и самый свѣтъ. Постарѣетъ онъ и выживетъ изъ памя-

ти, забудеть знаменитыхъ мужей давнихъ временъ. Одряхлѣеть, оледенѣть наконецъ самъ, и умереть послѣ потомковъ своихъ, — стихій, существъ, дѣяній, мыслей; и долго будетъ спать самъ безъ дѣйствія, одѣянный кладбищемъ природы какъ саваномъ, куда голосъ Бога Живаго не воззоветъ его изъ лона смерти и, очистивъ купелью водъ или пламени, не благословитъ на новую жизнь.

Не все ли жъ равно искать земной славы, что желать упрочить свой образъ на зеркальной поверхности мыльнаго пузыря? Онъ лопнетъ, — и прощай портретъ нашъ; свѣтъ разрушится, — и надъ его развалинами погибнуть всѣ мечты, всѣ произведенія людей. Все Божеское и человѣческое сольется въ одну недѣлимую, хаотическую толщу, надъ которою только око Провидѣнія прочтетъ надпись — «Припасъ для будущихъ міровъ.»

И ты уже достигъ до этого роковаго равенства, погибшій другъ мой! До равенства, которое мечемъ Дамокла грозитъ пасть на все живое. Мигъ или миллионъ лѣтъ — одно для мертвецовъ. Время существуетъ только для того, кто существуетъ.

Ты скончался для міра, и въ тотъ же мигъ міръ кончился для тебя, исчезъ со всѣми своими радостями и обольщеніями, — зато со всѣми бѣдствіями и муками: грезы счастья и величіе не тревожатъ покоя могилы. Тамъ есть черви, но нѣтъ змѣй; тамъ разрушеніе совершается безъ терзаній.

Зачѣмъ же закинуто во всѣ сердца желаніе продлить свое существованіе за черту смерти, повториться въ дѣтяхъ, въ дѣяніяхъ, въ мраморѣ, въ бронзѣ, въ подражаніи, въ памяти друзей, въ молвѣ народной? Зачѣмъ ученый истощаетъ жизнь свою надъ книгами, воинъ умираетъ на щитѣ, изувѣръ самоубійствуетъ въ пустынь плоть свою? Для чего, если не для памяти, не для славы? Подъ тысячами различныхъ предло-

говъ кроется это желаніе, но оно врожденно человѣку и обще вѣмъ народамъ, а и самыя заблужденія чело-вѣческія непремѣнно основаны на какой нибудь зате-рянной или неразгаданной или худо-понятой истинѣ. Жажда славы есть потребность любви за гробомъ. Слава есть любовь настоящаго къ минувшему, — любовь тѣмъ чистѣйшая, что она безкорыстна и справедлива; тѣмъ болѣе дивная, что она ожив-ляетъ своимъ дыханіемъ пылинки пепла въ искры вдохновенія, и разсыпаетъ ихъ съ лучезарныхъ крыльевъ своихъ въ души потомковъ, какъ сѣмена всего прекраснаго, добраго и высокаго. Чувствуете ли вы, сколько отрадной поэзіи въ этомъ томленіи, въ этой страсти чело-вѣка къ отдаленной, но дорогой взаимности незнаемыхъ имъ поколѣній, родственныхъ ему только по душѣ? сколько святости въ неподкуп-номъ поклоненіи этихъ поколѣній памяти чело-вѣка, отъ котораго они уже не ждутъ ничего кромѣ при-мѣра? И почему знать: можетъ, эта живая, электри-ческая связь, соединяющая міръ прошлаго съ міромъ грядущаго, скуется до самаго неба, и каждый разъ, когда Провидѣніе допускаетъ дальнихъ потомковъ прибавить нѣсколько колецъ достойныхъ подвиговъ или высокихъ мыслей къ этой цѣпи воспоминанія прежнихъ достойныхъ подвиговъ и прежнихъ свѣ-лыхъ открытій,—можетъ быть, говорю я, эфирная часть умершихъ виновниковъ, зачателей всего этого, гдѣ бы ни витала она, чувствуетъ сладостное потря-сеніе, вѣнчающее и на землѣ райскій мигъ творенія.

Лестная мечта!.....

Но неужели одному величію дано двѣ жизни на этомъ свѣтѣ? Ужели звонъ трубы только, долетаетъ до того свѣта? А тайное, горячее чувство любви, а ни-кому невѣдомое самоотверженіе дружбы, а неподслу-шанныя свѣтомъ новыя мысли, погибнуть и навсе-гда, потому что они не были славны, не были громки?

не повторятся ни одними устами? не отзовутся ни въ чьемъ сердцѣ? О нѣтъ, вѣрно нѣтъ! Прекрасное, сильное, свѣтлое—прекрасно, сильно, свѣтло во всѣхъ размѣрахъ: ты не исчезнешь безъ слѣда, безъ тѣни, безъ отголоска, благородный, несчастный другъ! Горы Кавказа отражаютъ грохотъ перуновъ и говоръ соловья. Въ морѣ такъ же ясно видится вѣчное солнце какъ и перелетная искра. Въ сердцѣ человѣческомъ есть струна для Байрона и для тебя, есть слеза для удивленія и для участія. Я брошу въ вихорь свѣта многіе листки, вырванные изъ твоего денника, какъ невольную дань твою свѣту, и счастливъ я, если эти небрежныя строки хоть на мигъ приманятъ къ себѣ взоръ и душу красавицы, извлекутъ хоть одинъ, но глубокий вздохъ изъ груди влюбленнаго! Вдвое счастливъ, если это безмолвное сострастіе сердецъ, кипучихъ жизнью, съ сердцемъ, давно истлѣвшимъ, порадуетъ тѣнь твою, или заставитъ вспыхнуть твою душу въ новомъ бытіи сладкимъ пламенемъ, какъ вспыхиваетъ пламя, когда брызнуть на него ароматнымъ масломъ!.....

=

VII.

ОТРЫВКИ.

Хотятъ, чтобъ я сталъ писателемъ! Но знаютъ ли эти совѣтники, какъ тяжело писать челоѣку съ душою и для души? Знаютъ ли, что дарованіе есть бытіе автора, и что онъ расточаетъ для забавы свѣта лучшія мгновенія этого бытія, отравляя заботами остальные? Пишутъ или изъ памяти, или изъ воображенія: но что такое воображеніе, какъ не память вскипающая, улетученная пламенемъ сердца? А много ли красныхъ дней насчитаетъ въ минувшемъ гордая, раз-

дражительная душа поэта писателя? Есть у него воспоминанія—цвѣты, но есть и воспоминанія—раны. И эти раны растрavляются, точать кровь, и опять горятъ, и мучительно ноютъ, когда срываешь съ нихъ перевязку забвенія или равнодушія; когда безошадный сондъ любопытства проникаетъ въ ихъ завѣтную глубину. Таковы рапы, нанесенныя рукою судьбы, жаломъ злобы или измѣны. Но легче ли рапы отъ стрѣлъ любимыхъ склонностей нашихъ? Радостно ли вспомнить въ бѣдѣ объ улѣтѣвшихъ минутахъ блаженствъ, перегарать въ одиночествѣ страстью къ той, съ которой уже давно разлучены и никогда не увидимся? Каково думать въ жаждѣ совѣтовъ или утѣшеній друга—«О, если бы онъ былъ теперь со мною!» и находить, вмѣсто его живительнаго взора, въ очахъ своихъ, слезу о его гибели? Возмись только за перо, вздумай только описать, что случилось когда-то съ тобою или могло случиться съ другими, — и всѣ воспоминанія подымутся толпой, званья и незванья, желанныя и неожиданныя, и станутъ передъ тобою какъ духи, вызванные неопытнымъ чародѣемъ, который уже не въ силахъ съ ними совладѣть. Озаренные блѣднымъ мѣсяцемъ минувшаго, эти мертвецы начинаютъ свою страшную, галваническую пляску. Есть вѣнки на ихъ черепахъ, но они подернуты прахомъ могилы, они пахнутъ тлѣніемъ. Есть улыбка, но она ползаетъ какъ червякъ по окостѣнѣвшимъ устамъ. Какъ заступъ о гробовую крышку звучить въ живомъ сердцѣ ихъ голосъ; ихъ ласки обливаются морозомъ..... И вы хотите, чтобы я игралъ костями и пѣлъ, подобно Гамлетовымъ гробоскопамъ? что бы я писалъ портреты съ мертвецевъ? чтобы я изъ пепла строилъ великолѣпные замки, былъ веселъ, когда мнѣ хочется плакать, разсыпался въ роскошныхъ описаніяхъ, когда сущность моя такъ бѣдна, когда у меня нѣтъ пасущей крупинки радости? Всесильно,

разнообразно воображеніе, когда оно творить изъ настоящаго; но мутенъ и слабъ ключъ его, если онъ течетъ сквозь могилу.

Я сказалъ, есть воспоминанія — цвѣты, но эти живые цвѣты любимыхъ заблужденій и невинныхъ грѣховъ юности росли на сердцѣ. Отрывая ихъ съ корня, чтобы перенести на бумагу, мы разрываемъ сердце, и ни свои, ни чужія слезы не оживятъ этихъ цвѣтовъ теплаго края подъ холодомъ свѣтскимъ, не заживятъ ранъ осиротѣлой почвы.

И свѣтъ назоветъ эту тяжкую исповѣдь сказкою, если авторъ облечетъ свои страсти въ вымышленныя имена, и не повѣритъ ей, если онъ признается въ былинѣ, подъ собственнымъ. Свѣтъ такъ привыкъ слышать и говорить ложь, что отъ него лучшая похвала генію — какъ онъ мастерски прикидывается чѣмъ захочетъ! какъ искусно умѣетъ скрывать или передразнивать всѣ чувства!

И свѣтъ думаетъ, что писать исторію сердца такъ же легко, какъ вплетать ябеды, какъ точить привѣтствія, какъ печатать ситецъ. О, если бѣ люди могли, не говорю почувствовать, не говорю разсудить, но только разглядѣть, что свѣтильникъ тѣмъ скорѣе сгараетъ, чѣмъ болѣе бросаетъ искръ и лучей вокругъ; что сочинитель тратитъ душу свою въ звукахъ; что, можетъ-быть, онъ пишетъ кровью и слезами, и что на страницахъ, внушенныхъ тоскою, еще трепещутся обрывки его сердца, какъ нѣкогда трепетали кусочки Геркулесовой кожи, напитанной ядовитою мазью одежды, присланной ему коварною любовницею, — то, какъ ни себялюбивы они, какъ ни любопытны, какъ ни безжалостны люди во всемъ, что сулитъ имъ новую забаву или чудное потрясеніе, а рѣшились бы упротить поэта молчать, все еще жадничая его раз-

сказовъ. Тяжело таить на сердцахъ угли безнадежной любви и холодно улыбаться; внимать стону собственнаго сердца, и въ то же время слушать чужія нелѣпости; небрежно поправлять волосы, когда подъ ними кипятъ ядовитыя думы; молчать, когда бушующія, воспламененныя чувства готовы разорвать грудь и пролиться лавою признанія; но еще тяжелѣе, гораздо тяжелѣе, ужаснѣе, выражать все это, съ гнѣвомъ, что не можемъ высказать души своей вполнѣ, съ опасеніемъ, что высказанное будетъ брошено въ мигъ равнодушія, или, что и того хуже, стоптано невѣжествомъ въ грязь. И потомъ, чтобы говорить понятно людямъ, надо развѣшпывать, соразмѣрять выраженіе своихъ чувствъ съ ихъ понятіями. Надо раболопствовать правиламъ языка, потворствовать модѣ, ползать у ногъ приличій, подбирать падежи и созвучія, когда бы я хотѣлъ выразить себя ревомъ льва, пѣснію вольнаго вѣтра, безмолвнымъ укоромъ зеркала, клятвою пожигающаго взора, хотѣлъ бы пронзить громовою стрѣлою, увлеченною бурнымъ водопадомъ, — и что бы эхо моей тоски роптало, стонало въ душахъ слушателей, — что бы молнія страстей моихъ раскаляла, плавила, сжигала ихъ сердца, — чтобы они безумствовали моею радостью и замерзали ужасомъ вмѣстѣ со мною!

Не могу я такъ выражаться, а иначе не хочу: это бы значило пускаться въ бѣгъ со скованными ногами.

Правда, бывають часы, бывають ночи, въ которые полнота груди и головы душитъ, когда откровенность необходима какъ воздухъ, когда волею или неволею долженъ бываешь отдать тайны сердца и ума участію дружбы, сбросить ихъ на вѣтеръ или на бумагу. Но пусть же пила и отвѣсъ правилъ никогда не касаются этихъ дикихъ громадъ, въ живописномъ безпорядкѣ разбросанныхъ, наваленныхъ одна на другую!

Какъ эти горы, изорванныя волканами и потопами, разсѣченныя ущеліями и рѣками, возникаютъ отрывчатыя строфы невольной импровизаціи. Видите ли эту нагую, опаленную перунами, неприступную даже зелени скалу? Это печаль поэта: тамъ гордая душа, какъ снѣжногровая гора, скрываетъ въ облакахъ чело свое! Тамъ, въ глубинѣ, кипитъ ключъ юнаго чувства! Тамъ, во тьмѣ пещеръ, сверкаютъ очи и зубы алчной гѣны: это совѣсть! Пойдите: слышите ли, какъ пронзительно, какъ страшно раздается въ этой пустынѣ одинокій и безотвѣтный вопль отчаянія?..... И сколько чудныхъ, но дикихъ, но и безнатуральныхъ красотъ можетъ представить слогъ, выброшенный прямо изъ души? Зато по немъ нѣтъ стези для обыкновеннаго читателя. Его стремнины разлучены другъ отъ друга на прыжокъ льва, на перелетъ орлиный. Такія руны разгадаетъ лишь тотъ, кто начерталъ ихъ. Лишь онъ можетъ бродить мыслію по этимъ зубристымъ обломкамъ прежняго своего бытія, — и, думаю, отдыхать у надгробія собственнаго сердца.

Но сочинять для свѣта! И еще для нынѣшняго свѣта! Тяжкая служба. Имя сочинителя болѣе требуетъ наличными, нежели даетъ въ объѣмахъ. Знаютъ ли тѣ, которые съ такимъ добродушіемъ вѣрятъ похвамамъ пріятелей и собственному самолюбію, и тѣ, которые думаютъ, что, для того, чтобы сдѣлаться писателемъ, нужна только чернильница и перо, — вѣдаютъ ли они, сколько надо испытать, переувствовать, передумать, поглотить учености, чтобы написать нѣсколько страницъ, достойныхъ вѣка и человека, достойныхъ духа, который соединилъ въ себѣ всю причудливость младенца и взыскательность старика? Что бы расшевелить притупленный вкусъ, который не знаетъ самъ чего хочетъ, но все знаетъ и всего хочетъ? Угодить, удовлетворить жадной страсти къ новому, къ произа-

ющему, къ потрясающему, къ чудесному? Надо цѣлыя скалы дарованія, чтобы насытить хотя на мигъ этого прожорливаго великана. Надо слезъ, рѣки слезъ, — крови, — море крови, чтобы употъ его до веселья. Его должно поранить, чтобы тронуть; испугать, чтобы убѣдить; поработить, чтобы ему понравиться. Надо быть невиданнымъ зѣремъ или сверхъестественнымъ лицомъ, или необыкновеннымъ чортомъ, если желать увлечь за собой этого избалованнаго зѣваку. Надо ограбить рай и адъ, оборвать лучи съ солнца и наслажденія съ земли, стонить въ одно всѣ язвы Египта и всѣ ужасы преступленія, чтобы заманить и угостить его на славу. Но развѣ этотъ людоедъ пленецъ твой? братъ твой? или другъ онъ, что ты, какъ пеликанъ, разрываешь для него грудь и точишь кровь жизни? Нѣтъ, онъ твой врагъ природной, твой непримиримый врагъ. Онъ будетъ смѣяться надъ тобой, поглощая твое же сердце; принесенное ему въ гостинецъ, и выброситъ собакамъ, — выброситъ критикамъ объѣдки твоего полубожескаго мозга.

— Писать, печатать для свѣта, предавать себя тиснению! Неужли не чувствуете вы предсказательнаго смысла этихъ словъ? Тутъ, въ зернѣ таятся мытарства; ожидающія дерзкаго искателя людской похвалы. Вчера онъ былъ властелиномъ своихъ мечтаній, — потому что не пускалъ ихъ въ люди. Сегодня печаталъ ихъ, и сталъ рабомъ своихъ словъ. Онъ трепещетъ уже глупаго смѣха невѣжды и пошлыхъ остротъ какого-нибудь чесоточнаго журналиста; трепещетъ лукавыхъ толкованій на свои невинныя выходки. Стрѣлы, брошенныя въ воздухъ, падаютъ ему на голову; друзья бѣгутъ какъ отъ клеветника; враги становятся гонителями. Еще вчера онъ былъ отличный офицеръ, дѣльный чиновникъ, смысленный человекъ. Сегодня типографскія тиски выжали изъ

него всѣ общественныя достоинства. »Онъ сочинитель! онъ поэтъ!» Это значить — «Онъ никуда не годится.» Съ тѣхъ поръ благословленіе небесъ будетъ казнить его, какъ проклятiе матери: на его блестящее имя стануть вѣшать дурацкія шапки и черныя небылицы. За милость развѣ, будутъ звать его полумнымъ. — Какія желчныя мысли! Какія мрачныя краски! Свѣтъ вѣтренъ, но право не золь, — именно потому что онъ вѣтренъ, что ему нѣкогда воспитать и взлелѣять вражду. Больше остры, чѣмъ колки его сужденія, и если онъ любитъ недолго, за то любитъ горячо. Пользуйся же его любовью, покуда не спала пѣна; будь халифомъ хотя на часъ; упивайся рукоплесканіями и похвалами; играй вниманіемъ модниковъ, ревностью прекрасныхъ. Ты не искалъ, а нашелъ все-это: почему же не взять процентовъ, радостями жизни, съ долгихъ лѣтъ ученія, трудовъ, страстей и лишеній? Сдайся на приглашенія, — и ты баловень лучшаго общества, ты званый, желанный гость за столомъ знатныхъ и въ гостиныхъ большаго свѣта!

Знаете ли жъ вы, милостивые государи, что поэтъ, гость вельможи, есть уже слуга его, что поэтъ, гость высшаго круга — его игрушка? Неужели думаете вы, будто я столько простъ или столько самолюбивъ, что возмечтаю, что меня позовутъ для моихъ достоинствъ, а не для чужой забавы? Знатнымъ хочется прослыть меценатами за дешевую цѣну; имъ любо посмѣяться со мной или надо мною, потому что смѣхъ способствуетъ пищеваренію: — и я, второй Исаѣ, продамъ свое первородство за блюдо чечевичы? И я стану сыпать свой жемчугъ подъ ноги зѣвающихъ невѣждъ? Стану кувыркаться и служить на заднихъ лапкахъ, и добиваться до ошейника съ гербомъ того, чьи предки торговали оружіемъ когда мои были уже имъ славны? Подумали ли вы, что мнѣ предлагаете? Не значить ли это — давать себя

напоказъ какъ слона, откупоривающаго бутылки, — съ тою только разницею, что плату за это поднесутъ мнѣ на фарфоровой тарелкѣ, а не бросать въ голову?

Правда, обаятельна атмосфера большаго свѣта; лепетъ гостиныхъ игривъ какъ музыка Россини. Но эти раззолоченныя стѣны сложены изъ облаковъ Китайской стѣны самыхъ вздорныхъ предрассудковъ. Но этотъ скользкій паркетъ вымощенъ причудливыми условіями; этотъ потолокъ расписанъ картинками модъ, — и горе тому, кто рѣшится покормить своею особою лакомое любопытство исключительныхъ обывателей этого міра! Смѣшна будетъ его роля для другихъ; жалка доля его для самаго себя. Что принесетъ онъ въ жертву этому Египетскому богу, крокодилу, кромѣ раннихъ морщинъ лица и запоздалаго покроя платья? Онъ не пойметъ языка, которымъ говоритъ мода; онъ не знаетъ тѣхъ важныхъ мелочей, которыя составляютъ жизнь столицы, которыя требуютъ цѣлой жизни на изученіе, — для того чтобы умереть отсталымъ школьникомъ. И вотъ, нашъ поэтъ въ гостиной. И вотъ, его встрѣчаютъ благосклонные взоры и ласковыя улыбки. Это все наживки удочекъ, чтобы зацѣпить авторскую болтливость. И вотъ, его подчуютъ пережеванными привѣтствіями, сводятъ на споръ съ какимъ-нибудь шутомъ, мистифируютъ въ глаза, а чуть онъ за двери, давай разстрѣливать бѣдняжку вслѣдъ отравленными стрѣлками злословія.

— Какіе допотопные приемы!

— Да-съ, это древнѣе Петербургскаго наводненія.

— Говорятъ, поэзія — языкъ боговъ, а вы изъ ихъ семьи, графиня: удостойте перевести для насъ, простыхъ смертныхъ, о чемъ говорилъ онъ!

— Я не химикъ, князь; не умѣю разлагать туманы.

— Мудрено ли впрочемъ, графиня, что онъ такъ таинственъ! *c'est une sommité littéraire*, а верхушки горъ всегда облечены туманами.

— Но это не мѣшаетъ видѣть, что всѣ почти маков-
ки оканчиваются плоскостями.

— Если не видѣть, по-крайней-мѣрѣ испытать. Всѣ
путешественники доказываютъ эту истину въ ладъ.

— Скажите, ради имени Виктора Гюго, къ какой
школѣ принадлежитъ этотъ господчикъ? къ горной
или къ озерной?

— Къ болотной-съ. Онъ родился на тундрахъ Ново-
городскихъ.

— Это и замѣтно. Онъ страхъ похожъ на водяную
лилію, засохшую между листовъ Латынскаго словаря.

— Вы ошибаетесь, баронъ: нашъ поэтъ вовсе не во-
дяны. Скажите лучше, онъ черезъ чуръ пылокъ, и вы
скажете правду.

— Сухая трава быстро загорается; за то и гаснетъ
вмигъ.

О, пѣтъ, баронъ; поэтъ живетъ пламенемъ, кото-
рымъ сгораетъ. Если бѣ послушали вы, сколько то-
ковалъ онъ мнѣ объ искрахъ очей, о заревѣ страсти,
о пожарахъ души, то.....

— То я бы представилъ его въ брандт-маіоры, не
правда ли, княжна?..... Такой несгораемый человѣкъ,
безъ противуогненнаго прибора, — находка для пожар-
ной команды.

— Смѣйтесь, смѣйтесь, — а все-таки огонь его сти-
хія, и вдыхать пламень для него пріятнѣе, чѣмъ для
насъ духи Капризовъ Валеріи.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте его причислить къ
породѣ двуногихъ саламандръ, княжна!

— Вы предупреждены, баронъ: онъ давно состоитъ
въ спискѣ рѣдкостей, и отпущенъ только въ отпускъ
изъ кунсткамеры.....

И это еще цвѣтки моднаго злословія. Еще тутъ нѣтъ
ядовитыхъ ягодъ, которыя зрѣютъ для тебя при лу-
чахъ восковыхъ свѣчей и лунномъ свѣтѣ лампъ. Пого-

ди немножко, — и модный свѣтъ отнять у тебя твой мирный уголокъ пощещіями; твой вдохновенный досугъ данью въ альбомъ; подточить вѣру во все прекрасное сомнѣніемъ; отравить любовь твою догадками; отвѣтъ взаимность насмѣшкой. А когда не удастся ему сдѣлать тебя смѣшнымъ, онъ ославить тебя опаснымъ..... и доведетъ до того, что ты, прежде жадный извѣстности, станешь молить свѣтъ о полномъ забвеніи, какъ о самой драгоценной милости. И свѣтъ позабудетъ твое лицо, позабудетъ твои сочиненія, позабудетъ все, кромѣ твоего имени. И это имя обратитъ въ укорь. — «Вѣдь читали же когда-то этого ***ва!» скажетъ онъ; или — «Слава Богу, такой-то схороненъ на одной полкѣ съ Вальтеромъ Скоттомъ!»

И эти вздорные толки огорчаютъ тебя, — тебя, напоеннаго сладкой росой небесъ? И булавки изорвутъ твое сердце, неразбитое подъ молотомъ судьбы? Стыдись! Не тебя отдаю я свѣту, а свѣтъ тебѣ. Люди обыкновенные созданы для забавы умныхъ: играй же ими въ шахматы; выжимай изъ общества краски для пилитуръ свей; собирай оброкъ съ его странностей, съ его нелѣпостей, съ его причудъ и пороковъ. Но если ты хочешь быть ровней съ злостью, и наслаждаться мелкими пріятностями лучшаго общества не въ лицѣ искателя, а въ видѣ товарища, — единственное средство узнать таинства палатъ, услышать рѣчи ихъ жильцевъ безъ прикрасъ, застать лица безъ румянъ, а сердца безъ манжетовъ: то стань богатымъ.

«Что слава? Яркая заплата
На бѣдномъ рубищѣ пѣвца.
Намъ нужно злата, злата, злата!
Коните злато доконца.»

Проклятый металлъ, это золото, неутоляющій напитокъ ада! Напрасно Промыслъ схоронилъ его глубоко: мы нашли средство вымучивать его у земли руками преступниковъ для новыхъ преступленій. Добы-

тое каторгою изъ тмы, оно каторга свѣта. Каждый разъ, когда червонецъ касается моей руки, мнѣ кажется, онъ сообщаетъ ей свой гальанизмъ. Правда, на немъ нѣтъ и не можетъ быть ржавчины,—но, сдается, будто онъ сырѣ тяжкимъ потомъ, будто каплетъ кровью, мерцаетъ какъ зрачекъ Лукаваго. Не золотое ли было яблоко грѣхопаденія? Не оно ли, разбившись въ золотые кружки, раскатилось по свѣту! Пусть же судьба кидаетъ ихъ на драку толпъ, какъ орѣхи мальчишкамъ: я не нагнусь ни за однимъ. Скажите, на что мнѣ это золото? Я не богатъ, но, любя роскошь, умѣю и умѣрять свои прихоти, потому что легче стерпеть отказъ отъ собственной воли, чѣмъ отъ чужаго нехотѣнья. Вѣрю, что многіе имѣютъ много,—никто доволенъ; зато вѣрую твердо, что богатство состоитъ болѣе въ желаніяхъ, нежели въ обладаніи. Вы говорите, золотомъ можно наместить дорогу куда угодно; имъ можно купить людей. Вы дѣлаете слишкомъ много чести людямъ, друзья мои: стоитъ ли покупать простую грязь за золотистую грязь? Стоитъ ли платить золотомъ, за что не далъ бы я желѣзнаго гроша? За улыбку, высиженную зѣвотою? За пожатіе руки, привыкшей къ взяткамъ? За поцѣлуй Іуды съ рукавами *à la folle*? Люди готовы продавать, продавать другъ друга и сами себя: жаль что я не торгашъ и не покупательъ тѣмъ и совѣстей, и, признаюсь, по самому вѣрному расчету: по мнѣ тотъ, кто отдаетъ себя на прокатъ за деньги, не стоитъ денегъ. О, я знаю людей! знаю до подноготной. Плюй имъ въ лице, — только золотомъ, и они станутъ тебѣ кланяться. Да по мнѣ, ужъ менѣе презрителенъ тотъ, кто подличаетъ изъ барыща, нежели тотъ, кому лезть и ползанье нужны какъ хлѣбъ насущный.

А между-тѣмъ золото—солнце большого свѣта: только въ его лучахъ замѣняютъ достоинства, только въ его призмѣ исчезаютъ недостатки. Блещетъ оно, и ему на

встрѣчу всѣ зачиликають какъ пташки, и лица красавицъ распускаются улыбкою. Невольно увлекаетъ сердца и головы вихорь золотой пыли. Золотой мѣшокъ идеаль красоты, колодезь ума, Протей любезности. У богача всѣ мерзости—извинительныя; всѣ ошибки—образцовыя; всѣ дѣла достойны подражанія, а слова—памяти. И постичь я не могу, и ничего глупѣе въ міръ не нахожу, уваженія людей къ богатству. Уважайте умъ, любите остроуміе: одинъ учитъ, другое веселитъ васъ. Уважайте силу,—это естественно: оно можетъ защитить или истребить васъ. Но, ради самого Маммона, скажите, что дастъ вамъ богачъ за ваши униженные поклоны, и умильные облизны, и одобрительныя усмѣшки? за всѣ ваши поддакиванья и наглую лесть? Что? Столь его безъ прибора для тѣхъ, которые цѣляютъ пообѣдать, а не полакомиться. Круто его крыльце для чахоточной груди искателей покровительства. Крѣпки затворы сундуковъ: кошелекъ завязанъ Гордіевымъ узломъ на ссуду. Сердца не размочить и слезами. Оно глыба земли, изъ которой не высклещешь огня, не источишь воды и невыростишь маковаго зернышка. И пусть я стану подобнымъ этому истукану,—богачемъ; и пусть я топчу всею тягостію золота прежнихъ своихъ совмѣстниковъ; мнѣ поклоны гордецовъ; мнѣ ласки милыхъ; для меня зажигаются лишнія свѣчи на вечерахъ, лишнія искры въ глазахъ невѣстъ; для меня тратятъ наконецъ всѣ ласкательства, приготовленныя для гораздо важнѣйшихъ случаевъ: но, скажите, куплю ли я на звонъ денегъ вмѣстѣ съ чужими ласкательствами вѣру кѣнимъ? Я былъ, я жилъ, въ этомъ свѣтѣ: онъ видѣлъ меня, и не замѣтилъ. Красавицы меня слушали, и не оцѣнили. А я былъ тогда свѣжѣе умомъ и на лицѣ; былъ добрѣе, чувствительнѣе, пылче. Я готовъ былъ обожать, обоготворять ихъ; отдать за ихъ любовь не дрянное золото, а кровь сердца, покой души, самое небо.

И все это мнивало! Не воскресить юности дождемъ Данай. Прочь, змѣй искуситель, прочь! ты могъ бы обольстить меня въ моемъ раю, въ моей юности; но теперь — уже поздно. Не вѣрю я свѣтской дружбѣ, — еще менѣе свѣтской любви; дружбѣ, которая ступаетъ съ гривны на гривну; любви, прилетающей не иначе какъ на бумажныхъ крыльяхъ изъ банковыхъ билетовъ. Не вѣрю и славѣ, которая разбѣгается врозь или улетаетъ парами. Теперь дорылся я до грязи, которую питаются корни лавра и мирта, такъ гордо играющіе въ воздухѣ. Теперь я видѣлъ страшное лице истины безъ покровъ. Страсть къ богатству, змѣй искуситель, язви меня въ пяту: она на головѣ твоей! До сердца моего тебѣ не достать.

Но неужели въ этомъ мірѣ нѣтъ ума, чье одобрение лестно поэту? Нѣтъ сердца, чей вздохъ тебѣ отраденъ? И поэтъ, — ты схоронишь въ землю даръ небесъ, талантъ свой? И человекъ, — ты выбросишь душу въ пустыню безъ сочувствія? Неужели не одушевляетъ тебя мысль, что пылкій юноша за чтеніемъ твоихъ чарующихъ страницъ забудетъ урокъ свой; свѣтскій человекъ — званый пиръ; красавица — часть свиданія? Что твои вдохновенныя творенія зажгутъ свѣтлыя мысли въ головѣ еще самому себѣ незнаемаго поэта, очиститъ огнемъ своимъ душу власто- или корыстолюбца, пробудитъ сладостныя, святыя чувства въ груди невинной дѣвушки?..... Можетъ быть, она задумается надъ твоими мечтами, и ея прелестныя томные очи наполнятся слезами, — и она вспомнитъ тебя вздохомъ, — и тонкій жаръ, пронизавшій весь ея составъ, вспыхнетъ на сердцѣ мыслію: «Какъ страстно любить онъ! Какъ должно быть пріятно быть такъ любимой?.....» О!.....

А. МАРИНСКІЙ.

УТРЕХТСКІЯ

ПРОИСШЕСТВІЯ

1834 ГОДА.

=

Быть-можетъ, не совсѣмъ правильно — обнаруживать домашнія дѣла какого бы то ни было города, давъ подписку и честное слово не рассказывать объ нихъ никому въ свѣтъ, но я обязался только «не рассказывать». Мнѣ кажется, что я могу «описать» ихъ, не нарушая своего обѣщанія.

Я жилъ въ трактирѣ «Золотаго Тельца», находящемся на углу площади и одной изъ самыхъ многочелюдныхъ улицъ Утрехта. Одна изъ двухъ занимаемыхъ мною комнатъ была моею спальнею, и кровать моя стояла у заколоченной двери, ведущей въ смежную пустую залу. Въ первую ночь моего пребыванія въ Утрехтѣ, сонъ мой вдругъ былъ уничтоженъ глухимъ шумомъ, раздавшимся въ этомъ покоѣ отъ легкаго шарканья ногами и смѣшанныхъ, подавленныхъ голосовъ. Зала была освѣщена, и свѣтъ кенкетовъ, пробиваясь сквозь щель двери, рисовалъ поперегъ моего одѣяла яркую желтую черту. Я не могъ однако жъ разслышать ни слова; но, очевидно, что-то таинственное и непозволительное происходило въ моемъ сосѣдствѣ.

На слѣдующее утро я спросилъ объ этомъ мою трактирщицу, толстую и красную Голландку, которая управляла домомъ со смерти своего мужа. Она смутилась, и отвѣчала мнѣ невнятно, что это ничего; что въ залѣ собираются иногда ея «друзья», чтобъ потолковать о своихъ домашнихъ дѣлахъ.

Я не спрашивалъ далѣе. Однако ночныя собра-

нія повторялись чаще нежели предполагать это смыслъ нарѣчья *иногда*, и съ нѣкотораго времени становились шумнѣе. Днемъ, я замѣчалъ необычайное движеніе между женщинами. Мужчины казались спокойными, что я приписывалъ твердости ихъ характера и Голландскому хладнокровію; но женщины бѣгали, разѣзжали по улицамъ, перешептывались въ обществахъ, отводили другъ друга въ сторону, и что-то взаимно себѣ сообщали, остерегаясь нѣкоторыхъ лицъ своего пола, не пользовавшихся ихъ довѣріемъ. Я замѣтилъ по газетамъ, которыя читалъ всегда съ большимъ вниманіемъ, что въ послѣднее время очень часто пріѣзжали въ Утрехтъ изъ Парижа Г-жа Дюдеванъ, извѣстная подъ именемъ Жоржа Занда; какая-то директриса журнала *La tribune des femmes*, и другія лица, принадлежащія къ той же безпокойной партіи. Въ собраніяхъ, происходившихъ въ пустой залѣ, часто разговаривали по-Французски, раздавался чистый Парижскій акцентъ и слышались имена—Валентина, отецъ Анфантенъ, Лелія, Жакъ, Андре, Эмѣ-Мартенъ, вмѣстѣ съ титулами — госпожа бургомистерша, госпожа совѣтница, и прочая, и прочая. Нельзя было не видѣть, что тутъ дѣйствуютъ возмутители, и что какой-то ужасный заговоръ составляется противъ блага и спокойствія общества.

— Мнѣ какое до этого дѣло! сказалъ я про себя. Я здѣсь иностранецъ!

Однако любопытство и весьма естественное опасеніе за самаго себя заставили меня прорѣзать днемъ маленькую скважину въ таинственной двери, противъ моего изголовья, въ той мысли, что я, можетъ-быть, увижу дѣйствующихъ лицъ этой черной драмы или услышу, о чемъ они тутъ совѣщаются.

Ночью, 14 сентября (по новому стилю), часу въ двѣнадцатомъ, я сидѣлъ подъ окномъ. Повсюду цар-

ствовала глубокая тишина. Луна плыла по совершенно ясному небу. Тихій вѣтеръ едва-едва колыхалъ тополями, растянувшимися стройною шеренгою кругомъ площади. Черезъ двѣ улицы, печальный, мрачный колоссъ, соборная башня, повременамъ переговаривался съ тишиною ночи заунывными звуками своихъ часовъ. Вдругъ послышался сильный шумъ въ залѣ, которая, по-видимому, давно уже наполнялась заговорщиками. Я бросился на постель, и приставилъ глазъ къ скважинѣ.

Представьте мое изумленіе, когда я увидѣлъ тамъ однѣхъ женщинъ! Онѣ казались въ страшномъ волненіи.

Я не вѣрилъ своимъ глазамъ, и прислонилъ къ отверстію ухо.

Гулъ общаго разговора не позволялъ услышать ничего такого, что бы обнаружило предметъ ихъ совѣщанія. Нѣкоторыя отдѣльныя фразы, произнесенныя въ мгновенныхъ промежуткахъ тишины, однѣ долетали до моего уха.

— Можете ли вы представить такого тирана!

— Деспотъ!

— Мучители! тигры! грубіяны! гордецы!

— Скупецъ! Да какой скупецъ!

— Вотъ, напримѣръ, несчастная Каролина: одинъ измѣнилъ ей, другой ее ограбилъ.....

— Предатели!...

— Однако жъ надобно быть справедливыми.....

— Но вы же сами говорите, госпожа бургомистерша, что и у вашего есть любовница?

— Есть; ахъ, есть! Вчера я открыла у этого измѣнника еще двухъ голубушекъ.

— Да что жъ она не приходитъ? Уже за полночь!

— Да она видно насъ обманула!

Въ залѣ раздался страшный шумъ. Всѣ закричали: — Вотъ и она! — Вотъ и она! Наша волшебница!.....

Должно знать, что въ Утрехтѣ по сую пору упражняются въ чернокнижій, и многіе изъ посвященныхъ въ тайны сокровенныхъ наукъ обладаютъ удивительными секретами, въ которые наши академіи не вѣрятъ. Тѣмъ хуже академіямъ!

Я скорѣе посмотрѣлъ въ скважину, но не могъ за видѣть ихъ жданной гостии. Уголь большой Голландской печи скрывалъ ее отъ луча моего взора. Я слышалъ только сильный, зловѣщій голосъ:

— Что жъ, вы хотите непременно.....?

-- Хотимъ! хотимъ!

— Чтобы всѣ мужчины провалились сквозь землю?

— Да, да! Прочь тирановъ! Долой всѣхъ этихъ деспотовъ, измѣнниковъ, обманщи.....

Кракъ! я провалился сквозь землю.

Желаніе коварныхъ заговорщицъ исполнилось во всей точности, потому что не только я, — все мужское народонаселеніе Утрехта, съ бургомистромъ, ратманнами, синдиками, комендантомъ и городовыми, провалилось вмѣстѣ со мною. На землѣ, въ Утрехтѣ, остались однѣ женщины.

Революція, въ духъ Г-жи Дюдеванъ, совершилась въ одно мгновеніе и съ неслыханною жестокостью. На цѣломъ пространствѣ славнаго города Утрехта женщина была освобождена отъ власти мужчины.

Я узналъ, послѣ, обстоятельства, которыя здѣсь описываю.

Едва вѣсть объ ужасномъ происшествіи разнеслась по городу между тѣми, которыя не участвовали въ измѣнническомъ заговорѣ, все пришло въ движеніе. «Мужчины провалились сквозь землю! — Какъ? — Неужели? — Посудите! Быть не можетъ!» Изумленіе, смѣхъ, восклицанія, толки, догадки; опять смѣхъ, опять восклицанія: многія еще не могли представить себѣ всей крайности настоящаго положенія. И въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ положеніи было столько стран-

наго, столько смѣшнаго, столько непонятнаго, что все прочее невольно терялось изъ виду. Представьте только себѣ: мужчины провалились сквозь землю! «Слышали?—Слышала!—Вставай, Настинька!—Что случилось?—Ты помрешь со смѣха!—Но, моя милая, говори же скорѣе!—Представь себѣ..... ха, ха, ха!—Ну, мой другъ?—Мужчины провалились сквозь землю.—Ты съ ума сошла?—Ей Богу, клянусь тебѣ! Ни одного мужчины во всемъ городѣ, и, говорятъ, даже во всемъ свѣтѣ!—Ахъ, какъ это странно! Я не вѣрю.—Ха, ха, ха! Спроси маменьку!...» Кухарки въ кухняхъ, горничныя въ дѣвичьихъ, торговки на рынкахъ, магазинщицы въ магазинахъ, кумушки на улицахъ, благовоспитанныя дѣвицы въ своихъ уборныхъ, молодыя дамы въ своихъ гостиныхъ, старухи гдѣ ни попало,—все затолковало, зашумѣло, загудѣло, зашипи-кало—Мужчины провалились сквозь землю! Прошло утро, прошелъ день, прошелъ вечеръ, — разговоръ все плодовитѣе и плодовитѣе. Наступила ночь,—первая ночь безъ мужчинъ на свѣтѣ: никто, и самыя даже заговорщицы, глазъ не смыкаютъ. Загорѣлась заря, блеснуло солнце, запѣли птички, растворились окна: улицы пусты..... Въ модныхъ магазинахъ появились новыя платья à la мужчины провалились сквозь землю.

«Видѣли?—Видѣла!—Какого цвѣта?—Темно-черныя! Должно быть очень мило!—Я не видала ничего лучше!—Матап, матап, поѣдьте скорѣе въ магазинъ!—Нѣкому лошадей заложить, другъ мой. — Пойдѣмте пѣшкомъ!—Какъ скучно! Къ вечеру все раскупятъ. — Мы сегодня должны оставаться безъ обѣда; одолжите вашего повара.—Онъ исчезъ вмѣстѣ съ прочими.—Слышали вы, милая Сашенька?—Что такое?— И повара провалились сквозь землю!—И парикмахеръ?—И высокіе лакеи?—И магазинщики?—И кондитеры?—Всѣ, всѣ, всѣ!—Ха, ха, ха!—Что, вы смѣетесь, безтол-

ковья?—Ахъ, я лишилась супруга!—Ахъ, я потеряла брата!—Ахъ, у меня исчезъ мой женихъ!..... Ахъ!..... Ахъ!..... Ахъ!.....»

И все заплакало.

«Какая нынче мода?—блѣдное лице, на глазахъ нѣсколькослезиннокъ, распущенные локоны для дѣвицъ, большіе чепцы для дамъ, платья à la мужчины провалились сквозь землю для всѣхъ.—Какъ это вамъ къ лицу, Шарлотта!—Нѣтъ, вы всегда такія добрыя!»

«Нельзя ли выдумать еще чего нибудь? Пожалуйста. Вы такъ изобрѣтательны.—Ахъ, къ чему все это?—Что съ вами, мой ангелъ? — У меня третій день истерика! — У меня спазмы! У меня все изъ рукъ валится!—Я спать не могу? — Мнѣ снятся ужасные сны! — Я не знаю, что дѣлать!—Я зла на цѣлый свѣтъ! — Мнѣ никакъ не хочется одѣваться! Мужчины провалились сквозь землю!»

Между-тѣмъ, мало-по малу все начало приходить въ обыкновенное положеніе. Кухарки замѣнили поваровъ; прачки сѣли на козлы, садовницы пошли обрѣзывать деревья, огородницы отправились копать землю, парикмахерши принялись за щипцы, супруги плотниковъ за топоръ. Съ необходимостью спорить нельзя!

Но, между-тѣмъ, съ каждымъ днемъ лица прелестныхъ обитательницъ Утрехта, — опъ въ самомъ дѣлѣ прекрасны, — начали становиться печальнѣе и печальнѣе. Мужчины провалились сквозь землю! Боже мой, для кого же одѣваться? Съ кѣмъ танцовать? Кому нравиться? Надъ кѣмъ смѣяться? Для кого быть любезными? Кого водить за носъ? Кому кружить голову? подычье крымышко пріютиться, потерявъ свои прелести? Къ кому писать билеты на розовой бумажкѣ? Кому передать первый, дѣвственный поцѣлуй, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе тяготящій на устахъ красавицы? Для кого просиживать до

утра возмѣ отвореннаго окна? Кому сказать — «Милостивый государь, теперь все конечно между нами!» чтобы на другой день съизнова начать то, что вчера было кончено, и покрѣпче пожать руку въ знакъ прощенія? Для кого плестъ снурочикъ, — по приказанію маменьки, или вышивать бумажникъ, — по неотступной просьбѣ старшей сестрицы? Кого смущать красивымъ лорнетомъ на гуляньѣ? На чью руку опереться, сядясь въ карету? О комъ думать, когда никто нейдетъ въ голову? Передъ кѣмъ уронить перчатку, чтобы видѣть, скоро ли ее подымутъ? Передъ кѣмъ проговориться нечаянно, что не достали билета на слѣдующій маскарадъ? Съ кѣмъ составить маленькую партію въ вистъ, чтобы имѣть удовольствіе выиграть по праву женскаго пола? Кому приказать принести календарь изъ кабинета или платокъ изъ уборной? Для кого падать въ обморокъ или страдать біеніемъ сердца? Кто станетъ лечить мигрень Турецкими шалями и колотье въ боку Брюссельскими блондами? Кого упрекать отъ скуки въ холодности? Кому отсчитывать нѣжныя супружескія ласки, чтобы какъ-нибудь убить время? Послѣ кого остаться вдовою?..... О ужась! скажите, что высдѣлали! Да, теперь нельзя даже надѣяться быть вдовою!..... О женщины, женщины, то есть, о Утрехтскія женщины, какимъ перомъ опишу я всѣ ваши потери и лишенія? Вы ихъ поняли, наконецъ, и глубокая, искренняя, неуладимая печаль распространилась по цѣлому городу Утрехту, и вся природа покрылась трауромъ во кругъ города.

Грустно, неизъяснимо грустновидѣть землю, лишенною сильнѣйшей части души ея, опустѣвшею среди всего своего великолѣпія. Утро безъ зари, заря безъ солнца, солнце безъ прежняго блеска; въ рощахъ одна темнота; въ пѣніи птичекъ одно щебетаніе; среди прелестнаго луга, среди роскошныхъ цвѣ-

товъ тишина и безмолвіе; на гуляньяхъ запыленные деревья; въ поляхъ пустыя дороги; въ городѣ бездушныя стѣны; день унылый, вечеръ пасмурный, ночь тихая, тихая какъ могла. Не слышно ни веселыхъ пѣсень земледѣльца, ни восклицаній ремесленниковъ, возвращающихся съ работы, ни громкаго топота лихой четверни, запущенной искусною рукою усатаго Голландскаго кучера. Вселенная кажется пустынею. Гдѣ-гдѣ мелькнуть два, три печальныя лица бѣдныхъ затворницъ, отыскивающихъ *чего-то* въ каждомъ чуланѣ, въ каждой забытой бесѣдкѣ, въ каждомъ полустертомъ слѣдѣ ноги; или два три шалающія лица новыхъ кучеровъ въ чепцѣ, отчаянно борющихся съ лошадьми, порывающимися въ разныя стороны. И снова все тихо, и снова все пусто, и снова грустно,—грустно, какъ въ тяжеломъ предчувствіи. Повременамъ слышатся гармоническія звуки фортепіано или арфы, волются звонкою струею въ струи атмосферы, и тотчасъ же улетятъ погребальною пѣсню, какъ-бы страшась нарушить всеобщій трауръ, какъ-бы чувствуя, что для гармоніи необходима разность чувствъ, понятій и половъ. Повременамъ раздается рѣзкій споръ двухъ кумушекъ, и, нарушивъ на минуту всеобщее безмолвіе, со стыдомъ скроется въ эхъ пустыхъ стѣнъ, какъ-бы чувствуя, что теперь не объ чемъ и спорить. И снова все тихо, и снова все пусто, и снова грустно, — грустно, какъ по отъѣздѣ любовника.

Но какъ бы то ни было, всѣ мы созданы для жизни, а жизнь — дѣятельность. Законодатель надъ законами, ученый надъ книгами, герой на бивакахъ, старуха за пряслицей, старикъ за мѣшкомъ съ золотомъ, женщина среди своего хозяйства, дѣвушка передъ зеркаломъ, ребенокъ за куклами. Для всякаго своя жизнь, для всякаго своя дѣятельность. Дерево сохнетъ, лишась своихъ соковъ; человекъ умираетъ,

будучи не въ силахъ быть дѣятельнымъ. Точно такъ было и тамъ: женщины, оставшись однѣ, сначала посмѣялись, потомъ погоревали, и наконецъ должны были рѣшиться что-нибудь дѣлать. Природа откажетъ намъ во всѣхъ дарахъ своихъ, если мы начнемъ пренебрегать ею.

Обыкновенныя домашнія занятія, какъ я сказалъ уже, скоро начались своимъ порядкомъ, тѣмъ болѣе, что Голландки — ужасныя хозяйки. Но общественная жизнь такъ разнообразна, такъ изобрѣтательна на нужды, такъ плодovitа на необходимости! Хотя и существуетъ у насъ, на Руси, старинная поговорка — «Курица не птица, женщина не человѣкъ», но это одна острота нашихъ балагуровъ прапрадѣдушекъ, которая отнюдь не прилагается къ славному городу Утрехту, и, по понятіямъ Голландцевъ, женщина точно такой же человѣкъ какъ мы съ вами. И вотъ, мало-по-малу, партія мятежницъ, заговорщицъ, уничтожившая мужчинъ, начала покорять себѣ умы и намѣкать о свободѣ женщины, о правахъ женщины, о общественномъ законодательствѣ, о преобразованіи «семейства». Вскорѣ все заговорило другимъ языкомъ. «Прежніе законы писаны мужчинами! Прежніе законы дышатъ тиранствомъ! Прежніе законы обогрены кровью! Мы женщины; для насъ нужны другіе законы. Мы остались однѣ: мы докажемъ, что можемъ жить однѣ! Мы докажемъ, что такое женщина! Долой прежнее рабство! Да здравствуетъ Г-жа Дюдеванъ! О чемъ мы плакали? Чего мы лишились? Какими правами пользовались мы въ прежнемъ обществѣ? Что у насъ цѣловали ручки, что намъ подавали плащи, что къ намъ относились съ уваженіемъ? Не хотимъ лицемѣрства! Не хотимъ измѣнниковъ, грубіановъ, эгоистовъ! Удостоверимъ, что можемъ управлять самими собою! Мы никогда не были такъ счастливы какъ теперь! Проклятіе всѣмъ мужчинамъ! Не хотимъ

мужчинъ! Мы лучше мужчинъ!.....» И пошло, и пошло.

Ну, а дѣвушки? Боже мой, до дѣвушекъ ли теперь!

Мужчинъ стоитъ рѣшиться, женщинъ только задумывать; мужчинъ первый шагъ, женщинъ первая мысль. «Что мы въ самомъ дѣлѣ такое? Долго ли намъ еще оплакивать обманщиковъ и деспотовъ? Завтра же первое засѣданіе. Долой ихъ гнусные законы! Долой мужская аристократія!»

Начались засѣданія.

Первое засѣданіе, — о томъ, въ какихъ платьяхъ собираться. Всѣ женщины, до девятиста двухъ лѣтъ, объявлены молодыми.

На другой день: такъ какъ впередъ не можетъ быть ни дѣвицъ, ни замужнихъ, ни вдовъ, то титулъ «старой дѣвки» отмѣняется навсегда.

На третій: установлена главная цензура на платья.

Черезъ два дня: ходить всѣмъ въ бархатныхъ платьяхъ со шлейфами.

Черезъ два дня: скучно! Предоставить покроя платья на произволъ каждой, съ дозволенія однако жъ главной ценсуры.

Черезъ два дня: хотя форма платьевъ и оставлена на произволъ каждой, однако, какъ общественный порядокъ опирается на модъ, то по-крайней-мѣрѣ цвѣтъ долженъ быть у всѣхъ одинаковый.

Черезъ день: свободной женщинъ приличнѣйшій цвѣтъ — бѣлый.

Черезъ день: скучно! Лучше розовый!

Черезъ день: запрещается, подъ опасеніемъ строжайшаго наказанія; всѣмъ женщинамъ, старше сорока лѣтъ, употреблять розовый цвѣтъ.

Въ этомъ засѣданіи большинство состояло изъ молодыхъ женщинъ: онѣ-то, сговорившись между собою, опредѣлили этотъ знаменитый законъ, который произвелъ первыя неудовольствія въ свободномъ жен-

скомъ гражданствъ. Всѣ женщины, старѣе сорока лѣтъ, исключенныя интригою изъ розоваго цвѣта, особенно бабушки, вознегодовали на законодательное собраніе и начали отлагаться. «Маменька, сегодня засѣданіе: — Ахъ, мой другъ, я такъ разстроена, что не могу изъ комнаты выйти. Зачѣмъ мнѣ ѣхать туда и слушать эти вздоры! — Бабушка, васъ зовутъ въ засѣданіе. — До засѣданій ли мнѣ, душа моя! Чепца не могу надѣть на голову. Вишь, умницы, хотятъ одинъ ходить въ розовомъ! — Тетушка! давно десять часовъ; развѣ не поѣдете въ засѣданіе? — Мнѣ уже паскучило ѣздить Богъ-знаетъ зачѣмъ: поѣзжай, ангелъ мой, за меня. — Но, какъ же, тетушка! — Ничего, ничего, поѣзжай! Кричи, что розовый цвѣтъ всеобщій. Госпожа бургомистерша держитъ нашу сторону. — Маменька, васъ непременно требуютъ. — Слишкомъ много умничаютъ! Прикажи сказать, что я нездорова. — Бабушка, за вами прислали во второй разъ! — Хотя бы и въ третій: не поѣду! Нарушаютъ, матушка, основной законъ, которымъ всѣ объявлены равно молодыми. — Тетушка, вамъ приказано сказать, что все разстроится, если вы не пріѣдете. — Мнѣ нужды мало. Какъ хотятъ, такъ и дѣлаютъ. — Маменька, вамъ приказано сказать, что на васъ сердятся. — Слишкомъ много чести; не я начинала. — Какъ же, маменька? — Такъ же другъ мой. Я ни во что болѣе не мѣшаюсь. Да эта аристократія такъ называемыхъ «молодыхъ женщинъ» хуже мужской! Да это неслыханное притѣсненіе! Зависть! злоба! разбой! — Что тутъ долго толковать! «Партія старыхъ дѣвъ, которая въ Утрехтѣ чрезвычайно многочисленна, присоединилась вся къ недовольнымъ, и вдругъ все закричало въ одинъ голосъ: «Зачѣмъ намъ законы? Развѣ мы дѣти, чтобы водить одна другую на помочахъ? Между женщинами нѣтъ государственныхъ преступниковъ! Непадобно законовъ! Пусть всякая судится домашнимъ судомъ! Какъ вы думаете, ваше

превосходительство? — Что скажетъ госпожа бургомистерша? — Госпожа бургомистерша объявила, что если неотмѣнять этого безбожнаго закона, она распуститъ собраніе. Она съ нами.

У дѣвицъ закипѣло желаніе возстановить искусства и художества. «О, какъ это будетъ прелестно! — О, какъ это будетъ занимательно! — Рисованіе, живопись, архитектура..... Нѣтъ, нѣтъ, архитектуры не надобно. Пѣніе, музыка, ваяніе..... — Охъ, къ чему ваяніе! Столько пачкотни, столько трудовъ, столько пыли. — Да; это правда! Ненадобно ваянія; ненадобно ни архитектуры, ни ваянія! — На слѣдующій годъ мы сдѣлаемъ выставку. — Какъ это будетъ весело! — На слѣдующій годъ? Зачѣмъ такъ долго откладывать? Я умираю отъ нетерпѣнія! Нельзя ли черезъ мѣсяцъ? — Ни въ чемъ не успѣемъ приготовиться! Какъ-нибудь, чтобы только поскорѣе! — Ну, черезъ полтора мѣсяца! — Я согласна. Черезъ полтора мѣсяца! Черезъ полтора мѣсяца! — Какія же награды положимъ мы достойнымъ? — Розовый вѣнокъ. Потомъ? — Розовую ленту. Потомъ? — Десять фунтовъ конфетовъ! — О, какъ это будетъ весело! Какъ это будетъ прелестно! — Анетта, одолжи мнѣ на недѣлю своихъ красокъ. Ты что приготовишь, Софія? — Я буду пѣть. А ты? — Я сочиню контрадансъ. — Кому же розовой вѣнокъ? — Достойной! — Я бѣгу сейчасъ рисовать ландшафтъ, который позади нашего дома. — Ты чѣмъ хочешь заниматься, Аспазія? — Послѣ скажу. — Скажи теперь, другъ мой! Скажи, моя милая! Какая скрытная!.....»

Молодые женщины вздумали возобновить науки. Со всѣхъ сторонъ начались приготовленія. Знаете, какъ готовятъ женщины! — Съ чего начать? Какими науками заниматься въ особенности? — Всѣми, всѣми, исключая Исторіи, исключая Математики, исключая Естественныхъ Наукъ, исключая Медицины, исключая Астрономіи, исключая Хронологіи, исклю-

чая Геогнозіи, исключая еще двухъ, трехъ наукъ, для которыхъ нужно убить столько времени, всѣми остальными! — Ахъ, какъ хорошо писать романы! Madame Aline, отъ чего вы не напишете ни одного романа? — Не могу придумать завязки. — Пожалуйста, только безъ кровопролитій. — Моя кузина вчера кончила драму. — Подъ какимъ названіемъ? — Еще безъ названія. Мы отложили это до завтра. — Какъ жаль, что этой драмы нельзя будетъ видѣть на сценѣ! — Почему же? — Гдѣ теперь набрать актеровъ? — Дѣло обойдется и безъ нихъ! Моя кузина вмѣсто мужчинъ дѣйствующими лицами сдѣлала собачекъ. — Неужели? — Ахъ, какъ это ново! Возьмите моего Жужу! — И моего Минни! — И моего Фигаро! — Я начала сегодня повѣсть. Чѣмъ оканчивается? — Какъ вы думаете, чѣмъ кончить? — Пожалуйста, посчастливѣе! — Да, да, посчастливѣе! Новенькаго! — Новенькаго! Что-нибудь, только новенькаго! — Мы съ вами одного вкуса. Ахъ, какъ прекрасна наука писать новыя драмы, новыя романы и новыя повѣсти!»

Время выставки приближается. Анетта встрѣчается съ Аспазіей. «Что твой ландшафтъ? — А твой портретъ! — Я отложила на нѣсколько времени. — Я также. — Скучно! — Досадно! — Вышѣмъ лучше что-нибудь по канвѣ. О рукодѣльяхъ не поминали ни слова. — А рисованье развѣ не то же рукодѣлье! — Ты не слыхала, какъ ково идетъ Жоржетинъ контрадансъ? — Давно забыть. А Софія? — Софія все поетъ. — Такъ что же наша выставка? — Всѣ отказываются! Можно ли? — Но, знаешь ли, изъ Парижа новыя ленты привезены? — Гдѣ? — Гдѣ? И все полетѣло.

Между-тѣмъ какъ это происходило, двѣ или три почтенныя старушки, поддерживаемыя неутомимою дѣятельностью старыхъ дѣвъ, овладѣли общественнымъ мнѣніемъ, прибрали въ руки бразды правленія и начали судить виновныхъ и невинныхъ «домаш-

нимъ судомъ». Пошла потѣха. Вы знаете этотъ родъ судопроизводства? Кому изъ насъ не случилось быть въ тискахъ его. О вы, вздумавшіе пренебрегать священные обычаи свѣта; вы, опоздавшіе въ новый годъ пятью минутами съ поздравленіемъ; вы, бросившіе невзначай лишнее слово въ разговоръ съ тетушкою своего пріятели; вы, забывшіе комплиментъ свой въ столкѣ; вы, надѣвавшіе когда-нибудь шаль выше нежели слѣдуетъ; вы, полускромные, полунасмѣшливые, полужастѣнчивые; вы близорукіе, вспыльчивые, разсѣянныя, веселые, расточительные, скупые, идите всѣ сюда и подписывайте имена свои! привѣтствую васъ, братья по преступленіямъ, преступники по суду грозныхъ судей нашихъ! Но, вы скажете — увы, сколько лишились эти судіи въ Утрехтѣ съ тѣхъ поръ, какъ мужчины тамъ исчезли! Сколько двусмысленностей, сколько гнусныхъ остротъ, сколько невѣжливыхъ поклоновъ исчезло съ ними!..... А румяныя щечки, а полурастегнувшійся башимачекъ, а не у мѣста приколотый бантикъ, а старомодная прическа, а недоваарившійся у сосѣдки супъ, а опоздавшая къ обѣду кузина, а заплаканные глазки, а бывшія законодательныя застѣданія!!! Аристократія молодыхъ взлетѣла на воздухъ, и весь женскій міръ приотился подъ деспотическое крыло своихъ сѣдыхъ правительницъ.

Наступило въ Утрехтѣ время грозное, время ужасное, время, какого не знавать ни вамъ, ни мнѣ, ни нашимъ правнукамъ; время, налегшее свинцовою тучею на все живущее, на все чувствующее, на все размышляющее; время, похоронившее подъ своими ледяными слоями послѣдніе остатки свободы человѣчества, — свободы воли, пощаженной и самимъ демономъ въ Еввѣ, и самимъ Нерономъ въ Сенекѣ. Наступило время «домашняго законодательства»! Восьмидесятилѣтняя, полумертвая, полусгнившая старуха говорила слово, и это слово становилось «правиломъ»; и все

должно было говорить, какъ говорила эта старуха; и все должно было размышлять, какъ размышляла эта старуха; и все должно было чувствовать, какъ чувствовала эта старуха, которая ничего не чувствовала.

Горько было, говорить, видѣть едва распускающіяся розы, еще незнакомыя съ прелестями весны и лѣта, еще не успѣвшія взглянуть ни на голубое небо, ни на красное солнце, ни на таинственную природу; бѣлыя, гордыя лиліи, спорящія красотою съ самыми розами, скромныя фіялки и незабудочки, покойно доцвѣтающія весну свою, — горько было видѣть все это гибнущимъ подъ тяжелою, смертоносною тучею! И никто не шелъ на помощь; ни чей отрадный голосъ не раздавался посреди всеобщей пустыни. Все сжалось, опустило въ трепетъ листочки, приклонилось печально другъ къ другу, и безмолвно ожидало рѣшенія грустной участи, — всеобщей кончины.

Все въ природѣ, и даже самая природа имѣютъ свои границы, свои степени; все подлежитъ законамъ необходимости. Домашнее законодательство безгранично: домашнее законодательство — вѣчно-движущаяся машина. Пока существуютъ старухи и общество, домашнее законодательство безпредѣльно. Судя и пересуживая своихъ, невольно коснешься и до чужаго; а молва ловить, а молва переносить; молва имѣетъ болѣе подписчиковъ, нежели самый Penny Magazine.

Въ одной части славнаго города Утрехта одна знатная дама въ праздникъ надѣла будничную шляпку; въ другой части двѣ знатныя дамы сказали, что она не умѣетъ одѣваться. Въ первой части всѣ закричали, что эти двѣ знатныя дамы слишкомъ много узнаютъ скоро; въ послѣдней части всѣ закричали, что это явная обида цѣлому обществу. Первая часть объявила, что съ этихъ поръ рѣшительно прекращается всякое сообщеніе съ послѣднею; послѣдняя часть объявила, что это еще съ незапамятныхъ временъ ея первое же-

ланіе. Пограничныя части города затворили ворота и выставили часовыхъ. Едва извѣстіе объ этомъ разнеслось по предмѣстьямъ, предмѣстья немедленно приняли въ этомъ участіе. Женщина создана для крайностей. Держать средину въ какомъ-нибудь спорѣ для нея тоже, что для сороки быть безмолвною среди всеобщаго щебетанія. Утрехтъ раздѣлился на двѣ стороны.

Подчиненныя невольно принимаютъ участіе во всемъ, что касается до ихъ правительницъ; правительницы невольно принимаютъ участіе во всемъ, что касается до ихъ подчиненныхъ. Разрывъ между господами разрываетъ всѣ тѣсныя связи и между ихъ служанками; обида, нанесенная служанкѣ, есть уже обида и господамъ ея. При всеобщемъ раздѣленіи Утрехта истина эта обнаружилась еще яснѣе. Во всѣхъ граничащихъ съ собою частяхъ города, которыя пристали къ той или другой сторонѣ, ни одна кухарка не хотѣла уже выливать иначе помоевъ какъ на непріятельскую землю; ни одна горничная — иначе выбросить сора какъ на непріятельскую землю. Все, что находили нечистаго, обношеннаго, сквернаго, гадкаго, летѣло на непріятельскую землю. Часовыя удвоились. Насмѣшки, колкости, злоупотребленія тоже. Всѣ видятъ нужду въ переговорахъ; но о томъ никто и слышать не хочетъ. Дѣло доходитъ до насилія. Противъ силы одинъ отпоръ, — сила. Утрехтъ превращается въ ужаснѣйшій вулканъ, ежеминутно готовый брызнуть на всѣ стороны огнемъ, камнями, дымомъ, пепломъ и лавою.

Сильные порывы вѣтра, взрывая морскія волны, открываютъ подводные камни и утесы; сильныя потрясенія души и сердца обнаруживаютъ сокровеннѣйшія тайны челоуѣка. Голосъ всеобщаго возстанія, подобно бурной рѣкѣ, разлился по городу. Все полетѣло вслѣдъ за первою мыслью; гроза заре-

вѣла во всей силѣ. «Довольно мы терпѣли! Онѣ думаютъ, что безъ мужичинъ не можемъ отразить ихъ дерзостей! Мы не дѣти! Забирать всѣхъ непріятельницъ! Тюрьмы пусты; будетъ мѣста для всѣхъ.» Это говорили женщины въ Утрехтъ. Это говорили тѣ самыя женщины, которыя за нѣсколько времени называли законы мужичинъ кровавыми, и которыя при видѣ раздавленной мухи падали въ обморокъ.

Бдѣніе стражей усилилось, число военнопленныхъ увеличилось. Начали вспыхивать небольшія схватки; оказалась необходимость въ генеральномъ сраженіи. Все, что не имѣло сильнаго духа, бѣжало; все, что не могло бѣжать, спряталось; остались одни герои.

«Моя милая, ты идешь на сраженіе?—Бабушка приказала непременно тамъ присутствовать. — Ахъ, это должно быть пристрашно?—Фи, мой другъ! ни одного мужичины не будетъ. Ты не видала еще формы мундировъ? — Развѣ станутъ сражаться въ мундирахъ?—А развѣ можно сражаться безъ мундировъ?—Какимъ же образомъ мы станемъ сражаться?—Я спрячусь гдѣ нибудь за дерево. — Фи, мой другъ! намъ должно быть примѣромъ.— А ежели убьютъ!—Какъ это можно! Бабушка говоритъ, что до смерти сражаться не станутъ. — Я слышала, даже хотятъ стрѣлять изъ пушекъ.—О, нѣтъ! Онѣ давно всѣ заржавѣли.—Ихъ смажутъ Прованскимъ масломъ! — Какъ это странно, мы станемъ сражаться!—Что же? Развѣ женщины не сражались прежде, да еще съ мужичинами.—По крайней мѣрѣ не всѣ! — Кузина ни какъ не хочетъ! — Моя тетушка также. Бабушка на нихъ за это очень сердится.—Послѣ сраженія будетъ балъ въ честь побѣдителей. — Съ кѣмъ же мы танцовать станемъ?—Другъ съ другомъ. — Какъ скучно! — Моя горничная пропала съ самаго утра. Онѣ всѣ на площади для полученія оружія.—Сколько времени будетъ продолжаться сраженіе? — Я думаю, пока всѣ устанутъ. — И потомъ за-

ключать миръ? — Безъ-сомнѣнія! — Не забудь взять съ собою бутылочку о-де-колоня на случай! Я отъ тебя не отстану».

Медленно, печально загоралась на востокъ заря, никогда небывалаго на землѣ утра; медленно, печально всходило золотое солнце, и первые лучи его съ изумленіемъ остановились на коняхъ женскаго воинства. Птицы во всей Голландіи оставили птенцовъ своихъ, пчелы — душистые свои соты, бабочки — цвѣты свои: все летѣло смотрѣть никогда невиданное сраженіе; вся природа устремляла глаза на одно изъ чудесъ своихъ.

Подобно двумъ разноцвѣтнымъ, живымъ, усеян-нымъ блесками гирляндамъ, растянумось воинство по зеленой равнинѣ; подобно ропоту волнъ шумѣлъ никогда неумолкающій его говоръ. Грапула вѣстовая пушка, и ряды въ безпорядкѣ двинулись впередъ, кромѣ перепавшихъ отъ испуга въ обморокъ.

Въ первыхъ рядахъ торговли; вслѣдъ за ними провинціальныя дамы; по сторонамъ, вооруженныя по-жами кухарки и прачки; въ центрѣ — трактирщицы; немного позади — всегда веселыя горничныя; въ арріер-гардѣ дрожащій beau-monde всѣхъ девяти частей Утрехта, — для примѣра.

Гдѣ мнѣ взять перо Гомерова
Съ звонкой лирой Аполлоновой,
Чтобы вамъ теперь описывать
Безиримтное сраженіе?
Не унылымъ пѣснямъ горлепки
Пѣть победы Ахиллесовы;
Не пустынному отшельнику
Спорить съ кликами народными.
Помогите, музы Греціи,
Ты, живая муза Байрона!
Отметите на мгновеніе
Отъ Парнаса громоноснаго;
Принесите мнѣ пустыннику
Стрѣлы грозивыя Юпитера,

Краснорѣчіе Меркурія!
 Страшно плыть въ ладѣ безъ паруса,
 Безъ кормила и безъ кормчаго;
 Безразсудно въ часъ полуночи
 Въ путь пускаться одинокому.
 Не летятъ ни музы Греціи,
 Ни живая муза Байрона;
 Нѣтъ, не мнѣ, не мнѣ описывать
 Безпримѣрное сраженіе!

Ни звучнаго ура, ни ободрительнаго — въ штыки!
 Новыя слова, новыя восклицанія. Оружіе въ сторо-
 ну, руки впередъ, и — за волосы!.....

«Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно!»

Ban-monde, въ смущеніи, на право кругомъ, и на-
 задъ; горничныя съ хохотомъ въ разныя стороны.

Солнце взошло совершенно; все ожило новою жиз-
 нью, — сраженіе продолжается. Солнце уже высоко;
 тепло, жарко, душно; все ищетъ убѣжища подъ съ-
 нью прохлады, — сраженіе продолжается. Скоро ве-
 черъ; утомленная природа съ нетерпѣніемъ ждетъ
 смѣлы небесныхъ стражей, все смотритъ на западъ,
 — сраженіе продолжается. Довольно! довольно! Зав-
 тра можно пачать снова! Давно уже вечеръ! Роса, сы-
 ро, простуда, лихорадки, горячки!..... Сраженіе про-
 должается.

«Что намъ теперь съ ними дѣлать? — Я говорила, не
 стоило начинать! — Я говорила, этому и конца не бу-
 детъ! — Я говорила, все это напрасно! — Я говорила,
 лучше было дома сидѣть! — Я говорила..... Я гово-
 рила..... Я говорила..... — Помилуйте, не вы ли
 первыя?—Я! Избави, Боже, меня отъ этого! Вы нача-
 ли. — Вы! Нѣтъ, вы! — Я никогда не начинаю первая!
 — Вы начали. — Я и не думала! — Вы! — Нѣтъ, вы!
 Вспомните хорошенько! Вы сказали..... — Развѣ вы!
 —Я? До того ли мнѣ теперь! Вы, сударыня, вы! —Нѣтъ,
 вы? — Маменька, вступитесь за меня! Я смертельно
 обижена! Я не могу долѣе оставаться здѣсь! Вы, су-

дарыня, забываете съ кѣмъ говорите! Оставьте меня въ покоѣ! — Тетушка, развѣ вы не слышите, какъ смѣются надъ вами! — Господи, Боже мой! невозможно жить болѣе на свѣтѣ! — О мой Карлъ! — О мой Фридрихъ! — О, мой Эрнестъ! — О, мой Юлій! — О, друзья мои, друзья мои! Помните ли, какъ мы были всегда покойны? Съ какимъ почтеніемъ всегда къ намъ относилсъ? Какъ мы весело жили? Какъ искусно умѣли намъ угождать всѣ? Какъ пріятно было въ обществахъ? — Помните? — Помните? — Помните?.....»

«Надобно непременно сочинить мужчину!»

Я вздрогнулъ, лежа подъ землею.

«Новая мысль! — Прекрасная мысль! — Сочинить мужчину! — Ахъ, нельзя ли поскорѣе? Слышала ли ты Лизетта? Хотятъ сочинить мужчину. — Неужели? Ахъ, какъ это будетъ весело! Мы сами сочинимъ мужчину! — Я сочиню жениха себѣ! — И я! — Да и я! — И я! — Ну, такъ и я! — Фуй, мои милыя, что за глупости! Они должны искать насъ. — У меня будетъ военный! — У меня статскій! — У меня артистъ! — Что толку въ артистахъ: лучше военный! — Военнаго! — Военнаго! — Гусара! — Улана! — Драгуна! — Фп, какой вкусъ! что можетъ быть лучше камеръ-юнкера? — У меня будетъ поэтъ! — Нѣтъ, нѣтъ, — поэты слишкомъ дерзки!»

«Ахъ, мои милыя, намъ не позволяютъ и думать о мужчинахъ! — Зачѣмъ? — Мы, говорятъ, дѣвицы. — Да вѣдь всѣ титулы уничтожены? — Уничтожены, а когда дѣло коснется до мужчинъ, такъ тутъ является новая аристократія; аристократія замужнихъ шенщинъ, которыя говорятъ, что всѣ мужчины принадлежатъ однимъ имъ, по какой-то привилегіи. — Какъ скучно! Что жъ теперь будетъ? — Женщины берутъ все на себя. Онѣ говорятъ, что лучше насъ знаютъ мужчинъ, и по ихъ мужчины должны быть точ-

но такіе, какіе бываютъ въ романахъ. — Да, да! онѣ говорятъ, что мужчины ихъ будутъ отличные, а вдовы идутъ къ нимъ въ совѣтницы и хотятъ ихъ руководствовать. — Какъ весело быть женщиной! Онѣ могутъ все дѣлать! — Я сочиню себѣ мужчину тихонько! — А если увидятъ? — Кому увидѣть? — Пойдемте, пойдемте!»

И пошли.

«Съ чего начать? — Съ прически! — Какую дать ему прическу? — *A la corne d'abondance!* — Скверно! — Скверно! Гладкую! — Гладкую! — *A la corne d'abondance!* — *Fi!* Непременно, *à la corne d'abondance!* Таковъ духъ времени. Надобно во всемъ имѣть въ виду духъ времени! — Начнемте! — Начнемте!»

И начали.

Можете представить!

Во время этихъ безпорядковъ, заговорщицы, бывшія причиною всѣхъ несчастій, по недовѣрчивости къ успѣху затѣянной фабрикаціи, или испугавшись бѣдствія, причиненнаго своей легкомысленностью, вели тайныя переговоры съ своей волшебницею о возвращеніи городу прежнихъ мужчинъ. Дѣло встрѣчало сильныя затрудненія со стороны бургомистерши и нѣсколькихъ другихъ дамъ, которыя никакъ не соглашались на отдачу имъ тѣхъ самыхъ мужей, и вдовы, по усердію къ пользамъ своего пола, ревностно отсовѣтывали эту мѣру, утверждая, что въ прежнихъ мужчинахъ были разныя недостатки, несовершенства, неполноты, поврежденія, требующія предварительной починки. Однако жъ дѣло сладилось. Не знаю, какимъ образомъ, — только 29 ноябрю, о самой полуночи мы почувствовали сильный ударъ въ землю, которою были придавлены, и разомъ выскочили всѣ наружу. Я очутился на той же кровати, съ которой за два мѣсяца съ половиной провалился подъ землю.

Что мы дѣлали подѣ землею? Мы спали. Мы были заколдованы, и находились все это время въ странномъ, неразгаданомъ оцѣпенѣніи.

Бургомистръ сорвалъ съ себя парикъ съ отчаянія, увидѣвъ весь славный городъ Утрехтъ вверху - ногами. Ноября 30, поутру, собрался въ ратушѣ Большой Совѣтъ, и положено было произвести формальное слѣдствіе. Бургомистръ былъ увѣренъ, что это работа Бельгійцевъ.

Въ тотъ же день, слѣдствіе началось съ торжественными обрядами; но къ вечеру бургомистръ внезапно закрылъ комиссію. Оказалось, что его супруга и супруги его сочленовъ были главными зачинщицами всего безпорядка. Съ той минуты признали необходимымъ скорѣе замѣять дѣло, и городовое начальство приняло всѣ нужныя мѣры, чтобы извѣстіе объ этой домашней революціи не распространялось за черту города. Съ самыхъ болтливыхъ, въ томъ числѣ и съ меня, взяли подписки.

Нѣтъ надежды, чтобы это странное событіе было когда-либо описано въ Утрехтскихъ журналахъ, потому что жены тамошнихъ журналистовъ были самыя отчаянныя мятежницы.

А. ТИМОФЕЕВЪ.

=

Т Е О Р І Я

ОБРАЗОВАННОЙ БЕСѢДЫ.

=

Я очень часто слышу—«У насъ еще нѣтъ бесѣды!» Какъ это жаль! Научите же насъ бесѣдовать, вы, которые говорите, что у насъ нѣтъ бесѣды.

Бесѣда есть искусство — вмѣшиваться языкомъ въ чужія дѣла. Какъ всякое искусство, она имѣетъ свои правила, которыя надобно сперва изложить, ежели хотите, чтобы у насъ тоже завелась бесѣда. Я вижу, что изъ ревности къ благу отечества и пользамъ народной образованности, принужденъ буду самъ написать риторику для употребленія желающихъ правильно разсуждать о томъ, что до нихъ вовсе не касается.

Есть разныя бесѣды. Одна изъ нихъ, самая естественная и самая полезная, называется—глупая бесѣда. Это царица бесѣдъ, бесѣда безъ притязаній, чистосердечная, добрая, откровенная, очень похожая на дружбу, хотя большею частію происходитъ между людьми совершенно чуждыми другъ другу. Въ ней участвуютъ всѣ вообще; она обработана наилучшимъ образомъ, доведена до совершенства на цѣломъ земномъ шарѣ, и одна заключаетъ въ себѣ источникъ основательнаго знанія: только изъ этой бесѣды вы можете составить себѣ полную и хорошую статистику недостатковъ, пороковъ, средствъ и глупостей сосѣдовъ и пріятелей.

Второй родъ бесѣды основанъ на зависти, и занимается только чистою и прикладною клеветою. Это бесѣда лакеевъ и мелкихъ литераторовъ.

Третій родъ—бесѣда поучительная. Она теперь вышла изъ употребленія, но въ прежнія времена при ней очень хорошо спалось.

Бесѣда между дѣловыми и любовниками не называется бесѣдою, но методою взаимнаго надуванія. Притомъ, она производится по угламъ.

Наконецъ послѣдній и самый утонченный родъ бесѣды—бесѣда изящная, или образованная. Она разсуждаетъ ни объ чемъ и ни о комъ. Это верхъ искусства.

Когда народъ доходить до той степени умственнаго совершенства, что можетъ по цѣлымъ суткамъ говорить умно ни объ чемъ и ни о комъ, тогда только онъ достоинъ имени истинно образованнаго народа.

Мы, Русскіе, можемъ безъ преувеличенія сказать о себѣ, что, образуясь да образуясь, уже достигли половины этого совершенства: мы уже очень хорошо и плавно разговариваемъ ни объ чемъ, и только не знаемъ какъ сдѣлать, чтобы собравшись вмѣстѣ, не говорить о комъ-нибудь.

А въ этомъ вся сила!

Объ чемъ же говорить, когда вы запрещаете разговоръ о комъ-нибудь?..... Какъ объ чемъ! Говорите каждый о себѣ. Искусство образованной, или изящной бесѣды состоитъ именно въ томъ, чтобы каждый говорилъ о себѣ, но такъ, чтобы другіе этого не примѣчали.

Я очень желалъ бы растолковать вамъ, какъ это дѣлается, и изложить здѣсь полную теорію образованной бесѣды, но боюсь, что многіе не поймутъ меня. Это предметъ очень отвлеченный и тѣсно связанный съ человѣчествомъ, обществомъ, нравами, идеями и другими доселѣ очень темными задачами,—даже съ самоваромъ, котораго тоже у насъ никто еще не понимаетъ. Для этого надобно начать издалека. Надобно, во-первыхъ, найти центръ нравовъ. Я, не хвастая, нашелъ его.

Какъ долго я искалъ его, о томъ нечего и говорить. Что подало мнѣ поводъ искать? Это другой вопросъ.

Все въ міръ имѣеть свой центръ : я былъ увѣренъ что и въ нынѣшнихъ нашихъ правахъ долженъ быть пунктъ, полюсь, средоточіе, около котораго они движутся, текутъ, обращаются, описываютъ свою годичную орбиту, выступивъ изъ главной точки поклона въ Новый годъ и пролетая чрезъ зимніе балы и маскарады, черезъ канцеляріи и масляницу, черезъ Свѣтлую недѣлю, гулянья и дачи, черезъ осенніе вечера и вечеринки, доколѣ не возвратятся опять къ главной точкѣ поклона въ Новый годъ, изъ которой вышли, съ награжденіемъ, или безъ награжденія. Періодическое возобновленіе однихъ и тѣхъ же явленій въ нашихъ нравахъ всегда заставляло меня думать, что они слѣдуютъ геометрическимъ правиламъ круговращенія: но гдѣ центръ этого круга? Взявъ циркуль въ руки, вы легко его отыщете. Помощію этого прекраснаго орудія, вы тотчасъ откроете, что центръ нравовъ находится гдѣ-то въ вечернемъ ихъ отдѣленіи, въ сумеркахъ. Ставя одну ножку циркуля попеременно на одной изъ двухъ примѣчательнѣйшихъ точекъ орбиты, напримѣръ, на поклонѣ, или награжденіи въ Новый годъ, и на поклонѣ, или награжденіи въ Свѣтлое воскресенье, — это точки равенства нашихъ нравовъ, — и чертя другою ножкою дуги по поверхности времени, заключеннаго въ орбиту, вы примѣчаете, что эти дуги пересѣкаются въ вечернихъ часахъ, болѣе или менѣе. И дѣйствительно: это выводится и разсужденіемъ. Поутру нѣтъ нравовъ, — есть только дѣла и заботы. Кофе, супружеская ссора послѣ кофе, потомъ завтракъ, прогулка, посѣщеніе магазиновъ, обѣдъ, — тоже не нравы, а просто обычаи, приготовленія къ нравамъ, которые собственно начинаются при свѣчахъ, какъ скоро начнется пищевареніе. Прошу замѣтить, что я не смѣшиваю нравовъ съ обычаями и не придаю ихъ имени ни привычкамъ, ни модамъ, ни господствующимъ мнѣніямъ, такъ, что если когда

сочиню романъ, въ которомъ будетъ описано, какъ люди сидятъ, лежатъ, ходятъ, ѣдятъ, ѣдятъ и пьютъ, или на чемъ они сидятъ, въ чемъ ходятъ, куда и за-чѣмъ ѣдятъ, что ѣдятъ и сколько пьютъ, тоназову его только статистикою обычаевъ, а не нравоописательнымъ романомъ. Это мой кавыкъ, — потому что правами какого-нибудь народа или вѣка почитаю я тотъ особенный, тонкій, летучій какъ улыбка, отвлеченный какъ Я, отпечатокъ эпохи на человѣческихъ страстяхъ, который сообщаетъ имъ характеръ и физиономію, отличную отъ чертъ, отъ профили тѣхъ же страстей у другого народа и въ другое время; или, говоря какъ можно яснѣе, тотъ отличительный, самобытный образъ, по которому въ данномъ народѣ и вѣкѣ дѣйствуютъ умъ и сердце, когда народу хочется ѣсть и пить, а еще болѣе, когда онъ наѣстся и напьется. Если это не ясно, такъ ужъ я невиноватъ!

Даже самый центръ нравовъ можетъ заключаться въ одномъ какомъ-нибудь обычаѣ, около котораго они вертятся какъ планеты около солнца; но и тутъ обычая не слѣдуетъ принимать за нравъ.

Мы теперь ищемъ этого центра. Зная уже, что центръ нашихъ нравовъ скрывается гдѣ-то въ вечернихъ часахъ, мы въ правѣ заключить, что онъ находится въ которомъ-нибудь изъ обычаевъ, присвоенныхъ этому времени. Ищите же его. Я искалъ его всюду, — въ уборной, пока не подадутъ свѣчь, — на карточномъ столикѣ, — даже подъ столикомъ, — но тутъ его не было, хотя всѣ эти точки уже очень близки къ нему и образуютъ вкругъ него родъ Малой Медвѣдицы. Наконецъ я открылъ его: центръ нынѣшнихъ нашихъ нравовъ — въ самоварѣ. Этотъ дивный сосудъ — настоящее средоточіе цѣлой ихъ системы, которая тяготеетъ на него со всѣхъ своихъ точекъ; въ немъ соединяются всѣ ея радіусы.

Это открытіе стоитъ всякаго другаго!

Обычай, котораго самоваръ составляетъ ядро и душу, занялъ мѣсто въ самой серединѣ нравовъ нашего вѣка, и привлекаетъ къ себѣ ихъ частицы съ цѣлою суточной жизни человѣка. Вокругъ него движется особый міръ, который назову я міромъ самоварнымъ, — міръ удивительный, странный, разнообразный, обширный какъ весь нашъ бытъ; міръ не менѣе любопытный міра звѣзднаго, міра насѣкомыхъ, міра Славянскаго, міра умозрительнаго, и несравненно любопытнѣе міра Индо-Германскаго. Мы, въ нашемъ XIX вѣкѣ, весь день живемъ только для того, чтобъ ввечеру собраться вокругъ самовара, какъ въ минувшемъ вѣкѣ люди жили только для ужина, и сюда-то каждый приноситъ самого себя, чтобъ представлять свой вѣкъ по-своему, — а итогъ всѣхъ этихъ представлений есть выраженіе нравовъ эпохи. Чтобъ постигнуть наши нравы, прежде всего надобно понять самоваръ, — его положеніе въ обществѣ, — его важность и вліяніе, — его свойство отражать на своей зеркальной поверхности истинную нравственную фнзіономію cadaго. — Теперь размышляйте!.... какъ говорилъ Фихте своимъ слушателямъ. Постигните хорошо это свойство самовара: въ немъ заключается основаніе всей теоріи образованной бесѣды.

Однимъ словомъ, чтобъ получить настоящій высшій взглядъ на наши нравы, съ точки, дозволяющей окинуть все ихъ пространство, необходимо нужно сѣсть на трубѣ самовара въ ту минуту, когда онъ кипитъ на столѣ передъ диваномъ и посреди комнаты. Рекомендую это мѣсто сочинителямъ нраво-описательныхъ романовъ, какъ чрезвычайно удобное для тонкихъ наблюденій.

Многіе будутъ оспаривать мое толкованіе самовара, но оспаривать можно все на свѣтѣ: директоръ Вѣнской обсерваторіи оспариваетъ систему Коперника! Я отнюдь не сомнѣваюсь, что самоваръ, или

обычай кушать чай ввечеру, есть единый центръ нашихъ нравовъ, и слѣдственно, единое зеркало, въ которомъ можно видѣть нравственный профиль каждаго. Утренній самоваръ не имѣетъ того значенія: потру многіе кушаютъ кофе и шоколатъ; другіе, болѣе приближенные къ природѣ, менѣе испорченные, довольствуются грогомъ, наливками, даже водкою; и вообще утренній самоваръ, — самоваръ въ халатъ и туфляхъ, самоваръ въ чепчикѣ, непричесанный, неумытый, не представляетъ ничего общественнаго, не отражаетъ ни какой страсти. Вечерній — другое дѣло! Тогда въ самоварѣ кипятъ мысли, страсти, самолюбія, надежды, опасенія и пользы всего общества. Тогда каждый старается выказать чѣмъ-нибудь передъ самоваромъ свое отношеніе къ обществу, нарисоваться въ своемъ подлинномъ видѣ, во всей своей важности. Тогда..... Словомъ, тогда все общество заключается въ своемъ самоварѣ.

Вы видите, что это ведетъ прямо къ основному началу образованной бесѣды, въ которой каждый долженъ говорить о себѣ.

Мы говорили о обществѣ.

И что такое общество! Люди? Ба, какіе люди! Общество есть собраніе индивидуальныхъ идей данной эпохи. Люди состоятъ изъ лицъ; лице состоитъ всегда изъ своей идеи. Каждый человекъ выражаетъ собою только одну какую-нибудь идею, которой онъ служить простою оболочкою, и которой на известное время отдаетъ на прокатъ свою голову, свои глаза, свои уши, свой языкъ, руки, ноги, все тѣло; онъ ея рабъ и орудіе; онъ твердъ этой идеѣ; около нея вращаются его способности, мысли, чувства и онъ самъ, всѣмъ своимъ нравственнымъ бытомъ; въ ней изсякаетъ весь онъ, когда она расширяется, и изъ нея выходитъ для общества его характери-

ческій образъ при ея сжиманіи. Въ обществѣ собственно нѣтъ человѣка: человѣкъ общественный есть всегда какая-нибудь воплощенная идея. И когда вы видите обломокъ общества, обогнутый дугою вокругъ какого нибудь самовара, не думайте, чтобы эти фигуры, которыя съ чашками чаю сидятъ на стульяхъ, были люди: съ чашками чаю сидятъ все иден.

Эти идеи мало-по-малу начинаютъ бродить въ головахъ, и вскорѣ устанавливается между ними соперничество, правильная борьба, сраженіе по всемъ правиламъ стратегіи. Каждая изъ нихъ старается вылезти наружу, пробить себѣ дорогу, очистить кругомъ себя поле; каждая подаетъ своей сосѣдкѣ дружескую руку, чтобы помочь ей развернуться, и между-тѣмъ потихоньку подставляетъ ей ногу, чтобы ее опрокинуть и самой занять ея мѣсто, и все безъ изъятія боится, чтобы другія не угадали ея плана. Это и есть образованная бесѣда. Нѣтъ ничего любопытнѣе, какъ наблюдать съ трубы самовара эту игру воплощенныхъ идей, и хитрости, которыя употребляютъ онѣ, чтобы овладѣть самоварнымъ поприщемъ. Но я вижу, что начинаю говорить очень отвлеченно, и что вы уже меня не понимаете. Я объясню это на примѣрѣ.

Несправедливо утверждаютъ наши пессимисты, будто у насъ вовсе нѣтъ изящной бесѣды. Я сто разъ бывалъ въ обществахъ, въ которыхъ все мы говорили очень умно весь вечеръ, и ровно ничего не сказали. Вотъ, на примѣрѣ, вчера, у моего почтеннаго пріятеля Павла Аполлоновича. Въ его самоварѣ вмѣщается сорокъ восемь чашекъ воды: доказательство, что мой пріятель не пустой человѣкъ, и имѣетъ все въ обществѣ. Самоваръ у него ставятъ всегда на столъ передъ диваномъ. На диванѣ, сидитъ всегда миссъ Джени, розовая Англичаночка, и топенькими Англійскими ручками полощетъ чашки. Она сидѣла

тамъ и вчера. Подлѣ нея сидѣла Катерина Павловна; подлѣ Катерины Павловны Софія Николаевна; подлѣ Софін Николаевны Каролина Егоровна, — далѣ Иванъ Ивановичъ. Возлѣ него Петръ Петровичъ; рядомъ съ нимъ Евгений Васильевичъ; тутъ Илья Сергѣевичъ и Сергѣй Ильичъ; тамъ Ѳедоръ Тимоѳеевичъ и Тимоѳей Алексѣевичъ, — а здѣсь я, Павелъ Аполлоновичъ и какой-то господинъ въ очкахъ.

У Павла Аполлоновича есть идея, что онъ тайный совѣтникъ: вы никакъ ея не вытолкаете изъ него; это основаніе его ума и мѣра, къ которой онъ приводитъ людей и вещи. Она вчера прекрасно отражалась въ его самоварѣ. Идея Ѳедора Тимоѳеевича — большой шлемъ: онъ, когда размышляетъ, размышляетъ только объ этомъ; соображеніе средствъ и путей, ведущихъ къ полнымъ тринадцати взяткамъ, есть его любимая дума послѣ заботъ, послѣ дѣлъ, даже средь дѣлъ и заботъ; онъ только думаетъ, какъ-бы задать большой шлемъ; онъ отдыхаетъ на этой думѣ, въ ней ищетъ отвлеченныхъ наслажденій, на ней катается и равновѣсится; она въ немъ какъ свинецъ въ груди Китайскаго болванчика, который, какъ бы вы его не поставили, бокомъ, на-взничъ и вверхъ-дномъ, всегда самъ собою перекувырнется и станетъ на ноги. Впрочемъ, Ѳедоръ Тимоѳеевичъ — человекъ умный и образованный, какъ всѣ, которые тутъ были; онъ всѣми мѣрами скрываетъ свою идею, но вы можете увидѣть ее въ самоварѣ, и я навѣрное знаю, что онъ только воплощенный шлемъ. Идея Тимоѳея Алексѣевича — фабрика; Каролины Егоровны идея — дворъ. У Сергѣя Ильича есть идея — Англійская верховая лошадь; у Ильи Сергѣевича есть идея — Петербургскій климатъ; у Катерины Павловны есть идея — счастье; у Ивана Ивановича есть идея — покупка вещей съ молотка; у Петра Петровича есть идея — архитектура; у Евгения Васильевича есть идея — большой свѣтъ, а идея Софін

Николаевны — что нѣтъ ничего прелестнѣе привздернутаго ея носика. У розовой Англичанки своя идея, — что она Англичанка, а это все Русскіе. Моя идея — что человекъ выдуманъ только для одной идеи, а идея господина въ очкахъ — что онъ поэтъ, и это самая странная изъ всѣхъ вышеписанныхъ идей.

Тутъ еще былъ докторъ, котораго идей было пѣніе; и былъ каммергеръ, котораго идей былъ Бентамъ; и была барышня, которой идей былъ женихъ съ двумя тысячами душъ; и былъ лысый толстякъ, котораго идей была красота; и былъ бѣдный литераторъ, котораго идей была знать.

Первыя чашки душистаго чаю мгновенно разогрѣли всѣхъ идеи. Изъ движенія ихъ начало постепенно образоваться то, что называютъ общимъ разговоромъ. Каждый изъ собесѣдниковъ сталъ непримѣтно натягивать его изъ всѣхъ силъ къ своей идее. Больно было смотрѣть на потаенную борьбу самолюбій, на усилія изящнаго лицемерства скрывать свои огорченія и казаться равнодушнымъ, на отчаяніе неуспѣвавшихъ выступить передъ лице самовара съ своимъ кореннымъ помысломъ и принужденныхъ изъ учтивости подкидывать обломки своего чтенія въ жернова чужаго понятія. Однѣ идеи немилосердно давили другія. Люди внутренне терзались, улыбались и запивали чаемъ.

Каролина Егоровна говорила о дворѣ.

Сергѣй Ильичъ скакалъ вокругъ ея плотнаго разсказа, и не находилъ нигдѣ пролома, чтобъ вторгнуться въ него на своей Англійской лошади. Она уже сходила съ дворцовой лѣстницы и стояла за колонною, ожидая пока подадутъ карету; онъ уже заговорилъ о колоннѣ, уже хотѣлъ сказать, что имѣлъ счастіе видѣть ее тамъ, проѣзжая въ эту минуту по площади на своей Англійской лошади, какъ Петръ Петровичъ невзначай схватилъ эту колонну обѣими руками,

и пустился разсуждать объ архитектурѣ, — перестраивать всѣ дворцы и дома, протягивать фронтоны во всю длину зданій, воздвигать арки въ готическомъ стилѣ и восхищаться сладострастною формою куполовъ у Аѳинянъ въ лучшія времена Греческаго вкуса. Петръ Петровичъ несъ ужасную гиль, но говорилъ съ такою самонадѣянностью, что всѣ сидѣвшіе вокругъ самовара идеи должны были таскать для него известъ, которою онъ уже собирался выбѣлнить всѣ Аѳинскіе куполы для лучшаго эффекта.

Тутъ онъ упомянулъ о куполѣ собора Св. Павла въ Лондонѣ, и Сергѣй Ильичъ прогналъ его съ лѣсовъ страшнымъ пожаромъ Вестминстеръ - Голля, отъ котораго онъ перешелъ къ анекдоту объ Англійскихъ ворахъ, отъ которыхъ перешагнулъ онъ въ Англійскій парламентъ, который прямо приводилъ его къ превосходству Англійскихъ лошадей и къ его верховой ѣздѣ. Я уже видѣлъ, какъ онъ въ мысли съдѣлалъ свою лошадь.....

По несчастію, онъ произнесъ слово «промышленность», — какъ не произнести его, говоря объ Англіи! — и проигралъ дѣло: Иванъ Ивановичъ, который въ тотъ самый день дешево купилъ у Тампзіе двѣ Китайскія куклы съ публичнаго торга, возразилъ, что Китайцы не уступаютъ Англичанамъ въ тонкости и изящности издѣлій. Ударъ былъ ловкій и счастливый: онъ вдругъ вышибъ Сергѣя Петровича изъ его предмета, поворотилъ бесѣду въ другую сторону и открылъ Ивану Ивановичу прекрасный случай выложить всю старую бронзу, купленную имъ очень дешево вмѣстѣ съ куклами. Иванъ Ивановичъ открылъ планъ своихъ дѣйствій отмѣнною тирадою о Китайцахъ..... Несчастный Иванъ Ивановичъ! тебѣ не суждено было явиться вчера окруженнымъ лучами твоей идеи. Напротивъ тебя сидѣлъ Илья Сергѣевичъ съ пасмурною идеей Петербургскаго климата!.....

Илья Сергѣевичъ давно уже искалъ случая сказать, что вчера шелъ дождь, а сегодня поутру была прекрасная погода, которая скоро смѣнилась холоднымъ вѣтромъ, и не успѣлъ втерѣться съ этимъ наблюденіемъ ни въ придворныя вѣсти Каролины Егоровны, ни промежду Аѳинскихъ куполовъ Петра Петровича, ни въ Англійскій парламентъ Сергѣя Ильича. Теперь пришла его очередь.

— Позвольте вамъ замѣтить, сказалъ онъ: вы говорите о Китайской промышленности и сравниваете ее съ Европейскою. Образованность Китая неподвижна; онъ не измѣнился въ теченіе четырехъ тысячъ лѣтъ....

Вы, которые никогда не разлагали химически общественнаго разговора, не доискивались его началъ, не изучали его теоріи, — вы вѣрно подумаете, что Илья Сергѣевичъ дѣйствительно хотѣлъ говорить о Китаѣ и сравнивать его образованность съ нашею? О, какъ вы жестоко ошибаетесь! Вотъ, что значитъ не понимать самовара! Илья Сергѣевичъ заговорилъ объ неизмѣнности Китая единственно потому, что предвидѣлъ возможность легко перейти отъ нея къ перемѣчивости Петербургскаго климата, къ вліянію его на здоровье, къ своему насморку, къ тому, что онъ болѣнъ, что не можетъ болѣе жить въ здѣшной столицѣ. Онъ бы непременно достигъ этого важнаго результата и нарисовался съ своей идеей, если бъ тутъ не было незавидной фигурки въ очкахъ, въ которой гнѣздилося понятіе, что она поэтъ. До того времени она не произносила ни слова, и, казалось, никто не обращалъ на нее вниманія. Она медленно отняла отъ устъ чашку, и пустила въ Илью Сергѣевича быстрый лучъ взора черезъ верхъ очковъ своихъ. Илья Сергѣевичъ остановился.

— Я удивляюсь, сказала она ему, что вы человѣкъ умный, знающій *перемѣчивость* вещей этого свѣта.....

Илья Сергѣевичъ смутился еще болѣе: слово «непремѣнчивость» поразило его какъ громомъ; онъ подумалъ, что его идея открыта, — что онъ самъ разгаданъ! Онъ даже не зналъ этой фигурки. О, если бы онъ зналъ, что это былъ только поэтъ, стихотворецъ, сочинитель, онъ раздавилъ бы его своей гордостью, и непремѣнно сказалъ бы тутъ же, что вчера шелъ «дождикъ!» Онъ не зналъ этого! Подумайте, отъ какихъ случаевъ зависитъ судьба вашей идеи въ образованной бесѣдѣ! и отъ какихъ лицъ. Между-тѣмъ фигурка въ очкахъ продолжала:

— Я удивляюсь, что вы такъ важно повторяете старое повѣрье литературнаго свѣта о мнимой неизмѣнности Китая. Правда, всѣ утверждаютъ, что Китай не измѣнился въ четыре тысячи лѣтъ, что его образованность неподвижна....

— Но господинъ Х***овъ, — это было сказано по-Французски Софіей Николаевною, которая мигомъ смекнула всю пользу новаго предмета: она надѣялась, что, по случаю Китайской образованности, зайдетъ рѣчь о Китайскихъ носкахъ, которые очень гадки, и что всѣ конечно примѣтятся привздернутый носикъ, составляющій коренную идею ея логики. — Но, господинъ Х***овъ, сказала она: вы принимаете сторону такихъ безобразныхъ людей, что я начинаю сомнѣваться въ вашемъ чувствѣ прекраснаго.

Тутъ пошелъ разборъ Китайскаго лица, и всѣ приняли участие въ разборѣ. Носикъ Софіи Николаевны сіялъ въ это время, какъ Галлеева комета, которая еще не сіяетъ, но будетъ сіять. Я увидѣлъ его въ самоварѣ.

Я не стану мучить вашего терпѣнія подробностями дальнѣйшаго хода вчерашней бесѣды. Она производилась такимъ же образомъ до самаго конца. Каждая изъ присутствующихъ идей засаждалась за разсужде-

ніемъ другой иден; бросалась на нее, какъ паукъ по своей ниткѣ, при первомъ признакѣ оплошности; высасывала изъ нея кровь и бросала се мертвою, если сама не была между-тѣмъ съедена тою, которая умѣла лучше воспользоваться случаемъ. Но, въ продолженіе этихъ безчисленныхъ переворотовъ, почти всѣ они успѣли потихоньку представиться лично собранію, каждая держась объ руку съ своимъ самолюбіемъ.

По случаю мороженаго Тимоѣей Антоновичъ нашелъ средство развернуть свои виды о фабрикахъ и народной промышленности.

Катерина Павловна говорила очень мило о счастіи по поводу очковъ поэта.

Ододоръ Тимоѣевичъ, услышавъ рѣчь о счастіи, разсказалъ своимъ сосѣдамъ, какъ онъ третьяго-дня задалъ три большіе шлема. Такого счастія онъ никогда еще не видывалъ!

Должно вамъ сказать правду, — хотя прежде и хотѣлъ утанть, такъ какъ я немножко сердить на Ивана Ивановича, — что, вслѣдствіе общаго разсужденія о послѣднихъ происшествіяхъ во Франціи, Иванъ Ивановичъ отыскалъ таки возможность поразсказать исторію о старой бронзѣ, купленной имъ съ молотка, и что онъ вообще говорилъ объ этомъ очень хорошо. Потомъ зашелъ разговоръ объ Египетскихъ древностяхъ.

Кажется, — но утверждать не стану, — что въ этотъ то разговоръ Илья Сергѣевичъ и вѣхалъ верхомъ на своей идеѣ, — я хотѣлъ сказать, на своей Англійской лошади, со своей обычною ловкостью въ наѣздничествѣ.

И такъ далѣе.

Расходясь, многіе изъ насъ повторяли: «Надобно сказать по совѣсти, что рѣдко найдется другой домъ въ Петербургѣ, гдѣ бы бесѣда была такъ образована и пріятна, какъ у Петра Аполлоновича!»

Однимъ словомъ, всѣ были въ восхищеніи, — исключая меня, — да еще Ильи Сергѣевича, котораго идея пропала безъ пользы, потому что во весь вечеръ ему ни разу не пришлось къ слову сказать что-нибудь про Петербургскій климатъ. Бѣдный Илья Сергѣевичъ!

Я слышалъ однако жъ, что, послѣ нашего ухода, когда сѣли играть въ карты, онъ успѣлъ, во время вздачи, слегка намекнуть, что вчера шелъ «дождикъ». И я очень радъ этому: Илья Сергѣевичъ добрый человѣкъ, и онъ дѣйствительно страждетъ весь вѣкъ насморкомъ отъ Петербурга.

Что касается до меня, то я рѣшительно не могъ вернуть своей идеи ни въ одинъ изъ тысячи одного предметовъ вчерашней нашей бесѣды, и признаюсь, не видѣлъ другаго средства облегчить свою досаду, какъ пересказавъ вамъ здѣсь эту знаменитую идею.

БАРОНЪ ВРАМБЕУСЪ.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

КАРЛИСТЫ и ФИЛИППИСТЫ.

СЦЕНЫ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ.

СТАТЬЯ Г. ФРЕДЕРИКА СУЛИЕ.

Прошу не думать, читая этотъ разсказъ, что я намеренъ былъ изобразить нравы страны, по которой долго ѣздилъ, по которой не имѣлъ времени изучать: это—истинное происшествіе; я описываю его точно такъ, какъ оно было, представляя и лица и характеры такими, какими ихъ видѣлъ. Это эпизодъ исторіи междоусобій двухъ главныхъ партій, раздѣляющихъ Францію. Правда, этотъ эпизодъ исторіи очень походитъ на водевилъ; но не моя вина, если водевилъ до того проникъ во Французскіе нравы, что даже и политическія дѣла кроются по его мѣркѣ. Видно, въ водевилѣ заключается истинный умъ нашего времени.

Въ сентябрѣ 1831 года семейныя дѣла заставили меня отправиться въ южныя части Франціи. Я пустился изъ Парижа съ однимъ моимъ пріятелемъ, Эрнестомъ Монфильономъ, молодымъ человекомъ, довольно красивой наружности, богатымъ и знатнымъ, расточавшимъ въ довольно дурномъ обществѣ наследство, котораго онъ ожидалъ отъ отца, маркиза Монфильона. Въ понедѣльникъ, въ полночь, мы сѣли въ карету, а въ четвертокъ, часовъ въ шесть, пріѣхали въ Тулузу, главный городъ Лангедока.

За дымомъ сигаръ мы совсѣмъ и не видали ста восьмидесяти льѣ, отдѣляющихъ Парижъ отъ Тулузы. Тотчасъ по прїѣздѣ въ этотъ ученый городъ, я узналъ, что нотаріусъ, въ рукахъ котораго было мое дѣло, отлучился куда-то на педѣлю: мнѣ цѣлую педѣлю оставалось ждать и скучать. Эрнестъ выпросилъ у меня это время, и минутъ черезъ двѣнадцать по прибытіи въ Тулузу, мы были уже въ дилижансѣ на пути къ Кастру. Мы взяли два мѣста спаружи почтовой кареты, не столько для того, чтобы разсѣяться видами, какъ для того, чтобы на свободѣ продолжать страшное потребленіе сигаръ, начатое съ самаго Парижа. Въ такомъ-то благополучномъ занятіи, въ которомъ мысль дремлетъ и вѣншіе предметы рѣдко проникаютъ до души, вдругъ очутились мы въ Кастрѣ, какъ-будто перескочили съ Тулузскихъ башенъ на рынокъ этого ткацкаго городка.

Свѣвъ на лошадей, которыхъ маркизь прислалъ за сыномъ въ Кастръ изъ родового помѣстья своего Монфиль-опъ, мы нѣсколько пробудились отъ долговременнаго сна, и съ удивленіемъ увидѣли окружающую насъ страну, къ которой мы совсѣмъ не были приготовлены. Признаюсь, что я былъ пораженъ видомъ и этой земли, и людей, и новыхъ костюмовъ, и звуками языка, уже вовсе не Французскаго; но мнѣ прїятно было разсматривать отличіе провинціи отъ столицы и знакомиться съ Франціею, которая была не Парижъ.

Сначала мы ѣхали довольно скоро по дорогѣ, проложенной по склону одного изъ высокихъ холмовъ, составляющихъ начало цѣпи, называемой Черною Горою, la Montagne Noire. За нами шелъ деревенскій паренъ, одѣтый довольно плохо, но очевидно по праздничному. На немъ былъ красный жилетъ, неприкрывавшій рубеза широкаго неподнятаго платья, которое морщилось отъ напряженія подтяжками; сырая куртка, еще короче жилета, довершала нарядъ его. Когда мы сѣли на лошадей, — надобно знать, что Яшка, или точнѣе, Жакѣ, уступилъ мнѣ своего коня, — онъ снѣлъ чулки и башмаки, чтобы провожать насъ пѣшкомъ: это мнѣ показалось глубоко обдуманнѣмъ способомъ угощенья обуви. Коня наши и рысью не перегоняли

пѣшаго провожатаго, а когда встрѣчался припорокъ, онъ еще поджидалъ насъ. Онъ садился тогда на камень, и глядѣлъ на насъ съ большимъ любопытствомъ. Я спросилъ Эрнеста, кто этотъ Жакѣ, — не работникъ ли съ какой-нибудь мызы его батюшки?

— Ба! Неужели ты думаешь, что батюшка станетъ обходиться такъ неуважительно съ будущимъ преемникомъ его имени? Онъ выслалъ ко мнѣ на встрѣчу собственнаго своего камердинера. Онъ бы выслалъ даже управителя, но Жакѣ говорилъ мнѣ, что управитель испортилъ себѣ ногу, обтесывая топоромъ колоду, и потому, къ крайнему своему и батюшкину прискорбію, не могъ имѣть чести встрѣтить меня.

Босологій камердинеръ, и управитель, работающій топоромъ около колоды, возбудили во мнѣ нѣкоторое удивленіе: я хотѣлъ уже начать вопросы, какъ вдругъ Жакѣ остановился, и сталъ прислушиваться. Эрнестъ придержалъ свою лошадь, и я услышалъ отдаленное, жалобное «ааауу», которое раздалось въ воздухъ какъ звукъ рога. Другой такой же крикъ, только болѣе визгливый, произнесенный женскимъ голосомъ, отвѣчалъ на это воззваніе.

— Что это? Ѣдетъ кто нибудь? спросилъ Эрнестъ, обращаясь къ Жакѣ.

— Нѣтъ, сударь, отвѣчалъ онъ: это Мазаметскіе ткачи «аукаются» съ Монфильонскими дѣвками.

Въ ту же минуту послышались еще два такіе крика, одинъ вопросный, другой отвѣтный, и съ обѣихъ сторонъ горы начался дуэтъ «ааауу», мужскихъ и женскихъ, становившихся чаще и чаще по мѣрѣ того, какъ виртуозы сближались.

— Не хочешь ли посмотрѣть на нашихъ работниковъ въ праздничныхъ платьяхъ? сказалъ мнѣ Эрнестъ.

— Нѣтъ; обращикъ у меня передъ глазами, отвѣчалъ я, указавъ на Жакѣ.

— О, по немъ судить нельзя! Онъ изъ вырожденной породы чистыхъ горцевъ. Это мужикъ съ равнины, развращенный Тулузскимъ просвѣщеніемъ, во время пѣздокъ своихъ съ батюшкой всякую зиму въ столицу Лангедока; одно изъ существъ переходныхъ между породами, всегда

почти смѣшныхъ и несовершенныхъ. Онъ — обезьяна между человекомъ и скотомъ; устрица между царствами животнымъ и прозябающимъ.

— Ну, такъ посмотримъ на чистую породу.

— Жакѣ, мнѣ бы хотѣлось видѣть ткачей.

— Слушаю, отвѣчалъ Жакѣ почтительно.

Онъ остановился, чтобы собраться съ духомъ, и потомъ испустилъ три «ааау», которыя долго раздавались въ горахъ. Отвѣтъ послышался тотчасъ, и мы продолжали путь нашъ.

— Вотъ средство сообщенія, которое стоитъ телеграфовъ, сказалъ я.

— О, отвѣчалъ онъ, если бы ты зналъ этотъ языкъ, онъ бы чрезвычайно тебѣ понравился. Весною, когда теплота атмосферы разогрѣетъ любовь во всемъ здѣшнемъ народѣ, весело слушать эти страстные разговоры, которые перелетаютъ съ горы на гору, никогда не смѣшиваясь. Есть что-то чудно-дикое въ этихъ громкихъ завываніяхъ, которыя возвыщаютъ долину появленіе красиваго горца, и въ крикѣ, поднимающемся изъ долины и показывающемъ, что прекрасная дѣвушка ихъ услышала. Потомъ эти восклицанія становятся тише и тише, по мѣрѣ того, какъ они сближаются, и утопаютъ въ молчаніи, пріятнѣйшемъ языкъ любовниковъ. Сколько разъ, въ дѣтствѣ, слушалъ я эти крики, и не понималъ ихъ, до тѣхъ поръ, когда самъ сталъ вскрикивать полною грудью юности такія же любовныя воззванія къ какой-нибудь высокой дѣвѣ горъ, которая мнѣ отвѣчала!

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Эрнеста: я не узнавалъ въ немъ моего Парижскаго пріятеля, измученнаго закулиснаго героя, товарища въ путешествіи, который еще наканунѣ такъ лѣниво спалъ и курилъ въ дилижансѣ. Онъ замѣтилъ это и сказалъ.

— Неужели этотъ чистый воздухъ не обновляетъ тебя всего, до самыхъ твоихъ понятій? Не знаю, а я молодью здѣсь всѣмъ существомъ моимъ. Я бы сталъ кричать, если бы смѣлъ.

— Кричи, любезный, отвѣчалъ я: не церемонься. Мнѣ любопытно было бы послушать, какъ твой пѣжный голо-

сокъ станетъ бороться съ громкими басами здѣшнихъ красавицъ.

Эрнестъ не заставилъ просить себя и принялся выкрикивать національное «ааауу» Черной Горы. При этомъ крикъ Жакё обернулся. Легкая улыбка пробѣжала по лицу его; онъ, казалось, былъ тронутъ.

— Хорошо, сударь, хорошо, сказалъ онъ; дай Богъ вамъ здоровья, вы насъ не забыли.

— И они то же меня помнятъ! сказалъ Эрнестъ, слыша отвѣтъ, который раздался вслѣдъ за этимъ. Они узнали меня. Сколько ихъ?

Жакё не отвѣчалъ; но бросилъ на меня подозрительный взглядъ. Эрнестъ, конечно, понялъ этотъ взглядъ, потому что онъ приблизился къ босому камердинеру, и они начали разговаривать вполголоса, оставивъ меня назади.

Я не зналъ, зачѣмъ Эрнестъ ѣдетъ домой, не зналъ и его родныхъ. Мнѣ извѣстно только было то, что у него есть отецъ и мать, что онъ единственный сынъ у нихъ, и что они принадлежатъ къ тому провинціальному дворянству, которое, доводя роялистскія чувства до крайности, вредитъ своему дѣлу, и отъ всей души ненавидитъ нынѣшнее правительство. Я уже начиналъ жалѣть, что рѣшился провести цѣлую недѣлю съ людьми, которые станутъ наскучивать мнѣ вѣчными своими проклятіями на Парижъ, на Парижанъ и Парижанокъ, на Парижскія книги, Парижскія моды, Парижскія бакенбарты и Парижскія идеи. Чтобы вы ни думали сами о городѣ, гдѣ живете, а всегда готовы защищать его противъ тѣхъ, которые ему не принадлежатъ. Это законъ личнаго самолюбія. Я уже предчувствовалъ, что мы во многомъ не согласимся съ хозяиномъ, что мнѣ придется выдержать жаркіе споры съ маркизомъ, и что маркизша когда нибудь выпуститъ на меня свою собаку, которая спитъ подлѣ нея въ ящечкѣ, обитомъ внутри овчиною. Я сначала призадумался было объ этомъ; но потомъ рѣшился не обращать вниманія на ихъ выходки, и только въ случаѣ сильнаго натиска отдѣлываться шутками. Досадно однако было подумать, что, ѣдучи и за дѣломъ и для потѣхи, надобно всегда быть готовымъ къ войнѣ съ своими соотечественниками: нотаріусъ, который

имѣть въ своихъ рукахъ мои семейныя бумаги, былъ, какъ мнѣ сказывали, бѣшеный республиканецъ; маркизь, къ которому я отправлялся въ гости, былъ неугомонный карлистъ. Тотъ Бонапартистъ, этотъ Орлеанистъ, третій Англоманъ! Каждый изъ нихъ какъ-будто принадлежитъ къ другому, непріязненному народу. Куда ни обернешься, вездѣ иностранецъ въ лицѣ Француза. Оно странно, — даже горько, — но оно такъ. Что прикажете дѣлать! Поѣдемъ далѣе.

Не знаю почему, но я замѣчалъ въ Эрнестѣ что-то важное и таинственное, чего никогда въ немъ не видывалъ; и если бѣ онъ не былъ самымъ безопаснымъ изъ всѣхъ шалуновъ, какихъ я зналъ въ Парижѣ, я бы подумалъ, что онъ затѣваетъ какой-нибудь ужасный заговоръ противъ правительства, или какую-нибудь недобрую шутку надо мною. Мы стали спускаться съ холма, какъ частая рысь, послышавшаяся въ нѣкоторомъ разстояніи, показала намъ, что за нами мчится всадникъ, который торопится, или у котораго лошадь лучше нашихъ. Этотъ всадникъ была всадница, сидѣвшая на широкомъ сѣдлѣ, къ сторонамъ котораго привязаны были два покрытыхъ вошанкою тюка; ноги амазонки лежали на нихъ, наравнѣ съ шеею мула, потому что и конь былъ не конь, а мулъ. На ней былъ черный спенсеръ съ узкими рукавами, украшенный гусарскими металлическими пуговицами, короткая красная юбка, синіе чулки, черные башмаки съ оторочкою огненного цвѣта и съ такими же лентами, переплетенными вокругъ ноги; на головѣ мадрасовый платокъ съ угловатыми складками и яркими красками, изъ подъ котораго выходила батистовая повязка, микроскопически собранная; подъ спенсеромъ, раскрывающимся на манеръ жилета, виднѣлись края пестрой косынки; на шеѣ, длинной и гибкой, блестяло коралловое ожерелье, а уши красовались большими золотыми кольцами. Смуглое лице всадницы не уничтожало однако жъ чернаго блеска глазъ ея и длинныхъ рѣсницъ; бѣлые ея зубы блистали на солнцѣ; нѣжные члены и станъ, согнувшійся какъ тростникъ, когда она проворно соскочила на землю, — все это жаркое, нѣжное и смѣлое существо напомнило Магританскую кровь, которая долгое время оплодо-

творяла народонаселеніе полуденныхъ провинцій Франціи, и которой первообразъ сохранился тамъ еще въ низкихъ классахъ, какъ блокурые головы Франковъ были долгое время принадлежностію чистаго дворянства на сѣверѣ.

— А! сказалъ Эрнестъ: вотъ Монпельерка!

— Ты по одеждѣ, что ли, узналъ родину? спросилъ я.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: эта женщина родилась, можетъ-быть, вотъ здѣсь, въ Кастръ или въ деревушкѣ, которая у насъ влѣвъ; но все-таки она Монпельерка.

— Послушай, Эрнестъ, сказалъ я: ты, кажется, хочешь такъ или иначе меня замистифировать; но не забудь, что я природный Гасконецъ, и хотя уже нѣсколько лѣтъ не касался до священной земли родины, но могу, какъ Антей, найти въ воспоминаніяхъ силы, что бы отмстить за себя.

— Система мистификацій, любезнѣйшій, кончилась съ кухнею Камбасереса, отвѣчалъ Эрнестъ: и ты притомъ забываешь священныя законы гостепріимства, которые не позволяютъ мнѣ шутить надъ тобою. Но ты бы долженъ былъ прибѣгнуть къ своимъ воспоминаніямъ, чтобы понять слова мон, а не для того, чтобы мстить мнѣ.

— Къ чему бы я ни прибѣгалъ, а все-таки не пойму, какимъ образомъ женщина, родившаяся въ Кастръ, можетъ быть Монпельеркою.

— Какъ? ты не знаешь, что почти всѣ мелкія Монпельерскія купчихи разнощицы; что онѣ снабжаютъ всю провинцію фуларами, ситцами и другими товарами, и—что поэтому всѣхъ женщинъ, занимающихся тѣмъ же промысломъ, называютъ Монпельерками? Ты говоришь о воспоминаніяхъ: неужели же въ дѣтствѣ сердце твое не прыгало отъ радости, когда, въ деревнѣ, у дверей вашего дома останавливался этотъ верховый магазинъ, въ которомъ всегда была какая нибудь игрушка, нарочно для тебя припасенная разнощицею? А потомъ, неужели въ юношествѣ ты не принималъ съ восторгомъ въ своемъ уединенномъ помѣстьѣ, населенномъ сѣдобородыми родственниками и перезрѣлыми тетушками, этихъ развязныхъ дѣвушекъ, которыхъ такой хорошенькій образчикъ передъ нами? О, въ такомъ случаѣ, ты не здѣшній.

— Позволь, любезный, вскричалъ я: я точно здѣшній;

но я никогда не жила въ деревнѣ, и потому не принужденъ былъ прибѣгать къ пособию разнощицъ.

— Это нимфы-утѣшительницы Черной Горы, сказалъ Эрнестъ: безъ нихъ не было бы у насъ ни превосходнаго контрабанднаго табаку, ни свѣжихъ Парижскихъ галстуховъ, ни душистаго мыла, ни перчатокъ, ни косметическихъ товаровъ, ни брошюрокъ, запрещаемыхъ полиціею, ни веселыхъ романовъ, запрещаемыхъ папеньками.

— А! такъ эти дочери прародительницы Еввы охотно торгуютъ запрещеннымъ?

Да, отвѣчалъ Эрнестъ. Сверхъ того онѣ преискусныя кокетки; ни одна знатная дама не сѣмѣетъ измучить и провести, какъ эти дѣвушки; у нихъ есть свой, особаго рода, разговоръ, который составляетъ средину между смѣхомъ и страстью, такъ, что при первой попыткѣ подвергаешься или услышать язвительную и обидную насмѣшку, или, что еще хуже, страшныя клятвы въ вѣчной любви, до гроба.

— Но для этой, право, можно на все рѣшиться. Какъ ты думаешь, можно ли за ней поволочиться?

Эрнестъ взялъ лорнетъ, что тотчасъ придало ему опять видъ настоящаго Парижанина, и осмотрѣлъ съ ногъ до головы разнощицу, шедшую впереди съ Жакѣ; потомъ онъ сказалъ мнѣ:

— Я думаю, что трудно. У этой голубки уже есть любовникъ, и только одинъ; или, по-крайней-мѣрѣ, только одинъ объявленный.

— Послушай, любезный! да почему же ты все это узналъ?

— Посмотри на ея руки, покрытыя вязаными полу-перчатками. У ней только одно большое серебряное кольцо: это — кольцо обручальное. Если бъ на ея хорошенькихъ пальцахъ блестѣлъ золотой перстень съ порядочнымъ гренатомъ, я бы сказалъ, тебѣ: попробуй. Если бы мы сверхъ-того открыли какой-нибудь модный перстень среднихъ вѣковъ, изъ литаго золота, или нѣсколько брилліантовъ, отломленныхъ отъ эсклаважа, завѣщаннаго женою нѣжному своему супругу я бы опять сказалъ тебѣ то же. Если бы руки ея украшены были множествомъ перстней и колецъ разнаго размѣра, я бы сказалъ тебѣ: Назначь ей свиданіе, при первой встрѣчѣ.

Но теперь ничто не уполномочиваетъ меня подавать тебѣ подобныхъ совѣтовъ. Эта дѣвушка выше подозрѣнія, или можетъ быть слишкомъ разборчива. Впрочемъ, я могу сираться.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я: позволь мнѣ самому попытаться побѣдить эту амазонку. Я думаю, мы увидимъ ее въ Монфильонѣ?

— Непременно. Она теперь разговариваетъ съ Жакѣ, и вѣроятно спрашиваетъ у него, что намъ нужно.

Когда мы оканчивали этотъ разговоръ, Жакѣ и дѣвушка остановились, и она, показывая на Эрнеста, спросила у безбашмачнаго лакея на Лангедокскомъ нарѣчii.

— Es aquel? (Этотъ?)

Жакѣ отвѣчалъ утвердительно. Это напомнило мнѣ, что я очень хорошо понималъ нашъ провинціальный языкъ и прежде говорилъ на немъ свободно. Я однако рѣшился скрывать мои познанія, чтобы воспользоваться ими въ случаѣ нужды.

Дѣвушка воспользовалась первымъ высокимъ камнемъ по дѣлу дороги, стала на него, съ-разу вскочила на мула, перекинула ногу черезъ его шею и пустилась рысью, сказавъ намъ съ самымъ фамиллярнымъ видомъ: Прощайте, господа!

— Это кто — нибудь здѣшній? сказалъ Эрнестъ камердинеру, когда она удалилась.

— Да это Маріанна! отвѣчалъ Жакѣ, какъ-будто весь свѣтъ долженъ знать Маріанну.

Не знаю, зналъ ли ея весь свѣтъ, но Эрнестъ безъ сомнѣнія зналъ ее, потому что онъ тотчасъ подѣхалъ къ Жакѣ и снова началъ съ нимъ разговоръ «всторону.» Я все думалъ, что тутъ кроется какая нибудь тайна, но Маріанна была слишкомъ мила, чтобы вмѣшаться въ заговоръ, и я остановился на мысли, что въ замкѣ ожидаетъ насъ какой нибудь деревенскій «сюрпризъ». Между-тѣмъ, мы все ѣхали, и вскорѣ увидѣли на перекресткѣ двухъ дорогъ многочисленную толпу мужчинъ и женщинъ, которыхъ веселый хохотъ доходилъ по временамъ до ушей нашихъ.

— Ну, братъ теперь, намъ надобно пуститься въ скачъ; намъ нельзя подѣхать къ этой толпѣ мызниковъ, которые

возвращаются съ ярмарки и боятся, чтобы деньги ихъ не звенѣли въ карманахъ.

Взявъ изъ рукъ Жакё палку, Эрнестъ принялся бить лошадь свою такъ усердно, что она сдѣлала нѣсколько прыжковъ, довольно похожихъ на галопъ. Мой конь, которому Жакё, въ видѣ увѣщанія, далъ два или три пинка ногою въ брюхо, принялся подражать своему товарищу, и поскакалъ такъ, что чуть не растресъ мнѣ всѣхъ внутренностей. Я не хотѣлъ отставать отъ Эрнеста, и изъ всей мочи колотилъ лошадь каблуками, онъ колотилъ свою палкою, и такимъ образомъ мы торжественно вскакали въ толпу, состоявшую человекъ изъ двадцати крестьянъ и крестьянокъ, которые занимали всѣ перекрестки. Увидя насъ, всѣ они сняли шляпы, но я не могъ приписать себѣ ни малѣйшей части этой учтивости, потому что меня едва удостоивали взглядомъ, и всѣ окружили Эрнеста, который подавалъ мужикамъ руку по-королевски, и они почтительно ея пожимали.

Я воспользовался общимъ невниманіемъ ко мнѣ, чтобы самому всѣхъ разсматривать. То, что Эрнестъ называлъ праздничнымъ нарядомъ мужчинъ состояло изъ широкихъ шараваръ; рубашки, застегнутой булавкою въ огромномъ золотомъ кольцѣ; широкой и высокой шляпы, съ огромными полями; жилета, унизаннаго мѣдными пуговицами, и открытаго въ видѣ сердца, для того, чтобы виднѣе были подтяжки, на которыхъ обращена вся роскошь горцевъ. Онѣ обыкновенно шерстяныя, связаны очень тщательно, держатся на серебрянныхъ пряжкахъ, и украшены подвѣсками шерстяными, серебряными или даже золотыми: у каждаго было по двѣ, по три, по четыре подвѣски, какъ на сбруѣ мула, и эги подвѣски почти всегда любовныя подарки. Это довольно походить на волосы побѣжденныхъ непріятелей, носимые дамами у пояса. Всѣ были въ башмакахъ. Я послѣ узналъ, что горцы принесли башмаки свои въ рукахъ и надѣли только для того, чтобы встрѣтить молодого маркиза съ подобающею почестью. Что касается до дѣвушекъ, то онѣ всѣ были одѣты какъ Маріанна, и платья ихъ различались только цвѣтами; но сверхъ-того на нихъ были огромные *лучистые* чепцы, изъ которыхъ выходили ихъ

смуглые лица. Этотъ обращикъ народонаселенія не очень мнѣ понравился. Когда я сказалъ объ этомъ Эрнесту, онъ отвѣчалъ:—они не горцы, а большею частію фабричные работники, зачахлые въ нездоровыхъ мастерскихъ, развращенные сидячею работою, которая, какъ ты конечно знаешь, имѣетъ пагубное вліяніе на нравы. Кварталь ткачей въ Аоннахъ былъ извѣстенъ по безстыдству своихъ обитателей. Объ этомъ говоритъ Павзаній, и всякой врачъ скажетъ тебѣ, отчего это такъ было и есть.

Между-тѣмъ Эрнестъ спрашивалъ всѣхъ этихъ добрыхъ людей объ ихъ семействахъ, и они отвѣчали съ низкими поклонами. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ толпы я замѣтилъ молодаго, высокаго крестьянина, который смотрѣлъ на меня внимательно, тѣмъ я разсматривалъ другихъ; онъ объяснялъ меня двумъ или тремъ своимъ товарищамъ. Парижскій костюмъ мой, особенно круглые бакенбарты à la jeune France, казались имъ тѣмъ-то страннымъ, можетъ-быть, и подозрительнымъ, тѣмъ-болѣе, что Эрнестъ имѣлъ предосторожность выбрать въ Тулузѣ свою волосную раму, въ которую лице глядитъ какъ въ окошко, и надѣтъ длиннополый деревенскій сюртукъ, чтобъ не имѣть въ своей наружности ничего Парижскаго. По взглядамъ этихъ людей замѣтно было какое-то неблаговоленіе ко мнѣ: подъѣхавъ къ нимъ, я сказалъ по-Французски:

— Видно, я вамъ кажусь любопытенъ, друзья мои?

— Да; довольно любопытенъ, тѣмъ болѣе, что вы подслушиваете, что мы говоримъ.

— Caillotè, Joseph, ès un rataou, сказалъ на своемъ нарѣчій одинъ толстякъ тому, который говорилъ. Это значитъ—«Молчи, Осипъ, онъ шпионъ.» Шпиономъ, rataou, называли въ этихъ странахъ, въ 1795 году, республиканца, въ 1815 Бонапартиста, въ 1820 либерала, а съ 1831 приверженца нынѣшняго правленія. Я не успѣлъ еще отвѣчать имъ, какъ Жакѣ съ живостію бросился между нами.

— Что ты тутъ дѣлаешь Осипъ? вскричалъ онъ на томъ же нарѣчій: съ ума, что ли, ты сошелъ?

— Мнѣ хотѣлось посмотреть на нашего молодаго маркиза, отвѣчалъ Осипъ.

— И для этого ты подвергаешься опасности быть пойман-

нымъ! Ступай, братъ, ступай! Если бы я сказалъ маркизу, что ты былъ здѣсь, онъ бы тебя бросилъ.

— Хорошо, хорошо, иду! отвѣчалъ Осипъ.

— Поймай! Видѣлъ ты Маріанну?

— Видѣлъ, сейчасъ.

— Такъ отъ этого-то ты и здѣсь! Тебѣ хотѣлось ее видѣть. Больно ты думаешь о нашемъ маркизѣ; ты его введешь въ хлопоты, да и тебя разстрѣляютъ.

— Ну, ну, ладно, я уйду, отвѣчалъ Осипъ.

Онъ проворно взбѣжалъ на холмъ и скрылся въ темномъ лѣсѣ. Весь этотъ разговоръ происходилъ на мѣстномъ нарѣчьи, и онъ былъ очень благопріятенъ для моихъ видовъ. Ясно было, что этотъ Осипъ влюбленъ въ госпожу Маріанну, и что онъ будетъ важнымъ препятствіемъ моимъ усиліямъ;—притомъ, этотъ Осипъ, состоящій подъ покровительствомъ маркиза и подверженный опасности быть разстрѣляннымъ, показывалъ мнѣ, что я впутываюсь въ дѣло преступное. Я поберегу мои замѣчанія про себя и приблизился къ Эрнесту, который, по совѣту Жакѣ, предложилъ мнѣ ѣхать далѣе.

Отъ того мѣста, гдѣ останавливались, мы стали подниматься въ гору, по дорогѣ каменистой, неровной, перерезанной рытвинами. Жакѣ былъ далеко впередъ насъ. Эрнестъ казался смущеннымъ.

Мы ѣхали такимъ образомъ съ полчаса, не встрѣчая никого, кромѣ нѣсколькихъ поселянъ, которые выходили на край своего поля, чтобы поклониться молодому маркизу; но при вѣздѣ въ довольно узкій проходъ, мы увидѣли четырехъ или пятерыхъ солдатъ, которые вышли изъ одного дома, потомъ явились четыре или пятеро другихъ, и наконецъ поручикъ который пристально смотрѣлъ на меня.

Эрнестъ остановился у дверей этого дома, и оттуда вышелъ крестьянинъ почтеннаго вида. Они отошли вмѣстѣ въ сторону. Поручикъ бродилъ около меня, наконецъ онъ рѣшился сдѣлать мнѣ знакъ, я подъѣхалъ къ нему, и онъ сказалъ мнѣ ноптишно:

Вы, конечно, пріятель Г-на Монфильона?

— Да, его сына.

— Избавьте же меня отъ обязанности, которую мнѣ не-

пріятно было бы исполнить, по которую я исполню со всею строгостію службы. Скажите маркизу, что моя рота будетъ обыскивать его замокъ, и что мнѣ не хотѣлось бы пайти тамъ что-нибудь противозаконное.

Онъ отошелъ отъ меня, и Эрнестъ къ нему приблизился.

— Я хочу жаловаться вамъ, сударь, на безпорядки, которые происходятъ на этой мызѣ. Вчера ваши солдаты убили корову, принадлежащую этому человѣку.

— Позвольте мнѣ замѣтить вамъ, отвѣчалъ поручикъ, что не знаю, какое вы имѣете право за него вступаться. Я здѣсь по приказанію моего начальства и не могу допустить, чтобы солдаты мои умирали съ голоду.

— Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы они забирали себѣ то, что принадлежитъ этому бѣдняку.

— Вы не хуже меня, сударь, знаете, что сынъ этого человѣка, бѣглый рекрутъ; мы посламы къ нему въ домъ на военную экзекуцію, и онъ долженъ кормить и меня и солдатъ моихъ, покуда намъ не прикажутъ отсюда выйти. У него бы не отняли коровы, если бы онъ доставлялъ намъ положенные съѣстные припасы.

— Милостивый государь, да онъ не въ состояніи доставлять вамъ ихъ, и вы вооружаетесь законамъ только для того, чтобы разорить его.

— Я, сударь, не стану разсуждать съ вами о сущности закона, которому повинуюсь; но вы, можетъ-быть, лучше меня знаете, отчего сынъ этого человѣка не является въ команду.

— Такъ какъ же можно наказывать за это отца?

— Конечно, сударь, справедливѣе было бы наказывать тѣхъ, которые побуждаютъ его къ непослушанію, отвѣчалъ офицеръ, разгорячаясь: но я ограничиваюсь исполненіемъ моихъ обязанностей. Не заставляйте меня жалѣть, что хотѣлъ смягчить ихъ строгость.

Онъ отвернулся отъ Эрнеста, и вошелъ въ домъ.

— Что онъ этимъ хотѣлъ сказать? спросилъ Эрнестъ.

Я сообщилъ ему то, что говорилъ мнѣ поручикъ, и онъ какъ бы невольно сказалъ съ озабоченнымъ видомъ:

— Онъ правъ. Поѣдемъ скорѣе; не станемъ болѣе останавливаться.

Мы снова пустились въ путь, всё взбываясь на гору, и добѣжали до дороги, почти непроходимой. Наконецъ, ѣхавъ съ полчаса, мы увидѣли замокъ Монфильтонъ.

Онъ стоялъ на вершинѣ скалы, господствующей надъ долиною. Этотъ утесъ возвышался почти отвѣсно надъ оврагомъ футовъ въ пятьсотъ, на днѣ котораго бѣжалъ потокъ. Со стороны равнины къ замку нельзя было подъѣхать иначе, какъ по дорогѣ, по которой мы пробирались, но фасада было не видно: домъ былъ повороченъ лицомъ къ долинѣ Мазаметской, такъ, что въѣзжать въ замокъ надобно было черезъ боковой скотный дворъ, а большой дворъ и ворота выходили на склонъ холма, покрытаго сосновымъ лѣсомъ, въ которомъ проведена была наклонная дорога, большею частію высѣченная въ скалѣ. Что касается до самаго замка, то это было квадратное строеніе, состоявшее изъ трехъ отдѣльных частей, съ острокопечными башнями по угламъ; и толстой стѣны, которая образовала четвертую сторону квадрата и ограждала большой дворъ, находившійся въ срединѣ строенія. Къ внѣшнимъ стѣнамъ приставлено было множество мазанокъ, покрытыхъ черепицею: это были службы.

Когда мы пріѣхали, два лакея, въ родѣ Жакѣ, приняли нашихъ лошадей, и одинъ изъ нихъ просилъ меня слѣдовать за нимъ, между-тѣмъ какъ Эрнестъ побѣжалъ по каменной лѣстницѣ, ведущей въ башню. Проводникъ мой велъ меня во второмъ этажѣ по длинному корридору, и потомъ отворилъ залу, съ пятью окнами, посрединѣ которой лежала огромная куча хлѣба; оттуда вошли мы въ комнату, за которою слѣдовало нѣсколько другихъ.

— Вотъ ваши покои, сударь, сказалъ мнѣ слуга.

Въ одномъ изъ нихъ разведенъ былъ огонь, и я поселился тутъ. Эта комната, обитая желтою камкою, была очень просторна. Въ углу стояла огромная кровать съ подзоромъ, а по стѣнамъ кресла.

Слуга отворилъ дверь въ смежную комнату, и сказалъ:

— Если вамъ понадобится, сударь....

Я подошелъ къ двери, и увидѣлъ..... Одна только свя-

тость истины можетъ извинить то, что я скажу: я увидѣлъ двадцать пять или тридцать таинственныхъ «креселъ», разстановленныхъ въ величайшемъ порядкѣ.

— Это что такое? вскричалъ я.

— Это, сударь, для праздничныхъ дней, когда у маркиза бываетъ много гостей.

Послѣ этого страннаго магазина, человекъ ввелъ меня въ небольшую круглую комнату, въ которой находился туалетъ, покрытый бѣлымъ камфасомъ. Слуга спросилъ меня, не хочу ли я бриться. Я по неволѣ долженъ былъ согласиться на его предложеніе, потому что чемоданы наши остались еще пазади, и мерзавецъ принялся намазывать меня собственною рукою мыломъ изъ большаго блюда, и потомъ царапать тупымъ ножомъ съ безчувственностью палача. По окончаніи этой операціи, я пошелъ въ свою комнату, оставившись прежде, чтобы полюбоваться на величественную коллекцію, которая была у меня въ соседствѣ. Никогда я не видывалъ такого удивительнаго разнообразія формъ и размѣровъ: одни изъ нихъ были въ видѣ нѣсколькихъ огромныхъ книгъ, положенныхъ одна на другую, другіе въ видѣ готическихъ креселъ, два или три блестяи бронзовыми украшеніями, вѣзаннми въ черепашу. Какъ теперь мода на мебель среднихъ вѣковъ дошла до бѣшенства, то, я думаю, многія изъ этихъ фантастическихъ сѣдалищъ могли бы быть перенесены прямо оттуда въ гостиную самаго лучшаго «стиля.» Я потащилъ къ камину огромное Молевское кресло, стоявшее у моей постели, и въ это время кто-то тихошко постучался ко мнѣ въ дверь. Я просилъ войти, и передо мной явился какой-то господинъ, лѣтъ шестидесяти, порядочно одѣтый. Онъ поклонился мнѣ съ такой почтительной учтивостью, что я счелъ его за управителя.

— Братецъ и сестрица, сказалъ онъ съ ласковымъ видомъ, поручили мнѣ извинить ихъ передъ вами въ томъ, что они васъ не встрѣтили; но вы можете вообразить, что удовольствіе видѣть сына.....

— Я очень хорошо это понимаю. Я, конечно, имѣю честь говорить съ.....

— Я графъ Аннибалъ Монфильонъ, отвѣчалъ онъ съ улыбкою.

— Я очень радъ.....

— Я тоже.....

И мы съли другъ противъ друга, другъ другу улыбаясь. Мы молчали минутъ пять, кашляли и сморкались, сколько можно, чтобы сохранить время. Потомъ графъ Аннибалъ Монфильонъ сказалъ мнѣ съ неизмѣнною улыбкою.

— Погода стоитъ у насъ очень хорошая.

— Прекрасная.

— Дороги, кажется, хороши.

— Весьма хороши.

Тутъ опять молчаніе съ акомпаниментомъ чиханья, сморканья и кашлянья.

— Изволите употреблять? сказалъ мнѣ графъ Аннибалъ съ торжествующимъ видомъ, подавая бумажную табакерку съ портретомъ Генриха V.

— Охотно.

— Табакъ славная вещь.

— Очень хорошая.

Третье молчаніе. Графъ, украдкою, меня осматривалъ, и, остановивъ взоръ на моихъ бакенбартахъ.

— Вы изволили ѣхать изъ чужихъ краевъ?

— Нѣтъ, я еще не путешествовалъ.

Четвертое молчаніе.

Дверь съ шумомъ отворилась.

— Что вы тутъ дѣлаете, Аннибалъ? спросилъ его Эрнестъ: матушка васъ спрашиваетъ.

— Иду, мой милый, иду, отвѣчалъ дядя, и вышелъ не поворачиваясь ко мнѣ спиною и кланяясь почти въ землю.

— Гдѣ же ты живешь, Эрнестъ?

— Здѣсь, сказалъ онъ: мнѣ было отвели покои въ третьемъ этажѣ, но это настоящіе сараи. Я велю перенести постель свою въ эту комнату: тутъ можно уложить цѣлую роту. Теперь поговоримъ немножко, или лучше сказать, послушай, что я тебѣ скажу.

Онъ сѣлъ въ другія кресла, и началъ слѣдующую рѣчь:

— Ты можешь вообразить себѣ, что я проѣхалъ двѣсти

лѣе не для того только, чтобы имѣть удовольствіе ихъ протѣхать! Я здѣсь по двумъ важнымъ причинамъ. Первой я не могу скрыть отъ тебя. Я долженъ предупредить безразсудства, которыя могутъ повести слишкомъ далеко. Въ эту глушь ничего не проникаетъ въ настоящемъ видѣ,—ни идеи, ни событія. Здѣсь воображаютъ, что надобно только показать недоброжелательство къ правительству, чтобы низпровергнуть его, и что, скрывая челоуѣкъ пятнадцать рекрутъ, можно разстроить всю армію. До сихъ поръ эти вздоры были только убыточны для отца моего, но неопасны; наши мужики мастерски пользуются обидами, которыя имъ наносятъ Филипписты; корова старика Жака будетъ стоять намъ быка; но я узналъ, что это становится важнѣе прежняго, и я долженъ былъ пріѣхать сюда. Теперь, какъ ты знаешь причину, которая привела меня сюда, я стану при тебѣ собирать необходимыя мнѣ свѣдѣнія.

Эрнестъ позвонилъ, и велѣлъ Жакѣ позвать управителя Гаспара.

— За чѣмъ же ты меня привезъ сюда? сказалъ я Эрнесту.

— Я хорошо сдѣлалъ, что привезъ тебя сюда, отвѣчалъ онъ, увертываясь отъ моего вопроса: потому что нотаріусъ твой здѣсь.

— Какъ! республиканецъ Лирѣ, нотаріусъ маркиза Монфильона!

— Что жъ дѣлать, когда другаго нѣтъ. Это очень не нравится батюшкѣ, но мы многимъ обязаны Г. Лирѣ, и не можемъ забыть этого безъ неблагодарности. Онъ спасъ наше имѣніе во время революціонныхъ смуть. Что касается до его образа мыслей, онъ только смѣшонъ, какъ и всѣ, которые ударились въ республиканскія идеи.

«Прекрасно!» подумалъ я: «я попался между трехъ огней: Карлисты! Филипписты! республиканцы!.....» Управитель пришелъ. То былъ челоуѣкъ лѣтъ пятидесяти съ важнымъ и строгимъ видомъ.

— Ну что, Гаспаръ, каково поживаешь? сказалъ ему Эрнестъ.

— Это бы ничего, сударь, отвѣчалъ Гаспаръ, указывая на ногу: и, если бъ не старая рана, я бы дня въ два оправился.

— Рана, которую ты получилъ въ Ваграмскомъ сраженіи, подъ Лейпцигомъ?

— Подъ Тулузою, сударь.

— Хорошо, сказалъ Эрнестъ: дядюшка Аннибалъ говорить, что Англичане вели себя въ этомъ дѣлѣ почти такъ благородно, какъ Французы.

— Ммъ! сказалъ старый солдатъ: дядюшка Аннибалъ..... Извините, сударь, я не люблю вашего дядюшку Аннибала.

— А батюшку, все еще любишь?

— О, батюшка вашъ человекъ хорошій, славный человекъ! Только пустое затѣялъ, какъ я уже вамъ писалъ: вздумалъ вербовать.

— Мы не дадимъ ему дѣлать этого. Я затѣмъ сюда и прѣхалъ.

— Да еще за другимъ, сказалъ Гаспаръ.

— И за другимъ; но поговоримъ сначала о первомъ. Сколько мызъ у насъ занято солдатами?

— Изъ десяти пять; вездѣ, гдѣ есть сынки въ рекрутскихъ лѣтахъ.

Такъ видно, они очень боятся военной службы?

— Э! да они пошли бы какъ овцы, еслибъ ихъ порядкомъ припугнули. Одинъ только Осипъ не на шутку бунтуетъ, оттого что..... Вы сами знаете, сударь.

— Да, сказалъ Эрнестъ: Марианна. Этотъ человекъ со вкусомъ.

— Да и она не дурно выбрала, прибавилъ я.

— А развѣ ты его видѣлъ? спросилъ Эрнестъ.

— Я думаю, что это былъ одинъ изъ трехъ мужиковъ, которые разговаривали всторонѣ, когда ты здоровался съ твоими крестьянами.

— Я бы далъ двадцать пять лундоровъ, чтобы онъ попался въ руки жандармамъ.

— Э! что нынѣшніе наши жандармы! сказалъ Гаспаръ. Не стоитъ и говорить объ нихъ; да и объ тѣхъ которыхъ намъ прислали на военную экзекуцію, тоже. Они сидятъ себѣ на мызѣ, какъ тетери, да глядятъ какъ трава растеть. Эхъ, чортъ возьми, когда бъ насъ, при покойникѣ императорѣ, послали сюда ловить этихъ молодцовъ! Какую я бы задалъ имъ передрагу! Я бъ ихъ всѣхъ путемъ пере-

тресъ. У меня бы и матушки, и батюшки, и невесты, и помѣщички, всѣ по стрункѣ ходили. А теперь оно не мое дѣло. Я въ услуженіи у маркиза, и думаю какъ онъ. Но мнѣ кажется, что онъ пустяки дѣлаетъ, потому что это ни къ чему не поведетъ: да не мнѣ судить его.

— Ты правду говоришь, сказалъ Эрнестъ. Такъ одного только Осипа трудно будетъ уговорить. Ну, мы сдѣлаемъ такъ, какъ я тебѣ говорилъ: наймемъ за него рекрута.

— Что, сударь? рекрута? Оно и дѣло: да этому и конца не будетъ! Они всѣ побѣгутъ изъ полковъ съ тѣмъ, чтобы вы панимали за нихъ рекрутовъ. Нѣтъ, сударь, нѣтъ, они должны идти въ строй. Мы же вѣдь дрались за республику, единую и нераздѣльную, которую всей душой ненавидѣли. Они не любятъ Филиппа и нынѣшняго правленія: такъ пусть же послужать ему. Имъ бы, небось, хотѣлось императора: куда имъ, дуракамъ! Наполеоны-то вѣдь не какъ грибы растутъ. Вотъ, сударь, какъ мы съ ними сдѣлаемся: смирненькихъ-то поговоримъ не дурачиться, а объ Осипѣ мигнемъ солдатамъ.....

— Какъ тебѣ не стыдно, сказалъ Эрнестъ: вѣдь это было бы предательство!

— Какое тутъ предательство? Этакій молодецъ, да не хочетъ въ службу! Что жъ онъ, Юциферовъ, Люциферовъ, что ли, сынъ, какъ говоритъ дядюшка вашъ, графъ Аннибалъ?

— Хорошо, сказалъ Эрнестъ: я поговорю съ Г-мъ Лирѣ; мы это уладимъ. А что жъ дѣло Маріаны?

— Идетъ таки, отвѣчалъ Гаспаръ: поны будутъ въ во-скрессенье.

— Хорошо. Кто же здѣсь обыкновенно служить обѣдин.

— Аббатъ Лорѣ.

— Да развѣ онъ посвященъ?

— Какъ же! онъ викарій здѣшняго прихода. Вы не знали?

— Хорошо, сказалъ Эрнестъ. Пошли мнѣ Жакѣ; намъ надобно одѣваться къ обѣду.

— Какъ, къ обѣду? сказалъ я: да теперь еще только часъ.

— Да и то уже часъ уступили духу нашего времени! И оттого врьдъ-ли прекрасная моя тетюшка Лансѣ почтить

насъ своимъ присутствіемъ за столомъ, въ такое неурочное время.

— Кто жъ это твоя прекрасная тетушка Лансѣ?

— Сестра моей матери. Ты можешь самъ изучить ее; я хотѣлъ было, чтобы ты разгадалъ и почтеннаго дядюшку моего Аннибала, но теперь я могу рассказать тебѣ его исторію. Въ началѣ революціи онъ былъ діакономъ. Не имѣя права на наслѣдство, потому что былъ мѣньшимъ братомъ, онъ сдѣлался бѣшеннымъ поборникомъ уничтоженія дворянства, и въ то же самое время, какъ батюшка отправился въ армію принца Кондѣ, онъ сбросилъ съ себя рясу и нарядился республиканскимъ солдатомъ. Онъ человекъ неглупый и хитрый, и, при своихъ способностяхъ, дослужился до капральскаго чина. Отецъ мой засталъ его въ этомъ положеніи, когда возвратился изъ эмиграціи и заставилъ его выйти въ отставку. Онъ назначилъ ему небольшую пенсію, которую дядюшка всегда проматывалъ въ три мѣсяца. Наконецъ батюшка, наскучивъ платить за него счета всѣмъ содержателямъ питейныхъ домовъ, взялъ его къ себѣ, и онъ уже двадцать пять лѣтъ живетъ у насъ въ домѣ, и ведетъ себя порядочно, потому что не на что палить.

Ужасныя были сцены, когда одна дѣвка, Лорѣ, принесла къ отцу моему своего ребенка, и просила назначить что-нибудь на воспитаніе. Тетушка Лансѣ хотѣла было просить, чтобы бѣднаго Аннибала отлучили отъ церкви; но матушка моя, женщина, истинно благочестивая, и слѣдственно, снисходительная, взяла ребенка и воспитала его. Тетушка Лансѣ лѣтъ восемь къ намъ не ѣздила, говоря, что матушка поощряетъ разврату и пороку. Наконецъ она смиловилась, когда Лорѣ отдала въ семинарію, и я думаю даже, — что онъ ей обязанъ и мѣстемъ викарія.

— Скажи же мнѣ теперь, что за люди, твои батюшка и матушка?

— Ты самъ ихъ увидишь, отвѣчалъ Эрнестъ. Теперь давай одѣваться.

Черезъ нѣсколько минутъ пришли сказать, что кушать готово, и мы отправились въ столовую: все семейство было уже тамъ. Эрнестъ рекомендовалъ меня своимъ родителямъ. Отецъ его былъ старикъ, нѣсколько падменно учти-

вый, но человекъ весьма свѣтскій. Г-жа Монфильонъ была пѣкогда очень хороша; она тотчасъ прельстила меня своею добродушною вѣжливостью и обходительностью. Г-жа Лансѣ также была тутъ. Я ничего въ свѣтѣ не видывалъ кслѣ этой женщины. Она была вся въ черномъ, суха, костлява, патлнута. Эрнестъ чрезвычайно удивилъ меня, сказавъ, что она въ молодости затмѣвала сестру своею красотою. Какой-то толстякъ грѣлъ ноги у камина, и всталъ, когда маркизъ Монфильонъ, назвавъ мою фамилію, сказалъ ему:

— Г. Лирѣ! вотъ одинъ изъ вашихъ кліентовъ пріѣхалъ сюда къ вамъ.

— Здравствуйте, сударь, сказалъ нотаріусъ, обращаясь ко мнѣ. Прощу покорно, взрослый человекъ! — Куда какъ мы скоро съ тобою старѣемся, аббатъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ графу Аннибалу. Ты, вѣрно, помнишь батюшку этого господина: мы вмѣстѣ были въ училищѣ, у велемудрыхъ отцевъ Ораторіанцевъ; ты ужъ былъ тогда въ рясахъ. — Я знаю ваше дѣло, продолжалъ онъ, обращаясь снова ко мнѣ. Пойдемте обѣдать.

Онъ подавъ руку Г-жѣ Монфильонъ, и всѣ мы отправились въ столовую. Аббатъ Лордъ вошелъ туда другою дверью.

— Вы очень поздно приходите, сказалъ ему маркизъ довольно сухо.

— Ахъ! отвѣчалъ онъ, отирая потъ съ лица своего: ахъ! я былъ въ долинѣ, когда услышалъ обѣденный колоколъ.

Тогда была пятница: обѣдъ подали постный. Я уже готовъ былъ покориться судьбѣ своей, хотя мнѣ очень хотѣлось потѣсть плотно послѣ такого утомительнаго путешествія, какъ вдругъ принесли скоромное кушанье.

— Хорошо, сказалъ Лирѣ, готовясь раздавать кушанье: вы постничайте, а я такъ стану ѣсть скоромнос, по докторскому предписанію. Да и эти молодые люди, вѣрно, мнѣ помогутъ.

Я согласился; но Эрнестъ, къ удивленію моему, отказался. Въ Парижѣ онъ никогда не отказывался отъ скоромнаго. На лицѣ нотаріуса показалась легкая улыбка, и онъ

украдкою взглянулъ на меня. Г-жа Лансè съ недовѣрчивостію посмотрѣла на Эрнеста.

— Ну, скажите, пожалуйста, мой любезный, вскрикнулъ Лирè: вы видѣли *достославные*? *les glorieuses*?

При этихъ словахъ всѣ поклонились. Я посмотрѣлъ на всѣхъ; Лирè захохоталъ мнѣ въ лицо.

— Вы не понимаете? сказалъ онъ. Это карлистская шутка.

— Лирè, сказалъ маркизь: вы этакъ заставите подумать, что мы враги короля..... короля..... да, да, Людовика-Филиппа.

Я былъ внѣ себя отъ изумленія.

Тутъ начался чрезвычайно странный разговоръ о происшествіяхъ прошлаго года. Лирè говорилъ согласно со своими мнѣніями; маркизь въ смыслѣ своихъ идей, и мнѣ чрезвычайно трудно было отвѣчать такъ, чтобы ни того, ни другаго не обидѣть.

Маркизь, воспитанный въ лучшихъ понятіяхъ нынѣшняго вѣка, хорошо зналъ нужды своего отечества и нисколько не былъ привязанъ къ феодальнымъ мнѣніямъ. Онъ мыслилъ здраво; разсуждалъ очень основательно; гнушался нелѣпыми теоріями преобразователей рода человѣческаго и былъ убѣжденъ, что для блага всякаго народа необходимы монархія и аристократія. Его можно было упрекать только въ томъ, что онъ воображалъ себѣ, будто, производя смятеніе въ какомъ-нибудь деревенскомъ приходѣ, можно подарить отечеству лучшее и прочтѣйшее правительство. Впрочемъ, это порокъ весьма многихъ уѣздныхъ дворянъ, которые живутъ въ совершенномъ невѣдѣніи того, что происходитъ и какъ думаютъ о разныхъ дѣлахъ въ Европѣ, которые каждое утро, за семейнымъ завтракомъ, построиваютъ себѣ самыя забавныя системы памѣреній и взаимныхъ отношеній державъ.

Аббатъ Лордъ былъ человѣкъ грубый и необразованный, и только священническое платье облагораживало его въ глазахъ жителей замка.

Одного только Аннибала, котораго исторію я уже рассказъ, всѣ ненавидѣли, ещё болѣе чѣмъ Лордъ: онъ былъ настоящій рабъ гостиниой, — унижительное состояніе, которое

заставило бы жалѣть о немъ, еслибъ не онъ самъ добровольно принялъ это состояніе.

— Аннибалъ, помѣшайте же въ каминъ! — Аннибалъ, закройте дверь! — Аннибалъ, откройте окно! — Молчите, Аннибалъ! — Аннибалъ, ступайте спать! — И графъ Аннибалъ Монфильонъ исполнялъ все эти приказанія съ вѣчной своей улыбкою.

Одна Г-жа Лансѣ никогда не говорила съ нимъ: она обходилась съ бѣднымъ Аннибаломъ, какъ съ прокаженнымъ, и съ ужасомъ отступала, когда онъ проходилъ мимо ея. Гаспаръ сказывалъ мнѣ, что она въ молодости очень любила мужчинъ и карты. Она проиграла половину имѣнія своего мужа и потомъ сдѣлалась изувѣркою въ полномъ смыслѣ этого слова.

Кстати, я долженъ разсказать, что вмѣстѣ съ аббатомъ Лордъ, я видѣлъ въ слѣдующее воскресенье другаго аббата, — священника, у котораго онъ былъ викаріемъ, старика лѣтъ осьмидесяти, человѣка, исполненнаго кроткой набожности и евангельской доброты. Онъ пользовался всеобщимъ, вполне заслуженнымъ уваженіемъ.

Что касается до Г-жи Монфильонъ, то она, женщина истинно набожная и свѣтская, находилась въ весьма непріятномъ положеніи между аббатомъ Лордъ и другими грубыми деревенскими ханжами, которыхъ приводила Г-жа Лансѣ. То были толстяки, которые пили каждый за двоихъ, и, сядя за столъ, поднимали полы своего платья. Я помню что однажды ихъ было за столомъ одиннадцать человѣкъ. Одинъ изъ нихъ вызвался разрѣзать индѣйку съ трюфлями, которая стояла передъ нимъ. Г-жа Монфильонъ такъ перепугалась, какъ я никогда не видывалъ, и вскричала, указывая на меня:

— Позвольте! Вотъ этотъ господинъ большой охотникъ рѣзать; онъ проситъ этотъ трудъ на себя.

— Я совсѣмъ не умѣю рѣзать, сказала я ей по-тихоньку.

— Нужды нѣтъ, отвѣчала она такъ же: рѣжьте, хоть изрубите эту индѣйку, только бы онъ до нея не дотрогивался. У этихъ господъ всегда грязныя руки, и они вездѣ суютъ ихъ.

Я рѣшился пожертвовать собою, для спасенія индѣйки, но уже было поздно: одинъ изъ толстяковъ схватилъ ее за ногу и началъ терзать. Никто, за исключеніемъ его товарищей, не ѣлъ этого блюда, даже сама Г-жа Лансѣ, которая поморщилась, увидѣвъ, что аббатъ облизываетъ жирные свои пальцы.

Послѣ обѣда было какое-то семейное совѣщаніе. Мнѣ при этомъ присутствовать было не кстати, и я пошелъ гулять. Мало-по-малу я отдалился отъ замка, и увидѣлъ себя подлѣ хижины Жака. Сначала я не замѣчалъ, что за мною слѣдуетъ, или лучше сказать наблюдаетъ какой-то крестьянинъ и пробирается между кустарниками, между-тѣмъ какъ я иду по дорогѣ. Но онъ по-временамъ появлялся, и всегда параллельно со мною. Это накопецъ привлекло мое вниманіе, Я продолжалъ однако мою прогулку, и, подойдя къ мызѣ, увидѣлъ Маріанну, которая разговаривала съ поручикомъ, жившимъ въ хижинѣ Жака. Она смѣялась, и защищалась, по-видимому, отъ какихъ-то замѣчаній, которыя дѣлалъ ей офицеръ. Когда я приблизился, она сказала мнѣ, какъ-будто мы были старые знакомцы:

— Подите сюда, сударь; удостовѣрьте господина офицера, что я бѣдная дѣвушка, продаю только ленты и галстухи, и что у меня нѣтъ ни какихъ запрещенныхъ товаровъ.

— Да мнѣ до этого нѣтъ ни какой надобности, отвѣчалъ поручикъ: это дѣло таможенныхъ. Но ты, сударыня, служишь бѣглымъ рекрутамъ; предувѣдомляешь ихъ, когда подходятъ войска; ты вѣчно ѣдишь по горѣ. Ты когда-нибудь наживешь себѣ большихъ хлопотъ.

— Э, сударь! сказала она съ безпечною, милою улыбкою: что за хлопоты между хорошенькими дѣвушками и любезными офицерами?

Это было такъ неожиданно, что поручикъ сначала смутился.

— Если такъ, сказалъ онъ, то позволь же мнѣ обнять тебя.

— Ай, нѣтъ! вскричала Маріанна, вскакивая на мула. Кто же днемъ обнимается? Ну, если бы увидалъ это мой женихъ? Бѣда! Въ другой разъ, посмотримъ, когда будемъ одни.

— А когда же это будетъ? спросилъ офицеръ.

— Э, сударь, горы съ горами не сходятся, а люди встрѣчаются, сказала Маріанна, покачиваясь на своемъ мулѣ. Я здѣсь проѣзжаю два раза въ недѣлю: караульте. А покуда, прощайте.

И она поѣхала въ гору, между-тѣмъ какъ поручикъ любовался ея ногами, которыми она совсѣмъ не секретничала.

— Вы знаете эту дѣвушку? сказалъ онъ мнѣ.

— Я знаю, что она торгуетъ всѣмъ по-немножку.

— Однако жъ надобно, чтобъ этому когда-нибудь былъ конецъ, прибавилъ онъ, задумавшись. Меня заставляютъ заниматься сквернымъ ремесломъ. По-настоящему, я бы долженъ былъ осмотрѣть тюки этой торговли, но.....

— Но, она слишкомъ хороша?

— Я не знаю, чтобы я сдѣлалъ, еслибъ она была старуха. Но чортъ меня возьми, ежели я не подамъ въ отставку, когда я еще долженъ буду жить здѣсь, какъ въ завоеванной землѣ.

Мнѣ хотѣлось догнать Маріанну, я раскланялся съ офицеромъ, и побѣжалъ за прекрасною торговою.

— Вы кстати подоспѣли, сказала она: а то бы онъ, избави Богъ, вздумалъ осматривать мои тюки.

Страхъ ея удивилъ меня, но я не показалъ этого.

— Оно было бы досадно, сказалъ я.

— Какъ, досадно? Бѣда! Мы бы погибли: они вѣдь у меня.

Сказавъ это, она повернулась на маленькую дорожку и вскричала.

— Сюда, сударь, сюда!

Зная отчасти намѣренія Эрнеста, я хотѣлъ проникнуть тайну.

— Г. Эрнестъ, право, хорошо сдѣлалъ, что пріѣхалъ предводительствовать крестьянами своего батюшки.

— И тѣмъ болѣе хорошо, что, вѣрно, ихъ немного.

— Какъ, немного! Да съ тѣхъ поръ какъ онъ пріѣхалъ, половина окрестныхъ мужиковъ пристали къ намъ. О, мы порастреемъ вашего негод.....

— Извините, если я не оканчиваю фразы: я въ политику не мѣшаюсь.

— Чортъ возьми! сказалъ я: да я не думалъ, чтобы дѣла ваши шли такъ хорошо.

— Лучше чѣмъ вы думаете, отвѣчала она въ полголоса. Этотъ господинъ офицеръ можетъ сколько хочетъ просить свиданій: я все стану назначать ему ихъ. У меня есть человекъ, который разомъ его прижметъ.

Тутъ она остановилась, и сказала мнѣ.

— Теперь поскорѣе; помогите мнѣ.

Она отвязала свои тюки, раскрыла ихъ, и вынула съ дюжину разннченнхъ охотничьихъ ружей, и три или четыре пары пистолетовъ. Она спрятала ихъ въ дупло. Я не зналъ, что дѣлать, какъ вдругъ Осипъ вышелъ изъ кустарника, и я увидѣлъ, что это тотъ самый человекъ, который слѣдовалъ за мною.

— Я ужъ часа два тебя жду, сказалъ онъ Маріаннѣ довольно грубо: этакъ мы ничего не сдѣлаемъ.

— Я дѣлаю все, что могу, отвѣчала она съ покорнымъ видомъ.

— Да толкуешь съ Франчиманами.

Слово «Франчиманъ», есть послѣдній слѣдъ стариннаго раздѣленія Франціи на языкъ oil и языкъ ос, или Провансальскій. Франчиманъ значитъ въ этомъ краю — Французъ, человекъ, который не говоритъ туземнымъ полуденнымъ языкомъ: это слово выражаетъ ненависть и презрѣніе.

— Господи, Боже мой! да надо же было провести этого офицера, а то онъ хотѣлъ осматривать мои тюки.

— Да развѣ намъ уже запрещено ѣздить по большимъ дорогамъ, вскричалъ Осипъ съ бѣшенствомъ. Погодите, мы васъ протуримъ въ Парижъ нынче же вечеромъ.

— Постой, сказалъ я: вы не должны ничего дѣлать безъ приказанія Г. Эрнеста. Онъ поручилъ мнѣ сказать тебѣ это.

— Я получилъ приказаніе отъ человека, получше Г. Эрнеста. Да притомъ, я дѣлаю что хочу.

Онъ нагнулся и вынулъ оружіе изъ дупла.

— Развѣ ты хочешь унести ихъ? сказалъ я.

— Да не ужъ ли же я оставлю ихъ здѣсь, чтобъ они свѣтились ночью!

— Я не дамъ тебѣ ихъ, вскричалъ я, покуда Г. Монфильонъ не прикажетъ.

— Да онъ приказалъ, отвѣчалъ Осипъ.

Онъ думалъ, что я говорю о маркизѣ.

— А Г. Эрнестъ говоритъ, что надобно подождать, сказалъ я: и ты долженъ ему повиноваться.

— Послушайся его, Осипъ, сказала Маріанна, показывая на меня. Онъ за этимъ прѣхалъ съ Г. Эрнестомъ изъ Парижа, и онъ вѣрно лучше насъ знаетъ, что надо дѣлать.

— Напрасно онъ трудился, сказалъ Осипъ по-Лангедокски. Нужды нѣтъ, я послушаюсь. Ступайте жъ прочь,¹ а то, можетъ быть, кто-нибудь видѣлъ, что вы своротили съ большой дороги.

Мы съ Маріанной привязали тюки на мѣсто, и отправились по прежней тропинкѣ, а Осипъ углубился въ лѣсъ. Выбравшись на большую дорогу, мы, съ удивленіемъ, увидѣли Эрнеста, который прохаживался тутъ съ поручикомъ.

— Эге! сказалъ Эрнестъ, увидѣвъ меня съ Маріанной: такъ ты, моя милая, пускаешься въ лѣсъ съ молодымъ человѣкомъ! Развѣ ты не знаешь, что у дѣвушекъ всегда что-нибудь пропадаетъ въ лѣсу?

— Да вотъ у нея и пропала одна вещица, сказалъ поручикъ, подойдя къ мулу: потому что эти тюки были сейчасъ полны, а теперь вполовину пусты. Развѣ ты тамъ, въ кустахъ, распродала всѣ галстухи и подтяжки? Ты должна мнѣ объяснить это.

Эрнестъ смотрѣлъ съ изумленнымъ видомъ. Я сдѣлалъ ему знакъ, котораго онъ не понялъ, а Маріанна, потупивъ глаза и играя съ подвѣской своего спенцера, не отвѣчала ни слова.

— Говори же, что у тебя было въ тюкахъ? спросилъ поручикъ съ сердитымъ видомъ.

— Спросите у него, сказала она, указавъ на меня: онъ не хуже меня знаетъ.

— Прошу покорно, сударь, сказать, что было въ этихъ тюкахъ, продолжалъ поручикъ, обратясь ко мнѣ.

— Я не знаю, сударь, по какому праву вы меня допрашиваете, и притомъ такимъ тономъ.....

— Права мои, сударь, основаны на предписаніяхъ начальства, сказалъ онъ сухо и съ насмѣшливою учтивостію: а говорю я съ вами такимъ тономъ, что вамъ бы обижаться было нечѣмъ, если бъ было что отвѣчать.....

— Такъ знайте же, сударь, что я вамъ ничего не скажу.

— Въ такомъ случаѣ вы не прогнѣваетесь, если я возьму васъ подъ стражу.

— Подъ стражу? меня? Послушай, братъ Эрнестъ, это шутка плохая, и я совѣмъ не намѣренъ идти въ тюрьму за вздорныя затѣи твоего отца.

— Да, Боже мой, вскричалъ Эрнестъ, что жъ было въ этихъ проклятыхъ тюкахъ?

— Ну, такъ я скажу! Въ нихъ были.....

— Ружья? сказалъ поручикъ.

Я сдѣлалъ утвердительный знакъ.

— Какъ? сказалъ Эрнестъ Маріаннѣ: ты осмѣлилась.....

— Да, вашъ батюшка приказалъ, отвѣчала она, чтобы свалить съ себя вину на другаго.

— Батюшка?

— Вы слышите, сударь, сказалъ поручикъ: надѣюсь, что послѣ этого, вы не станете просить, чтобы я отложилъ обыскъ въ вашемъ замкѣ.

— Маріанна, сказалъ Эрнестъ: ступай въ замокъ и не говори никому, что здѣсь случилось.

— Извините, сударь, сказалъ поручикъ: я совѣмъ не вижу надобности, чтобы эта дѣвушка объявила вашему батюшкѣ, гдѣ лежитъ оружіе. Она потрудится остаться съ нами. Притомъ, я бы слишкомъ открыто измѣнилъ своему долгу, еслибъ не оставилъ ее безъ хорошаго караула.

Эрнестъ хотѣлъ отвѣчать, какъ вдругъ мы увидѣли Лирѣ, который уже давно искалъ насъ. Мы рассказали ему все, что случилось.

— Чортъ возьми! сказалъ онъ..... Да развѣ вы, любезный Эрнестъ, не объяснили поручику нашихъ намѣреній.

— Да, я говорилъ, отвѣчалъ Эрнестъ, показывая знаками, что Маріанна слушаетъ.

— Правда, сказалъ нотаріусъ: она можетъ проболтаться. Чортъ возьми! Вы, кажется, хотѣли взять ее подъ караулъ?

— Безъ-сомнѣнія.

— И прекрасно. Нечего дѣлать, моя милая; не горюй, тебя посадятъ въ комнату Жакелины, и вы поболтаете. Болѣе сутокъ ты тамъ не просидишь.

— Но ее ждутъ въ замкѣ, сказалъ Эрнестъ.

— И то правда! Чортъ возьми, дѣло запутывается.

Онъ остановился, понюхалъ три раза табаку, сталъ передъ поручикомъ, и принялся глядѣть ему прямо въ глаза.

— Повѣрите ли вы, сударь, сказалъ онъ вдругъ, слову человѣка, которому шестьдесятъ лѣтъ отъ роду, и который слыветъ человѣкомъ честнымъ?

— Я повѣрю вашему слову, отвѣчалъ поручикъ.

— Прекрасно. Оставьте мнѣ эту дѣвушку часа на два, потому что она мнѣ нужна; я возвращу вамъ ее по первому востребованію, а съ этимъ требованіемъ прошу покорнѣйше пожаловать къ намъ въ замокъ часовъ въ десять.

— Ручаетесь ли вы, господа, въ томъ, что въ замкѣ между тѣмъ все останется по-прежнему, и ничего не будетъ отсюда вывезено?

— Ручаюсь, отвѣчалъ Эрнестъ.

— А вы, сударь? сказалъ поручикъ, обращаясь ко мнѣ.

— Я, сударь, я ни за что не ручаюсь. И безъ того ужъ я впутался, какъ дуракъ, въ дѣло, въ которомъ я ровню ничего не понимаю.

Лирѣ поглядѣлъ на меня искоса.

— Вы знаете, любезный другъ, какъ хорошо толковать о самыхъ затруднительныхъ дѣлахъ, между двумя стаканами пуншу. Однажды, будучи на-веселѣ, я открылъ въ одномъ актѣ неправильность и противозаконность, которыхъ напрасно искалъ цѣлые полгода.

Къ стыду моему, я долженъ сказать, что очень хорошо понималъ слова Лирѣ, потому что у него былъ актъ, касающійся до меня, и также, къ стыду моему, долженъ прибавить, что я тотчасъ далъ требуемое поручикомъ обязательство.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ поручикъ: если намѣренія ваши чисты, вы конечно не захотите, чтобы ружья достигли мѣста своего назначенія?

— Конечно нѣтъ, отвѣчалъ Эрнестъ, надобно захватить ихъ.

— Гдѣ они? сказалъ онъ Маріаннѣ.

— Спросите у Парижанина, отвѣчала она съ холоднымъ видомъ. Онъ ужъ разъ донесъ на меня.

— Чортъ васъ всѣхъ побери! вскричалъ я въ бѣшенствѣ. Этакъ я прослышу шпиономъ. Дѣлайте, что хотите!

— Хорошо, отвѣчалъ Лирѣ: безъ дальнѣйшихъ справокъ все узнаю.

Онъ набралъ воздуха, и изо всей силы закричалъ «ааауу,» тоненькимъ голосомъ, какъ женщина, и черезъ минуту ему отвѣчали такимъ же крикомъ и выстрѣломъ, который былъ едва слышенъ.

— Что это значить? вскричалъ офицеръ.

— Это значить, отвѣчалъ нотаріусъ, что, покуда мы здѣсь болтаемъ, ружья ушли.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ поручикъ, переговоры наши кончены, и я не могу возвратитъ свободы плѣнницѣ.

— Позвольте, сказалъ нотаріусъ: мы съ вами сдѣлаемся; мы оставимъ вамъ въ заложники вотъ этого господина (то есть, меня), а часовъ въ семь, около ужина, мы пришлемъ вамъ эту дѣвушку въ цѣлости. Вы согласны, не правдали? Прощайте, насъ ждутъ въ замкѣ.

Я не могъ даже сдѣлать возраженія, потому что Лирѣ, Эрнестъ и Маріанна тотчасъ ушли, и я успѣлъ только закричать имъ, чтобы они по-крайней-мѣрѣ прислали мнѣ сигаръ.

— У меня есть очень хорошія сигары, сказалъ поручикъ: и онѣ къ вашимъ услугамъ.

Мы остались одинъ. Разговаривая съ нимъ, я разсказалъ, какимъ образомъ невольно впутался въ это дѣло, и узналъ, что начальство указало ему на Маріанну, какъ на самаго дѣятельнаго агента тамошнихъ Карлистовъ.

— Она тѣмъ болѣе полезна имъ, сказалъ онъ, что исповѣдуетъ протестантскую религію, а протестанты вообще прстивипки Карла X: здѣсь политическія и религіозныя мнѣнія неразлучны.

Мы долго объ этомъ разговаривали, и я увидѣлъ, что поручикъ Вамесъ хорошо знаетъ страну.

— Эта разность религій, сказалъ онъ, оставила между жителями маленькихъ городовъ, которые большею частію фабриканты и протестанты, и между католиками, которые владѣютъ большею частію земель, ненависть такую, что, если бы развязать руки здѣшней національной гвардіи, она

тотчасъ усмирила бы всѣхъ помѣщиковъ; но это бы значило подать поводъ къ множеству безпорядковъ. Національная гвардія, составленная изъ фабрикантовъ и протестантовъ, ненавидитъ помѣщиковъ, какъ католиковъ, и только и говоритъ о томъ, что надобно разрушить всѣ замки, гдѣ, по ея мнѣнію, укрываютъ бѣглыхъ рекрутъ; подобная мѣра повела бы къ возмездію : сегодня сожгли бы замокъ, а завтра сгорѣла бы какая-нибудь фабрика. Это бы значило разорить всю страну. Обязанность моя чрезвычайно неприятна; но, я думаю, что иначе и невозможно было сдѣлать, какъ поручивъ возстановленіе здѣсь порядка людямъ, такъ сказать, неприкосновеннымъ къ дѣлу.

Мало-по-малу разговоръ завлекъ насъ далеко отъ Черной Горы, — въ Парижъ.

Я узналъ, что Вамесъ стоялъ тамъ прежде съ полкомъ, и у насъ нашлось три или четыре челоѣка общихъ пріятелей. Мы разговаривали по-дружески, когда Маріанна явилась къ намъ, въ сопровожденіи старика Гаспара.

Я замѣтилъ, что эта дѣвушка не имѣла уже прежняго своего рѣшительнаго вида. Она, по-видимому, много плакала, и Гаспаръ, уходя, отдалъ ей небольшую книгу, но, какъ старый солдатъ, знающій службу, показавъ ее сначала поручику. Мы съ удивленіемъ увидѣли, что это былъ католическій молитвенникъ. Я уже говорилъ, что Маріанна была протестантка. Что это такое?....

На основаніи нашего договора, я отправился въ замокъ, и пришелъ туда, когда сѣли за ужинъ. Всѣ были, если не печальны, по крайней мѣрѣ молчаливы и важные: Г-жа Лансѣ была еще мрачнѣе обыкновеннаго : она много плакала, и мнѣ невольно пришло въ голову, что между ея слезами и слезами Маріанны, есть что-то общее. Разговоръ былъ очень вялъ, и я принялся разсуждать: Гаспаръ сказывалъ, что Ернестъпріѣхалъ сюда не только для удержанія отца отъ глупостей, но и для чего-то другаго; здѣсь очевидно, кромѣ политической, происходитъ еще какая-то страшная революція семейная; исторія Лорѣ послужила мнѣ маякомъ; я сталъ думать, что между Маріанною и Г-жею Лансѣ легко могутъ быть такія же отношенія, какъ между почтеннымъ аббатомъ и графомъ Аннибаломъ. Впрочемъ, мнѣ некогда

было привести эти предположенія въ порядокъ, потому что ужинъ окончился очень скоро, и черезъ четверть часа всѣ разошлись.

Когда мы съ Эрнестомъ вошли въ свою комнату, онъ бросился въ кресла, и отъ души вскричалъ — Уфъ! Ясно было видно, что этотъ день показался ему очень тяжелымъ.

— Чтожъ у васъ такое? спросилъ я.

— Подождемъ Лирѣ, сказалъ Эрнестъ: онъ разсердится, если я расскажу тебѣ его военный планъ, которымъ онъ очень гордится.

Прошелъ часъ. Между-тѣмъ Жакѣ приготовилъ большую чашу пуншу, затопилъ каминъ, и поставилъ вокругъ стола пять креселъ.

— Для кого же пятое кресло! спросилъ я.

— Для Гаспара; онъ одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, и необходимо долженъ быть приглашенъ въ совѣтъ.

Эрнестъ былъ необыкновенно веселъ: я давно его такимъ не видывалъ. Вскорѣ Лирѣ пришелъ на цыпочкахъ, какъ школьникъ, который прокрадывается на пирушку, приготовленную гдѣ-нибудь на чердакъ.

— Слишкомъ много лимона! сказалъ онъ, пробуя пуншъ къ которому тотчасъ подошелъ: прибавьте чаю, сахару и рому.

Это удвоило порцію; Лирѣ сѣлъ въ кресла, не спуская глазъ съ драгоценнаго напитка, и съ важностью сказалъ: Хорошо.

Мы все трое были задумчивы, и молчали, какъ, на лѣстницѣ въ башню, которая служила намъ уборною, слышались шаги двухъ человѣкъ.

— Вотъ они, сказалъ Лирѣ, взявъ свѣчу и пошелъ встрѣчать поручика и Гаспара, который привелъ его. Когда нотаріусъ проходилъ съ поручикомъ знаменитую залу съ таинственными «креслами», онъ не могъ выдержать, чтобы не выкинуть глупаго каламбура, который я привожу только по обязанности точнаго лѣтописца.

— Вы не ошиблись, любезный поручикъ: этотъ замокъ вооруженъ всѣми военными принадлежностями, et voici d'abord les pièces de siège.

Если я скажу, что мы отъ всей души смѣялись этому вздору, то вы должны заключить изъ моихъ словъ только то, что мы были въ веселомъ расположеніи духа. Всѣ присутствующіе были на-лице; Лирѣ усадилъ насъ по мѣстамъ, бросился въ кресла, и сказалъ:

— Прежде всего пить! Древніе всегда дѣлали это, и именно для того, чтобы обезпечить своему гостю права гостепріимства.

— Правда, сказалъ Эрнестъ: но они пили всѣ изъ одной чаши, и передавали ее другъ другу.

— Глупо, вскричалъ Лирѣ: потому что ежели вино было хорошо, то первый былъ дуракъ, если не выпивалъ всего, что было въ чашѣ.

Мы чокнулись, и потаріусъ, развалившись въ креслахъ, началъ слѣдующимъ образомъ:

— Вотъ, милостивые государи, положеніе дѣла. Г. Эрнестъ—сынъ маркиза Монфильона, который оставитъ ему пятьдесятъ тысячъ франковъ дохода; но Г. Эрнестъ въ то же время племянникъ Г-жи Лансѣ, у которой восемьдесятъ тысячъ дохода. Отцовское наслѣдство върно, а теткинo сомнительно, тѣмъ болѣе, что она тетка намѣрена отказать все, что имѣетъ, бѣднымъ, для искупленія грѣховъ юности, о *каковыхъ* грѣхахъ упоминать здѣсь не подобаетъ, и также вслѣдствіе поведенія выщеръченнаго племянника, который, къ великому соблазну часто упоминаемой тетки, губить и себя и деньги танцовщицами оперными и прочими сему подобными.

— Извините, что я васъ перебую, сказалъ офицеръ: я не вижу, какую все это имѣетъ связь съ дѣломъ бѣглыхъ солдатъ.

— Связь неразрывную, мой почтеннѣйшій! сказалъ Лирѣ: но вы меня прервали, а я не могу начать снова говорить, не промочивъ горла. Дайте мнѣ пуншу, и не забудьте, что при всякомъ прерваніи я стану удваивать ораторскія по-собія.

— Чортъ возьми, бѣда, какъ мы скажемъ два слова сряду, вскричалъ Эрнестъ.

— Какъ хотите, отвѣчалъ Лирѣ: я продолжаю. А поелику у молодыхъ людей никогда нѣтъ денегъ, а у бѣдныхъ

ихъ всегда много, то справедливость требуетъ, чтобы сей Эрнестъ получилъ наслѣдство своей тетки, а бѣдные получили другія наслѣдства, если таковыя у нихъ въ виду имѣются.

Кто-то изъ насъ засмѣялся.

— Если вы стали смѣяться, я стану пить, сказалъ нотариусъ, и внесу въ журналъ: «Смѣхъ и помѣшательство.»

Мы сохранили важный видъ.

— Вы, можетъ быть, спросите меня, отчего же мы нынче заботимся объ этомъ будущемъ наслѣдствѣ: на это я вамъ скажу, что только нынче и можемъ мы его себѣ обезпечить. Вышереченная тетка, по вышеупомянутымъ причинамъ, о которыхъ говорить я вамъ не намѣренъ, собирается оставить свѣтъ и, какъ умирающая свѣту, хочетъ написать завѣщаніе.

— Я все таки не вижу..... сказалъ поручикъ.

— Пью! вскричалъ Лирѣ: налейте мнѣ два стакапа, по уговору.

— Молчите, господа, а не то, черезъ четверть часа Лирѣ будетъ пьянъ какъ Полякъ.

— Поэтому мы должны позаботиться сегодня и завтра о завѣщаніи означенной тетюшки и направить *оное* въ пользу здѣсь налице состоящаго племянника. Къ какимъ же мѣрамъ прибѣгнулъ въ таковыхъ обстоятельствахъ нотариусъ Лирѣ, другъ благородной фамиліи Монфильоновъ! Нотариусъ Лирѣ отправился къ здѣшнему приходскому священнику, честному и почтенному пастырю: онъ разсказалъ ему все, какъ есть, и священникъ придумалъ доброе дѣло, сожальтя впрочемъ, что оно внушено ему такимъ человекомъ какъ я, а доброе дѣло — низеслѣдующее. Не знаю, какимъ образомъ почтенный священникъ увѣщевалъ Г-жу Лансѣ, но вотъ что сказалъ бы ей я. «Безполезно было бы, сударыня, отказывать имѣніе ваше заведеніямъ для бѣдныхъ. Деньгами спасенія душъ своѣй не купите; но вы можете заслужить его другимъ добрымъ дѣломъ, именно, возвративъ заблудшую овцу въ лоно католической церкви. Здѣсь есть дѣвушка, протестантка, еретичка, которую вы, по многимъ причинамъ, очень хорошо знаете; дочь женщины, покинутой своею преступною матерью, id

est, ввучка грѣшницы, которая оставила эту злополучную мать въ нищетѣ. Эта дѣвушка обязана несчастнымъ своимъ существованіемъ проступку грѣшницы, и сдѣлалась еретичкою, потому что та же грѣшница не хотѣла пецись объ ней, чтобы не показать родства, связывающаго ее съ одною благородною фамиліею. Надобно разомъ загладить всѣ эти грѣхи,—возвратить заблудшую овцу пант, и какъ имени дать ей нельзя, то по-крайней-мѣрѣ упрочить ей безбѣдное существованіе. Это доброе дѣло будетъ несравненно лучше! Имѣніе ваше вы оставите вашему племяннику, Эрнесту, прекрасному молодому человѣку, который совершенно исправился, и докажетъ свое возвращеніе на путь истинный, помогая вамъ въ этомъ добромъ дѣлѣ.» Г-жа Лансѣ согласилась.

— Превосходно! вскричалъ я.

— Хорошо, сказалъ поручикъ: но все еще я не вижу, какую связь это имѣетъ съ дѣломъ о бѣглыхъ рекрутахъ.

— Какъ! вскричалъ нотаріусъ, сіяя жаромъ ораторскаго краснорѣчія. Развѣ вы не знаете, что Маріанна невѣста Осипа, самаго дюжаго и самаго упрямаго изъ бѣглыхъ рекрутъ. Онъ ни за что не захочетъ лишиться своей невѣсты, а я разсуждаю слѣдующимъ образомъ: новообращенной нуженъ мужъ; ей бы хотѣлось выйти за Осипа, который теперь бѣглый рекрутъ, и Карлистъ, хотя самъ не знаетъ, что это значить. *Оному* Осипу этого и хочется; *оной* Маріаннѣ этого и хочется; намъ этого и хочется. Вслѣдствіе чего, мы наймемъ за него рекрута, женимъ Осипа на Маріаннѣ, приберемъ къ рукамъ тетушкины денежки, и спокойствіе водворится въ цѣломъ Лангедокѣ.

— И у Эрнеста будетъ восемьдесятъ тысячъ дохода, сказалъ я.

— Милости просимъ ко мнѣ праздновать этотъ счастливый день, сказалъ Эрнестъ.

— И мы будемъ пить вино чудное, сказалъ нотаріусъ.

— А меня молодой маркизъ возьметъ къ себѣ въ управители, сказалъ Гаспаръ.

И мы закричали хоромъ:

— Пить! пить!

И всѣ мы встали, и чокнулись, и бросили къ потолку наши бархатныя шапочки. Лирѣ бросилъ свой парикъ.

— А для всего этого, сказалъ онъ, намъ нужна недѣля, и вотъ почему, поручикъ, мы просимъ перемирія.

— Подписано! вскричалъ онъ.

— Подписано! закричали мы всѣ.

Шапочки наши еще летали въ воздухѣ, стаканы еще стучались, какъ вдругъ раздались четыре или пять ружейныхъ выстрѣловъ, и за ними послѣдовали ужасные крики.

Лирѣ выронилъ свой стаканъ; поручикъ, бросивъ стаканъ, подбѣжалъ къ окну, и вскричалъ въ бѣшенствѣ.

— Господа, это гнусное предательство, коварная западня, въ которую вы завлекли меня: горцы атакуютъ мызу Жака.

— Чортъ возьми! въ самомъ дѣлѣ! сказалъ Лирѣ: но, повѣрьте, поручикъ, что мы въ этомъ невиноваты.....

— Господа, вскричалъ поручикъ, обнаживъ саблю: выпустите меня отсюда; солдаты мои дерутся, а меня нѣтъ съ ними.

— Остерегитесь, сказалъ Лирѣ: горцы между замкомъ и мызою; пройти вамъ невозможно.

— Выпустите меня, кричалъ поручикъ, приходя еще въ большее бѣшенство при каждомъ выстрѣлѣ. Вы всѣ.....

— Поберегите ваши ругательства, сказалъ Эрнестъ: мы всѣ идемъ съ вами.

— Ненужно мнѣ васъ; отворите дверь сейчасъ же, или я разможжу вамъ черепы, вскричалъ онъ, вынувъ изъ кармана пистолетъ и взведя курокъ.

— Пойдемте, пойдемте, сказалъ Лирѣ, видя, что эта угроза произведетъ на Эрнеста впечатлѣнїе, совершенно противное тому, котораго ожидалъ поручикъ. Онъ взялъ свѣчу, и повелъ поручика по потаенной лѣстницѣ башни.

— Пойдемъ за ними, сказалъ мнѣ Эрнестъ, схвативъ ружье. Гаспаръ, убери здѣсь.

Я тоже взялъ ружье, и мы вышли. Лирѣ стоялъ въ дверяхъ и кричалъ:

— Экой неосторожный! Экой неосторожный!

Онъ разсказалъ намъ въ двухъ словахъ, что горцы, прогнанные солдатами, проходили мимо замка, когда офицеръ

выбѣжали оттуда, и что онъ неустрашимо бросился въ средину ихъ.

— Они стрѣляли, прибавилъ Лирѣ: я думаю, что бѣднякъ убитъ.

Мы побѣжали къ дорогѣ. Эрнестъ хотѣлъ перескочить черезъ плетень, отдѣлявшій дворъ замка отъ дороги, но сержантъ схватилъ его за горло, крича.

— Поймалъ! поймалъ одного!

Солдаты прибѣжали, и, увидѣвъ, что это тотъ самый молодой человѣкъ, который разговаривалъ съ ихъ офицеромъ, начали брагнить его.

— Это хозяинъ замка!—Поручикъ нашъ былъ тамъ!—куда ты дѣвалъ нашего поручика? — Я тебѣ размозжу голову и сожгу твой замокъ, если ты не выдашь намъ его сейчасъ же.—Поручика! Давай намъ поручика!

Эрнестъ не отвѣчалъ, но старался вырваться изъ рукъ солдатъ. Солдаты бѣсились. Положеніе Эрнеста становилось опаснымъ; мы тщетно предлагали наше посредничество; наконецъ Лирѣ подошелъ къ солдатамъ, и сказалъ.

— Да о чемъ вы хлопочете! Черезъ часъ, поручикъ будетъ съ вами.

— Давай его сейчасъ же! кричали солдаты. Вы его убили, мерзавцы. Гдѣ онъ? Гдѣ онъ?

— Вы сами убиваете этого молодого человѣка. Возьмите его подъ стражу, но не бейте его.

— А ты кто? сказалъ сержантъ.

— Я нотаріусъ и меръ этой общины (Онъ солгалъ). Именемъ короля, приказываю вамъ прекратить это насиліе.

— Хорошо! сказалъ сержантъ, свяжите плѣнника и обыщите замокъ. Маршъ!

Между-тѣмъ всѣ спавшіе пробудились въ испугъ, сбѣжали на дворъ, и солдаты, найдя ворота отворенными, вошли въ замокъ. Сержантъ поставилъ у главныхъ дверей караулъ, велѣлъ собрать всѣхъ жителей дома въ залу, куда отвели и Эрнеста. Маркизь съ женою были уже тамъ. Вслѣдъ за тѣмъ, привели Г-жу Лансѣ, графа Аннибала, аббата Лорѣ и всѣхъ людей. Они трепетали со страху, не успѣли порядочно одѣться. Эрнестъ былъ связанъ,

и два солдата стерегли его. Лирё, которого старый маркизь спрашивалъ, не отвѣчалъ ни слова и набивалъ носъ табакомъ, какъ-будто ища въ табакеркѣ идею. Г. Монфильонъ не подпускали къ сыну, и онъ обратился къ Гаспару, который съ досадою отвѣчалъ ему:

— Вы сами этого хотѣли; иначе не могло кончиться.

Маркизь шумѣлъ, спрашивая, по какому праву солдаты ворвались къ нему въ домъ,

— Э, да не надоѣдайте имъ! сказалъ Гаспаръ. Если бъ они сдѣлали что-нибудь и десять разъ хуже этого, то и то были бы правы. — Ммъ! когда бы это я былъ во времена императора! пробормоталъ онъ.

Наконецъ сержантъ возвратился; онъ самъ обыскалъ весь замокъ. Войдя въ залу, онъ стукнулъ прикладомъ по полу, и сказалъ:

— Поручика нѣтъ! Сыщите мнѣ его.

— Э, чортъ возьми! Да, разумеется, сыщутъ, сказалъ Лирё: мертвого или живаго, гдѣ-нибудь да найдутъ.

— Мертваго или живаго? вскричалъ сержантъ. Sacré.....! жаль право, что я не кольнулъ этого франтика штыкомъ.

— Эрнеста? Да за что же? вскричалъ Г. Монфильонъ.

— А за то, что онъ захваченъ съ ружьемъ въ руки, когда мужики атаковали мызу, и что еслибъ тогда я убилъ его, такъ и концы въ воду. Вотъ и все! А теперь мы принуждены уже дѣйствовать законнымъ образомъ, и я сейчасъ послалъ солдата въ городъ за прокуроромъ.

— Я этого и требую, сказалъ Г. Монфильонъ: и еще требую, чтобы вы объяснили мнѣ, по какому праву вы ворвались ночью въ мой домъ.

— Батюшка! вскричалъ Эрнестъ: я долженъ все сказать вамъ.

— Говорить ничего ненадо, отвѣчалъ Лирё, а надобно дѣйствовать; надобно отыскать поручика: опи, можетъ, и не убили его.

Лирё опасался объясненій, и я видѣлъ, что Эрнестовы 80,000 дохода направляются къ заведеніямъ для бѣдныхъ.

— Да какая же мнѣ надобность до вашего поручика? сказалъ Г. Монфильонъ.

— Какъ! вскричалъ сержантъ: да вы заманили его къ себѣ, чтобы убить.

— Онъ былъ здѣсь? сказалъ маркизъ: какъ же онъ попалъ сюда?

— Что дѣлать! Поручикъ — его пріятель, сказалъ Лирѣ, указывая на меня: и пришелъ къ нему въ гости.

— Ну, это быть-можетъ, сказалъ сержантъ. Я самъ слышалъ, какъ они разговаривали объ общихъ знакомыхъ въ Парижѣ.

Не знаю, по какому предопредѣленію я долженъ былъ отвѣчать за всѣ глупости, которыя вокругъ меня дѣлались, и въ которыхъ я былъ ни сколько не виноватъ. Я не хотѣлъ ни компрометировать Эрнеста въ отношеніи къ его семейству, ни самъ компрометироваться, и не знаю, что бы я отвѣчалъ; но вдругъ услышалъ, что Гаспаръ говоритъ сержанту:

— Немудрено, что молодые люди тотчасъ узнаютъ другъ друга; имъ вспоминать немного времени, не такъ какъ намъ съ тобою, Годѣ.

При этомъ имени сержантъ обернулся.

— Ба! да это ты, Гаспаръ, вскричалъ онъ: какъ же это, я брожу около замка ужъ цѣлую недѣлю, и до сихъ поръ ни разу не видалъ тебя?

— Нога, братъ, болитъ.

— Все та же? Эка она бѣднѣшка! Да что ты здѣсь дѣлаешь?

— Я здѣсь управителемъ у маркиза, и я бы тебѣ спасибо сказалъ, если бы ты былъ посговорчивѣе.

— Прекрасно! сказалъ Лирѣ, который до сихъ поръ только еще и сдѣлалъ, что меня впуталъ въ это дѣло. Отпустите дамъ спать, а мы покуда потолкуемъ.

— О чемъ намъ толковать? вскричалъ сержантъ. Никто ни съ мѣста, покуда мы не найдемъ поручика.

— Да какъ же ты хочешь, чтобы его нашли, сказалъ Лирѣ, сердясь, если никто не пойдетъ искать его. Экой ты ограниченный!

— Что такое? вскричалъ сержантъ съ гнѣвнымъ видомъ.

— Ничего, отвѣчалъ Гаспаръ. Онъ говоритъ, что ты дуракъ, вотъ и все!

— Какъ, дуракъ?

— Да, разумеется: если твой поручикъ лежитъ гдѣ-нибудь подъ кустомъ.....

— Мой поручикъ не прячется, сказалъ сержантъ: онъ молодъ, но не трусь.

— Да я и не говорю тебѣ, что онъ прячется; но онъ можетъ-быть, лежитъ гдѣ-нибудь раненый.

— Какъ раненый!

— Да это быть можетъ, сказалъ Лирѣ: услышавъ выстрѣлы, онъ выбѣжалъ какъ бѣшеный изъ комнаты, и бросился на горцевъ, которые въ это время уходили мимо замка.

— Такъ и вы были тутъ же? спросилъ маркизъ.

— Да, и я былъ тутъ; я пошелъ туда, чтобы поговорить съ этимъ господиномъ о дѣлѣ, за которымъ онъ ко мнѣ пріѣхалъ.

Я стоялъ подлѣ Эрнеста.

— Попадъ я! сказалъ я ему въ полголоса.

— Не безпокойся, мой милый. Лирѣ и тебя и меня выпустаетъ изъ бѣды; я вижу по его торжественному виду, что у него уже готовъ планъ дѣйствія.

Лирѣ, повидимому, объяснялъ этотъ планъ сержанту, потому что тотъ молча его слушалъ, и потомъ выславъ четырехъ солдатъ.

— Все это быть можетъ, сказалъ наконецъ сержантъ: однако жъ я все таки пошлю за прокуроромъ.

— Да, сказалъ Лирѣ: а посланнаго твоего на дорогѣ убьютъ.

— Чортъ возьми! сказалъ онъ: и то правда.

— Подожди до утра, любезный, продолжалъ Лирѣ: если мы тогда не представимъ тебѣ твоего поручика въ цѣлости и исправности, то..... Тогда дѣлай, что хочешь.

Солдаты возвратились и объявили, что они обыскали по всѣмъ угламъ и не нашли слѣдовъ поручика и никакихъ признаковъ, чтобы кто-нибудь былъ раненъ.

— Bravo! вскричалъ Лирѣ: такъ они взяли его въ плѣнъ. Мы его найдемъ. Эй, сдѣлайте обоихъ ословъ.

— Такъ вы знаете гдѣ они? сказалъ сержантъ.

— Я не знаю, но я найду кого-нибудь кто знаетъ. Эй,

вы, подите-ко кто-нибудь сюда. Жакё, ты долженъ знать, куда эти негодяи скрываются.

Маркизь, боясь, какъ бы на него не пало подозрѣнiе, сдѣлалъ Жакё знакъ, чтобъ тотъ отвѣчалъ отрицательно. Лирё замѣтилъ это, взявъ Жакё за воротъ, повернулъ его спиною къ маркизу, и, держа обѣими руками за обшлага, продолжалъ:

— Признайся, Жакё. Ты хитеръ, какъ обезьяна; ты вѣрно открылъ ихъ убѣжище: сведи насъ туда.

Маркизь кашлялъ; Жакё выворачивалъ шею, чтобы взглянуть на него.

— Я, сударь, ничего не знаю, отвѣчалъ онъ.

— То есть, ты не знаешь, знать ли тебѣ. — Но, прибавилъ онъ вполголоса: какъ ты спесъ имъ остатки Жаковой коровы, то я предамъ тебя въ руки судьи, и скажу, что ты не только ихъ сообщникъ, но что ты ихъ оберъ-кригсъ-коммиссаръ.

При этомъ словѣ «оберъ-кригсъ-коммиссаръ», Жакё, который ни сколько не понималъ его, задрожалъ всѣмъ тѣломъ, какъ будто ужъ попался въ руки жандармовъ. Онъ сказалъ:

— Ну, такъ, пожалуй, я поведу васъ.

— Очень хорошо, сказалъ Лирё, отпустивъ его; потомъ онъ подошелъ ко мнѣ и вскричалъ: — Собирайтесь, скорѣе, сударь, мы сейчасъ ѣдемъ.

— Мы? спросилъ я.

— Да, мы; странно было бы, если бъ вы не захотѣли вывести маркиза изъ затруднительнаго положенiя, въ которое сами его ввергли.

И онъ отвернулся отъ меня.

— О, нѣтъ, вскричалъ Эрнестъ: это ужъ слишкомъ!

— Оставь его, сказалъ я: это восхитительная гаскопада; я вездѣ пойду съ этимъ человѣкомъ, хоть бы въ вертепъ разбойниковъ, потому что, во-первыхъ, онъ меня забавляетъ, а во-вторыхъ.....

А во-вторыхъ, я вамъ пуженъ, сказалъ Лирё. — Гаспаръ, вскричалъ онъ, бутылку рансiо, да сухарей. Ночи чертовски холодны! Маркизь, нѣтъ ли у васъ теплаго сюртука? Мой фракъ совсѣмъ не подбигъ жаромъ.

Маркизь величественно сдѣлалъ знакъ Гаспару, и тотъ вышелъ.

Мало-по-малу всѣ успокоились, и все отъ того, что Лирѣ искусно выдумалъ причину, по которой поручикъ попалъ въ замокъ. Гаспаръ приискъ рансидо.

— Ну, сказалъ Лирѣ, теперь выпьемъ за успѣхъ нашего предпріятія. Сержантъ, неужели ты не позволишь этому молодому человѣку чокнуться съ нами?

Эрнестъ все еще стоялъ съ связанными руками; сержантъ развязалъ веревку.

— Ну, сказалъ Лирѣ: возьми, Гаспаръ, и себѣ стаканъ, и ты, Жакѣ, выпей, это придастъ ногамъ твоимъ проворства. Выпейте и вы, маркизь: это развеселитъ васъ, и вы перестанете заботиться о томъ, что сынъ вашъ можетъ за свои шалости попасть на каторгу. — Видите, сударыня, шепнулъ онъ Г-жѣ Лансѣ, такъ, чтобъ услышалъ и маркизь: господинъ Эрнестъ взять съ оружіемъ въ рукахъ, сражаясь за Генриха V; а вы еще сомнѣвались въ его правилахъ!

Г-жа Лансѣ, со слезами на глазахъ, посмотрѣла на милого своего племянника. Маркизь понялъ данный ему урокъ, взялъ стаканъ и принужденъ былъ чокаться съ потаріусомъ — республиканцемъ, съ Парижскимъ авторомъ, непризнающимъ школы великаго Расина, съ сержантомъ «господина» Людовика-Филиппа, съ отставнымъ солдатомъ похитителя, Бонапарта, и съ своимъ босоногимъ камердинеромъ. Никогда имя Монфильоновъ не бывало такъ унижено! Въ лицѣ маркиза была какая-то важность, покоряющаяся судьбѣ своей, и плутъ Лирѣ отъ души забавлялся надъ нимъ. Это столкновеніе враждебныхъ мнѣній и партій въ самомъ дѣлѣ было чрезвычайно комическое. Двѣ политическія стороны въ открытой войнѣ, и третья, ненавидящая ту и другую, служить имъ агентомъ, дипломатомъ, посредникомъ, и всѣ три, подъ вѣвѣскою своихъ мнѣній, которыми безпрерывно мѣняются, думаютъ только о частныхъ дѣлахъ своихъ. Въ этой залѣ, наполненной четырьмя разными патріотизмами, представлялась комедія всей Франціи.

Въ минуту отъѣзда намъ пожелали счастливаго пути и скорого возвращенія; мы сѣли на маркизовыхъ ословъ и отправились въ горы.

— Мм! мм! бормоталъ дорогою нотаріусъ, чѣмъ-то это все кончится? — Уфъ; какъ холодно! — Ну, если эти негодяи его убили? — Что добраго! — А я ужъ наживу себѣ пасморкъ. — Они вѣрно зарыли его гдѣ-нибудь. — Хоть бы я по-крайней-мѣрѣ надѣлъ бумажный колпакъ свой. — Ну, да посмотримъ, что будетъ.

Мы ѣхали полчаса по берегу рывтины, раздѣляющей Мон-фвльонскую гору на-двое. Потомъ Жакѣ повелъ насъ по тропинкѣ, которая шла къ потоку, омывающему основанія замка. Ночь была чрезвычайно темна, покатость дороги терялась во мракѣ, и мнѣ казалось, что мы скользимъ вдоль стѣны, вися надъ потокомъ.

— Утопить, что-ли ты насъ хочешь? сказалъ нотаріусъ: мнѣ слышится шумъ водопада.

И дѣйствительно, мы уже нѣсколько времени слышали гулъ каскада.

— А гдѣ же мнѣ васъ вести, сказалъ Жакѣ, на своемъ нарѣчій: они al Roc de las incantadas, «въ Пещерѣ вѣдьмъ.»

— Такъ и здѣсь есть пещера вѣдьмъ? вскричалъ я.

— Ого, сударь, сказалъ Жакѣ: такъ вы понимаете нашъ языкъ!

— Немножко. Да что это за Пещера вѣдьмъ?

— Въ молодости моей я написалъ на этотъ сюжетъ поэму, сказалъ нотаріусъ. Не прочесть ли вамъ ее?

— Разскажите мнѣ лучше ея содержаніе.

— Ага, вы я вижу презираете провинціальныя стихи. Вы правы, они ни сколько не лучше тѣхъ, которые вы пишете въ Парижѣ.

— Согласенъ, но по-крайней-мѣрѣ, мы ихъ не читаемъ.

— Да зато печатаете. Verba volant; scripta manent.

— Ужъ лучше стихи ваши, чѣмъ вашу Латынь, сказалъ я.

— Вотъ они: дѣло въ томъ, что въ нашихъ горахъ можно найти чудесное совершенно въ новомъ родѣ, цѣлую міеологію, гораздо лучше Греческой и Китайской: тутъ есть сверхъестественныя существа, которыя говорятъ съ людьми, и люди, которые этому вѣрятъ. Поэму мою можно и пѣть и читать; а такъ какъ въ туманъ пѣть неловко, то я прочту вамъ ее.

И, злодѣй, прочелъ мнѣ всю свою поэму.

— Когда онъ кончилъ, мы были въ какой-то ущелинѣ, которой, казалось, конца нѣтъ.

— Теперь надобно бросить ослонъ, сказалъ Жакъ: мы пойдемъ въ лѣсъ.

Онъ привязалъ ослонъ къ дереву, и мы углубились въ лѣсъ мелкихъ дубовъ, перемѣшанныхъ съ остролистомъ, который ужасно колалъ намъ ноги. Мы шли по этой проклятой чащѣ добрые четверть часа; тутъ Жакъ остановился, и испустилъ легкій и тихій крикъ, на который ему тотчасъ отвечали. Черезъ нѣсколько минутъ мы подошли къ спуску, такому крутому, что я принужденъ былъ съестъ, и вѣхъ сидя по разнымъ колючимъ растеніямъ, а Жакъ шелъ преспокойно, какъ-будто по садовой аллѣ. Вскорѣ послѣ этого мы увидѣли широкую разщелину въ скалѣ и тамъ огонь. Если бы я не боялся описаній, потому что очень много сочинилъ ихъ, то вотъ бы прекрасный случай нарисовать вамъ великолѣпную декорацію. Но одно обстоятельство, на которое указалъ Лирѣ, такъ поразило меня, что я не могу умолчать о немъ. Огонь горѣлъ прямо противъ самаго водопада, отражался во множествѣ мелкихъ волнъ, кипѣвшихъ у его подошвы и блестѣлъ въ нихъ, производилъ какъ бы жидкій фосфоръ; потокъ, увлекаемый собою отраженіемъ огня, катилъ его какъ растопленное желѣзо, а туманъ, подымавшійся съ земли, подергивался нѣжнымъ розовымъ цвѣтомъ и образовалъ облако, въ которомъ сіяніе огня снова отражалось.

— Это-то я и хотѣлъ изобразить въ седьмой моей строфѣ, сказалъ Лирѣ: вы помните?

— Очень хорошо помню.

А я, право, и не зналъ, что это за седьмая строфа.

Наконецъ мы проникли въ разщелину очарованной скалы; одинъ мужикъ вышелъ къ намъ на встрѣчу, поглядѣлъ на насъ, и мы проникли въ «Пещеру вѣдьмъ.»

Но это было только первое ея отдѣленіе. Сверхъ-того, въ пей есть десять или двѣнадцать залъ, сообщающихся между собою и имѣющихъ особые выходы. Поэтому она составляла неопытенное убѣжище для негодяевъ, которые собравшись тутъ. Ихъ было одиннадцать человѣкъ, не считая ихъ капитана Осипа и нашего поручика.

— Хорошо, что мы пріѣхали, сказалъ Лирѣ: а то ихъ тринадцать; они ни за что въ свѣтъ не остались бы тринадцать въ полночь, и, пожалуй, бросили бы поручика въ воду, чтобы возвратиться къ счастливому числу двѣнадцати.

Осипъ не всталъ, чтобы насъ встрѣтить. Въ немъ уже замѣтно было чувство собственнаго своего достоинства и власти. Лирѣ посмотрѣлъ на него искоса.

— Если этотъ пегодай не попадется на висѣлицу, то онъ выйдетъ въ люди, сказалъ Лирѣ.

Тутъ онъ совсѣмъ вошелъ въ пещеру, и, принявъ снова свой безпечный видъ, сказалъ.

— Здравствуйте, ребята! Здорово, Осипъ! Разведите-ко, братцы, огонь-то хорошенько, а то я совсѣмъ замерзъ. Здравствуйте, поручикъ: вы видите, мы васъ не забыли.

— А зачѣмъ вы сюда пришли? спросилъ Осипъ довольно грубо. Вы здѣсь зачѣмъ? прибавилъ онъ, указывая на меня.

— Мы пришли спросить васъ, сказалъ Лирѣ, хотите ли вы, чтобы васъ задушили здѣсь дымомъ, какъ лисицъ въ норѣ, или согласитесь подписать договоръ, выгодный для всѣхъ сторонъ.

— Задушить насъ дымомъ? сказалъ Осипъ. Попробуйте, такъ вотъ этотъ господинъ (поручикъ) попроситъ хорошо ли это ружье; а тотъ (указывая на меня) жжется ли огонь!

— Эге, братъ, да какой ты упрямой! сказалъ Лирѣ. А товарищи твои, я думаю, будутъ сговорчивѣе. Эй, вы, говорите, что-ли!

— Молчать! вскричалъ Осипъ. Они выбрали меня въ капитаны, и вы должны имѣть дѣло съ однимъ мною.

— Ну, если такъ, то нечего дѣлать! сказалъ Лирѣ, застѣгивая сюртукъ. Прощай!

Потомъ, мастерски притворяясь разсерженнымъ, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, и обратившись ко входу, вскричалъ:

— Ступайте, разстрѣляйте ихъ всѣхъ.....

— Кого? вскричалъ Осипъ, вскочивъ и схватившись за ружье.

— О, не бойся сказалъ Лирѣ: еще не тебя, а только

Эрнеста, Гаспара, отца твоего..... и (прибавилъ онъ отирая слезу) бѣдную Маріанну!

— Маріанну! отца моего! вскричалъ Осипъ.

— Ахъ вы негодные! вскричалъ Лирѣ еще въ большемъ бѣшенствѣ: такъ вы думаете, что можете взволновать всю область, и ничѣмъ за это не поплатиться! Замокъ взять; туда пришли три тысячи человѣкъ съ самымъ генералиссимусомъ.

Слово «генералиссимусъ» произвело на дикаго Осипа такое же почти впечатлѣніе, какъ слово «оберъ-крнгсъ-коммиссаръ» на Жакѣ.

Однако жъ онъ сказалъ:

— Три тысячи человѣкъ! Быть не можетъ; мы бы это знали.

— Дуралей! Да какъ же бы ты это узналъ, сказалъ Лирѣ: они пріѣхали по почтѣ.

Если бъ у меня голова лежала на плахѣ, то и тутъ бы я не утерпѣлъ, чтобы не захотать. Лирѣ замѣтилъ это, бросился мнѣ на шею и вскричалъ съ досадою:

— Да, скажите же имъ, что это правда. Въдь вы привели сюда войско.

— Онъ? сказалъ Жакѣ.

— Да, онъ.

— Да въдь онъ здѣсь не бывалъ, сказалъ Осипъ.

— Не знаю, бывалъ ли, отвѣчалъ Жакѣ: но онъ знатно понимаетъ нашъ языкъ.

Я не понималъ, по какому несчастію всегда былъ главнымъ лицомъ во всемъ, что вокругъ насъ происходило. Лирѣ началъ говорить со мною по-Лангедокски.

— Ну же, скажите имъ ваши предложенія.

— Непужно, сказалъ Осипъ: я не намѣренъ имѣть дѣла съ шпиономъ.

— О! вскричалъ я въ бѣшенствѣ: вы со мною раздѣляетесь за это, господинъ Лирѣ.

— Ты видишь, Осипъ, сказалъ плутъ жалобнымъ голосомъ: я хотѣлъ спасти тебя, а онъ и меня грозитъ разстрѣлять.

Я не утерпѣлъ, засмѣялся. Но при этихъ словахъ, всѣ мужики вскочили и закричали:

— Нѣтъ, нѣтъ! этому не бывать! Нѣтъ, мы не хотимъ, чтобы нашего господина Лирѣ разстрѣляли!

— Спасибо вамъ, братцы, сказалъ Лирѣ: но что же дѣлать! Видите, вашъ капитанъ Осипъ упрямъ, какъ осель.

Мужики начали роптать.

— Онъ доведетъ васъ до того, что васъ всѣхъ разстрѣляютъ.

— Ну, чего же вы требуете? сказалъ Осипъ, видя, что власть его колеблется.

— Сущихъ пустяковъ! сказалъ нотаріусъ. Генералиссимусъ поручилъ мнѣ отдать господину поручику бумагу, которою онъ уполномочиваетъ вести переговоры отъ его имени.

Поручикъ, котораго два мужика держали въ отдаленіи, по который однако же все слышалъ, приблизился, и Лирѣ, сдѣлавъ ему знакъ, вынулъ изъ кармана разныя бумаги.

Онъ просмотрѣлъ ихъ, взялъ одну и поднесъ ее къ огню, чтобы сжечь.

— Это что? спросилъ Осипъ.

— Ничего, пустая бумага; это черновой свадебный договоръ твой съ Маріанною и записка на три тысячи франковъ, которые хотѣлъ дать тебѣ молодой маркизъ. Это ненужная бумага.

— Отчего же такъ? сказалъ Осипъ, останавливая нотаріуса.

— Оттого, что когда мы всѣ будемъ разстрѣляны, то я не знаю, на что она годится.

— А вотъ ваша бумага, поручикъ, продолжалъ онъ. — Вы узнаете руку? спросилъ онъ меня.

Я взялъ бумагу, она начиналась слѣдующими словами:

«Станемъ пить и веселиться!»

Это была застольная пѣсня. Я прочелъ ее, и сказалъ поручику:

— Прочтите ее безъ смѣха.

Поручикъ кусалъ себѣ губы.

— Ну, что же вы хотите предложить этимъ бунтовщикамъ.

— Во-первыхъ, сказалъ Лирѣ: они должны явиться зав-

тра на мызу Жака, гдѣ вы ихъ примете, какъ будто они добровольно явились.

— Согласенъ, отвѣчалъ поручикъ, помолчавъ нѣскольکو, чтобъ возвысить важность своего отвѣта.

— Потомъ они должны явиться въ команду, и по прибытіи въ полки тотчасъ произведены будутъ въ капралы; ils seront tous caporaIs.

— О, нѣтъ, сказалъ поручикъ: этого я не могу сдѣлать.

— Если только, прибавилъ Лирѣ, нечаянно прерывая его: если только они не захотятъ лучше взять при отправленіи въ полки деньгами, по триста франковъ на брата.

— Намъ лучше деньги, закричали всѣ они.

— Какъ хотите, сказалъ Осипъ: а я не согласенъ.

— Да тебя кто посылалъ въ полкъ, сказалъ ему Лирѣ тихоньку.

— Да оставьте его, сказалъ я ему съ другой стороны: останется одинъ, такъ на все согласится.

— Да, отвѣчалъ онъ, но дѣло въ томъ, что безъ него Марианна не согласится переменить религіи; а если Г-жа Лансѣ не рѣшится загладить своего проступка обращеніемъ своей внучки, всѣ мои труды пропали, и Эрнестъ не получить наслѣдства тетуски..... Ну, пора кончить это дѣло.

Онъ отвелъ насъ въ сторону, и сказалъ:

— Вы въ самомъ дѣлѣ согласны на это, поручикъ? Ихъ точно простятъ?

— За это я ручаюсь, сказалъ Вамесъ; но надобно, чтобы покорность была совершенная, а судя потому, что сказалъ Осипъ, я думаю.....

— Пойдите; мы должны порядочно уговориться. Позволятъ ли ему представить за себя другаго рекрута?

Поручикъ задумался; но потомъ сказалъ:

— Я надѣюсь, я объясню начальству.....

— Хорошо, сказалъ Лирѣ. Жакѣ, Жакѣ! поди сюда. Жакѣ подошелъ.

— Годится ли вамъ этотъ? Онъ немножко худенекъ, нездоровъ.

И Лирѣ толкнулъ его кулакомъ въ грудь такъ сильно, что тотъ упалъ навзничъ.

— Видите, сказалъ Лирё.

— Нужды нѣтъ, отвѣчалъ поручикъ: я приму его.

— Послушай-ко, Жакё, сказалъ Лирё: что ты получаешь у маркиза?

— Сто франковъ въ годъ, да старыя платья.

— Ну, а я тебѣ предлагаю мѣсто, на которомъ ты будешь получать по пяти су въ день, то есть девяносто франковъ въ годъ, и новыя платья.

— Большая мнѣ надобность въ новыхъ платьяхъ!

— Сверхъ-того, сказалъ нотариусъ, одновременно полторы тысячи франковъ. Ты видишь за тебя платять какъ за пятерыхъ: согласенъ что-ли?

— Право, сударь, я не знаю что мнѣ дѣлать.

— Однакожъ проворнѣй, братъ, а не то, я возьму другаго. Не забудь, что ты противъ воли маркиза привелъ насъ сюда, и что онъ непременно тебя за это выгонитъ со двора, да и по-дѣломъ.

— Какъ по-дѣломъ! Да не вы ли сами заставили меня?

— Да кой чортъ зналъ, что ты откажешься отъ богатства!

— Ну, такъ печего дѣлать; я согласенъ.

— Дѣло слажено; ты идешь въ солдаты за Осипа; но молчи; смотри, ни гугу о полторѣ тысячѣ франковъ; это другимъ будетъ обидно.

— Слушаю, сударь, отвѣчалъ онъ съ хитрымъ видомъ.

— Ну, слава тебѣ, Господи! вскричалъ Лирё.

Осипъ во все это время стоялъ въ углу.

— Ну, ребята, сказалъ Лирё, ступайте теперь по домамъ, а утромъ ко мнѣ на завтракъ на мызу Жака; тамъ вы получите и обѣщанные триста франковъ, которые вы вполне заслужили, а ты, Осипъ, пойдешь съ нами.

Онъ отвелъ его въ сторону и тотчасъ убѣдилъ. Черезъ полчаса мы вышли изъ пещеры и отправились въ замокъ. Никогда я не смѣялся такъ много. Лирё на всякой предметъ сочинялъ куплеты.

— Эхъ, жаль, вскричалъ онъ, что «Французскій Меркурій» кончился; а то бы я все это туда отплавилъ.

Въ замкѣ насъ приняли съ радостными восклицаніями. Когда я разсказалъ маркизу всѣ подробности этого негодяя и напомнилъ ему слова—*ils seront tous caporals*, онъ отвѣчалъ

миѣ:—Чтожъ, такъ вы хотите, чтобъ я говорилъ имъ *sarogaux*! Да они бѣ меня не поняли! Я утверждаю, что *sarorals* въ этомъ случаѣ есть выпрєнный, вдохновенный варваризмъ. Поручикъ велѣлъ своимъ солдатамъ итти на мызу, а мы отправились съ нимъ въ нашу комнату. Тамъ мы сообщили Эрнесту условія сдѣлки и обѣщанія, сдѣланныя Дирѣ.

Онъ былъ тогда у маркиза, и скоро пришелъ къ намъ.

— Какъ, господа! вскричалъ онъ: да вы ничего и не приготовили. Выпьете немножко пуншу. Ну, самое трудное сдѣлано: почтенный нашъ маркизъ переселится черезъ недѣлю въ Тулузу, и отказывается отъ намѣренія произвести съ пятью мужиками контръ-революцію. Все къ лучшему; если бы вы, любезный Эрнестъ, не были въ опасности, и, правду сказать, большой опасности, потому что вѣдь вы захвачены съ оружіемъ въ рукахъ, то я право не знаю, удалось ли бы намъ уломать старика.

— И батюшка согласился заплатить мировыя издержки, сказалъ Эрнестъ.

— Ба! я не говорилъ объ этомъ ему ни слова. Развѣ онъ кажутся вамъ слишкомъ великими?

— О, нѣтъ: но дѣло въ томъ, что я совершенно безъ денегъ, а вы вѣдь обѣщали выплатить завтра.

— Это ужъ мое дѣло.

— Благодарю васъ, мой почтеннѣйшій, сказалъ Эрнестъ; я отдамъ вамъ эти деньги на дняхъ же.

— Куда вы забавны! какъ будто я даю ихъ изъ своего кармана! Вы прислали мнѣ списокъ долгамъ, которые надѣлали въ Парижѣ, и которые Г-жа Лансѣ обѣщалась за платить въ награду за ваше возвращеніе къ хорошимъ правиламъ. Вотъ вашъ списокъ.

Онъ сѣлъ, взялъ перо и началъ считать.

— Одиннадцати негодяямъ по 500 франковъ, 5,500 франковъ; Жакѣ, 1500. и того 4,800. Хорошо, теперь прибавьте въ вашемъ списокѣ: «Да 4,800 франковъ, розданныхъ бѣднымъ нашей округи.»

Мы захохотали.

— Ну же, пишите, сказалъ потаріусъ.

Онъ диктовалъ, и Эрнестъ писалъ, повторяя эти слова.
«И 4,800 франковъ розданныхъ бѣднымъ нашей округи.»

— Стой, стой! вскричалъ Лирѣ. Ай, ай, какой было мы промахъ дали! Округа, *arrondissement*, раздѣленіе безбожное и республиканское! Пишите: «бѣднымъ нашего прихода.»

Мы едва не упали на колѣни передъ Лирѣ. Это было уже гениальное мошенничество, потому что одинъ геній всегда совершенъ, одинъ онъ обнимаетъ идею во всей цѣлости и отдѣливаетъ малѣйшія ея части.

Я останавливаюсь, потому что еслибы вздумалъ рассказывать остальное пребываніе мое въ Монфильонѣ, то я бы никогда не кончилъ. Я долженъ только прибавить, что въ слѣдующее воскресенье Маріанна приняла католическую религію и недели черезъ двѣ празднована была ея свадьба съ Осипомъ. Г-жа Лансѣ отказала все свое имѣніе Эрнесту, удалилась въ монастырь и, вѣроятно, не знаетъ, какое употребленіе дѣлаетъ онъ изъ ея восьмидесяти тысячъ дохода. Плутъ Лирѣ получилъ отъ него, ни-какъ, десять тысячъ франковъ.

Предоставляю всякому изъ моихъ читателей дѣлать свои заключенія о томъ, какъ всѣ эти господа, которые мечутъ высокопарными фразами, когда станутъ говорить передъ публикою, понимаютъ каждый въ особенности долгъ свой къ обществу.

Revue de Paris.

=

Ф Л А В І А Н Ъ

ИЛИ

ИЗЪ РИМА ВЪ ПУСТЫНЮ.

=

РОМАНЪ Г. АЛЕКСАНДРА ГИРО.

=

I.

Однажды ночью, у Геліогабала было пиршество. На этотъ разъ гости не умирали подъ дождемъ розъ и фіалокъ, и головки попугаевъ, фазановъ и павлиновъ, которыя имъ подавали на золотыхъ блюдахъ, были не изъ слоновой кости, не изъ стекла или крашеннаго дерева. Геліогабалъ не всякую ночь насмѣхался такимъ образомъ надъ своими гостями: въ эту ночь онъ былъ слишкомъ любезенъ. Мозанковые полы галерей и триклиніума были, по его приказанію, посыпаны серебрянымъ порошкомъ. Гости его лежали на серебряныхъ ложахъ. На лбу у него было полумуніе, какъ у богини Луны; на рукахъ и шеѣ жемчугъ; одѣтъ онъ былъ въ шелковое платье, и вообще былъ очень веселъ, потому что, перерядившись такимъ образомъ, только-что нарушалъ своимъ присутствіемъ таинства Цибеллы, — а это онъ очень любилъ. Гостей подчивали муренами и фалерпомъ, и какъ всѣ эти молодые люди были пресыщены удовольствіями, то каждый изъ нихъ старался выдумать какую-нибудь шутку, которая не приходила въ голову ни Нерону, ни Каракаллъ, и была бы достойна новаго поколѣнія.

— Таинства доброй богини очень милы, сказалъ Геліогабалъ: вамъ нельзя, какъ мнѣ, присутствовать при нихъ; вы просто люди, а я изъ числа боговъ.

— Новая идея! вскричалъ Флавіанъ, одинъ изъ гостей и любимцевъ императора.

— Посмотримъ, сказали гости.

— Вы слышали объ *агапахъ*: собака тушитъ факель; мужчины и женщины перешептываются; рѣжутъ ребенка. Ребенка мы рѣзать не станемъ; но у императрицы празднуютъ теперь таинства Цибеллы, а мы празднуемъ таинства Вакха: соединимте эти два праздника, призовемъ жреца доброй богини и съѣдаемъ агапу.

— Агапу! Агапу! закричали гости.

— Агапу, сказалъ императоръ.

Факелы были погашены. Посрединѣ залы поставили подсвѣчникъ о семи вѣтвяхъ. Къ этому подсвѣчнику привязали длинною цѣпью одну изъ собакъ, которыхъ Геліогабалъ привезъ изъ Сиріи и кормилъ гусиными печенками. Жрицы Цибеллы, въ длинныхъ покрывахъ, вошли съ императрицею, по приказанію своеюравнаго и развратнаго тирана. Двери заперли. Флавіанъ вскричалъ: «Таинства начинаются!» Онъ опрокинулъ порфиновую вазу на голову собакъ. Собака бросилась, опрокинула колоссальный подсвѣчникъ и въ триклиніумъ воцарилась глубокая тма.

Флавіанъ бродилъ посреди этой ночи и этого шума. Длинные женскія тунники часто касались до его хламиды. Онъ слышалъ вокругъ себя хохотъ и поцѣлуй. Вино и мурены воспламенили его чувства. Онъ схватилъ одну женщину за руку и потащилъ ее.

— Пощади меня! сказалъ дрожащій женскій голосъ.

— Нѣтъ! отвѣчалъ Флавіанъ.

— Пощади меня! Я тебя узнала. Для тебя пришла я сюда. Я люблю тебя. Тѣ, которые читаютъ въ будущемъ, неразъ соединяли въ своихъ гаданіяхъ наши два имени и наши судьбы. Но, видишь ли, Флавіанъ, только любви твоей я пожертвую тѣмъ, чего домогаются отъ меня твои чувства, воспламененныя пи-

ромъ. Умоляю тебя, пощади меня; я не буду неблагодарна.

И она трепетала, стараясь, чтобы ее не узнали по голосу. Это сопротивленіе раздражило страсть Флавіана.

— Возьми этотъ перстень, сказалъ онъ, не зная, съ кѣмъ имѣеть честь бесѣдовать впотмахъ такимъ образомъ: эквестрскій мой перстень. Клянусь, что пока онъ будетъ на твоёмъ пальцѣ, я не соединю жизни моей съ жизнью ни какой другой женщины. Согласна ли ты?

Флавіанъ почувствовалъ на рукѣ своей слезу, и голосъ, почти заглушенный, сказалъ ему:

— А если я принадлежу другому?

— Я подожду, отвѣчалъ онъ.

Голосъ продолжалъ.

— Поклянись.

— Клянусь фортуною Рима и прахомъ отца моего! вскричалъ Флавіанъ.

Тогда эта женщина упала въ объятія Римскаго рыцаря.

Между-тѣмъ вокругъ ихъ кипѣла безчестная оргія. То пустая амфора падала и разбивалась въ дребезги, то золотая урна катилась и звенѣла по помосту. Повременамъ съ кликами пѣсней смѣшивался жалобный стонъ, и Сирійская собака, таская длинную цѣпь свою, выла и лаяла во мракъ.

Флавіанъ и таинственная его подруга уединились въ Пандемоніумъ. Вдругъ кто-то положилъ руку на плечо жрицы, и мужской голосъ сказалъ ей нѣскольکو словъ, которые вырвали у нея крикъ ужаса. Флавіанъ схватился за кинжалъ, и когда она сътрепетомъ къ нему прижалась, онъ погрузилъ оружіе въ грудь незнакомца; тотъ съ глухимъ стономъ упалъ на мраморъ.

— Боги! вскричала жрица Цибеллы, и, дотронувшись до руки его, сказала:—Она въ крови!

— Да, сказалъ Флавіанъ. Между нами кровь чело-
вѣка; теперь уже ничто не можетъ разлучить насъ.

Уста его дрожали, произнося эти слова, и съ чела
текъ холодный потъ. Жрица принуждена была под-
держивать его, чтобы отвести отъ трупа. Но по-
томъ они снова были упоены оргіей. Женщина снова
упала въ его объятія: «Флавіанъ, мы не увидимся до
того времени, пока боги соединять насъ навсегда.»

Когда, на другой день, Флавіанъ, послѣ безпокой-
наго сна, открылъ глаза, невольники сказали ему,
что въ триклиніумъ нашли утромъ нѣсколько труповъ,
и что братъ его, Пробъ, пропалъ безъ вѣсти.

Флавіанъ поблѣднѣлъ и страшное воспоминаніе
пробѣжало по душѣ его; но таковы всегда бывали
утра послѣ пиршества Геліогабала.

II.

Геліогабалъ зналъ, что Римскіе императоры живутъ
недолго. Онъ помнилъ самоубійство прекраснаго
пѣвца Нерона, и, будучи жрецомъ Солнца, придумы-
валъ для себя болѣе изящное средство лишить себя
жизни. Онъ построилъ высокую башню, и землю у
подножія ея вымостилъ драгоцѣнными камнями,
чтобы богаче разбить свою голову. Онъ запасся шел-
ковыми петлями и золотыми мечами. Онъ налилъ себѣ
яду въ ониксовыя вазы..... и три преторіянца убили
его въ отхожихъ мѣстахъ.

Въ императоры избрали Александра Севера. То
былъ государь кроткій, и у него не водилось ни золо-
тыхъ блюдъ, ни урнъ серебряныхъ. Онъ, какъ мудрецъ,
питался молокомъ и плодами и не заставлялъ плясать
обнаженныхъ Испанокъ, но любилъ смотрѣть, какъ
птицы летаютъ по залѣ и какъ пѣтухи дерутся съ ку-
ропатками. Онъ не праздновалъ во дворцѣ своемъ
агапъ, но любилъ смотрѣть на птичьемъ дворѣ своихъ

фазановъ, утокъ, попугаевъ и павлиновъ, что однако жъ не мѣшало ему вести войну съ Персами и Германцами.

Однажды, когда онъ праздновалъ рожденіе своего сына, одинъ Оракійскій пастухъ, ростомъ въ три аршина съ четвертью и построенный по размѣрамъ Геркулеса, проситъ быть допущеннымъ къ играмъ. Императоръ велѣлъ ему бороться со слугами. Пастухъ, не отдыхая, повергъ на землю шестнадцать изъ нихъ. За этотъ дивный подвигъ признана ему награда, и пастухъ записанъ въ императорскую кавалерію.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, этотъ пастухъ зарѣзалъ Александра Севера и вступилъ на тронъ подъ именемъ Максимина.

Максиминъ, убійца и воинъ, — фигура колоссальная, въ родъ Гомерова Циклопа и древняго Фалариса. Сенаторы и рыцари, которые на празднествахъ Геліогабала пировали на серебряныхъ ложахъ, были распинаемы и предаваемы этимъ безроднымъ пастыремъ въ циркъ звѣрямъ на съѣденіе.

И на Флавіана, подобно другимъ, легла опала. Онъ ждалъ смерти. Въ тюрьмѣ, какой-то человѣкъ подошелъ къ нему подъ предлогомъ осмотрѣть его цѣпи. — Взгляни на этотъ перстень и иди за мною, сказалъ этотъ человѣкъ. — Флавіанъ узналъ свой рыцарскій перстень. Цѣпи его упали. Онъ пошелъ за незнакомцемъ. У берега стояла трирема и отвезла его въ Африку.

Странно было то время для молодаго человѣка, который не вѣрилъ уже въ Юпитера и не зналъ, во что вѣрить. Императоры, какъ говоритъ Тацитъ, только проходили. Невольниковъ и Римскихъ рыцарей предавали въ циркъ звѣрямъ. Варвары вопили на границахъ, а Оракіецъ сидѣлъ на тронѣ Цезарей.

Оставалось дѣлать только одно, — завернуться въ мантию, не видѣть и не слышать разрушающагося міра,

и составить себѣ собственное благополучіе исполненной лѣги и безпечности эпикуреизма. Флавіанъ то и сдѣлалъ.

Но такъ какъ Африканскій правитель вздумалъ чеканить монету изъ остатковъ его богатства и подвергнуть его общему со всей провинціей угнетенію конфискацій, Флавіанъ закололъ правителя, возмущилъ жителей Андруметы, и провозгласилъ двухъ Гордіановъ императорами.

Потомъ, обагренный кровію, онъ сѣлъ за столъ Антонія Гордіана, и между-тѣмъ какъ гости новаго Цезаря дѣлили между собою мѣста и званія, увидѣлъ прекрасную невольницу, недавно привезенную изъ Александріи, которая стояла, потупивъ взоры. Онъ сказалъ: «А я, Цезарь, прошу у тебя этой невольницы». Антоній отвѣчалъ: «Она твоя».

Императоры Гордіаны и императрица Фаустина при восклицаніяхъ народа вѣзхали въ Карфагенъ. Городъ былъ убранъ. Вокругъ портиковъ вились розовыя гирлянды, по улицамъ дымились на бронзовыхъ жертвенникахъ благовонія. Флавіанъ отдѣлился отъ поѣзда, и во всю прыть коня понесся во дворецъ свой, чтобы взглянуть на свою прекрасную Александрійскую невольницу.

Онъ омылся въ банѣ, умастился благоуханіями, надѣлъ новую хламиду и убрался какъ только могъ убратъся въ то время молодой Римлянинъ. Потаянно дверь отворилась между двумя лѣсеными колоннами, и Египетская богиня явилась. Но прелесть этого таинственнаго убѣжища не возбудила на лицѣ ея улыбки; она потупила головку, и когда Флавіанъ подалъ ей сестръ изъ полированной стали, чтобы она съѣла ему гимнъ Венерѣ, невольница повиновалась, но при второй строкѣ упала колѣнами на мраморный полъ и вскричала: «Господинъ мой, я христіанка»!

Молодая христіанская невольница овладѣла сердцемъ Флавіана. Онъ дивился этой новой формѣ древней стыдливости, и съ изумленіемъ искалъ неба, гдѣ она создана.

Въ душѣ его развивалось чувство, дотолѣ ему неизвѣстное. Въ этой женщинѣ было какъ-бы проявленіе любви новой, которая извлекала изъ чловѣка чистѣйшій элементъ его нематеріальнаго существа и составляла ему изъ этого элемента жизнь дивную, восхитительную.

Въ глазахъ его исчезали и Гадитанская невольница и Римская Матрона, и онъ усматривалъ вдали сферу блестящую, въ которой женщина, одною своей дѣвственностью, возвышалась до достоинства мужчины; онъ усматривалъ въ любви нѣчто прекраснѣе Платонова спиритуализма.

Но шумъ свѣта скоро извлекъ его изъ созерцаній. Императрица Фаустина звала его во дворецъ. Она принудила его принять должность претора, и ввѣрила его попеченіямъ сына своего, юнаго Гордіана. Флавіанъ затрепеталъ: въ числѣ богатыхъ перстней, сіявшихъ на пальцахъ императрицы, онъ увидѣлъ рыцарскій перстень.

— Быть не можетъ! сказалъ онъ самъ себѣ: Фаустина была въ то время въ Гастѣ.

III.

Капеліанъ, намѣстникъ Максимина, пошелъ со своими Нумидійцами на Карѳагенъ. Антоній Гордіанъ былъ убитъ. Старый Гордіанъ повѣсилъ. Флавіанъ и юный Гордіанъ отправились въ Италію, гдѣ Сенатъ, стараніями Фаустины, уже призналъ Бальбина и Максима новыми императорами. За Флавіаномъ послѣдовала и христіанская его невольница Неодемія, которую онъ отпустилъ на волю у береговъ Италіи. Но

Неодемія, съ которою онъ не пользовался властію господина, — Неодемія любила его, какъ только могла любить дѣва христіанская; она имѣла довольно силы, чтобы преодолѣвать эту любовь, но у ней не доставало силы убѣгать предмета своей страсти. Она умоляла Флавіана оставить ее при себѣ.

Въ Римѣ Флавіанъ былъ обхваченъ вихремъ дѣлъ государственныхъ. Сенатъ, какъ сказано, по смерти обонхъ Гордіановъ избралъ Бальбина и Максима. Права юнаго Гордіана были попораны; но народъ и преторіанская стража провозгласили его Цезаремъ.

И народъ и преторіанцы имѣли на это свои причины. Преторіанцы ненавидѣли строгость Максимина; народъ зналъ, что Гордіаны обѣщали ему хлѣба и игрищъ.

Между-тѣмъ Максиминъ убилъ кулакомъ того, кто присланъ былъ къ нему отъ сената съ извѣстіемъ объ его низложеніи, и поспѣшно шелъ къ Риму.

Фаустина, суевѣрная и безпокойная, отправилась къ колдунѣ Тессалійской, чтобы обречь подземнымъ богамъ голову Максимина. Колдуньи были тогда болѣе уважаемы чѣмъ боги. Гораций описалъ ихъ дикую наружность.

Потомъ Фаустина отвела колдунью въ сторону и спросила: «Любитъ ли онъ меня?» Колдунья отвѣчала: «Онъ любитъ христіанку.»

Сенатъ не довѣрялъ преторіанской стражѣ. Два солдата были заколоты въ мѣстѣ его собраній, какъ лазутчики Максимина.

Преторіанцы бросились къ оружію; народъ сталъ за сенатъ. Римъ обагрился кровію. Гладіаторы присоединились къ народу, и преторіанцы, подавленные камнями и стрѣлами, которыя пускали въ нихъ съ кровель, подожгли дома.

Неодемія была тогда въ банѣ. Она увидѣла дымъ и пламя, и въ ту жъ минуту, Флавіанъ, блѣдный, съ

мечемъ въ рукахъ, вбѣжалъ въ аподитеръ. Онъ схватилъ испуганную дѣвушку, и отнесъ ее далеко отъ пылающаго дворца.

Они сѣли подь тѣнюю деревъ. Юная христіанка облеклась своими длинными покроями.

— Вокругъ насъ все горить и рушится, сказалъ Флавіанъ: но что мнѣ до паденія міровъ, если ты меня любишь! Я забуду подлѣ тебя гибель вселенной.

— Но и одинъ изъ этихъ криковъ, которые тысячами достигаютъ до нашего слуха, силенъ заглушить радость въ моемъ сердцѣ, сказала христіанка. Встань, и, если ты меня любишь, пойдемъ подавать помощь несчастнымъ жертвамъ этого ужаснаго дня.

Неодемія повлекла Флавіана по улицамъ. Тутъ были дѣти, которыхъ лошади давили ногами; тутъ были женщины, у которыхъ мигомъ раздирали внутренности; тутъ были солдаты, которые убивали, гладіаторы, которые грабили, и христіане, которые помогали раненымъ, утѣшали умирающихъ. Тутъ были также юный Цезарь и Фаустина, покинутые своею стражею; мятежники готовились умертвить ихъ. Неодемія и Флавіанъ нашли имъ убѣжище въ христіанской церкви. Но двери были выломаны; гладіаторъ великанскаго роста уже устремилъ мечъ противъ груди юнаго Гордіана, какъ Неодемія вскрикнула, и оружіе выпало у него изъ рукъ. Онъ взялъ юнаго Гордіана на руки и понесъ его въ залу, гдѣ собрался сенатъ.

Раздались крики: Да здравствуетъ юный Цезарь! Его пронесли въ императорской багряницѣ по улицамъ, и все было кончено.

Фаустина приказала устроить для народа и преторіанцевъ игры; въ Нероновомъ циркѣ происходило ристаніе на колесницахъ, и посреди празднества при скакали два Нумидійскіе всадники, и бросили къ

погамъ Бальбина и Максима головы Максимиана и его сына.

Но Фаустины нужна была другая голова, — голова Неодема, потому что Фаустина любила Флавіана.

У Ѳессалійской колдуньи праздновалась оргія. Тамъ присутствовалъ и евнухъ Фаустины. То былъ какъ-бы конгрессъ всѣхъ жертвъ Римской образованности. Колдунья жила на горѣ Яникула. Римъ видѣтъ былъ оттуда свысока, и всѣ его проклинали. Въ числѣ гостей былъ и гладіаторъ.

Надобно знать исторію этого гладіатора. Этотъ гладіаторъ одинъ соединялъ въ себѣ всѣ злополучія того времени. Онъ былъ пораженъ въ своемъ гражданскомъ достоинствѣ, въ своемъ владычествѣ супружнемъ и отеческомъ. Онъ былъ прежде невольникъ; жена его была невольница. Бесплодная Фаустина, по совѣту Ѳессалійки, разтерзала нѣкогда книжаломъ чрево жены его, чтобы вынуть оттуда его ребенка: эта магическая церемонія должна была оплодотворить супругу Гордіана; жизнь невольницы тогда ничего не стоила. Отецъ зажегъ дворецъ Фаустины, взялъ дочь свою, исторгнутую изъ лона его жены, и убѣжалъ въ пустыни Панноніи. Но одинъ Римскій торговецъ невольниками похитилъ эту дочь у него. Тогда пошелъ въ гладіаторы, чувствуя что ему пріятно будетъ проливать кровь. Евнухъ Фаустины зналъ его исторію.

— Дочь твоя у христіанъ, сказалъ ему евнухъ. Они ее похитили. Отомсти имъ за себя! Извергни свое мщеніе на первую дѣву, которую у нихъ поймашь. Пойдемъ! Пойдемъ!

— Иду, сказалъ гладіаторъ, упоенный виномъ и яростію, я долженъ отмстить за себя. Я бы хотѣлъ разтерзать на куски сына Фаустины, но волшебница сказала мнѣ, что жизнь моей дочери связана съ его жизнью; я бы убилъ его вчера, если бъ одна изъ этихъ

христіанокъ крикомъ своимъ не тронула моего сердца.

Колдунья пошла за глатіаторомъ со всею своею шайкою. Евнухъ повелъ ихъ въ тайное сборище христіанъ. Они тогда занимались молитвою. Языческая оргія наметѣла на уstraшенныхъ дѣвъ, и евнухъ указалъ гладіатору на Неодемію, какъ на жертву, достойную мести.

Гладіаторъ взялъ ее на руки и понесъ въ луканаръ. Гладіаторъ бросилъ дѣвушку наземь, мощною рукою разорвалъ покровы на ея груди, и готовъ уже былъ предать своей ярости, какъ дѣвушка испустила крикъ. Гладіаторъ почувствовалъ въ сердцѣ странное движеніе, и руки его опустились. Неодемія вырвалась.

Но чернь, составлявшая ихъ шайку, погналась за нею, требуя своей добычи.

— Не смѣйте трогать ея! вскричалъ Флавіанъ.

— Она христіанка! говорила чернь.

— Она моя супруга! отвѣчалъ Флавіанъ, и ввелъ ее на свою колесницу.

— О! сказала, краснѣя, растроганная Неодемія, конечно, Богу угодно, чтобы я была твоею, когда онъ не оставилъ меня въ этомъ гнусномъ мѣстѣ. Флавіанъ, я отдаю тебѣ мою жизнь, все — что ты спасъ.

IV.

Неодемія и Флавіанъ находили въ любви своей все блаженство, какое небо предопредѣлило землѣ, — блаженство, смѣшанное съ безпокойствомъ и слезами. Римскій епископъ не утвердилъ союза христіанки съ язычникомъ. Встревоженная совѣсть не-разъ представляла Флавіану въ сновидѣніяхъ Геліогабалово ночное пиршество и убійство неизвѣстнаго, который могъ быть его братомъ.

Однажды Фаустина пригласила его во дворецъ.

Она была блѣдна, безпокойна; большіе, голубые глаза ея сверкали какъ глаза львицы.

— Флавіанъ, сказала она: ты любишь эту христіанку?

— Люблю, отвѣчалъ Флавіанъ.

Судорожное движеніе пробѣжало по лицу императрицы; она большими шагами ходила по комнатѣ, и потомъ, ставъ передъ молодымъ человѣкомъ, сказала ему:

— Это невозможно! Боги произнесли судъ свой. Поэтъ говоритъ, что судьба держитъ въ рукахъ своихъ скипетръ желѣзный? Флавіанъ, знаешь ли ты этотъ перстень?

Флавіанъ затрепеталъ: то былъ его эквестрскій перстень.

— Я не стану напоминать тебѣ твоей клятвы, сказала Фаустина: но этотъ ребенокъ твой сынъ.

И она указала ему на юнаго Гордіана.

— Теперь, смотри! сказала она.

Народъ столпился у дверей дворца. Солдаты тащили Бальбина и Максима; чернь рукоплескала, и всѣ кричали: «Да здравствуетъ Флавіанъ Августъ!»

— Куда идешь ты? сказала Фаустина.

— Иду спасти, если можно, императоровъ, которыхъ я клялся защищать.

Флавіанъ собралъ Германскую стражу, чтобы вырвать Августовъ изъ рукъ разъяренной черни; но онъ пришелъ уже поздно: мятежники умертвили ихъ. Флавіанъ провозгласилъ императоромъ юнаго Цезаря.

Между-тѣмъ Неодемію привели къ императрицѣ.

— Неодемія, сказала Фаустина: Флавіанъ клялся быть моимъ супругомъ, и этотъ ребенокъ сынъ его. Неужели ты захочешь стать между имъ и мною? Неужели ты не допустишь его быть императоромъ? Говорилъ ли онъ тебѣ о пиршествѣ Геліогабаловомъ?

Разставшись съ императрицею, Неодемія заливалась слезами и говорила. «О Боже! ты справедливо караешь меня за то, что я тебя забыла!..... Пріими рабу твою въ милость твою!»

И она отправилась въ закрытыхъ носилкахъ къ Римскому епископу.

— Флавіанъ, сказала Фаустина: ты будешь моимъ. Знаешь ли ты? какая кровь запечатлѣла союзъ нашъ?

— О Боги! вскричалъ Флавіанъ.

— Неужели ты не исполнишь завѣта этой крови?

— Чьей крови? сказалъ Флавіанъ.

— Крови твоего брата!.....

Флавіанъ затрепеталъ отъ ужаса.

— Эта кровь, сказалъ Флавіанъ, навѣки насъ разлучаетъ; и я не знаю, въ какомъ вертепѣ могу укрыться.

— Бѣги же, сказала Фаустина: бѣги, но ты никогда не скроешься отъ глазъ моихъ, такъ, какъ скрывается отъ тебя твоя христіанка,

— Неодемія? сказалъ Флавіанъ. О, скажи мнѣ, что сталося съ Неодеміей?

— Я обѣщала не открывать тебѣ ея убѣжища; а я держу всѣ мои клятвы, Флавіанъ.

— А я, Фаустина, я думаю, что убійство разрушило клятвы, запечатлѣнныя убійствомъ.

— Одно только убійство можетъ уничтожить твои клятвы такъ, чтобы боги тебя за то не наказали, вскричала Фаустина въ себя.

И при этихъ словахъ она поразила себя кинжаломъ; но Флавіанъ удержалъ ея руку, и поручилъ ее, въ обморокъ, попеченіямъ рабынь.

Флавіанъ вездѣ искалъ Неодемію, но нигдѣ не могли найти ея. Онъ думалъ, что она умерщвлена по повелѣнію Фаустины, и душою его овладѣла такая горестъ, что онъ желалъ смерти.

Неодемія была для него какъ-бы ангеломъ видѣнія:

подъ тѣнію своихъ крыльевъ она являла ему другой міръ. И когда она исчезла, свѣтъ ему опротивѣлъ.

Терзанія совѣсти состарили его для удовольствій; опытъ политическихъ переворотовъ состарилъ его для дѣлъ.

Онъ рѣшился посвятиться въ таинства. Внутренній голосъ говорилъ ему, что существу его необходимо нравственное возрожденіе, и онъ надѣялся наполнить пустоту своего сердца преданіями, хранящимися въ святилищѣ храма Митры. Ему надобно было нѣчто дивное, небесное, чтобы онъ могъ перенести свое существованіе.

Флавіанъ переплылъ Байскій Заливъ, въ ладѣ, украшенной флагами, при звукѣ флейтъ, съ обнаженнымъ челомъ и въ длинной льняной одеждѣ, и требовалъ этого «нѣчто» отъ семи жрецовъ храма Пупцольскаго.

Но подъ сводами храма раздались слова: «Прочь «отсюда, непосвященные, клятвопреступники и презлѣбодѣи, кровосмѣсители и убійцы!»

Флавіанъ стояя вышелъ; потомъ онъ сказалъ самъ себѣ.

— Не истинный богъ тотъ, который не умѣетъ милловать кающагося.

Въ это время, по предписанію императрицы, семь христіанскихъ дѣвъ были выставлены преторомъ въ Неапольскомъ циркѣ на жертву Ливійскому льву. Левъ, котораго народъ возбуждалъ своими криками, легъ подъ одной изъ этихъ дѣвъ, и началъ лизать ей ноги. Дѣва была Неодемія. Флавіанъ узналъ ее. Онъ выпросилъ у претора помилованіе этой христіанкѣ, и уѣхалъ съ нею въ Александрію.

Александрія была въ то время Римомъ умственного міра. Всѣ философіи, всѣ символы, всѣ преданія — стеклись туда и смѣшались, какъ въ Римѣ всѣ политическіе безпорядки.

Всѣ три начала земной жизни: начало матеріальное, начало духовное, начало нравственное, цвѣли въ одно и то же время, каждое на своемъ стеблѣ. Начало матеріальное въ Римѣ, духовное въ Александріи, нравственное въ Оивандѣ.

Александрія, по своему географическому положенію, была связью, соединявшею долину искупленія съ жилищемъ преступлений. Изъ Рима въ пустыню надобно было проѣзжать черезъ Александрію.

Флавіанъ не тщетно обонялъ благоуханіе души христіанской. Отвращеніе отъ міра, которое небесная вѣра Іисуса Христа влагала въ сердце вѣрныхъ, противовольно закружилась и въ язычника Флавіана; онъ не былъ еще членомъ новаго міра, но и не былъ уже членомъ временъ древнихъ, и мірское уже его не удовлетворяло. Онъ искалъ въ эклектизмѣ, чѣмъ бы наполнить пустоту, которая въ немъ открылась, и которая могла быть наполнена только истиннымъ Богомъ.

Тотъ же вѣтеръ принесть въ Александрію другаго человека, — гладіатора.

Гладіаторъ нашелъ въ Римѣ купца, который похитилъ у него дочь, а какъ судьба Цезаря была связана съ судьбою его дочери, то онъ привелъ купца къ императрицѣ. Въ пытку купецъ признался, что эта дѣвушка должна быть между Александрійскими христіанами, и несчастный отецъ пріѣхалъ въ Египетъ, таща за собою на желѣзномъ кольцѣ продавца невольниковъ.

Александрійскіе христіане сказали ему, что дочь его была отнята у нихъ жрецами Сераписа и посвящена служенію этого кумира. Онъ хотѣлъ отыскать ее въ храмъ, но жрецы этому воспротивились, и въ ярости своей онъ размозжилъ голову продавца невольниковъ о статую Сераписа.

Народъ бросился на святотатца и хотѣлъ утопить его въ Нилъ, какъ одинъ голосъ вскричалъ: «Это гладіаторъ!» И его сберегли для амфитеатра.

Вскоръ назначены были игры, потому что императрица тоже прибыла въ Александрію.

Фаустина была блѣдна, глубокая горестъ проявлялась во всѣхъ чертахъ ея; и увидѣвъ Флавіана и Неодемію въ одной изъ ложъ цирка, она закипѣла гнѣвомъ, думая, что они надъ ней смѣются.

Гладіаторъ удавилъ тигра руками; народъ рукоплескалъ, и испустилъ обыкновенный радостный крикъ свой «Христіанъ звѣрямъ!»

Императрица сдѣлала одобрительный знакъ.

Три дѣвушки добровольно спустились на арену и одна, за другой поднявъ взоры къ небу, сдѣлались жертвами леопарда. Зрѣлище ихъ мученичества воспламенило Неодемію, и она вскричала: «я тоже христіянка.»

Народъ заревѣлъ радостью; императрица улыбнулась.

Народъ требовалъ, чтобы гладіаторъ отсѣкъ голову этой новой жертвѣ. Мечъ уже былъ поднять, все собраніе смотрѣло съ нетерпѣливымъ вниманіемъ, и ожидало удара, какъ вдругъ гладіаторъ вскричалъ:

— Дочь моя! Я узнаю слѣды книжала Фаустины. О дочь моя! дочь моя! обойми меня.

— Это хитрость! кричалъ народъ.

Но Фаустина вспомнила прорицаніе колдуньи, и гороскопъ юнаго Гордіана.

— Спаси ее! сказала она претору: ты отвѣчаешь мнѣ за нее головою.

— Нѣтъ, нѣтъ, кричала чернь: смерть ей! смерть! Боги наши раздражены! Нилъ отказываетъ намъ въ водахъ своихъ! Смерть христіянкѣ!

Преторъ могъ согласить народъ только на то, чтобы казнь отложена была до слѣдующаго дня.

Александрійская тюрьма была свидетельницею выпрепняго зрѣлища, когда Оригенъ пришелъ приготовить Неодемію къ смерти. Флавіанъ удивился вѣнцу славы, которымъ ужасная казнь украшалась для Оригена и Неодеміи, но сердце его было разтерзано; онъ хотѣлъ спасти ее и побѣждалъ къ Фаустинѣ.

— О, какъ ты любишь ее! сказала императрица. Такъ ты увидишь, какъ я ее ненавижу: я жертвую сыномъ, чтобъ у нея отнять жизнь; она умереть.

Но на другой день материнская нѣжность восторжествовала въ ея сердцѣ. Она отправилась въ тюрьму, чтобы выпустить христіанку; но уже было поздно. Чернь требовала своей жертвы; она окружала тюрьму и заграждала входъ въ нее.

— Смерть твоя не будетъ, по-крайней-мѣрѣ, осквернена взглядами этой черни, сказалъ гладіаторъ, и умертвилъ ее въ тюрьмѣ.

Онъ взялъ кровавую голову дочери, проложилъ себѣ путь сквозь толпу, пораженную ужасомъ, отнесъ голову въ пустыню, и зарылъ ее въ песокъ; потомъ вырылъ другую могилу и сказалъ: «Теперь очередь Гордіана Августа!» Онъ какъ безумный побѣждалъ по дорогѣ къ Риму.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, въ глуши Оиваиды, святыя дѣвы пустыни Евтропійской хоронили одну изъ подругъ своихъ; священникъ и діаконъ молились на могилѣ. Умершая была Фаустина; священникъ Пробъ, діаконъ Флавіанъ, — какъ-будто эти три имени, соединенныя печестивымъ пиршествомъ Геліогабама, должны были соединиться и въ пустынѣ искупленіемъ.

Юный Гордіанъ Августъ былъ убитъ гладіаторомъ.

Вотъ содержаніе романа Г. Александра Гирò, — романа во многихъ отношеніяхъ примѣчательнаго меж-

ду нынѣшними Французскими романами. Парижскіе журналы скажутъ вамъ, что твореніе это исполнено высочайшей философій, прекраснѣйшей нравственности, тончайшихъ взглядовъ на предметы; что оно отличается необыкновенно вѣрнымъ чувствомъ этой дивной и ученой эпохи, самой дивной и самой ученой, какая когда-либо существовала; что авторъ превосходно постигъ тройное стремленіе тогдашняго міра къ единству, — стремленіе путемъ таинствъ, путемъ философій и путемъ Христіанства.

Но, повѣрьте намъ, вы гораздо лучше сдѣлаете, если не станете читать этого романа; несмотря на его хорошее направленіе, нравственное и религіозное.

Удовольствуйтесь вѣрнымъ и по-возможности благопристойнымъ отчетомъ въ его содержаніи, который мы здѣсь представили. Это будетъ для васъ лучше, — лучше для цѣлостности и цѣломудрія.

«Флавіанъ» есть романъ въ духъ *L'Esprit du Christianisme* и *Les Martyrs* — Г. Виконта Шатобріана, который гораздо болѣе принесъ бы пользы религіи, если бъ не защищалъ ея такими книгами, и притомъ въ духъ школы Г. Сентъ-Бёва, который обставляетъ свои духовныя созерцанія картинами отвратительнаго сладострастія и, не имѣя чувства чистоты и стыда, хотѣтъ казаться благочестивымъ.

Есть на свѣтъ одинъ романъ, Томаса Мура, подъ названіемъ *Thy Episcurean*, а по-нашему «Эпикурецъ», прекрасный романъ, который кто-то хорошо перевелъ на Русскій языкъ. Такъ какъ твореніе Г. Александра Гирѡ, «исполненное высочайшей философій», очень, очень похоже на этотъ романъ, то ужъ читайте скорѣе романъ Томаса Мура, чловѣка съ глубокими приличіями, вкуса и стыда, который не заставляетъ краснѣть ни кого въ свѣтъ.

Само содержаніе «Флавіана» достаточно показыва-
етъ достоинство его, какъ плода воображенія : это —
сцѣпленіе происшествій неправдоподобныхъ, натя-
нутыхъ, театральныхъ; оргій, распутства, романи-
ческихъ встрѣчъ и модныхъ ужасовъ, между которы-
ми встрѣчаются прекрасныя сцены религіознаго во-
сторга, мелькаютъ молніи чистой нравственности и
проскакиваютъ философическія диссертациі. Такая
уродливая смѣсь самага возвышеннаго и самага низ-
каго можетъ помѣститься только во Французской голо-
вѣ, и то въ головѣ нынѣшней эпохи упадка вкуса и
безначалія правилъ.

Послѣ содержанія, остается еще смыслъ книги.
Смыслъ—тотъ, что человѣческое общество обязано
Христіанству всѣми своими успѣхами, которые нача-
лись только съ водворенія его между людьми. Цѣль
прекрасная, но, чтобы выполнить ее достойнымъ об-
разомъ, такъ какъ дѣло идетъ о святынь, первое у-
словіе—надобно имѣть мысль чистую и стыдливую,
какъ самая святыня.

ДОСТОВѢРНОЕ СКАЗАНИЕ

О МОЕМЪ ПУТЕШЕСТВІИ

ПО АНГЛІИ*.

=

Съ тѣхъ поръ какъ я родился на свѣтъ, — не знаю для какой надобности, — судьба преслѣдовала меня страннымъ образомъ: я не могъ взять въ руки ни одной книги, ни одного журнала, чтобы не найти въ нихъ длиннаго или краткаго панегирика Англійскимъ дорогамъ, Англійскимъ почтамъ, Англійскимъ дилижансамъ, Англійскимъ лошадямъ, Англійскимъ трактирамъ. Странно, но справедливо! Должно знать, что я обыкновенно читаю чужіе книги и журналы, — по той примѣтѣ, что они какъ-то *занимательнѣе* своихъ собственныхъ, купленныхъ на родныя деньги. Я думалъ, что тѣ, у кого я занимаю книги и журналы, нарочно даютъ мнѣ такіе, въ которыхъ прелесть странствованія по Англійи изображена мимоходомъ, и какъ-бы нехотя, въ самомъ блистательномъ видѣ, для того, чтобы сбыть меня съ рукъ, возжегши во мнѣ желаніе порыскать по тамошнимъ дорогамъ, и рѣшивъ покупать предметы своего чтенія. Вышло еще хуже: я купилъ цѣлое путешествіе по Англійи, въ пяти частяхъ и съ картинкамъ, въ которомъ я съ первой до послѣдней страницы не нашелъ ничего другаго, кромѣ воспреннихъ похвалъ въ различныхъ видахъ Англійскимъ дорогамъ, почтамъ, дилижансамъ, лошадямъ, трактирамъ, и еще сверхъ-того трактирщикамъ. Такъ какъ я купилъ эту книгу на свои деньги, то прочиталъ ее пять разъ, и принужденъ былъ наконецъ убѣдиться въ той истинѣ, что, если только книги и журналы, за-

* Статья Г. Пуля.

емные и покупные, не могут всѣ безъ изъятія, то путешествовать по Англіи должно быть удобнѣе и пріятнѣе, чѣмъ въ другой землѣ лежать. Я отправился съ первымъ пароходомъ въ Лондонъ.

Цѣль моя была — путешествовать по Англіи со всеми Англійскими удобствами, улучшеніями и усовершенствованіями, и, признаюсь, я не хотѣлъ даже смотреть на Лондонъ, гдѣ нѣтъ ни тѣхъ великолѣпныхъ шоссе, ни тѣхъ чудныхъ почтовыхъ экипажей, ни тѣхъ роскошныхъ станцій, о которыхъ читалъ я безпрерывно съ той самой минуты, какъ родился на свѣтъ. Упоеваясь заранѣе наслажденіемъ путешествовать со всеми утонченностями высочайшей въ мірѣ образованности, я долго не зналъ, въ которую сторону пуститься изъ Лондона, потому что всѣ дороги, по словамъ тѣхъ, у кого я спрашивалъ, были одна другой лучше, одна другой богаче, совершеннѣе; удивительнѣе и пріятнѣе; и долго не могъ рѣшиться, какой родъ чуда, въ этой землѣ чудесъ, избрать себѣ на первый случай для перемѣщенія моей особы отсюда въ другой пунктъ Великобританіи, — ѣхать ли на парахъ, съ быстротою мысли, по полированнымъ чугуннымъ колеямъ, или на воздухѣ, какъ птица, по пневматическому шоссе, — или помощію вѣтра, въ каретѣ съ парусами, — или въ «непрокидной коляскѣ» обѣ одномъ колесѣ, — или по методу Мекъ-Адама, въ усовершенствованномъ дилянжансѣ, на усовершенствованной гранитной дорогѣ? Когда стоишь у преддверья такихъ волшебствъ, какія должны были открыться глазамъ моимъ за первую Лондонскою заставою, не удивительно, что сердце трепещетъ и умъ не знаетъ куда садиться!

Но въ это самое время, Феликсъ Гоппи, Англійскій подданный и постоянный житель знаменитаго Литль-Педдингтона, сдѣлавъ, свѣту вообще и мнѣ въ особенности, поочиненное одолженіе, издавъ прекрасную

книгу подъ заглавіемъ «Путеводитель въ Литль-Педлингтонъ».

Когда я произпосилъ въ сотый разъ — куда мнѣ ѣхать?, книгопродавецъ, къ которому я послалъ за всѣми новыми путешествіями, путеводителями, проводниками и планами, прислалъ мнѣ ихъ цѣлую пачку. Тутъ были новыя изданія Денгамовыхъ путешествій въ Африкѣ, Гумбольдтовыхъ въ Южной Америкѣ и Парріевыхъ къ сѣверному полюсу вмѣстѣ съ только что отпечатаннымъ и еще мокрымъ «Путеводителемъ въ Литль-Педлингтонъ, Феликса Гоппи, тамошняго гражданина, пивовареннаго и другихъ ученыхъ обществъ члена, и прочая, и прочая, и прочая.» Бросивъ все остальное, какъ совершенно чуждое моей настоящей цѣли, я обратился къ послѣднему, и оно тотчасъ рѣшило мои недоумѣнія. Путешествіе въ Литль-Педлингтонъ, думалъ я, должно быть настоящимъ раемъ путешествій.

«По истинѣ можно сказать,» восклицаетъ Феликсъ Гоппи въ своемъ краснорѣчивомъ предисловіи, «что въ цѣлой Англіи нѣтъ ни одного мѣста, которое болѣе заслуживало бы любопытства просвѣщеннаго путешественника. Надобно проѣхать небольшое странство между Лондономъ и Литль-Педлингтономъ, чтобъ постигнуть во всей полнотѣ могущество Англійскаго генія, чтобъ увидѣть, до какой степени искусство можетъ возвысить самую природу. И сколько есть такихъ, между природными Англичанами, которые будутъ вамъ говорить съ восторгомъ о морскихъ дворцахъ Венеціи или Геркуланума, а не въ состояніи сказать слова о красотахъ Литль-Педлингтона!»

Хорошо! Спасибо вамъ, мистеръ Феликсъ Гоппи. Я жъ пристыжу многихъ природныхъ Англичанъ, и расскажу имъ о красотахъ Литль-Педлингтона. Первое мое путешествіе будетъ непременно въ Литль-

Педлингтонъ. Я испью всѣ удовольствія ѣзды по чудеснымъ Англійскимъ дорогамъ, въ чудесныхъ Англійскихъ экипажахъ, и сверхъ-того, увижу самое примѣчательное мѣсто въ этомъ государствѣ. Посмотримъ, только, куда пролегаетъ дорога. Лондонъ, — изъ Лондона въ Поппль-тонъ-эндъ, — потомъ въ Сквеншмайргетъ, — а тамъ и Литль-Педлингтонъ. Три станціи. Жаль, что такъ близко! Я пролечу это пространство въ пять минутъ, и не успѣю даже насладиться совершенствомъ и удобствами Англійскихъ дорогъ. Но надобно рѣшиться. Я позвалъ трактирнаго служителя, и приказалъ ему взять для меня мѣсто въ первомъ Литль-Педлингтонскомъ дилижансѣ, какой бы онъ ни былъ, — паровой, воздушный, вѣтряной, водяной, съ парусами, съ лошадьми, объ одномъ колесѣ, о трехъ колесахъ, о пяти, шести, восьми, восемнадцати, — все равно, — въ первомъ, который въ тотъ же вечеръ пойдетъ, — или лучше сказать, помчится, — или еще правильнѣе, полетитъ съ быстротою пушечнаго ядра изъ Лондона въ Литль-Педлингтонъ. Къ крайнему моему прискорбію, возвратившійся служитель доложилъ мнѣ, что дилижансѣ пустится съ мѣста не прежде, какъ въ два часа ночи. Я легъ спать съ нетерпѣніемъ.

Въ первомъ часу по полуночи, въ то самое время, когда мнѣ снилось, что я лечу въ какой-то чудной крылатой машинѣ, движимой парами, ярко освѣщенной газомъ и даже некасающейся земли колесами, вбѣжалъ съ шумомъ мальчикъ въ мою комнату, крича, что дилижансѣ стоитъ у подъѣзда. Мы схватили вдвоемъ мой дорожный чемоданъ, и выскочили на крыльце. Ночь была темна; дождь лился какъ изъ ведра; густой туманъ не позволялъ видѣть въ двухъ шагахъ. Я бросился въ карету, дверцы прихлопнулись, и дилижансѣ покатился по мостовой.

Долго соображалъ я въ своемъ умѣ, какая физиче-

ская сила приводитъ меня въ движеніе, и никакъ не могъ отгадать этого. Пары, не пары, — на вѣтеръ это не похоже ни сколько, — вѣроятно, я путешествую въ какомъ-нибудь новомъ изобрѣтеніи, о которомъ еще никогда не писали ни въ книгахъ, ни въ журналахъ, потому что оно болѣе напоминаетъ землетрясеніе, чѣмъ катаніе экипажа. Среди этихъ соображеній, я нащупалъ подлѣ себя какую-то Англичанку, которая жестоко осердилась на меня и просиласидѣть смирно. Я рѣшился отложить всѣ изслѣдованія до утра, приклонивъ голову къ спинкѣ кареты и началъ дремать. Мнѣ снилось, что я расхаживаю въ какой-то мельницѣ, что упалъ въ воронку, оттуда въ жерновы, и что меня смолотило въ муку. Тогда только я проснулся. Всѣ кости были у меня переломаны; день начиналъ брезжать, и тутъ я примѣтилъ, что мы тащились по дрянной дорогѣ въ какомъ-то длинномъ и грязномъ ящикѣ безъ рессоръ, на парѣ огромныхъ тощихъ клячъ, изъ которыхъ одна хромая. Насъ было семеро въ ящикѣ, шесть мужчинъ, и одна женщина изъ породы старухъ. Уже было довольно свѣтло для того, чтобъ завести знакомство съ моими спутниками. Мы стали разговаривать о погодѣ и дорогѣ, и, къ величайшему изумленію, я узналъ, что этотъ дилижансъ идетъ не въ Литль-Педлингтонъ, а въ Винкельмутъ; что въ это знаменитое мѣсто, гдѣ можно постигнуть во всей полнотѣ могущество Англійскаго генія, не ходитъ изъ Лондона ни одного дилижанса, и что даже нѣтъ съ нимъ ни какого постоянного сообщенія. Однако жъ мнѣ сказали, что этотъ Винкельмутскій дилижансъ доведетъ меня до Поппль-тонъ-энда; что тамъ я могу встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь, кто донесетъ мой чемоданъ въ Сквешмайръ-гетъ, откуда лѣтомъ дилижансъ ходитъ черезъ день до Литль-Педлингтона. Не зная существа усовершенствованнаго образа путешествій и считая уже за благополучіе попасть туда какъ бы то ни было, я на-

дулся и замолчалъ. Когда жъ мы наконецъ прїедемъ къ первой станціи, въ Поппль-тонъ-эндъ? Я по-крайней-мѣрѣ отдохну тамъ въ прекрасномъ Англійскомъ трактирѣ, и позавтракаю отличнымъ образомъ.

Часу въ пятомъ утра дилижансъ остановился у презужкой проселочной дороги, не очень усовершенствованной, потому что рытвины и глубокія коленъ въ глинистой почвѣ наполнены были мутной дождевой водою. Въ то время только моросило. Окрестность на нѣсколько миль въ окружности тянулась мертвою равниной; не видно было ни домика, ни прїюта; только изрѣдка мелькали одинокія деревья.

— Поппль-тонъ-эндъ, сударь, сказалъ кондукторъ, опуская подножку.

— Какъ! это Поппль-тонъ-эндъ?

— Такъ точно, отвѣчалъ кондукторъ, награждая себя улыбкою. Онъ самъ и есть, и всегда такъ назывался.

— Неужли это станція? Даютъ нѣтъ ни одного дома.

— Такъ точно, сударь; на этой станціи нѣтъ ни какого дома.

— Да со мной претяжелый чемоданъ, продолжалъ я, выльзая изъ кареты.

— Такъ точно, сударь, отвѣчалъ кондукторъ, снимая его съ верху дилижанса и приставляя къ камню на углу дороги: онъ претяжелый.

— Да мнѣ сказали, что я найду здѣсь кого-нибудь, чтобъ отнести его до Сквешмайръ-гета, а тутъ нѣтъ ни живой души: самъ я не въ силахъ тащить такую пошу.

— Право, не знаю, какъ вы это сдѣлаете. А, вотъ черезъ полчаса, такъ, пройдетъ здѣсь вѣроятно «Смъ-пырь Бобъ» съ своей телѣжкой.....

Ненавижу я слова «этакъ»! Оно обманщикъ, плутъ, пзмѣнникъ, предатель. Его выдумалъ какой-нибудь подьячій, крючкотворецъ, разбойникъ. Я находилъ, что во всѣхъ дѣлахъ, сопряженныхъ съ какимъ нибудь псудобствомъ, оно по-крайней-мѣрѣ утrophиваетъ первоначальное зло. Если вы спѣшите въ назначенное мѣсто, и вамъ скажутъ, что до него «три мили, этакъ» — три мили кончатся вѣрно на девяти; если вы собирались что-нибудь купить «за одну гинею, этакъ», — вы вѣрно заплатите три; если вы ждете своей невѣсты «черезъ часъ, этакъ», — пройдутъ сутки, недѣля, годъ, а ея все нѣтъ; если вы ждете своей супруги..... Тутъ конечно все зависитъ отъ обстоятельствъ.

Кондукторъ сѣлъ на свое мѣсто, крикнулъ извощику — Пошелъ!, и я остался въ половинѣ пятаго подъ зонтикомъ на краеугольномъ камнѣ Поппль-тонъ-энда, окруженный мокрой пылью мелкаго и частаго дождя.

Мнѣ уже было не до изысканныхъ удобствъ путешествія по великолѣпнымъ дорогамъ. Я чуть не заплакалъ, увидѣвъ себя одинокимъ въ пустынѣ, которую называли станціей. Вся моя мысль была о томъ, чтобы гдѣ-нибудь забраться подъ кровлю.

Кто путешествуетъ, тотъ долженъ быть готовъ на затрудненія, порой даже на опасности: онѣ вознаграждаются сильными впечатлѣніями, высокими чувствами, какія въ насъ производятъ. Но вялое, безжизненное неудобство подавляетъ душу; бодрость ползетъ изъ нея вонъ; остается одна скука. Въ пять часовъ, въ половинѣ шестаго, въ шесть, я все сидѣлъ на камнѣ и не видалъ ни души человѣческой. Несносный дождь! Но нѣтъ, онъ не стоитъ этого имени. Добрый, хорошій, чистосердечный ливень, который промочилъ бы въ пять секундъ до костей можно было бѣ перенести безъ жалобы, но терпѣть неспо-

сное ощущеніе одной сырости отъ мозглаго, мелкаго, ничтожнаго, морозящаго дождишка, и терпѣть, какъ бы нарочно ему въ угодность, цѣлые полтора часа!... Есть такія жалкія непріятности, которыя вырвутъ проклятiе у глухонѣмаго.

Наконецъ я увидѣлъ въ дали человѣка съ телѣжкою. Онъ везъ ее довольно скоро, судя по состоянію дороги. Въ рукѣ у него былъ посохъ, которымъ онъ по временамъ касался земли, ни сколько на него не опираясь. Онъ былъ средняго роста, дюжій, широкоплечій и, казалось, прездоровенный мужчина. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ меня, онъ остановился и закричалъ громче десяти ботсмановъ:

— Нѣтъ ли кого въ Сквешмайръ-гетъ?

— Есть, отвѣчалъ я, почти оглушенный его вопросомъ: развѣ ты не видишь, что я здѣсь?

— Хорошо, какъ бы видѣть, сказалъ крестьянинъ. Я жилъ слѣпымъ Бобомъ, видно и умереть мнѣ слѣпымъ же.

— Слепымъ! Какъ же ты выбралъ себѣ такую должность.

— На свѣтъ не выберешь того, что нравится. Если бъ не слѣпота, я не пошелъ бы въ проводники ни за какую плату.

Когда я указалъ ему мой чемоданъ, онъ поднялъ его на плечо, сложилъ въ телѣжку и тотчасъ пустился по дорогѣ въ Сквешмайръ-гетъ. Тула было добрыхъ пять миль и вездѣ грязь по колено. Мы пришли туда около девяти часовъ, не ранѣе. Дорогою бѣда моего товарища могла бы сдѣлаться очень пріятною, еслибъ я былъ въ состояніи выносить раскаты его громкаго голоса, который при каждомъ словѣ ударялъ мнѣ въ ухо какъ молотомъ: сдѣлавъ два, три вопроса, я поневолѣ долженъ былъ замолчать. Это напомнило мнѣ одного человѣка, къ которому присталъ на улицѣ крикливый слѣпецъ: «Сжальтесь

надъ слѣпенькимъ, убогонькимъ!» — Право бы сжался, отвѣчалъ тотъ, если бѣ самъ оглохъ на эту пору.

Съ полнымъ уваженіемъ къ истинѣ, нельзя сказать, что бѣ мѣстечко Сквешмайръ - геть было особенно красиво; но такъ какъ оно и не посягаетъ на это прилагательное и составляетъ притомъ послѣднюю станцію подѣ Педлингтономъ, то было бы черною неблагодарностью критиковать его слишкомъ строго. Оно состоитъ изъ маленькаго и очень скромнаго постоялаго двора, по одну сторону грязной дороги; изъ маленькой кузницы по другую; изъ сарая, свинаго хлѣва и водопоя. Вотъ каковъ этотъ Сквешмайръ - геть, гдѣ мнѣ должно было существовать до прибытія перваго дилижанса, то есть, — смертельные три часа!

Не говорите, Бога ради, что часовая стрѣлка вѣрный указатель времени. Нѣтъ, есть періоды въ жизни каждаго человѣка, когда самое солнце оказывается ложнымъ часомѣромъ. Есть случаи, когда, между его востокомъ и закатомъ, мѣсяцы, годы, вѣки ползутъ медленно и тянутъ за собой надежду, сомнѣніе, заботы, болѣзнь или горе, или увѣковѣчиваютъ ожиданіе Педлингтонскаго дилижанса въ такомъ мѣстѣ, какъ Сквешмайръ - геть.

Добро, завтракъ украдетъ хоть полчаса времени: я велѣлъ подать завтракъ и управился съ нимъ подѣ гармонію плача ребенка, у котораго вырѣзывались зубы, карканья ворона, запертаго въ клѣткѣ, визгавня, ходившаго взадъ и впередъ на ржавыхъ крючьяхъ; перемежающихся, но пронзительныхъ криковъ осла и безпрестаннаго кудахтанья курицы, заточенной въ шкафъ подлѣ моего стола.

Завтракъ конченъ и только половина десятаго! Что жъ теперь дѣлать? Нѣтъ ли какихъ — нибудь книгъ? — Нѣтъ, ни одной. — Газеты? — Не получается. — Такъ дайте мнѣ перо, чернилъ и бумагу. — Бу-

мага вся вышла; котъ сейчасъ разбилъ склянку съ чернилами, — а перо куда — то дѣвалось, — случай, теравшій значительную часть своей важности отъ двухъ предшествовавшихъ обстоятельствъ.

Чтобъ чѣмъ-нибудь заняться, я обратился къ окнамъ и къ стѣнамъ. На нихъ не было ни строчки, ни слова, ни буквы, ни черточки. Царапанье на стеклахъ, которое иногда такъ оскорбляетъ благопристойность въ трактирахъ, было бы неизъяснимою отрадой въ моемъ отчаянномъ положеніи. Извѣстіе, что «Джонъ здѣсь былъ и пиво пилъ», или что «Эфраимъ Тристь любить Дженни Гигсъ», или одно изъ тѣхъ нѣжныхъ восклицаній, какъ напримѣръ «О, Поля! несравненна?», прочелъ бы я съ безпредѣльной благодарностью къ ихъ скромнымъ авторамъ. Но нѣтъ, — ни одной строчки, ни одной буквы на всѣхъ стеклахъ.

Наконецъ, послѣ длиннаго промежутка времени, дошло до десяти часовъ.

— А что, голубушка, спросилъ я хозяйку, не пріѣдетъ ли нынче дилижансъ раньше двѣнадцати?

— Нѣтъ, сударь, раньше двѣнадцати не будетъ, судя по тому, какія послѣ дождей дороги.

— Какъ! закричалъ слѣпой Бобъ, который былъ въ кухнѣ и разсмывалъ, что мы говорили. Кто сказалъ раньше двѣнадцати? По этой распутицѣ! «Поспѣшный» не будетъ прежде трехъ часовъ. Я вамъ порукою.

— Не прежде трехъ! Нѣтъ возможности оставаться здѣсь такъ долго; я умру съ нетерпѣнія и со скуки. Нѣтъ ли какой-нибудь одноколки или джиги?

— Нѣтъ, сударь, у насъ не держать ничего такого. Есть телѣжка для одной лошади (казалось, чего же лучше!), да лошадь то околѣла въ прошлую пятницу, а другой вмѣсто ея мужъ еще не могъ купить, не сколотился деньгами.

— Однако дождь пересталъ, сказалъ я: чемоданъ,

мой отправите вы съ дилижансомъ, а я пойду въ Педдингтонъ пѣшкомъ. Восемь миль. Что же дѣлать!

— Какъ восемь миль! закричалъ опять изъ кухни мой враждебный геній. Восемь? Тутъ всегда добрыхъ тринадцать, а нынче прійдется взять въ объѣздъ, потому что вода разлилась въ Сламъ-ленъ, такъ выйдетъ семнадцать, и еще самыхъ полновѣсныхъ.

Путешествіе мое длиннѣло почти въ той же мѣрѣ, въ какой слѣдовало ему сокращаться; я видѣлъ себя запертымъ грязью въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не было ни одного вещественнаго, ни духовнаго способа къ провозженію времени, и, сверхъ всѣхъ этихъ непріятностей, осужденнымъ на непрерывную казнь отъ совокупнаго вопля, стона, плача, крика и визга большого ребенка и другихъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ мучителей. Что сдѣлали бы вы на моемъ мѣстѣ? Я не выдержалъ нападенія и ударилъ по столу съ такою силою, что изумленный чайникъ вспрыгнулъ отъ него на вершокъ.

— Неужли мнѣ оставаться въ этомъ чертовскомъ мѣстѣ цѣлый день? воскликнулъ я въ бѣшенствѣ.

Бѣдная женщина, явно обиженная позорнымъ именемъ, которое я придалъ ей «деревнѣ», покачала головой, и сказала съ выраженіемъ кроткаго упрека:

— Нельзя, сударь, всему свѣту быть Педдингтономъ, и гдѣ намъ грѣшнымъ жить въ такомъ безподобномъ городѣ.

Я не желалъ бы дать повода къ мысли, что хочу унижить цѣну великаго творенія Феликса Гоппи, но долженъ объявить чистосердечно, что одна эта простая похвала моей хозяйки столько же возбудила бы во мнѣ охоты любоваться красотами и рѣдкостями Литлѣ - Педдингтона, сколько и болѣе обработанное искушеніе знаменитаго члена пивоварнаго и разныхъ другихъ ученыхъ обществъ.

Хоть это значило подливать масла въ огонь моего

петербургія, но кротость доброй женщины тотчас побудила во мнѣ это чувство, и, чтобъ она не считала меня воплощенной клеветой и злоязычіемъ, я вошелъ въ родъ объясненія, употребительнаго въ Англійскомъ парламентѣ послѣ всякой браши, увѣряя, что подъ словами «чертовское мѣсто» я разумѣлъ прекрасный уголокъ на земномъ шарѣ, но что мнѣ очень хотѣлось продолжать свое путешествіе, и оттого я выразился иносказательно.

— Суди сама, продолжалъ я потомъ: я надѣялся путешествовать самымъ лучшимъ образомъ въ мірѣ, и вмѣсто того шелъ пѣшкомъ въ грязи цѣлую станцію; мнѣ должно пробыть здѣсь пять часовъ по-крайней-мѣрѣ; ты не можешь доставить мнѣ ни книгъ, ни бумаги, рѣшительно ничего для провожденія времени!

Я прибавилъ плачевнымъ голосомъ:

— Скажи, скажи, пожалуйста, что мнѣ дѣлать?

Хозяйка поглядѣла на меня такъ, какъ-бы чувствовала всю силу моей жалобы; потомъ ласково опустила глаза на больного, хныкавшаго ребенка; потомъ опять устремила ихъ на меня, и сказала:

— Право, не знаю, сударь, что вамъ дѣлать; но если хотите поводитьсѣ часа два, три, съ моимъ мальчугой, — милости просимъ.

Быть-можетъ, ничто не выставляло такъ разитель-но горькой, безнадежной доли моей въ это время, какъ то обстоятельство, что она вызвала подобное предложеніе у одного разумнаго существа другому. Но положеніе мое было такъ отчаянно, что мнѣ оставалось только или нянчить ребенка или умереть со скуки. Я избралъ первое. Ребенокъ кричалъ такъ пронзительно на моихъ рукахъ, что я не зналъ куда дѣваться. Я далъ ему два или три пинка, чтобъ его усмирить, но онъ раскричался еще пуще. Я бѣгалъ съ нимъ по цѣлому дому, не зная, кому отдать проклятое дитя, потому что мать, вручивъ мнѣ его, сама ушла за во-

дою. Если визжалъ я такъ, будучи ребенкомъ, и мои родители не задушили меня, то они оказали самоотверженіе выше человѣческаго. Былъ ли Иродъ, который истребилъ всѣхъ маленькихъ дѣтей въ своемъ государствѣ, такой безнравственный человѣкъ, какимъ его представляетъ Исторія?.... Это еще вопросъ.

Всякой можетъ предвидѣть, чѣмъ кончилось это препровожденіе времени. Увы, я одинъ не предвидѣлъ этого!..... Я внезапно посадилъ маленькаго мерзавца наземь, схватилъ скатерть со стола, и закричалъ отчаяннымъ голосомъ, чтобы мнѣ принесли воды помыть руки.

Погода прояснилась, и безпристрастное солнце пролило часть своего золота на слякоть Сквешмайръ-гета. Хозяйка воспользовалась благопріятнымъ мгновеніемъ, чтобъ отстоять славу своего мѣстечка, подвела меня къ двери и произнесла торжествующимъ голосомъ: — Ну, посмотрите, сударь! Вѣдь не даромъ сказано, что въ непогоду ничто не въ угодую.

Однако я все не могъ восхищаться своимъ положеніемъ. Быть-можетъ, первое впечатлѣніе предупредило меня непріятнымъ образомъ, но сарай, водопой, свиной хлѣвъ и кузница казались мнѣ матеріалами, изъ которыхъ трудно извлечь какое-нибудь пріятное ощущеніе, тѣмъ менѣе ощущеніе изящества. Нѣтъ, даже и теперь, при гораздо хладнокровнѣйшемъ размышленіи, я рѣшительно утверждаю, что въ Сквешмайръ-гетѣ нѣтъ ничего прекраснаго.

Я вышелъ погулять, или точнѣе, побродить въ грязи по колѣно. Я заглянулъ въ свиной хлѣвъ, посмотрѣлъ въ сарай, обозрѣлъ кузницу и сосчиталъ утокъ въ лужѣ. Потомъ, для разнообразія, началъ съ сарая, перешелъ къ хлѣву, отъ него къ лужѣ съ утками и такъ далѣе. Но, при всемъ возможномъ напряженіи моего устроумія и изобрѣтательности, я не могъ ис-

тратить больше половины двѣнадцатаго. «А мнѣ непременно должно пребыть здѣсь до трехъ!» думалъ я про себя.

Въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, когда что-нибудь задерживаетъ въ деревнѣ, вѣрнѣйшее средство отъ смертельной скуки — кладбище: охота за эпитафіями обыкновенно вознаграждаетъ употребленный на нее трудъ. Я спросилъ, гдѣ церковь.

— Противъ самаго Гогснортона.

— А далеко ли до Гогснортона, моя милая?

— Говорятъ миль пять, а будетъ и пять съ половиною.

— Пять съ половиною до Гогснортона! закричалъ слѣпой Бобъ: Семь, или этакъ, по-крайней-мѣрѣ.

«Или этакъ» было уже достаточно; я тотчасъ отказался отъ путешествія къ Гогснортону.

— Ахъ, Господи! Какъ это я забыла! вскрикнула хозяйка отъ внезапнаго воспоминанія. Вамъ, сударь, всего лучше идти смотрѣть Дрибль-Голль, если бы только не дороги.

— А что это Дрибль-Голль, и гдѣ? скажи пожалуйста.

— И, сударь, неужли вы не слыхали о Дрибль-Голль, который принадлежитъ господину Дриблю? Изблизка и издалека народъ приходитъ смотрѣть Дрибль-Голль. Какія картинки! какіе болванчики! какіе цвѣтники! И каковъ самъ помѣщикъ! Ужъ если бы не дороги.....

— Ничего, сказалъ я, обрадованный вѣроятностью уходить какъ-нибудь это безконечное утро: дороги не бѣда, если только неслишкомъ далеко.

— Всего двѣ мили съ половиною, отвѣчала хозяйка.

— Какъ! заревѣлъ Бобъ, и я думалъ, что онъ по обыкновенію хочетъ угостить меня квадратомъ разстояній. Гдѣ жъ двѣ съ половиною мили? Это — если

итти по дорогѣ, а баринъ пойдетъ зеленой калиткою; тутъ будетъ не много больше милн.

— Куда жъ мнѣ итти? другъ мой Бобъ, спросилъ я слѣпаго путеводителя.

— Да вотъ, какъ выйдете, держите все влѣво до самой зеленой калитки, не забудьте; тамъ разомъ поверните направо, и придете къ дому помѣщика. Смотрите жъ, отъ зеленой калитки вправо, не то, вы придете назадъ къ Поппль-тонъ-энду.

— Но позволитъ ли мнѣ господинъ Дрибль видѣть его домъ?

— О, конечно, сударь, отвѣчала хозяйка: и еще съ радостью. Кухарка его, — ее зовутъ тамъ ключницей, — изволите видѣть, не беретъ жалованья, а набираетъ фунтовъ десять въ годъ съ посятителей, которымъ она показываетъ домъ и картины своего хозяина. Помѣщикъ предоставляетъ это въ ея пользу; но если что перейдетъ за десять фунтовъ, она, разумѣется, должна дѣлить съ нимъ поровну.

Не знаю почему, это напомнило мнѣ успѣхи Англіійской торговли и промышленности. Однако жъ я поплелся къ Дрибль-Голлю по дорогѣ, которую можно было почестъ составленною изъ разувальниковъ, потому что на каждомъ шагу сапоги мои почти снимались отъ усилій, съ какими я долженъ былъ вытаскивать ноги изъ вязкой почвы. Слѣдуя наставленіямъ Боба съ точностью, соотвѣтствовавшею ихъ опредѣленности, я держалъ «влѣво», шелъ въ этомъ направленіи болѣе часу и все не видалъ зеленой калитки, гдѣ мнѣ должно было повернуть направо. Я проходилъ калитками всѣхъ цвѣтовъ, — черными, бѣлыми, сѣрыми, но зеленой не было ни одной. Несмотря на то, въ надеждѣ на познанія Боба, я все иду тою же дорогою, и вдругъ, часа черезъ два ходьбы по рытвинамъ, колеямъ и морю непрерывной грязи, вижу себя въ знакомомъ мѣстѣ, между Сквешмайръ-гестомъ

и Попль-тонъ-эндомъ! «О, Литль-Педлингтонъ!» думалъ я въ глубинѣ души: «ты дѣйствительно долженъ быть раемъ, чтобъ вознаградить меня за все, что я вытерпѣлъ нынче тебя ради!»

Обманутый въ ожиданіяхъ, усталый, раздосадованный, воротился я къ своей «гостинницѣ» въ Сквеш-майръ-гетъ, и тамъ на скамьѣ у дверей сидѣлъ Бобъ.

— Бездѣльникъ! закричалъ я на него: какъ ты смѣлъ меня обманывать? Что ты послалъ меня! Воронъ ловить?

— Такъ вы не нашли Дрибль-Голля, баринъ? Въдь я сказалъ вамъ, держите вѣтвь, пока прійдете къ зеленой калиткѣ, а тамъ.....

Я держалъ вѣтвь, пока пришелъ сюда обратно и во всю дорогу не видалъ ни одной зеленой калитки.

— Помилуйте, сударь, развѣ мы не знаемъ! Вы видѣли два высокіе тополя и между ними калитку, ведущую на лугъ.

— Да! Новоокрашенную бѣлую калитку.

— Бѣлую! Что жъ такое, что она бѣлая, когда прежде всегда была зеленою, и теперь у насъ нѣтъ ей другаго имени. Гнѣваться, баринъ, не за что; мы не виноваты, что господинъ Дрибль взялъ, да перекрасилъ.

Жестокосердѣ долженъ быть тотъ, кто не умирится доводомъ, или чѣмъ-нибудь похожимъ на доводъ. Къ тому жъ хозяйка еще лучше объяснила мнѣ все дѣло, сказавъ, что зеленая калитка искони служила путеуказателемъ, но господинъ Дрибль «бережетъ денежку», и рѣшился впередъ всегда покрывать ее бѣлой краскою, потому что зеленая дороже.

«Прикажи подавать обѣдъ, говорилъ мнѣ одинъ пріятель, который условился со мной обѣдаться въ трактиръ: прикажи подавать обѣдъ въ половинѣ шестаго я непременно буду туда въ семь часовъ.» Такъ Педлингтонскій дилжансъ: ждали къ тремъ часамъ, а

онъ прѣхалъ въ половинѣ пятого. И какія ужасныя минуты провелъ я въ этотъ длинный промежутокъ!

Педлингтонскій поспѣшный дилижансъ состоялъ изъ тяжелой громоздкой кареты о шести мѣстахъ внутри и о четырнадцати снаружи, везомой двумя тощими клячонками и управляемой кучеромъ, такъ же тяжелымъ и громоздкимъ, какъ она сама.

— Снаружи все занято, внутри есть одно порожнее, отвѣчалъ извозчикъ на вопросъ, есть ли мнѣ мѣсто въ дилижансѣ.

Я изъяснилъ сожалѣніе, что не могъ сѣсть снаружи, и такимъ образомъ лишился удовольствія видѣть Педлингтонъ издали. «А есть на что посмотреть,» замѣтилъ извозчикъ. Это еще увеличило мою досаду.

— Скоро ли ты думаешь выѣхать?

— Черезъ четверть часа, этакъ, отвѣчалъ кучеръ.

— Какъ! загорлапилъ опять нензбѣжный Бобъ: Какія четверть часа! Ты шутишь, Г. Джайльзъ. Тебѣ не выѣхать отсюда и въ шесть, самъ ты знаешь.

— Въ шесть! отвѣчалъ Джайльзъ, подхвативъ это слово, только что оно вырвалось у Боба. Какъ въ шесть? Ты съ ума сошелъ! Неужели мнѣ здѣсь не перекусить, неужли не соснуть, неужли и лошадамъ не отдохнуть немного? Гдѣ жъ тутъ выѣхать въ шесть? Я не могу выѣхать раньше семи. У меня рысачки изрядные, а все не дотащатъ въ Педлингтонъ, не отдохнувши.

Суда по паружности рысачковъ, по тяжести, которую предстояло имъ везти, и наконецъ по дорогамъ, которыя должны были служить имъ поприщемъ, нельзя было сомнѣваться въ справедливости этой аксіомы. Когда мнѣ въ первый разъ сказали о «поспѣшномъ дилижансѣ», я воображалъ себѣ быстроту, едва уступающую полету; теперь я думалъ ужъ не о быстротѣ, а о томъ, тронемся ли мы съ мѣста.

Не безъ внутренняго волненія спросилъ я у извозчика, когда думаетъ онъ поспѣть въ Литль-Педлингтонъ.

— Нынче мы должны ѣхать окольной дорогою, такъ поспѣемъ не много раньше девяти.

— Это еще слава Богу.....

— Къ девяти! закричалъ неумолимый Бобъ. Хорошо, если и къ одиннадцати. «Поспѣшный» никогда не ѣдетъ больше четырехъ миль въ часъ, а теперь и дальше, и тяжелѣ. Г. Джайльзъ остановится раза три отдохнуть. Какъ сдѣлать семнадцать миль раньше двѣнадцатаго часу?

— Вотъ старый дуракъ, сказалъ Джайльзъ: самъ говоритъ, что должно раза три остановиться, а хочетъ, чтобъ я поспѣлъ до полуночи. Подумаешь, какіе дурни живутъ на свѣтѣ.

При этихъ словахъ господинъ Джайльзъ вошелъ въ избу и оставилъ меня жертвою сомнѣнія: суждено ли мнѣ когда-нибудь доѣхать по усовершенствованнымъ Англійскимъ дорогамъ до Литль-Педлингтона и увидѣть его красоты. Однако жъ надобно убитъ время до семи часовъ чѣмъ бы то ни было, и единственный способъ, который пришелъ мнѣ въ голову былъ тотъ, чтобъ обѣдать. Я позвалъ хозяйку, и она пришла по обыкновенію съ своимъ вѣчно кричащимъ ребенкомъ. Я рѣшился перекричать его, и спросилъ какъ можно громче, есть ли мнѣ что обѣдать.

— Есть, все что прикажете.

— Варенаго цыпленка.

— У насъ, сударь, никогда нѣтъ цыплятъ; Не угодно ли будетъ вашей милости яицъ и ветчины?

— Нѣтъ. Дайте мнѣ кусокъ вареной баранины.

— У насъ нѣтъ баранины, но если вамъ желательно чего-нибудь другаго..... Яйца и ветчина безподобныя.

— Нѣтъ ли котлетъ или бифстеку?

— Нѣтъ, сударь. Не прикажите ли чего другаго? У насъ славная ветчина и яйца.

— Нѣтъ ли хоть чего нибудь холоднаго?

— Нѣтъ-съ, но вамъ вѣрно понравятся наши яйца и ветчина.

— Скажите, что жъ у васъ есть другаго?

— Ничего, сударь, кромѣ яицъ и ветчины.

— Дайте жъ хоть ихъ по-крайней-мѣрѣ.

— Я такъ и знала, что вы велите подать яицъ и ветчины: здѣшнія яйца и ветчина славятся въ цѣлой Англіи, и господа изъ Лондона иногда пріѣзжаютъ сюда, полакомиться.

— Ну, а вино?

— Какого прикажете?

— Хоть портвейну.

— Портвейну нѣтъ-съ.

— Немножко медаку.

— Мы не держимъ медаку: у насъ такой маленькой погребъ, что для вина нѣтъ и мѣста.

— Такъ пожалуйста мнѣ лимонаду.

— Слушаю-съ. Вы любите съ лимономъ или безъ лимону?

— Какъ такъ?

— Да потому, что у насъ теперь нѣтъ лимоновъ.

Дѣло кончилось на пивѣ. Я пообедалъ, и наконецъ минута желаннаго отъѣзда наступила.

— Я думаю, сказалъ Джайльсъ, взлѣзая на козлы, что у насъ будетъ опять дождичекъ.

— Какъ дождичекъ! закричалъ въ послѣдній разъ утѣшитель Іова. Прѣливной дождь затопитъ васъ на половинѣ дороги, и еще съ пресильной грозою. Я чувствую это по головѣ, и давеча у меня лопило поясищу.

Я утѣлся въ карету, и чувствуя, что наконецъ въѣхалъ въ этотъ уголокъ неба, въ этотъ чудесный Литль-Педдингтонъ, я скоро забылъ все минувшія непріятности. Однако жъ положеніе мое было незавидное. Меня стиснули между себя двѣ претолстыя дамы: у одной изъ нихъ ужасно болѣли зубы, у другой ужасно болѣла голова. Противъ меня сидѣлъ дюжій мужчина съ огромнымъ стильтопомъ на коблѣняхъ, самымъ неблагоуханнымъ изъ стильтоповъ; другой былъ упитанъ дымомъ скверныхъ сигаръ, которыми онъ «угощался» въ Сквешмайръ-гетъ; при третьемъ была связка копченыхъ сельдей. Двѣ дамы безпрестанно спорили о томъ, поднять ли или опустить стекла: дама съ зубами рѣшительно объявляла, что малѣйшее вторженіе наружнаго воздуха причинитъ ей смерть; дама съ головой такъ же убѣдительно доказывала, что она задохнется безъ свѣжаго воздуха. И такъ какъ это преніе происходило черезъ меня, то я былъ на краю гибели не отъ силы доводовъ, а отъ тяготѣнія на меня самихъ доводчицъ. Въ добавокъ къ многосложнымъ благоуханіямъ, о которыхъ я передъ этимъ упоминалъ, одна изъ прекрасныхъ страдалицъ употребляла камфору, другая нюхала пашатырный спиртъ.

Мы ѣхали скорымъ похороннымъ шагомъ, безъ малаго по четыре мили въ часъ. Г. Джайльзъ останавливался у каждой избушки поговорить съ ея обитателями, и напрасны были все наши возраженія и просьбы, чтобъ онъ не такъ часто предавался своей страсти къ бесѣдамъ. Онъ рѣшительно отвѣчалъ намъ, что это всегда такъ бывало, и что онъ не видитъ ни какого повода къ перемѣнѣ своихъ правилъ. У одного трактира онъ останавливался закусить, у другаго запить, у третьяго отдохнуть. Въ одиннадцать часовъ намъ оставалось еще шесть миль до Педдингтона. Вечеръ былъ темный и вдругъ дождь пошелъ рѣкою;

потомъ мнѣ за двѣ до почлега переломилась задняя ось. После продолжительныхъ, тщетныхъ усилій исправить поврежденіе, мы должны были идти пѣшкомъ по дождю и по грязи. Приближаясь къ городу, хотя его и не было видно за темнотою ночи, я чувствовалъ то же самое, что чувствуютъ при первомъ взглядѣ на Римъ или что, говорятъ, чувствовалъ Бонапартъ, увидѣвъ пирамиды; а когда я вошелъ въ нумеръ перваго трактира въ городѣ, я забылъ все прошедшее и не могъ удержаться отъ восклицанія: Вотъ какъ путешествуютъ по Англійскимъ дорогамъ

Рано утромъ.....

Но здѣсь мнѣ должно остановиться. Это было первое и послѣднее путешествіе въ великолѣпной Англіи. Къ вечеру я уже плывъ на корабль обратно на твердую землю.

New Monthly Magazine.

Н О В Ъ Й Ш А Я

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

ВЪ ГЕРМАНИИ.

=

Въ литературномъ мірѣ часто возникалъ вопросъ, имѣютъ ли Нѣмцы какія -нибудь прочныя доказательства притязаніямъ своимъ на остроуміе, и до сихъ поръ почти всѣ были согласны, что одному Жанъ-Полу суждено поддерживать народную честь въ этомъ отношеніи: остроты его сверкаютъ сквозь туманъ ми-сцинизма, какъ молнія сквозь тучи. Однако жъ въ послѣднія пять лѣтъ явился на сѣромъ небосклонѣ Германской словесности метеоръ, злокачественный въ своемъ вліяніи, зыбкій въ своемъ пути, непостоянный въ своемъ блескѣ, но лучезарный до такой степени, что всѣ глаза и всѣ зрительныя трубы невольно обратились къ его диску. Онъ выступилъ, какъ поэтъ и прозаикъ, сперва съ своими *Reisebilder*, потомъ съ «Матеріалами для исторіи современной Литературы», и скоро приобрѣлъ славу одного изъ остроумѣйшихъ поэтовъ своей эпохи. Нѣтъ нужды называть его по имени: оно не сдѣлаетъ чести даже ему. Въ самомъ началѣ своего поприща онъ вызвалъ на себя цѣлый сонмъ непріятелей своею дерзостью, а нечестіе его простиралось часто до того, что ревностнѣйшіе поклонники его дарованія не знали, что сказать въ его защиту.

Есть еще другой новый писатель, котораго поборники Нѣмецкаго *Witz* выставляютъ съ самодовольствіемъ — жидъ, безъ стыда и безъ правилъ, только-что окрещенный и измѣняющій христіанскому закону; его выдаютъ за знаменитаго Германскаго остро-

умца, но къ несчастію, и это — умъ потерянный, на который нѣтъ ни какой надежды.

Мы конечно далеки отъ того, чтобъ унижать умственныя способности Германіи, но не можемъ не признать за истину, что, несмотря на эти проблески домашняго остроумія, свѣтлый и искристый умъ мадамъ Сталь былъ почти необходимъ для славы Германской литературы: ея знаменитое твореніе «О Германіи» — доселѣ единственная живая и пріятная картина этой литературы, которая безъ него была бы, можетъ, и теперь неизвѣстна остальной Европѣ. Но, кромѣ того, что съ появленія этой книги произошли большія перемѣны, сочинительница очевидно имѣла самое поверхностное понятіе о предметахъ, которые она излагаетъ такъ мило и занимательно. Сужденія ея о лучшихъ Нѣмецкихъ произведеніяхъ часто весьма неудовлетворительны: не ясно ли показываетъ, напримѣръ, разборъ «Фауста», что она никогда не читала его большѣ третьей доли! Робертъ Голль говоритъ, что съ презрѣніемъ бросилъ ея книгу, нашедъ въ статьѣ о философіи, что мадамъ Сталь пресерьозно упоминаетъ всѣмъ извѣстнаго идеалиста въ числѣ реалистовъ, и по-сю-пору рассказываютъ за характерическую черту изслѣдованій ея въ Германіи, какъ при первой встрѣчѣ съ Шеллингомъ она просила его объяснить ей свою систему въ нѣсколькихъ словахъ. *Monsieur, voudriez vous bien m'expliquer votre système en peu de mots?* сказала она пресловутому философу, Этотъ образъ изслѣдованія важныхъ и обширныхъ предметовъ принять, кажется, большею частію великихъ людей во Франціи. Знаменитый Г. Тьеръ, министръ и писатель, отправившись въ 1833 году, на десять дней въ Англію, «для изученія всего заслуживающаго вниманія въ трехъ соединенныхъ королевствахъ», писалъ тогда къ одному изъ членовъ Англійскаго казначейства:

«Mon cher Monsieur! Pourriez vous me donner un petit quart d'heure pour m'expliquer le système financier de votre pays?

Tout à vous, *Thiers*.»

Мы чувствуемъ, что и сами поступаемъ теперь во вкусъ мадамъ Сталь и Г. Тьера, обращаясь къ читателю съ такимъ же вопросомъ: — Не можете ли, почтеннѣйшій читатель, уделить намъ неболѣе четверти часа времени, чтобъ мы бы вамъ растолковали нынѣшнее состояніе Нѣмецкой словесности? Но мы пишемъ не книгу, а статью, статейку, самую скромную статейку, и нынѣшнее состояніе Германской словесности такъ малоизвѣстно въ нашемъ отечествѣ, что даже и немногія слова будутъ для большей части читателей довольно обстоятельнымъ изложеніемъ предмета.

Съ тѣхъ поръ, какъ мадамъ Сталь посѣтила Германію, совсѣмъ новая литература развилась въ этомъ многомыслящемъ краѣ. Эфемерная? Мимолетная? Уже покрытая блеклымъ, пожелтѣвшимъ листьемъ или только разцвѣтающая? вотъ вопросъ, на счетъ котораго мнѣнія очень разногласны. Большинство головъ думаетъ, что съ кончиною Гёте начинается новый литературный періодъ для Германіи, что старая Deutschland сошла съ нимъ въ могилу. Мы не беремся опредѣлять такъ рѣшительно будущихъ судебъ этой словесности. Окончаніе «Гётева періода искусства», какъ одинъ изъ Германскихъ остроумцевъ назвалъ его эпоху, несомнѣнно, но начало новой эпохи одѣто еще густымъ туманомъ. Въ Германіи есть классъ неугомонныхъ, которымъ очень хотѣлось доконать династію Гёте, и въ числѣ ихъ были даже люди съ боль-

* Милостивый государь! Не можете ли вы уделить неболѣе четверти часа времени, чтобы растолковать мнѣ финансовую систему вашего государства?

Вашъ преданный, *Тьеръ*.

шимъ дарованіемъ; но когда Гёте не стало, какой-то въщій ужасъ объялъ самихъ его противниковъ.

Говоря о новѣйшей словесности въ Германіи, нельзя мпновать романтической школы. Замѣтимъ однако жъ, что эта школа совсѣмъ не то, что «доная» Французская, которой Викторъ Гюгё почитается главою. Романтическая школа въ Германіи была пробужденіемъ поэзіи среднихъ вѣковъ, такой, какою она является въ дѣсяхъ, картинахъ, зданіяхъ, искуствѣ и жизни того времени. Эта поэзія родилась нѣкогда изъ духа католицизма; это цвѣтокъ, возникшій изъ крови мучениковъ, — поэтическое обоготвореніе орудій мучи Спасителя и умерщвленія плоти, — воплощенный релігіозный энтузіазмъ той эпохи, поддерживавшійся многочисленными монашескими учрежденіями, которыхъ строгость доходила въ Германіи до ужасныхъ излишествъ, снлясь уничтожить тѣло и превратить человека въ чистый духъ. Дѣйствіе этого восторженнаго направленія умовъ замѣтно и въ современной ему литературѣ; въ ней господствовала поэзія страданія. Музыка, живопись, архитектура, обличали ту же основную идею. Изящность состояла въ тяжкомъ, томномъ, измученномъ, изломанномъ, отрывающемъ душу отъ всего мірскаго.

Входя въ старинную готическую церковь, мы теперь едва ощущаемъ наружный смыслъ ея каменнаго проображенія. Только одно общее впечатлѣніе поражаетъ нашу душу; мы здѣсь чувствуемъ возвышеніе духа и сокрушеніе плоти. Внутренность церкви представляетъ полость креста, и мы ходимъ въ самомъ орудіи мучи; узорчатая стекла бросаютъ на насъ красныя отсвѣты, какъ капли крови; погребальныя гимны раздаются около насъ; подъ нами прахъ и могилы, и душа несется къ небу съ исполненіемъ

пиластрами, силою оторвавшись отъ тѣла, которое какъ лохмотье падаетъ наземь.

Всмотритесь еще въ эту церковь снаружи, — въ эти страшныя груды, которыя такъ красивы, такъ прозрачны, что вы бы почли ихъ рѣзбою, мраморнымъ кружевомъ: тогда вы почувствуете силу этого вѣка, который до того умѣлъ покорить себѣ камень, что онъ является у него призракомъ духа, что это грубѣйшее изъ веществъ выражаетъ всю духовность тогдашняго католицизма. Поэтъ Кольриджъ сказалъ прежде нашего, что когда онъ взглянетъ на старую готическую церковь, она кажется ему «окаменѣвшею религіею».

Но искусства суть только отраженія дѣйствительной жизни, и когда Германскій католицизмъ погасъ въ дѣйствительности, онъ началъ ослабѣвать и замеръ въ Искусствѣ. Со времени реформаціи католическая поэзія постепенно терялась въ Германіи, и мѣсто ея заступала, также исподоволь, давно усопшая и вызванная изъ пыльнаго гроба поэзія Греческая. Тутъ — то, почувствовавъ свободу, бросились художники въ веселое море древнихъ мифовъ, изъ котораго возникла для нихъ въ полномъ блескѣ прелести, нѣги и сладострастія богиня красоты, — Венера: живописцы рисовали наслажденія Олимпа, ваятели изсѣкали древнихъ героевъ, стихотворцы прославляли опять домъ Атрея и Лаіа. Насталъ періодъ новой «классической» поэзіи, блестящей, остроумной, распутной, иносказательной, какъ самая религія Грековъ и Римлянъ.

Этотъ переворотъ случился не въ одной Германіи, потому что реформація всюду потрясла и ослабила прежній торжественный духъ католицизма, всюду умъ открылъ себѣ новыя пути и новую пищу. Во Франціи, при Людовикѣ XIV, новѣйшая умственная жизнь достигла высокой степени развитія; тамъ же процвѣла всего болѣе и классическая поэзія, и сверхъ-того получила, въ нѣкоторомъ смыслѣ, независимую своеобраз-

ность, особенный, національный отпечатокъ. Политическое вліяніе великаго монарха распространило эту новую поэзію, или точнѣе, эту форму новой поэзіи, по всей Европѣ: въ Италіи, гдѣ она была уже какъ дома, это вліяніе тотчасъ сообщило ей Французскій оттънокъ; въ Испанію вмѣстѣ съ домомъ Анжу перешли и герои Французской трагедіи; въ Англіи явились они за Генріэттою, а Германцы сами подражали неуклюжій храмъ напудренному Версальскому Олимпу.

Лессингъ былъ литературнымъ Арминіемъ, который ниспровергъ эту новую вѣру. Онъ произвелъ бы стрый переворотъ сколько своими собственными созданіями, столько и критикой, такъ, что его удачно сравнивали съ тѣми Евреями, которые при вторичномъ построеніи Іерусалимскаго храма, одной рукой сражались съ непріятелемъ, а другой продолжали начатую работу. Лессингъ оставилъ поле Германской литературы, расчищенное, готовое къ принятію новыхъ сѣменъ, и сѣятели скоро явились во множествѣ.

Въ Іенѣ, около герцога Саксенъ-Веймарскаго, Карла Августа, собралось нѣсколько отличныхъ литераторовъ и ученыхъ, привлеченныхъ великодушнымъ покровительствомъ, какое оказывалъ онъ наукамъ и искусствамъ. Гёте былъ его министромъ и, можно сказать, другомъ; Шиллеръ жилъ въ Іенѣ и сочинялъ свои безсмертныя трагедіи; Грисбахъ, Лодеръ, Рейнгольдъ, Фихте, Шюцъ, Эйхштетъ и другіе извѣстные ученые приготавливали въ тамошнемъ университетѣ новое поколѣніе, которое скоро выступило на попрѣще съ пылкими мечтами о возрастающей славѣ двухъ великихъ предшественниковъ.

Между этими молодыми людьми особенно отличались братья, Августъ Вильгельмъ и Фридрихъ Шлегели, Лудвигъ Тикъ и Новалисъ. Они нашли себѣ ревностнаго друга и союзника въ Шеллингъ; нѣкото-

рые даже думаютъ, что онъ далъ новой литературной школѣ философическое основаніе. Въ этомъ позволено сомнѣваться; но Шеллингъ безспорно имѣлъ на нее сильное вліяніе, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ немножко поэтъ: стихи его, за подписью Бонаventura можно найти въ «Альманахѣ Музы», Шлегелей и Тика. Этого мало: говорятъ, онъ по-сю-пору колеблется, не издать ли ему и своей философіи въ стихотворной оболочкѣ. Оно было бы очень кстати въ то время, когда философію твердили наизусть, но теперь..... Теперь мы возвратимся къ романтизму.

«Поэзія наша, говорили Шлегели, устарѣла; наша муза — дряхлая баба съ костылемъ; нашъ герой — не прекрасный юноша, а съдой и весь сморщенный карло; чувства у насъ истлѣли, фантазія высохла: надо оживиться, надо отыскать забытые родники наивной, простой поэзіи среднихъ вѣковъ. Тамъ журчитъ для насъ источникъ обновленія.» Толпа, умиравшая отъ жажды, особенно тѣ жалкія, тощія созданія, которыя сидя по горло въ пескѣ, желали вдругъ расцвѣсть роскошной юностью, бросились искать чудотворныхъ ключей въ архивахъ, и тянули, хлебали, глотали съ немовѣрной жадностью. Но ихъ попуталъ такой же грѣхъ, какъ старуху горничную, о которой добрая Г-жа Кампанъ говоритъ, что она подсмотрѣла у своей барыни чудесный эликсиръ, подаренный графомъ Санъ-Жерменомъ и возвращающій молодость; только барыня со двора, она взяла скляночку съ этимъ снадобьемъ и вмѣсто того, чтобъ принять по предписанію нѣсколько капель,хватила его такъ много, что на слѣдующее утро проснулась ужъ не молодою дѣвицею, а маленькою шести-мѣсячною дѣвочкой. Право, что-то похожее случилось и съ Г. Тикомъ, лучшимъ поэтомъ изъ романтиковъ. Онъ такъ сильно упился сказками среднихъ вѣковъ, что также сталъ ребенкомъ и поставилъ въ тупикъ бѣдную мадамъ Сталь,

которая не знала хорошенько, дивиться ли этому превращенію или хохотать.

Тикъ старался разбудить тотъ же вкусъ къ простотѣ и въ другихъ изящныхъ искусствахъ, а Фридрихъ Шлегель и Гёрресь обшарили всѣ старые города на Рейнѣ, ища остатковъ древней Германской школы живописи и ваянія, которымъ они суевѣрно поклонялись какъ святынямъ. Нельзя однако жъ не замѣтить благотѣльныхъ слѣдствій этой страсти для Искусства. Если бъ Ф. Шлегель и Гёрресь сдѣлали только то, что обратили всеобщее вниманіе на Альбрехта Дюрера, и этого было бы уже достаточно для оправданія ихъ энтузіасма. Въ справедливости замѣчанія можетъ удостоверить каждый, кто возьметъ на себя трудъ вникнуть въ то вліяніе, какое Дюреръ имѣлъ на Редша. Но энтузіасмъ второстепенныхъ романтиковъ доходилъ часто до неистовства, и Германскій Парнасъ того времени превращался иногда въ домъ сумасшедшихъ. При этомъ не должно забывать одного важнаго обстоятельства, — что сумасшествіе другихъ народовъ далеко уступаетъ Германскому, потому что въ Нѣмецкомъ сумасшествіи, какъ говоритъ Полоній, всегда есть методъ, есть система. Это сумасшествіе отличалось какимъ-то особеннымъ педантствомъ, страшнымъ самосознаніемъ, дикою ревностью, о которыхъ наши поверхностные сумасшедшіе не имѣютъ и понятія. То было основательное, глубокое помѣшательство.

Кратковременное владычество Наполеона только раздражило эту школу, возстававшую противъ всего Французскаго, классическаго, «ново-древняго», какъ говорилъ остроумный Жанъ-Поль, и когда пробилъ часъ освобожденія, когда Русскіе подвиги и Русскіе морозы воспламенили Нѣмцевъ, романтизмъ, какъ блюститель Германской самобытности въ искусствахъ и литературѣ, пошелъ въ гору. Его приверженцы дѣй-

ствовали за-одно съ Германскими правительствами, и въ самое то время, какъ А. В. Шлегель дѣлалъ заговоръ противъ Расина, министръ Штейнъ умѣшлялъ союзъ на императора Французовъ. Школа плыла тогда по теченію рѣки, стремившейся обратно къ своему источнику. Когда Германскій патріотизмъ и Нѣмецкая народность одержали совершенную побѣду, романтическая школа, религіозно отечественное искусство, восторжествовали вмѣстѣ съ ними. Наполеонъ, великій классикъ, — такой же классикъ, какъ Александръ и Цезарь, — палъ во прахъ, а Гг. Августъ-Вильгельмъ и Фридрихъ Шлегели, романтики, явились съ побѣдными вѣнками.

Между подвигами романтической школы особенно замѣчательнъ переходъ Ф. Шлегеля и нѣкоторыхъ другихъ членовъ ея къ католицизму, но еще болѣе заслуживаетъ вниманія соперничество А. В. Шлегеля съ І. Г. Фоссомъ, тогда уже знаменитымъ переводчикомъ Гомера. Фоссъ былъ однимъ изъ самыхъ опасныхъ и заклятыхъ враговъ новой школы. Съ неутомимымъ усердіемъ переводилъ онъ остальныхъ языческихъ поэтовъ древности, между тѣмъ какъ А. В. Шлегель старался также въ хорошихъ переводахъ ознакомить публику съ христіанскими, романтическими поэтами. Ихъ противоборство обнаруживалось даже въ формахъ языка, и тогда какъ Шлегель все тщательнѣй и мягче отдѣлывалъ слогъ свой, Фоссъ наперекоръ ему становился все жестче и грубѣе. Если на гладкомъ паркетѣ Шлегелевыхъ стиховъ страшно поскользнуться, зато у Фосса, того и гляди, запнешься за неотесанную глыбу мрамора. Наконецъ, изъ одного соперничества, старикъ Фоссъ рѣшился перевести Шекспира, что гораздо прежде выполнено было Шлегелемъ какъ нельзя удовлетворительнѣй. Это предпріятіе обратилось во вредъ славному переводчику, а еще болѣе его издателью, потому что оста-

лось совершенно безъ успѣха. Гдѣ Шлегель переводилъ, можетъ-быть, слишкомъ приторно и уточенно, гдѣ стихи его нерѣдко похожи на взбитыя сливки, которыя, не знаешь — пить ли, или ѣсть, тамъ Фоссъ твердъ какъ скала, и, произнося его строфы, боишься переломать себѣ челюсти.

Говорять, что романтики увивались около Шиллера, но онъ отвергнулъ всѣ ихъ исканія, и, какъ видно изъ его переписки, отзывался объ нихъ презрительно. Что касается до Гёте, они рѣшительно избрали его своимъ кумиромъ, и, главный жрецъ романтизма, Августъ Шлегель, ставилъ ему всѣ возможные алтари. Гёте былъ у нихъ подъ рукою: отъ Іены до Веймара дорога идетъ прекрасной аллеею, и Шлегели безпрестанно топтали эту тропинку; часто бесѣдовали они въ Веймарѣ съ господиномъ тайнымъ совѣтникомъ фонъ-Гёте, и господинъ тайный совѣтникъ, бывшій всегда великимъ дипломатомъ, слушалъ внимательно, что напѣвала ему эта *братія*, улыбался привѣтливо, ласкалъ ихъ и иногда сажалъ съ собой обѣдать. Гёте терпѣлъ обожаніе романтиковъ, потому что оно много способствовало къ распространенію его славы въ Германіи; но впоследствии, когда мистицизмъ этой школы, или, какъ онъ самъ называлъ его, «новый поэтический католицизмъ», приобрѣлъ слишкомъ сильное вліяніе въ словесности, Гёте торжественно разстался съ нею, напечатавъ во второмъ номерѣ своего журнала *Kunst und Altherthum* извѣстную статью *Ueber die christlich-patriotisch-neu-deutsche Kunst*, — «О христіанско-патріотическомъ ново-Германскомъ художествѣ». Съ той поры преклось вліяніе обоихъ Шлегелей: Фридрихъ умеръ, а Августъ пережилъ свою славу какъ поэтъ и какъ критикъ; но слава отличнаго переводчика составляетъ его неотъемлемую собственность. Съ изумительной тонкостью проникаетъ онъ тайны и глубины своего подлинника; ни

одинъ оттѣнокъ красоты не ускользаетъ отъ его взгляда, и онъ такъ мастерски владѣетъ языкомъ, что читая его переводъ, вы забываете, что это не подлинникъ. При всемъ томъ онъ никогда не позволяетъ себѣ вольностей и переводитъ почти слово въ слово; даже всѣ шутки и каламбуры Шекспира переданы имъ точно такъ, какъ бы онъ самъ ихъ выдумалъ.

Одною изъ главныхъ причинъ нынѣшняго упадка Шлегелевой славы въ Германіи были довольно грубыя и злыя эпиграммы, напечатанныя лѣтъ за шесть въ «Альманахъ Музъ» и гдѣ нѣтъ пощады не только второстепеннымъ писателямъ, но даже Шиллеру и Гёте. Это ребяческое озлобленіе чрезвычайно не понравилось смирнымъ Нѣмцамъ, и съ тѣхъ поръ они позволяютъ себѣ смѣяться не только надъ произведеніями, но и надъ личностью главы романтизма. Чтобы познакомить съ нимъ читателей нашихъ во всѣхъ отношеніяхъ, мы приведемъ слѣдующій отзывъ Іенскаго профессора Вольфа, который, впрочемъ, отдаетъ полную справедливость его заслугамъ.

«Я видѣлъ его раза два или три у Гёте въ Веймарѣ. Шлегель держалъ себя настоящимъ *птитетромъ*, птитетромъ въ полномъ смыслѣ этого слова: онъ безпрестанно игралъ лентою своего ордена и старался привлечь къ нему общее вниманіе; на правомъ указательномъ пальцѣ былъ у него такой огромный перстень, что палецъ вовсе не сгибался и торчалъ какъ рыцарское копье. Онъ все порхалъ около дамъ, показывалъ имъ свое изданіе Рамаины или другой Индѣйской поэмы, училъ ихъ читать по складамъ священную грамоту Ведъ и дѣлалъ тысячу другихъ нелѣпостей, которыя были ему не къ лицу и не по лѣтамъ. Признаюсь, я невольно подумалъ, что романтизмъ и санскритизмъ могли бы имѣть достойнѣйшихъ представителей. Если бъ мнѣ не были давно извѣстны его сочиненія, и если бы въ разговоръ со мною онъ не обнаружилъ потомъ об-

ширныхъ знаній и глубокаго соображенія, я не повѣрилъ бы, чтобъ такой суетный человѣкъ могъ когда-нибудь имѣть сильное вліяніе на Литературу и Искусства въ Германіи.»

Братъ его, Фридрихъ, былъ человѣкъ глубокомысленный. Онъ постигалъ всю славу прошедшаго и чувствовалъ всю горечь настоящаго, но не разумѣлъ священнаго значенія этой горечи и необходимости ея для будущаго блага. Онъ видѣлъ захожденіе солнца, и печально смотрѣлъ на то мѣсто, гдѣ оно садилось, и тосковалъ о наступленіи ночи, не примѣчая, что утренняя заря одѣваетъ уже противоположной край неба. Это уныніе, это недовольство настоящимъ влекло его къ прошедшему и къ католицизму. Во всемъ, что онъ писалъ Фридрихъ Шлегель, видна эта господствующая склонность. Тайная мысль о католицизмѣ проступаетъ во всѣхъ его сочиненіяхъ, особенно въ «Языкѣ и мудрости Индѣйцевъ» и въ «Исторіи Литературы.»

Лудвигъ Тикъ былъ, какъ мы уже говорили, одною изъ надежнѣйшихъ опоръ новой школы, обладая именно тѣмъ оружіемъ, въ какомъ она имѣла наиболѣе нужды,—глубокимъ чувствомъ, роскошнымъ воображеніемъ, юморомъ, даже остроуміемъ, то есть, особеннымъ родомъ остроумія, Witz. Въ удачныхъ обновленіяхъ старыхъ народныхъ сказокъ изображалъ онъ теплое вѣрованіе среднихъ вѣковъ, и, въ противоположность тогдашней простотѣ и добродѣтелямъ, представлялъ современные недостатки со всею ѣдкостью сатирика, но и съ неизбѣжной односторонностью пристрастнаго исключительной школы.

Въ самомъ разгарѣ войны за романтизмъ, Тикъ старался произвести переворотъ и въ изящныхъ художествахъ: съ этой цѣлью написалъ онъ нѣсколько книгъ въ чистомъ духѣ новаго ученія, напримѣръ Phantasien über die Kunst u Franz Sternbald's Wan-

derungen, которыя нашли въ свое время многихъ почитателей: теперь изучаютъ ихъ только тѣ, кто еще думаетъ, что довольно окреститься въ католическую вѣру, чтобъ быть великимъ художникомъ и поэтомъ.

По паденіи Шлегелей, Тикъ хранилъ нѣсколько времени молчаніе, и, послѣ этого, явился совсѣмъ инымъ человекомъ. вмѣсто волшебныхъ сказокъ и сатирическихъ драмъ, онъ принялся за повѣсти, и, изъ ревностнаго поборника мистицизма и всѣхъ особенностей среднихъ вѣковъ, сдѣлался защитникомъ реформациі и живописцемъ современной эпохи. Съ немногими исключеніями всѣ герои его повѣстей люди какъ люди, — надворные совѣтники, ратманы, молодые, хорошенькія дѣвушки, старыя хозяйки, профессора, аптекари; и всѣ они говорятъ и дѣйствуютъ по идеямъ нашего времени. Они нарисованы съ большимъ или меньшимъ искусствомъ, но особенно замѣчательно въ нихъ то, что каждое изъ нихъ кажется выражающимъ собственное мнѣніе автора, тогда какъ мнѣнія ихъ совершенно различны. Этотъ пріемъ, названный въ Германіи «всемирною проницательностью» — отнюдь не новый: вы найдете его и у Аріоста, и у Сервантеса; но должно признаться, что Тикъ употребляетъ его съ большимъ искусствомъ и дарованіемъ. Однако жъ въ послѣднее время онъ воротился къ своимъ волшебнымъ сказкамъ, и создалъ даже новый родъ произведеній, — Сказку — Повѣсть, die Märchen-Novelle, употребленный имъ довольно остро противъ новѣйшихъ поэтовъ Германіи и Франціи, но жестоко погрѣшающій несносными длиннотами, въ которыя онъ безпрестанно впадаетъ, и которыя ясно показываютъ, что авторъ отсталъ отъ своего вѣка, хотя онъ и называетъ себя послѣднимъ великимъ поэтомъ Германіи.

Новалисъ, котораго настоящее имя Фридрихъ фонъ-Гарденбергъ, не успѣлъ совершить для романтической школы того, чего можно было ожидать отъ его

отличныхъ дарованій. Онъ умеръ въ самомъ цвѣтѣ юности. Немногія, оставленныя имъ сочиненія, особенно недоконченная повѣсть Heinrich von Ofterdingen, исполнены поэзіи, но вмѣстѣ и какого-то мистическаго, болѣзненнаго чувства, которое скоро надѣдаетъ здоровому вкусу.

Изъ прочихъ приверженцевъ романтической школы заслуживаютъ вниманія Лудвигъ Ахимъ фонъ-Арнимъ и Клеменсъ Брентано. Ихъ упоминаютъ обыкновенно вмѣстѣ потому, что они были неразлучные друзья и издали общими трудами собраніе народныхъ пѣсень, извѣстное подъ заглавіемъ Des Knaben Wunderhorn. Кто хочетъ узнать Германцевъ съ наилучшей стороны, тотъ долженъ читать эти пѣсни, полныя естественной прелести. Въ нихъ слышно бѣненіе Германскаго сердца, — вотъ его гнѣвъ, — его добродушная насмѣшка, — и вотъ его любовь; Германское вино и Германскія слезы льются ручьями: это настоящая поэзія, свѣжая, искренняя, задушевная, какъ поэзія народныхъ пѣсень вообще. Гердеръ, умѣвшій ее чувствовать, разбудилъ любовь къ ней въ высшихъ классахъ Германскаго общества, а Брентано и Арнимъ сдѣлали ее доступною и для другихъ.

Собственныя произведенія этихъ двухъ поэтовъ, при многихъ весьма важныхъ достоинствахъ, частію такъ далеки отъ природы, частію такъ темны и таинственны, что даже въ Германіи они извѣстны только записнымъ литераторамъ. Лучшимъ сочиненіемъ Арнима почитается его повѣсть Armuth, Reichthum, Schuld und Busse der Gräfin Dolores; но и здѣсь ни ловкая завязка, ни своеобразность дѣйствующихъ лицъ не сильны вознаградить недостатка естественности. Брентано обратилъ на себя вниманіе литературнаго міра повѣстью Godwin, oder das steinerne Bild der Mutter: въ ней есть прекрасныя сцены, прекрас-

ныя пѣсни и много поэзій, но все это растворено туманомъ романтизма.

Вотъ главные поборники этой школы, которая теперь имѣетъ только историческое существованіе. Въ послѣднія двадцать лѣтъ Германская литература кишитъ новымъ поколѣніемъ писателей. Имя имъ «Легіонъ», потому что ихъ очень много. Въ обзорѣннѣ этого рода стихотворцевъ и прозаиковъ, мы должны будемъ ограничиться главными лицами, и между ними дадимъ первое мѣсто Уланду, который пишетъ мало и хорошо. Собраніе стихотвореній, выдержавшее съ 1815 года девять изданій; двѣ трагедіи, Ernst von Schwaben и Ludwig der Baier, и нѣсколько литературныхъ разсужденій, — вотъ все, чѣмъ онъ подарилъ Германскую публику; но его пѣсни и баллады составляютъ любимое ея чтеніе. Въ нихъ столько нѣжности и достоинства, столько пламенныхъ чертъ благородной страсти, что въ поэтѣ невольно любишь и человека. Богатое, но спокойное воображеніе, глубокое и живое чувство всего прекраснаго, сознаніе Ума, правящаго вселенною, и происходящая отъ того невинная, дѣтская радость; очаровательный слогъ, изящные образы, всегдашнее добродушіе забылъ и въ шутку, наконецъ пламенная любовь къ отечеству, — вотъ драгоценная основа, изъ которой развертываются всѣ поэтическія созданія Уланда, отличающіяся почти древнимъ спокойствіемъ и той рѣдкой простотою, которая не имѣетъ нужды ни въ какихъ прикрасахъ.

Новѣйшіе лирическіе поэты Германіи, особенно южной ея половины, почти всѣ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ образовались по Уланду, а сѣверные или шли своей дорогою, или подражали Гёте. Въ числѣ первыхъ должно упомянуть о Густавѣ Швабѣ, извѣстномъ своими балладами; Юстинѣ Кёрнерѣ, который прославился вѣрою въ видѣнія, описанныя имъ

въ замѣчательной книгѣ, *Die Scherin von Prevorst*; о Николаѣ Ленау и Анастасіи Грюнѣ, двухъ псевдонимахъ, Эдуардѣ Дуллерѣ, Лудвигѣ Бехштейнѣ, братьяхъ Фицерѣ, и Генріэттѣ Оттенгеймерѣ, дѣвицѣ съ большимъ дарованіемъ.

Фридрихъ Рюкертъ — поэтъ совершенно оригинальный. Первые стихотворенія, изданныя имъ въ 1814 и 1815 годахъ подъ именемъ Фреймунда Раймара, имѣли патріотико-политическое направленіе: несмотря на то, его Германскія пѣсни — лучшія изъ всѣхъ тогда вышедшихъ. Недавно явилось новое собраніе его сочиненій, гдѣ онъ рассказываетъ повѣсть собственной любви. Рюкертъ во многомъ уступаетъ Уланду; онъ, что называютъ Нѣмцы, поэтъ субъективный, почерпающій источникъ пѣсней въ однихъ личныхъ своихъ чувствованіяхъ; но въ этомъ родѣ онъ отличается силою и богатствомъ мыслей и необыкновенною красотою выраженія. Сверхъ-того, онъ хорошій оріенталистъ, и поэтическіе переводы его съ Индѣйскаго имѣютъ всю гибкость Нѣмецкаго оригинальнаго произведенія.

Вильгельмъ Мюллеръ, умершій, къ сожалѣнію, въ первой молодости, былъ человекъ ученый и замѣчательный лирическій стихотворецъ. Его Греческія пѣсни произвели глубокое впечатлѣніе, потому что онъ первый говорилъ такъ краснорѣчиво за дѣтей Эллады. Въ числѣ ихъ есть элегія на смерть лорда Байрона, одно изъ лучшихъ произведеній Германской музыки. Прекрасна также его *Vineta*, основанная на народномъ повѣр'ѣ, что этотъ, нѣкогда цвѣтущій, городъ затопленъ моремъ и что иногда, въ тихіе вечера, рыболовы видятъ, въ водѣ его башни слышатъ унымый звонъ колоколовъ и чувствуютъ такое неодолимое влеченіе, что не могутъ оторваться отъ этого мѣста. Повѣсти Мюллера слишкомъ неестественны и далеко уступаютъ его

пѣснямъ; но сочиненіе о Римѣ и его жителяхъ и введеніе къ Гомеру достойны его дарованія и учености.

Адельбертъ фонъ-Шамиссо, тотъ самый, который въ первое путешествіе капитана Коцебу, сопровождалъ его въ званіи естествоиспытателя, безспорно лучший изъ поэтовъ сѣверной Германіи. Онъ родомъ французъ, и оставилъ свое отечество мальчикомъ во время революціи. Первымъ его произведеніемъ была повѣсть, изданная Ла-Моттомъ-Фукѣ, — повѣсть о человѣкѣ, Петрѣ Шлемилѣ, который потерялъ свою тѣнь и, считая себя отверженцемъ здѣшняго міра, искалъ счастья въ высшемъ и болѣе духовномъ существованіи. Глубокомысленность и пріятная мечтательность этой книги обратила на него всеобщее вниманіе, а въ 1831 году появились его лирическія стихотворенія, доставившія ему большую извѣстность. Важное и трогательное чувство сердца, уязвленнаго свѣтомъ, господствуетъ въ его произведеніяхъ; сильнымъ и благозвучнымъ голосомъ выражаетъ онъ любовь свою къ истинѣ и справедливости, измѣняя иногда это направленіе и падая на суетность людей ѣдкими и горькими насмѣшками. Но порою муза его любитъ остановиться на счастіи домашней жизни и на предметахъ, возбуждающихъ мирныя ощущенія. Всего удивительнѣй, что Французъ Шамиссо владѣетъ Нѣмецкимъ языкомъ лучше всѣхъ природныхъ Нѣмцевъ. Онъ занимается теперь описаніемъ своихъ путешествій, которое будетъ заключать и его автобіографію.

Со временъ Шиллера драма сдѣлалась у Германцевъ любимымъ родомъ поэзіи; но Шиллеръ, котораго сами Англичане признаютъ первымъ драматическимъ поэтомъ послѣ Шекспира, остается по-сю-порѣ неподражаемъ. Между его послѣдователями Теодоръ Кернеръ подходитъ къ нему ближе всѣхъ. Было время, когда имя этого поэта переходило изъ устъ въ уста

во всей Германіи; его патріотическія пѣсни, напечатанныя подъ заглавіемъ *Leier und Schwerdt*, раздавались въ городахъ и въ селахъ, и сочинителя ихъ провозглашали первымъ поэтомъ Германіи; но энтузіасмъ, возбужденный обстоятельствами народной войны, миновалъ, и за Кернеромъ осталась только слава лучшаго изъ Шиллеровыхъ подражателей. Въ самомъ дѣлѣ, трагедіи его настоящіе сколки съ Шиллеровыхъ; но, при всѣхъ достоинствахъ слога и драматической разительности, онъ обнаруживаютъ недостатокъ самобытнаго генія и глубины.

Эрнстъ-Августъ-Фридрихъ Клингеманнъ гораздо ниже Теодора Кернера: всѣ его произведенія, — Лютеръ, Моисей, Фаустъ, Колумбъ, слажены только для эффекта и не имѣютъ ни силы, ни жизни поэтической. Они нравились толпѣ папыщенностью языка и блескомъ декораций, но скоро приглядѣлись, наскучили и теперь всѣ почти забыты совершенно.

Третій подражатель Шиллера, Іосифъ фонъ-Ауфенбергъ, — писатель болѣе съ риторскимъ, чѣмъ съ поэтическимъ дарованіемъ. Разговоръ у него живъ, завязка по большей части хорошо придумана, но творчества нѣтъ въ немъ ни сколько. Основаніе своихъ трагедій Ауфенбергъ беретъ изъ разныхъ источниковъ, всего чаще изъ Вальтера Скотта, котораго повѣсти драматизировалъ онъ для Германской сцены довольно удачно.

Гораздо оригинальнѣе былъ Гейнрихъ фонъ-Клейстъ, котораго собственная жизнь можетъ назваться трагедіей. Извѣстно, что онъ далъ слово пріятельницѣ своей, Г-жѣ Фогель, убить ее, когда неизлечимая болѣзнь, которою она страдала, достигнетъ высшей своей степени: вѣрный безразсудному обещанію, онъ застрѣлилъ ее и самаго себя въ роцѣ, близъ Потсдама, осенью 1811 года. Полное собраніе его твореній издано было Тикомъ, — нѣсколько тра-

гедій, двѣ комедіи и рядъ прекрасныхъ повѣстей, изъ которыхъ одна, подѣ заглавіемъ *Kohlhaas*, особенно примѣчательна. Роскошное и смѣлое воображеніе, глубина и сила чувства, благородный и чрезвычайно поэтический разговоръ придаютъ его драмамъ высокое и прочное достоинство. Можно сказать, что Германія лишилась въ Клейстѣ лучшаго изъ новѣйшихъ своихъ трагиковъ.

Вслѣдъ за нимъ поставимъ мы Иммермана, который былъ тоже истинный поэтъ. Начавъ подражаніемъ Шекспиру, онъ съ каждымъ новымъ произведеніемъ приближался къ идеальной цѣли своего воображенія; онъ становился все правильнѣе, тверже и важнѣе, чѣмъ далѣе шелъ на избранномъ для себя поприщѣ, и послѣднія его творенія, особенно его *Trauerspiel in Tyrol*; *Kaiser Friedrich*, *Alexis* и *Merlin*, даютъ ему полное право на первостепенную извѣстность, хотя онъ ею и не пользовался.

Эрнстъ-Веньяминъ-Соломонъ Раупахъ, бывшій профессоръ Главнаго Педагогическаго Института въ Петербургѣ, о которомъ мы такъ часто говорили въ нашемъ журналѣ, совершенная противоположность съ Иммерманомъ, дарованіе чисто риторское, хоть иногда, вѣроятно въ шутку, и называютъ его Берлинскимъ Шиллеромъ. Если бѣ для созданія трагедіи достаточно было одного соображенія, онъ былъ бы однимъ изъ первыхъ драматурговъ своего времени; но отсутствіе чувства нельзя вознаградить ни какимъ расчетомъ, и Раупахъ успѣлъ только пріобрѣсть имя плодовитѣйшаго писателя. Каждый мѣсяцъ издаетъ онъ трагедію, а въ промежуткахъ комедіи и фарсы. Изъ первыхъ заслуживаютъ предпочтеніе его *Isidor und Olga* и *König Enzo*, изъ послѣднихъ *Die Schleichhändler*. Языкъ его всегда витіеватъ, правиленъ и полонъ украшеній; но нищаго одѣтъ хоть въ порфиру, онъ все будетъ нищій.

Датчанинъ Іенсъ Эсншлегерь, быть-можетъ всѣхъ ближе подходилъ бы къ Шиллеру, если бъ не слишкомъ увлекался сентиментальностью, какъ на примѣръ, въ своемъ *Correggio*. Лучшее его произведеніе *Након Jarl*: поэтъ чувствовалъ исполинскій характеръ съвернаго героя. Мы назовемъ еще Христіана фонъ-Габбе, автора «Генриха VI, Наполеона и ста дней, Фауста, и Донъ Жуана», — чловѣка съ богатымъ, но слишкомъ дикимъ, безуряднымъ воображеніемъ; Михаила Бера (Beer), автора «Струензе»; Ф. Мальтица, который, докончилъ Шиллерова «Лжедмитрія», и — перейдемъ къ другой драматической школѣ, которой произведенія всегда будутъ свидѣтельствомъ дурнаго вкуса, господствовавшаго въ Германіи, тысяча восемьсотъ двадцатыхъ годовъ и по-крайней-мѣрѣ столькихъ же теорій изящнаго.

Эта школа, которую можно назвать фаталистическою, представляла чловѣка подъ владычествомъ темной, таинственной силы, которая опредѣляла его жребій и вынуждала къ добродѣтели или къ злодѣйству безъ всякаго участія свободной воли. То была совсѣмъ не *ананки*, не необходимость Грековъ, — естественное заключеніе ума, незнавшаго Бога живаго, — а смѣсь стараго суевѣрія съ новѣйшимъ ханжествомъ, мистицизмомъ, розикруціанизмомъ и другими тайными ученіями. Въ главѣ драматиковъ, напавшихъ на эту новую пружину, стоять два замѣчательныя дарованія, и только это можетъ объяснить мгновенный успѣхъ мистической трагедіи. Для мистицизма нельзя придумать мѣста непримичнѣ сцены.

Фридрихъ-Лудвигъ-Захарій-Вернеръ, о которомъ мы недавно имѣли случай говорить, былъ поэтъ душою и сердцемъ; но мрачная, неукротимая фантазія и не-

* Б. для Ч. No 19, Смѣсь, — Корреспонденція поэта Вернера.

счастливыя семейныя обстоятельства привели его къ мистицизму; тщеславіе и страсть къ необычайному уничтожили талантъ его въ зародышѣ. Вліяніе таинственной силы является у него подъ видомъ непосредственныхъ посланниковъ свыше, и они-то ведутъ героя по стезямъ счастья или несчастья, какъ ему предопредѣлено. Эта мысль достигла высшей точки исполненія въ его драмѣ «Двадцать четвертое Февраля», гдѣ цѣлой семьѣ суждено совершать преступленія такого-то дня и мѣсяца, и въ послѣдній годъ отецъ семейства заключаетъ этотъ списокъ злодѣяній убійствомъ собственнаго сына, котораго не узналъ онъ въ пріѣзжемъ юношѣ. Мѣстомъ дѣйствія для своей драмы авторъ избралъ одинъ уединенный трактиръ въ Швейцаріи, который въ самомъ дѣлѣ существуетъ, и невинный его хозяинъ долго не могъ отбиться отъ любопытныхъ и чувствительныхъ путешественниковъ, которые, считая его за наследника сыноубійцы, спрашивали о подробностяхъ происшествія и осматривали весь домъ отъ подвала до чердака. Высокія, поэтическія красоты, глубокія мысли и религіозное пареніе Вернера невольно заставляютъ сожалѣть о странной участи этого даровитаго челоуѣка.

Преемникъ его, Мюльнеръ, замѣчательнъ не только какъ поэтъ, но и какъ самый ѣдкій изъ Германскихъ критиковъ. Трагедія его *Die Schuld* надѣлала при первомъ появленіи неимовѣрнаго шума, и автора почитали новой путеводною звѣздою на небѣ драматической поэзіи, тогда какъ эта пьеса только заключительный актъ уголовного дѣла, изложенный въ прекрасныхъ стихахъ и, кромѣ послѣдней сцены, даже вовсе лишенный дѣйствія. Менцель справедливо замѣтилъ, что судьба, выставленная здѣсь Мюльнеромъ, — карикатура Вернерова злаго генія. Двѣ другія его трагедіи, *Ingurd* и *Die Albaneserin*, имѣютъ тѣ же достоинства и тѣ же недостатки; но комедіи Мюльнера

лучшія. какія только есть въ Германской литературѣ, что конечно еще немного. Какъ критикъ, онъ отличался ученостью, большимъ искусствомъ, своекорыстіемъ и завистью: ни одинъ литераторъ не былъ такъ несправедливъ въ Германіи какъ онъ. Въ послѣдствіи весьма немногіе молодые поэты занимались фаталистическою драмою, — Гримальпарцеръ, Гувальдъ, Пансе и нѣкоторые другіе, но и они скоро ее оставили, а опыты ихъ въ этомъ ложномъ родѣ забыты еще скорѣе, почти всѣ безъ исключенія.

Состояніе Германской сцены и отсутствіе законовъ, ограждающихъ права драматическаго авторства, вмѣстѣ съ другими частными причинами, побудили многихъ лучшихъ писателей издавать драматическія произведенія не для театра. Къ этому разряду, кромѣ Фауста, принадлежатъ драматическія сказки Тика, Эйхендорфа и Менцеля, «Сигурдъ» Ла-Мотта-Фукё, и другія сочиненія, заслуживающія болѣе той извѣстности, какою они пользуются въ чужихъ краяхъ.

Комедія, осиротѣвшая послѣ Коцебу, нашла ему преемника въ Юліи фонъ-Фоссѣ, который однако жъ не прикрашивалъ порока и безразсудства, какъ «знаменитый» его предшественникъ, а показывалъ ихъ въ настоящемъ свѣтѣ и представлялъ иногда удачныя картины духа нашего времени; но къ сожалѣнію писалъ слишкомъ много и слишкомъ скоро. Гг. фонъ-Клейстъ, Мюльнеръ, Контесса, Иммерманъ, Зсген-тешъ, написали нѣсколько комедій въ высшемъ родѣ. Клауренъ подчивалъ богатыми дядьями, бѣдными племянниками и милліонерами изъ Мексики, которые женятся на прачкахъ и кухаркахъ, но все это составляетъ самомалѣйшую часть Германскаго репертуара, а главный комическій запасъ получается и тамъ съ Парижской сцены. Теодоръ Гельмъ, Ангели, Курлендеръ и другіе, взялись переводить его по подряду, и эти экзотическія растенія, которыя оклимачиваютъ

ся очень скоро, довольно похожи натакъ называемыя «передѣлки» нашихъ драматурговъ.

Если бѣ недостатокъ въ одномъ родѣ словесности могъ вознаграждаться избыткомъ въ другомъ, то скудость Германской комедіи вполнѣ наверсталась бы обиліемъ повѣстей. Авторъ Веверлея нигдѣ не нашелъ такого сочувствія и такой бездны послѣдователей и подражателей. Германцы не только усвоили себѣ историческую повѣсть, но сдѣлали изъ нея всемірную эпопею, отличающуюся полной свободою формъ, желанною для генія, крайне опасною для посредственности. Кромѣ Тика, о которомъ мы уже говорили, главами повѣстчиковъ были Ла-Моттъ-Фуке, Стефенсъ, Гоффманнъ и Шпиндлеръ.

Ла-Моттъ-Фуке, авторъ неподражаемой волшебной сказки «Ундина», какъ поэтъ, слѣдовалъ по стопамъ Тика и избралъ предметомъ для своихъ повѣстей и стихотвореній героическія преданія сѣверной Германіи. Одаренный оригинальностью, силою и пламеннымъ воображеніемъ, воскрешая въ своихъ произведеніяхъ дѣла и времена по себѣ занимательныя, и сверхъ-того новыя для публики, онъ скоро сдѣлался ея любимцемъ. Одно время, только и читали что Ундину, Волшебное кольцо, Тіодольфа, но минула падкость къ старинѣ, — критика нашла, что его рыцари, переряженные офицеры; дамы ихъ сердца — Берлинскія барышни, и, что всего важнѣе, будто лошади у него умнѣ всадниковъ. Всѣ эти обвиненія отчасти справедливы, неисключая даже и того, которое относится къ лошадямъ; нельзя однако жъ отказать Ла-Мотту въ истинномъ поэтическомъ дарованіи. Примѣръ его могъ бы служить наукою молодымъ писателямъ, — въ выборѣ предметовъ соображаться не съ модою, а съ собственными познаніями и средствами.

Генрихъ Стефенсъ, родомъ Норвежецъ, основался въ Германіи съ 1804 года, и, до вступленія своего

на политическое поприще, пріобрѣлъ извѣстность какъ философъ Шеллинговой школы и упорный богословскій спорщикъ, или контроверсистъ. Въ 1826 году вступилъ онъ въ разрядъ романистовъ съ собраніемъ повѣстей, подъ заглавіемъ *Wasleth und Leith*, которыя, составляя вмѣстѣ одинъ романъ, образуютъ и каждая отдѣльно нѣчто цѣлое. За тѣмъ слѣдовали *Die vier Norweger*,— герои его всегда Норвежцы,—и *Malcolm*: всѣ эти произведенія чрезвычайно понравились Германской публикѣ, и авторъ почитается теперь однимъ изъ первыхъ романистовъ. Онъ хочетъ объять цѣлость человѣческой жизни со всѣми ея естественными и психологическими явленіями и представить картину великихъ слѣдствій, которыя они влекутъ за собою. Но въ исполненіи эта мысль принимаетъ у него слишкомъ субъективное направленіе. Всѣ положенія, всѣ случаи въ повѣстяхъ Стеффенса явно подчиняются его личнымъ видамъ, чувствамъ и опытамъ, и часто желаніе провести любимую идею, влечетъ его къ запутанности происшествій, въ которыхъ неисчерпаемая фантазія никогда не отказываетъ его пристрастной волѣ. Изображенія его отличаются живостью, истиной, глубокимъ знаніемъ людей и прекраснымъ слономъ.

Карлъ Шпиндлеръ, вѣрный, но не лишенный своеобразности, подражатель Вальтера Скотта, написалъ съ 1827 года болѣе тридцати томовъ повѣстей. Основательное знаніе отечественной исторіи, богатое, даже иногда роскошное воображеніе, и живость, искренность слога придаютъ многимъ его произведеніямъ дѣйствительную цѣну. Вообще онъ мастерски умѣетъ выставить народный характеръ своихъ соотчичей, но его психологическія изображенія далеко не такъ удачны, особенно когда онъ описываетъ порочныхъ людей. У него это безусловные мерзавцы, которыхъ недостатки не выкупаются ни однимъ добрымъ свой-

ствомъ, и которые сдѣлались мерзавцами не исподоволь, а внезапно. Общія преступленія его героевъ лишаютъ ихъ всякаго сочувствія, потому что они слишкомъ неестественны, и кажутся такими еще больше отъ того, что авторъ страстный охотникъ до противоположностей. Романы *Der Jude*, *Der Jesuit*, и *Die Nonne von Gnadenzell* едва ли не лучшія его произведенія. Но мы уже однажды очень подробно толковали о Шпиндлеръ.

Нѣтъ возможности, да нѣтъ и нужды говорить обо всѣхъ повѣсчикахъ, привлекавшихъ на себя вниманіе Германской публики въ послѣдніе годы; мы ограничимся только поименованіемъ ихъ лучшихъ произведеній съ тою цѣлю, что это можетъ служить руководствомъ при выборѣ предметовъ для чтенія, хотя сколько-нибудь достойныхъ любопытства нашихъ читателей. Мы назовемъ *Herrmann von Löbeneck*, Келера; *Isidore* и *Die reisenden Maler*, Вагнера; *Der Unsichtbare Prinz*, Шютце; *Die Molkenkur*, Хегнера; *Guido von Sohnsdom* и *Verkümmerungen*, Шиллинга; *Marie*, Стейгентеша; *Das Kunsthaus*, Деринга; *Reise aus dem Herzen in das Herz* и *Die unsichtbare Kirche*, Баумгартенъ-Крузиуса; *Die Schlittenfahrt*, Лесмана; *Gabriele* и *Die Tante*, Иоганны Шоппенгауэръ; *Marie und Walpurgis* и *Die Bildhauer*, Каролины Вольтманъ; нѣкоторые романы и повѣсти Г. В. Алехенса, Ципокке, Брониковскаго, Гауфа, Шторха, Бехштейна, Гоувальда, Рохлица, Кинда, Блауменхагена, Шеффера, Крузе, Варихагена-фонъ-Энсе; Госпожъ Каролины Пихлеръ, Гельмины фонъ-Шези (*Chezy*), Терезы Губеръ и многихъ другихъ. Всѣ почти дамы, за исключеніемъ Г-жъ Шоппенгауэръ и Вольтманъ, сентиментальны до нестерпимости. Впрочемъ это общій недостатокъ или общее достоинство прекраснаго пола въ Германіи, такъ же необходимый для семейнаго благополучія какъ передникъ и какъ связка ключей за пазухой.

Въ числѣ повѣстчиковъ не упомянули мы о Гофманѣ, потому что его нельзя смѣшивать ни съ кѣмъ на мѣстѣ: онъ одинъ и рѣшительно неподражаемъ. Г. Жюль-Жаненъ вздумалъ-было поддѣлаться къ этому чудному, метафизическому воображенію, — у него вышло совсѣмъ другое. «Гофманъ», говоритъ Менцель, «условился съ чортомъ впустить его съ собой въ Германскую поэзію»; и дѣйствительно, онъ съ какой-то тайной радостью представляетъ своихъ героев подъ вліяніемъ сокровеннаго могущества, которое безжалостно играетъ ихъ страстями, занимаетъ, тревожитъ, мучитъ и ужасаетъ почти въ одно и то же время. Это міръ неестественный, фантастическій, но авторъ умѣетъ такъ увлечь читателя, что забывъ дѣйствительность, онъ несется въ вихрь видѣній до конца книги и приходитъ въ себя съ такой же радостью, какъ очнувшись отъ длиннаго ряда страшныхъ грезъ. Въ произведеніяхъ Гофмана нѣтъ ничего утѣшительнаго, возвышающаго душу; онъ не въ силахъ укротить той бури, которую дано ему возбуждать; онъ вызоветъ демона, и можетъ только повиноваться его волѣ: это участь всѣхъ, кто однажды побратался съ нечистымъ.

Первое произведеніе Гофмана, *Phantasiestücke in Callot's Manier*, есть вмѣстѣ и лучшее. Въ *Serapions Brüder* много подражаній Тикову Фантазусу, но такъ же много прекраснаго, принадлежащаго собственно автору. Въ послѣдніе годы жизни, когда онъ былъ à l'ordre du jour, и ни одинъ альманахъ не смѣлъ показаться въ свѣтъ безъ его повѣсти, Гофманъ писалъ слишкомъ много и становился день ото дня изыскапнѣй.

Онъ умеръ. Большая часть писателей, о которыхъ упоминаемъ мы въ этомъ очеркѣ еще живутъ и слѣдственно пишутъ: Германская словесность можетъ

ожидать отъ нихъ многихъ болѣе или менѣе важныхъ приношеній; но между ними нѣтъ, кажется, ни одного, который бы обѣщаль вознаградить ей потерю ея литературнаго монарха. Ни въ одномъ не видно признаковъ той жизненной полноты, которою Гёте отличается въ своихъ произведеніяхъ. У него нѣтъ тѣхъ неровностей, которыя такъ портятъ созданіе художника, тѣхъ слишкомъ сильныхъ и слишкомъ слабыхъ сторонъ, которыя замѣчаемъ у всѣхъ нынѣшнихъ поэтовъ. Каждый характеръ въ его драмахъ и повѣстяхъ отдѣланъ такъ, какъ бы онъ былъ главный: то же у Гомера, то же и у Шекспира; у всѣхъ великихъ поэтовъ, нѣтъ, въ собственномъ смыслѣ, второстепенныхъ характеровъ,—каждый первенствуетъ въ своемъ мѣстѣ. И не такъ ли въ дѣйствительности? Ни одинъ, быть-можетъ, изъ поэтовъ не былъ въ такой степени художникъ, какъ Гёте: его геній всегда имѣлъ въ предметъ искусство, какъ достойнѣйшую форму для своихъ проявленій.

Думали унизить его, сравнивая съ Шиллеромъ. Но не легче ли создавать высокіе, идеальныя образцы нравственности, чѣмъ тѣгрюшныя характеры, которые выводитъ иногда Гёте? Да! онъ царь Германской Словесности, и нельзя подумать безъ негодованія, что умный Менцель критиковалъ его съ непростительной жесткостью. Когда приставляешь ножъ критики къ такому великому дарованію, должно слѣдовать примѣру того палача, на котораго пала тяжкая доля обезглавить Англійскаго короля Карла I: передъ совершеніемъ постыдной казни, онъ бросился къ ногамъ несчастнаго монарха и вымолилъ себѣ прощенье.

Е. К.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ФРИДРИХЪ ВЕЛИКІЙ

ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ XIX ВѢКУ.

Благодареніе Королевско-Прусскому палатному совѣтнику, Г. Іоганну Дитриху Эрнсту фонъ-Прейссу, — онъ своимъ предлиннымъ сочиненіемъ * доставляетъ намъ по-крайней-мѣрѣ случай подумать полчаса объ одномъ изъ величайшихъ людей въ новѣйшей Исторіи, котораго геній непримѣтно паритъ все выше и выше надъ нашимъ вѣкомъ, по котораго славу заслонилъ на время Наполеонъ своими испанскими предпріятіями на военномъ поприщѣ. Европа теперь помнитъ Фридриха Великаго только какъ великаго полководца, въ маломъ видѣ предшествовавшего страшному Бріарею войны, который недавно обхватилъ-было вселенную ста своими руками, сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ, и вдругъ повергся въ прахъ отъ мстительнаго перуна, вылетѣвшаго изъ когтей орла боговъ, который прежде осѣнялъ своими крылами капитолій, а теперь плаваетъ надъ Кремлемъ. Но Фридрихъ Великій является намъ въ Исторіи замѣчательнѣйшимъ лицомъ своего вѣка не какъ полководецъ или завоеватель. Подвиги его исчезаютъ подлѣ безпримѣрныхъ событій нашего времени. Нельзя также принимать большаго участія въ его жизни, разсматривая ее съ той стороны, съ которой самъ онъ наиболѣе хотѣлъ казаться великимъ, то есть, въ отношеніи его къ философіи и литера-

* Friedrich der Grosse. Eine Lebensgeschishte. Von J. D. E. von Preuss. 4 Bände, und Urkundenbuch, 4 Theile Berlin, 1832—1835.

туръ прошедшаго столѣтiя. Нѣтъ ничего мелочнѣе и приторнѣе ссоръ и примиренiй, взаимныхъ похвалъ и ругательствъ различныхъ школъ философско-литературныхъ. Переворотъ, совершившiйся въ общественномъ мнѣшiи, былъ такъ рѣшителенъ, что скептицизмъ Фридриха и Вольтера, эта отрицательная система критики, присвоившая себѣ такое падменное владычество надъ мудростiю древнихъ и новыхъ вѣковъ, нынче болѣе устарѣвъ, нежели оставленный всѣми догматическiй образъ мыслей, противъ котораго вели они войну. Слава въ настоящемъ была единственною цѣлью ихъ трудовъ, и награда имъ была по заслугамъ: они забыты потомствомъ, забыты болѣе нежели древность, которую хотѣли унижить; имъ перестали воздавать даже то уваженiе, на которое они дѣйствительно имѣютъ право за исправленiе своими выходками многихъ несообразностей въ тогдашнемъ обществѣ. Фридрихъ великъ и безсмертенъ не этимъ, а своимъ гражданскимъ управленiемъ, — мыслью, создавшею планъ Прусской монархiи, и средствами, употребленными къ ея устроению. Разсмотрѣвъ этотъ предметъ вполнѣ, мы увидимъ, что Фридрихъ былъ истиннымъ творцемъ особенной формы очень кроткаго и чрезвычайно сильнаго самодержавiя. «Военная монархiя», повѣтшавшая изъ всѣхъ великихъ системъ государственнаго устройства, и существенно отличная отъ военнаго деспотизма, палагаемаго похитителями престоловъ, и отъ прежней монархiи, породившей Французскую революцiю, создана Фридрихомъ. Основанiе этому зданiю, было безъ сомнѣнiя, положено многими изъ государей, царствовавшими прежде его въ Германiи, въ особенности отцемъ его въ Пруссiи; но онъ усовершенствовалъ и довершилъ сороколѣтними трудами этотъ памятникъ своего ума и преданности своего народа: другимъ государямъ осталось только приложить къ отдаленнѣйшимъ странамъ превосходный образъ правленiя, который онъ завѣщалъ образованному свѣту. И примѣненiе это совершилось въ нѣкоторыхъ земляхъ такъ легко, что народъ не примѣтилъ даже столь существенной перемены въ своемъ политическомъ быту, что наслаждаясь нынче ея благодѣянiями, онъ часто не подозреваетъ ея начала, и едва знаетъ, что ей-то обязанъ и вѣтшимъ своимъ могуществомъ, и внутреннимъ счастиемъ.

Оцѣнивъ надлежащимъ образомъ это обстоятельство, нельзя не согласиться, что изученіе мысли и системы Фридриха Великаго, въ собственной его жизни и въ постепенномъ развитіи сего чудеснаго созданія, ссть предметъ первой важности для каждаго благомыслящаго человека.

Государи и владѣтельные князья Нѣмецкой имперіи мало-по-малу уничтожили у себя могущество феодальнаго дворянства. Во Франціи ветхое зданіе аристократіи Людовика IX было разрушено гораздо ранѣе войнами Англи и политикою Ришелье, но феодальная мантія была снята съ вельможъ не силою: они сами, согрѣтые лучами придворныхъ милостей, сложили ее съ себя, какъ странникъ слагаетъ плащъ, болѣе ему ненужный. Французское правительство сдѣлалось раемъ царедворцевъ и любимцевъ; оно сохраняло всѣ недостатки прежней аристократической системы безъ той силы, которая принадлежитъ только аристократіи; польза постоянныхъ армій, которыми въ позднѣйшія времена замѣнена была эта сила, была несовершенно понятна даже Людовику XIV въ полнотѣ его воинской славы. Но бѣдность Нѣмецкихъ дворовъ не представляла тѣхъ средствъ, которыя во Франціи оказались столь дѣйствительными къ укрощенію гордости герцоговъ и бароновъ. Въ цѣлой Германіи, одна Саксонія старалась подражать великолѣпію и пышности Парижскаго двора. Упадокъ могущества бароновъ Нѣмецкихъ около начала прошедшаго столѣтія произошелъ наиболѣе отъ воинственнаго характера народа и частыхъ походовъ, при которыхъ постоянныя войска были необходимы для защиты обширной и отовсюду открытой земли. Въмѣстѣ съ усиленіемъ дисциплины, правильнѣйшимъ устройствомъ и возрастаніемъ численной силы новыхъ армій, дворяне постепенно утратили царственный характеръ предковъ своихъ, и сдѣлались офицерами и служителями государя, который изъ верховнаго феодальнаго владѣтеля и равнаго имъ, сталъ ихъ генераломъ и властелиномъ.

Фридрихъ Вильгельмъ I, отецъ Фридриха Великаго, одинъ изъ самыхъ своеправныхъ монарховъ въ мірѣ, котораго потомство называло бы легкомысленнымъ, если бы увѣкъ не увѣнчалъ всѣхъ его предпріятій, и самъ онъ не прина-

лежалъ къ числу умнѣйшихъ и счастливѣйшихъ государей своего времени,—Фридрихъ Вильгельмъ I занимался великимъ дѣломъ образованія войска столько же по склонности, сколько вслѣдствіе принятой имъ системы. Фридрихъ получилъ отъ него въ наслѣдство эту превосходную армію, сокровище, для расточенія котораго, достаточно, впрочемъ, было одной кампаніи; получилъ обширную, по бѣдную, песчаную и вполонину обработанную страну; двѣ или три крѣпости, и столько же второстепенныхъ городовъ; гордое и вздорливое дворянство, которое, однако почти все занято было военною службою; духовенство сильное, исполненное падаштва и нѣсколько фанатическое; администрацію безъ опредѣленныхъ началъ, по хорошо устроенную въ частностяхъ; народъ преданный, мужественный и трудолюбивый.

Изъ такихъ-то матеріаловъ неистощимыя силы одного человека создали пышную Пруссію, эту дивную машину огромной государственной силы,—машину самую примѣчательную, какая только существуетъ,—примѣчательную и своимъ устройствомъ и своимъ образомъ дѣйствованія, и сдѣлавшеюся образцемъ, по которому большая часть Европейскихъ правительствъ мало-по-малу совершаетъ нынче свое преобразование. Главное начало Фридриха, которому онъ слѣдовалъ даже и тогда, когда оно приводило его къ ложнымъ выводамъ, было то, что въ дѣлахъ государственныхъ должно все дѣлать посредствомъ способовъ самыхъ дешевыхъ, самыхъ простыхъ и требующихъ наименѣе времени. Цѣль правительства—благосостояніе народа, но благосостояніе опредѣленное и подчиненное правиламъ. Этой цѣли онъ никогда не выпускалъ изъ виду, и она была предметомъ твердыхъ и постоянныхъ его попеченій. Всѣ отдѣльныя власти, потеряли свой вѣсъ одна за другою, и король сдѣлался центромъ и двигителемъ всего. Пруссіе дворяне подверглись еще большей зависимости нежели прежде, и пришли въ бѣдность; между тѣмъ законы, воспрещая переходъ дворянскихъ имѣній къ лицамъ другихъ сословій, увеличивали, при всякомъ новомъ поколѣніи, ихъ пуждающіяся толпы. Католическое и протестанское духовенство, болѣе и болѣе унижаемое подъ видомъ покровительства, лишилось своихъ

доходовъ, и обратилось въ особый классъ чиновниковъ правительства, обязанныхъ исполнять долгъ свой для спокойствія народа и безопасности короля. Всѣ независимыя власти, возникающія въ государствахъ дурно управляемыхъ изъ среды административнаго сословія, уничтожились при государѣ, который былъ самъ своимъ министромъ, и болѣе нежели какой-либо другой монархъ успѣлъ осуществить смѣлую мысль личнаго надзора за всѣми. Простыя формы, быстрота исполненія и неукоснительная покорность приказаніямъ постепенно перешли изъ лагерь въ всѣ отрасли государственнаго управленія, котораго глава вполне посвятилъ себя постоянному и неусыпному отправленію доставшихся на его часть обязанностей. «Si l'on veut que le gouvernement monarchique l'emporte sur tous les autres, говоритъ Фридрихъ, въ одномъ изъ своихъ сочиненій,* l'arrêt du souverain est prononcé: il doit être actif et intègre.» Этой добровольно принятой обязанности онъ подчинилъ себя, какъ неизмѣнному закону. Но столь искусственная система правительства едва ли могла бъ выдержать опытъ долгаго времени, если бы дѣятельность его не имѣла предметомъ непосредственнаго благосостоянія подданныхъ: потому-то великимъ правиломъ Фридриха было—дѣлать все для народа и ничего *посредствомъ* народа, такъ, что уничтоживъ послѣдніе остатки своейвольной политической свободы среднихъ вѣковъ, онъ силою чистаго самодержавія вполне обезпечилъ свободу гражданскую,—единую настоящую свободу въ мірѣ,—и поставилъ ее на высшую степень, чѣмъ у всѣхъ другихъ народовъ, не исключая и самыхъ либеральныхъ, гдѣ всегда политическая свобода, то есть, свобода плутовъ-интригантовъ и наглицовъ, становится тираномъ мирныхъ дѣйствій честнаго, трудолюбиваго и покорнаго власти гражданина. Ограниченія, стѣснявшія дотолѣ нравственную и физическую дѣятельность его подданныхъ, были устранены. Всѣ мелочныя преслѣдованія и притѣсненія, которымъ фанатизмъ духовенства и завистливая гордость сословій подвергали отдѣльныя лица,—случаи перваго рода не рѣдко приключались въ Пруссіи,—были прекращены. Польза службы и польза гражданина начали быть

* Essai sur les formes du gouvernement.

почерпаемы въ общемъ источникѣ,—просвѣщеніи. Дарованіе, науки и опытность возвысились на степень перваго условія отличія, потому что для приведенія такой машины въ дѣйствіе, изобрѣтателю ея нужны были люди, твердо знающіе свое дѣло. Книгопечатаніе было распространено, но до приличныхъ предѣловъ, и отнюдь не такъ далеко какъ полагають нѣкоторые изъ новѣйшихъ панегиристовъ Фридриха. Всякая жалоба была выслушиваема, и несмотря на тяжесть налоговъ, впрочемъ, не столь огромныхъ какъ нынче, нельзя было роптать, потому что строжайшая бережливость господствовала во всѣхъ частяхъ управленія. Гласность дана была отчетамъ по разнымъ частямъ управленія, и гласность честная, чуждая того шарлатанства, которое либеральныя правительства подмѣшиваютъ въ свои признанія. Строжайшее повиновеніе волѣ начальства и отвѣтственность за всякій проступокъ со стороны чиновниковъ, которые опредѣлялись по способностямъ и повышались по заслугамъ, какъ военные офицеры, составили основаніе всеобщаго повиновенія, залогъ частной безопасности и опору гражданской свободы каждаго. Все это было неизвѣстно прежнимъ монархіямъ, которыя дѣйствовали скрытно, произвольно, наудачу,—слѣдственно слабо, и которыя поэтому часто принуждены бывали прибѣгать къ насилію, чтобъ показать свою силу. Напротивъ того, въ новой формѣ самодержавія, порядокъ, точность и быстрота движенія, истинно военные, предводительствовали всѣми частями управленія, всѣми дѣлами, всѣми принимаемыми мѣрами, и многосложная государственная машина шла такъ легко и ровно, какъ парадъ войска на Марсовомъ полѣ,—по мановенію главнокомандующаго, котораго должность исправлялъ самъ государь. Ненужно доказывать, что тамъ, гдѣ все подчинено строгости правилъ и неуклонной дисциплинѣ, произволу быть не можетъ: и въ этомъ именно заключается превосходство военной монархіи. Она не находитъ ни какой надобности дѣйствовать изыятіями и притѣсненіями, потому что дисциплина равна для всѣхъ и достаточно обезпечиваетъ порядокъ. Такимъ образомъ кротость рождается изъ самой строгости и становится ея отличительнымъ признакомъ, получая непрерывно новую для себя пищу изъ положительнаго просвѣщенія, которое со-

ставляетъ главный элементъ военной монархіи, паразитъ съ безусловнымъ повинновеніемъ, какъ благо народа составляетъ единственную мысль и первѣйшій интересъ монархіи. Истинно рѣзкою чертою Фридриховой системы, и ясно отличающею его духъ отеческаго правленія, есть поощреніе земледѣлія и промышленности посредствомъ ссудъ, щедро раздаваемыхъ во времена общественныхъ бѣдствій, и заведеніе колоній въ ненаселенныхъ земляхъ. Правда, при исполненіи подобныхъ предпріятій, иногда руководствовался онъ началами самыми ложными: правительство его употребляло огромныя издержки на то, что подданные могли бы сдѣлать и скорѣе, и лучше; перѣдко его великодушныя пособія промышленности были не что иное какъ отягощенія всѣхъ въ пользу немногихъ; но это были частныя ошибки. Надобно сравнить монархію Фридриха съ безпорядкомъ, въ какомъ находились тогда финансы почти всѣхъ Европейскихъ державъ, съ грабительствомъ откупщиковъ, съ пустою казнохранилицею, съ утѣсненіемъ мѣщанъ и поселянъ, чтобъ объять все величіе правительственныхъ трудовъ его.

Когда система эта была совершенно введена; когда всѣ власти, министерская, муниципальная и духовная, подчинились центральной власти государя; когда безъ его вѣдома, въ обширныхъ его владѣніяхъ, нельзя уже было предпринять ничего, не только для общей пользы, но и для блага частной промышленности, тогда великая идея Фридриха осуществилась вполне; и хотъ онъ до конца жизни продолжалъ надзирать за ходомъ своей машины, но она уже была въ состояніи дѣйствовать безъ помощи, независимо отъ способностей царствующаго лица. Сосѣдніе монархи скоро усмотрѣли существенныя выгоды Фридриховыхъ учреждений. Съ его времени пышныя формы и многосложный этикетъ, которыми престолы еще окружались съ Азіатскою надменностью ерединихъ вѣковъ, начали постепенно исчезать при дворахъ и замѣняться простыми, но благородными принадлежностями военнаго стапа. Узкіе мундиры заступили мѣсто пестрыхъ и тяжелыхъ костюмовъ вѣка Людовика XIV, и самые монархи, сложивъ съ себя прежнія феодальныя одежды, приняли военную наружность. Вмѣсто вассаловъ и бароновъ, духовныхъ и ученыхъ,

которые прежде составляли свиту государей, единственными ихъ спутниками сдѣлались генералы и адъютанты. Австрійскій императоръ Іосифъ II и братъ его Леопольдъ, которые старались подражать какъ характеромъ, такъ и системою правленія счастливому врагу своей матери, были въ числѣ первыхъ распространителей великаго политическаго нововведенія. Но между тонкимъ и опытнымъ Фридрихомъ и этими двумя государями, предтечами пылшняго Бентамизма, суетными послѣдователями теорій, которыхъ конечнаго направленія они вовсе не понимали, существуетъ большая разница: самъ Фридрихъ который по политическимъ причинамъ отпускалъ комплименты своему молодому подражателю, видѣлъ слабость его характера, и въ нѣсколькихъ словахъ рѣзко изобразилъ Іосифа и подобныхъ ему философовъ. Il veut finir avant que de commencer, «Онъ хочетъ кончить, не начинавши.» Его странные планы улучшеній не удались, что можно было заранѣе предвидѣть изъ сопротивленія, возбужденнаго во всѣхъ классахъ народа. Впрочемъ Іосифъ заслуживаетъ похвалу за добрыя свои намѣренія: онъ былъ глубоко проникнутъ чувствомъ своего долга ко благу отечества, и хотя у него не достало силъ для совершенія существенныхъ переменъ, онъ игралъ однако не послѣднюю роль въ великомъ дѣлѣ преобразованія ветхихъ Европейскихъ монархій въ новую военную форму Французская революція оставившая многимъ государямъ только одно средство къ огражденію своей безопасности, — оружіе, усилила ихъ стремленіе къ этому роду централизаци, хотя бѣдствія Пруссіи послѣ Іенскаго сраженія, доказали, что и оно бессильно противъ нападеній сильнаго вѣшняго непріятеля, который однимъ рѣшительнымъ ударомъ въ сердце машины можетъ остановить ходъ и самыхъ отдаленныхъ частей ея. Наконецъ годы, послѣдовавшіе за паденіемъ Наполеона, счастливо употреблены были на укрѣпленіе этихъ новыхъ зданій кроткаго и твердаго самодержавія. Способы государственнаго управленія, подобно мануфактурнымъ процессамъ, постепенно сдѣлались простѣе, дешевле и требуютъ менѣе времени. Формы и отлагательства всякаго рода тихо исчезаютъ даже изъ законовъ. Прежде Англичане смѣлились надъ

забавнымъ, устарѣвшимъ церемоніаломъ Нѣмецкихъ дворовъ; теперь, кажется, въ одномъ только Виндзорскомъ дворцѣ сохранились еще обряды старины. Правильные наборы рекрутъ, которые получили начало свое въ Пруссіи, замѣнили во всѣхъ большихъ арміяхъ, кромѣ Англійской, ненадежный выборъ охотниковъ, и цѣлыя арміи дѣтей, по примѣру, поданному Европѣ Фридрихомъ, воспитываются всюду въ учебныхъ заведеніяхъ правительствъ, и, готовясь быть честными и полезными гражданами, считаются въ военной службѣ со дня вступленія въ училище и привыкають заранѣе къ правильному механизму военныхъ монархій. Страсть къ конституціямъ значительно ослабла на твердой землѣ. Это было заблужденіе вѣка, послѣдній бредъ умирающей философіи XVIII столѣтія, который непременно кончится и даже кончится скоро. Головы выздоравливаютъ. Представительныя формы, замысловатое умозрѣніе на бумагѣ, истинное политическое плутовство на дѣлѣ, бывшія лѣтъ за двадцать предметомъ такихъ пламенныхъ желаній, выхваляемыя и даже обѣщанныя многими правительствами, каждый день теряютъ прелесть свою во мнѣніи общества съ тѣхъ поръ, какъ мечтатели начали сами отчаяваться въ возможности найти средину, въ которую нѣкогда вѣровали, между деспотизмомъ и демократіею, и мнимое равновѣсіе трехъ властей, котораго нѣтъ и быть не можетъ въ природѣ. Въ тѣхъ державахъ, гдѣ еще существуютъ конституціи на образецъ Англійской, они производятъ одни бѣдствія, кровопролитія и преступленія, и, кажется, только терпимы до времени при огромномъ четвертомъ сословіи, — то есть, постоянной арміи, которая вмѣстѣ хранить ихъ и угрожаетъ имъ. Г. Шатобріанъ и всѣ тѣ, которые предсказываютъ скорое торжество въ Европѣ конституціонныхъ формъ, и даже республики, не знаютъ ни времени, ни стремленія огромнаго большинства умовъ. Мода на Англію прошла невозвратно. Благоденствіе и удивительное процвѣтаніе Пруссіи и тѣхъ государствъ, которыя во-время приняли систему, — вотъ что нынче поражаетъ народы. Кроткое, но сильное самодержавіе будетъ общою формою правительства всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, какъ превосходѣйшая изъ всѣхъ выдуманыхъ человѣкомъ. Французскія камеры и Венгер-

ское дворянство, быть можетъ, единственныя сословія, которыя теперь сопротивляются, хотя и слабо, повсемѣстному распространенію формъ военной монархіи, по въ нее перейдутъ неминуемо, и въ пей тихо окончатъ бытіе свое всѣ эти ветхія конституціи нашей части свѣта, не исключая даже Англійской.

Не многіе государи были такъ часто описываемы въ исторіяхъ, біографіяхъ и анекдотахъ какъ Фридрихъ Великій. Его наружность, странности, образъ жизни въ лагерѣ и въ столицѣ извѣстны каждому; несмотря на это, мы знаемъ о немъ весьма немного дѣльнаго и вообще нуждаемся въ руководителяхъ для полнѣйшаго уразумѣнія его. Вольтеровы, то сатирическія, то льстивыя описанія, и живые, но не всегда точные рассказы Тіебѡ, — вотъ источники, откуда мы почерпаемъ большую часть нашихъ свѣдѣній. Всѣ повѣйшіе писатели, принимавшіе на себя трудную обязанность изобразить характеръ Фридриха, довольствовались повтореніемъ того, что уже прежде было сказано его обожателями или хулителями. Новое сочиненіе Г. Прейсса, конечно, никогда не будетъ упрекаемо въ крайности; но безцвѣтный, исполненный необдуманныхъ похвалъ языкъ, которымъ оно написано, и утомительныя, дурно соединенныя между собою подробности дѣлаютъ его неважнымъ приобрѣтеніемъ для области историческихъ наукъ. Авторъ, по-видимому, имѣлъ цѣлью оправдать дѣянія своего героя гуртомъ за всѣ сорокъ лѣтъ его царствованія, какъ публичныя, такъ и частныя, не допуская даже тѣхъ исключеній, которыхъ требовало бы приличіе и нравственность. Онъ съ усердіемъ адвоката доказываетъ вновь права Бранденбургскаго дома на Силезію, хотя уже девяносто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мечъ рѣшилъ этотъ процессъ лучше всякаго пера. Всѣ погрѣшности Фридриховой системы противъ самыхъ простыхъ началъ политической экономіи расхвалены съ неподражаемою важною. Въ частной жизни своей, онъ здѣсь представляется почти безпорочнымъ. Мы не отрицаемъ, что авторъ заслуживаетъ похвалу за множество и разнообразіе собранныхъ имъ матеріаловъ и за подробнѣйшія противъ прежняго описанія многихъ важныхъ обстоятельствъ; но, рассматри-

вая его твореніе, обличающее столь высокія притязанія и выполненное съ такимъ отсутствіемъ безпристрастія, безъ котораго Исторія не имѣетъ ни какого достоинства, нельзя не пожалѣть, что это множество драгоценныхъ, подлинныхъ матеріаловъ досталось писателю, такъ мало способному употребить ихъ въ пользу. Гораздо достойнѣйшаго вѣтика требуетъ память Фридриха Прусскаго отъ повѣйшей Европы, которой настоящая жизнь, съ ея теперешними формами правленія и образомъ мыслей, началась едвали не съ его царствованія.

Документы, которыми обогащена эта книга, заключаютъ въ себѣ много любопытнаго для иностраннаго читателя. Къ числу тѣхъ, которые доставили намъ наибольшее удовольствіе, принадлежитъ переписка Фридриха съ отцемъ его, и нѣсколько другихъ бумагъ, разливающихъ новый свѣтъ на семейную исторію Прусскаго двора при Фридрихѣ Вильгельмѣ I.

Спартайское воспитаніе, полученное Фридрихомъ, не мало содѣйствовало къ образованію его характера. Его отецъ, который горько жаловался на пристрастіе недостойнаго сына къ литературѣ и забавамъ, не предвидѣлъ тѣхъ слѣдствій, какія со временемъ должно было произвести его суровое и не совсѣмъ родительское обхожденіе. Ранняя, чрезмерная строгость можетъ повергнуть людей слабыхъ, въ которыхъ страсти преобладаютъ надъ разсудкомъ, въ величайшія крайности, когда обстоятельства, стѣснявшія ихъ исчезнуть; но на души сильныя эта строгость имѣетъ совсѣмъ иное вліяніе. Привычка къ порядку и терпѣнію постепенно пріобрѣтается подъ бременемъ тягостнаго принужденія, и Фридрихъ, чувствовавшій въ молодости такое отвращеніе отъ грубой простоты своего отца и его друзей, впоследствии не могъ не видѣть въ страданіяхъ своей юности источника многихъ качествъ, отличившихъ его зрѣлымъ возрастомъ. Его пламенная, восторженная душа должна была искать въ трудѣ пищи для своей дѣятельности, которая иначе могла бы обратиться къ порочнымъ наслажденіямъ: упорное постоянство и крѣпость надежды въ несчастіи, которые такъ дивно обнаружились въ послѣдующей жизни его, пріобрѣ-

тепы были имъ первоначально въ Потсдамскомъ дворцѣ и Кюстринскомъ заточеніи.

При начальномъ воспитаніи принца, Дюганъ и прочіе наставники его, должны были руководствоваться самыми подробными наставленіями Фридрика Вильгельма. Король чрезвычайно заботился о томъ, какъ бы приблизить сына къ своему идеалу совершенства въ религіозномъ и общественномъ отношеніяхъ, хотя его предрасудки дѣлали его вовсе неспособнымъ къ надзору за нравственнымъ развитіемъ пылкаго молодого человѣка. Въ числѣ документовъ Г. Прейсса находятся списки съ собственноручныхъ королевскихъ расписаній часовъ и занятій малолѣтнаго принца: время для вставанія, молитвы, кофе, пудренія головы и надѣванія сапогъ, означено весьма точно. Предметы преподаванія ограничивались Исторіею и Закономъ Божіимъ. Немного позже было прибавлено поверхностное изученіе Французскаго и Италіянскаго языковъ; но съ первымъ коротко познакомился Фридрихъ уже въ послѣдствіи, по привыкѣ. Объ отечественномъ языкѣ тогда еще не заботились; Греческій и Латинскій были совершенно опущены.

«Фридрихъ имѣлъ привычку рассказывать, говорить Г. Прейссъ, что въ дѣтствѣ у него былъ учитель Латинскаго языка, и что однажды, когда они вмѣстѣ переводили Золотую Буллу, отецъ вошелъ въ комнату и услышалъ нѣсколько дурныхъ Латинскихъ фразъ. — «Что ты шутъ дѣлаешь, мошенникъ (Schurke) съ сыномъ моимъ?» спросилъ король. — «Ваше Величество, я объясняю принцу *auream bullam*». Король приподнялъ палку и закричалъ: — «Вотъ я тебѣ, мошенникъ, задамъ *auream bullam*.....» Онъ выгналъ вонъ филолога, и такимъ образомъ положилъ конецъ классическимъ упражненіямъ. Быть можетъ, Дюганъ и училъ его въ послѣдствіи этому языку, но успѣхи ученика были, видно, не слишкомъ значительны. Тѣмъ не менѣе Фридрихъ очень любилъ употреблять Латинскія фразы, хотя и не всегда правильно, въ разговоръ и сочиненія своихъ. — *festina lente*— *dominus vobiscum*— *flectamus genua—vale ac fave*—*non plus ultra*—*stante pede morire*—*tot verbas tot spondera*—*lapsus calami*—*de gustibus non est disputandum*—*beati possidentes*—*beatus pauperes spiritus*—въ письмѣ къ Дю-

гану, 12 января 1758: «Je me contente de dire avec *Lucrèce*: *Felix qui potuit rerum cognoscere causas*».

Должно прибавить, что правописаніе вовсе не входило въ составъ предметовъ, которымъ обучали принца. Ни по Французски, ни по Нѣмецки не могъ онъ написать одной фразы, не надѣлавъ самыхъ страшныхъ ошибокъ. Слогъ Фридриха также былъ всегда шероховатъ: несмотря на все свое стараніе, онъ никогда не могъ свободно выражаться по-Французски; въ словахъ его всегда замѣтно было что-то неловкое, принужденное и нѣсколько напыщенное. Нѣмецкія сочиненія его представляютъ самую чудную смѣсь разговорныхъ варваризмовъ съ Французскими и Латинскими словами.

Въ болѣе важномъ дѣлѣ религіи, отецъ Фридриха, несмотря на благія намѣренія свои, былъ самымъ несчастнымъ наставникомъ. Страшныя мѣры, принятія имъ въ этомъ отношеніи, не были способны утвердить его въ вѣрованіи. Выборъ наставника довершилъ пагубную ошибку. Проповѣдуя безусловную ненависть католицизму, они въ то же время поклонялись идолу Лютера съ большимъ благоговѣніемъ, нежели какое прежде воздавалось у нихъ папѣ. Систему христіанской религіи они обратили въ схоластическія пренія. Съ другой стороны, люди старавшіеся «итти съ вѣкомъ», нерѣдко уклонялись тогда отъ главныхъ истинъ вѣры, и превращали ее въ простую теорію нравственности, отчего слушатели обращались къ естественной религіи.

Всѣ остальные часы Фридриха, которыми только могъ располагать отецъ его, были обречены одному заплѣтію, — безконечнымъ смотрамъ и маневрамъ, и Фридрихъ Вильгельмъ полагалъ присутствіе при нихъ въ числѣ главныхъ обязанностей монарха. Они скоро возбудили въ душѣ принца отвращеніе, которое казалось неодолимымъ, хотя въ послѣдствіи, когда на сущности военныхъ совершенствъ основалось его величіе, они же сдѣлались любимой его забавой. Несогласія между отцемъ и сыномъ приняли прискорбный характеръ, когда Фридриху было около семнадцати лѣтъ отъ роду. Поэзія, музыка и увеселенія, начинавшія нравиться ему, были ненавистны старому королю, котораго

негодование обыкновенно выражалось болѣе удобопонятнымъ, нежели вѣжливымъ образомъ. На одно извинительное письмо сына своего, онъ отвѣчалъ слѣдующею странною выходкою, которую мы не рѣшаемся переводить, потому что достоинство ея состоитъ столько же въ языкѣ и слогѣ, сколько въ содержаніи.

«Sein eigensinniger, böser Kopf, der nit seinen Vater liebet, dann wann man nun alles thut, absonderlich seinen Vater liebet, so thut man, was er haben will, nit wenn er dabei steht, sondern wenn er nit alles sieht. Zum andern weiss Er wohl, dass ich keinen efeminirten Kerl leiden kann, der keine menschliche Inclinationen hat, der sich schämt, nit reiten noch schiessen kann, und dabei mal-propre an seinem Leibe, seine Haare wie ein Narr sich frisiret und nit verschneidet, und ich alles dieses repremandiret, aber alles umsonst, und keine Besserung in nits ist. Zum andern hoffährtig, recht baurenstolz ist, mit keinem Menschen spricht, als mit welche, und nit popular und affabel ist, und mit dem Gesichte Grimassen macht als wenn er ein Narr wäre, und in nits meinen Willen thut, als mit der Force angehalten; nits aus Liebe und er alles dazu nit Lust hat, als seinem eigenem Kopf folgen, sonst alles nits nütze ist. Dieses ist die Antwort. FRIEDRICH WILHELM».

Отецъ, не предвидя въ изнѣженномъ молодомъ человѣкѣ, котораго онъ презиралъ, будущаго героя XVIII столѣтія, продолжалъ слѣдовать своей суровой и тягостной системѣ принужденія. Трагическая развязка ея, — бѣгство, взятіе и заключеніе Фридриха, страданія друзей его, хладнокровная казнь ближайшаго, лучшаго изъ нихъ, Катта, произвели въ душѣ принца горькое на цѣлую жизнь впечатаніе. Въ это время, кажется, зародились главныя особенности его характера. Онъ отчасти помирился съ отцемъ, и сдѣлался даже любимцемъ его. Онъ пользовался болѣею свободою, имѣлъ болѣе времени для своихъ любимыхъ занятій и вмѣстѣ съ тѣмъ исполнялъ надлежащимъ образомъ свою обязанность, какъ командиръ полка. Самыя обвиненія въ безбожін, посредствомъ которыхъ враги его хотѣли предубѣдить противъ него короля, не имѣли успѣха; «Вы знаете», говоритъ Фридрихъ въ письмѣкъ Суму (1737), «что обвиненіе въ безбо-

жизни есть последнее средство клеветниковъ, и что оно означаетъ невозможность сказать что-нибудь другое. Король пришелъ въ бѣшенство; я былъ хладнокровенъ; полкъ мой надѣлалъ чудесъ: его успешное ученіе, немного бѣлой муки на головахъ солдатъ, молодцевъ, имѣющихъ по шести футовъ росту, и множество рекрутъ, перевѣсили доказательство моихъ противниковъ. Теперь все спокойно: нѣтъ болѣе въ поминѣ ни религіи, ни Вальдена, ни моихъ гонителей, ни даже моего полка».

Но, несмотря на то, что послѣдніе годы отцовской жизни прошли для Фридриха мирно, нельзя не замѣтить, что направленіе его духа было опредѣлено навсю послѣдующую жизнь — незаслуженными оскорбленіями, которыхъ жертвою онъ былъ въ молодости. Въ самыхъ мелочахъ, которыми наполнены его первыя письма къ Вольтеру, въ комплиментахъ, подъ которыми таится явное желаніе лести въ награду за нихъ, въ склонности къ общественной жизни и въ веселомъ затворничествѣ его въ Рейнсбергѣ, предвѣщавшемъ, какъ казалось, мирное, нечестолюбивое царствованіе, перѣдко пробивается выраженіе того глубокаго, подавленнаго сарказма, той недовѣрчивости къ цѣлому человечеству, соединенной съ смѣлою и гордою вѣрою въ себя, которая дѣлали изъ юнаго Фридриха двухъ совершенно различныхъ человекъ — сегодня кроткаго, снисходительнаго, любезнаго и вѣтреннаго, — завтра неукротимаго, надменнаго, презирающаго всякое сопротивленіе и отвращающаго отъ себя суровымъ, презрительнымъ обхожденіемъ сердца тѣхъ, чьей привязанности наиболѣе требовали его выгоды, такъ, что сильныя стихи Вольтера, несмотря на ихъ антитезы, едва ли могутъ показаться преувеличеннымъ описаніемъ:

«Assemblage éclatant de qualités contraires,
Ecrasant les mortels, et les nommant ses frères;
Misanthrope et farouche avec un air humain,
Souvent impétueux, et quelquefois trop fin;
Modeste avec orgueil, colère avec faiblesse,
Pétri de passions, et cherchant la sagesse;
Dangereux politique et dangereux auteur,
Mon patron, mon disciple, et mon persécuteur».

Въ самомъ дѣлѣ, мизантропія, съ какой бы точки зрѣнія вы ни смотрѣли на неѣ, есть одна изъ главныхъ, характеристическихъ чертъ нрава и поведенія Фридриха. Лордъ Байронъ говоритъ объ одномъ человѣкѣ, который превышалъ Фридриха обширнѣйшимъ поприщемъ дѣятельности, но былъ гораздо ниже его почти во всемъ остальномъ, что «величайшее заблужденіе его жизни состояло въ постоянномъ обнаруженіи недостатка всякаго сочувствія его «съ человѣчествомъ». Но Фридрихъ, несравненно болѣе Наполеона, имѣлъ заблужденіе и наклонность, «подобно суровому Діогену, насмѣхаться надъ людьми». Безъ-сомнѣнія, императоръ въ порывахъ гнѣва или каприза, давалъ волю бивуачной привычкѣ бранить своихъ приближенныхъ, и слишкомъ часто и явно выражалъ презрѣніе, какое возбуждали въ душѣ его поступки нѣкоторыхъ лицъ; но вообще онъ въ высокой степени обладалъ искусствомъ привязывать къ себѣ людей, раздѣлявшихъ его опасности и возвышеніе, и до тѣхъ поръ, пока чрезмѣрное величіе не измѣнило его души, онъ отличался участіемъ въ чувствахъ своего подчиненнаго. Фридрихъ представляетъ въ этомъ совершенную противоположность. Неизмѣнный во всемъ, онъ особенно былъ неизмѣненъ въ постоянномъ презрѣніи къ человѣчеству, къ его мнѣніямъ, чувствованіямъ и предразсудкамъ. Трудность согласить такое презрѣніе съ тщеславіемъ, которое заставляло его гоняться за одобреніемъ людей, даже наиболѣе имъ презираемыхъ, и предпочитать приторную лесть нѣкоторыхъ Французскихъ писателей, хотя самъ былъ совершенно убѣжденъ въ ихъ ничтожествѣ, величайшей славѣ, пріобрѣтенной военными подвигами, принадлежитъ къ числу препятствій, столь часто обманывающихъ всѣ наши усилія оцѣнить характеръ какого-нибудь гениальнаго человѣка. Презрѣніе свое къ цѣлому міру онъ также щедро расточалъ и отдѣльнымъ лицамъ. Насмѣшка была стихіею его существованія. Онъ не терпѣлъ уединенія, и любилъ разговоръ, особенно по причинѣ этой чрезмѣрной наклонности къ колкостямъ и сатирѣ. Извѣстныя его изреченія язвительныѣ и ужасныѣ могуществомъ своего сарказма, нежели всѣ остроты современныхъ ему философовъ. Вольтеръ обладалъ бѣльшимъ богатствомъ воображенія,

по его державный пріятель превосходилъ его глубокою и сжатостію. Онъ не могъ умирить этой склонности даже тогда, когда она не только отвращала отъ него личныхъ друзей, но и навлекала враговъ государству. Людовикъ XV и другіе государи ненавидѣли его не столько по политическимъ причинамъ, сколько за потокъ эпиграммъ, которымъ онъ обдавалъ ихъ особы и правленіе, и за поощреніе имъ всѣхъ Европейскихъ писателей къ принятію подобнаго тона. Особы допущенныя къ короткому обхожденію съ нимъ, никогда не были безопасны отъ его нападеній, и вѣроятно приобрѣтали со временемъ нѣкотораго рода нечувствительность къ оскорбленіямъ. Въ характеръ Фридриха не было истинной, сердечной веселости. Всякой могъ видѣть, что онъ говорилъ то, что чувствовалъ, и что сатиры его были не что иное какъ естественное изверженіе изъ того безднаго хранилища презрѣнія къ подобнымъ себѣ созданіямъ, которое носилъ онъ въ душѣ своей. Быть можетъ, что въ этой-то части его характера заключается причина, почему монархъ, котораго система правленія вообще была основана на чистѣйшихъ началахъ разума и благоволенія къ ближнимъ, не чувствовалъ или не замѣчалъ ужасной строгости своей военной дисциплины.

Эти странныя мнѣнія и чувствованія были виною того, что между Фридрихомъ и лучшими генералами его царствованія не замѣтно почти ни какой короткости и искренности, которую его послѣдники и подражатели такъ легко умѣли соединить съ дисциплиною. Только на полѣ сраженія существовала взаимная довѣренность и дружеское обращеніе между воинами и великимъ ихъ предводителемъ. Причиною чудесъ, совершенныхъ войсками подъ начальствомъ Фридриха, была преданность ихъ монарху, самодержавію и славы безсмертнаго полководца, болѣе нежели привязанность къ особѣ его. Это въ особенности надобно замѣтить объ офицерахъ. Они получали самое пустое жалованье, и постоянный, подозрительный надзоръ, котораго они были предметомъ, дѣлалъ положеніе ихъ крайне тягостнымъ. Усердіе ихъ къ службѣ не могло умножаться доказательствами благоволенія короля; онъ считалъ ихъ простыми орудіями, которыя должны быть устроены и при-

водимы въ дѣйствіе какъ можно съ меньшими издержками и какъ можно съ большею пользою. Гражданскіе чиновники раздѣляли всѣ эти непріятности еще въ высшей степени. Къ числу замѣчательнѣйшихъ чертъ Фридриховой администраціи принадлежитъ неудовольствіе, съ которымъ онъ смотрѣлъ на браки главныхъ своихъ сановниковъ. Безъ-сомнѣнія, онъ оправдывалъ это передъ собою обыкновенными началами политики; но позволительно подозрѣвать, что тайное чувство ревности производило въ немъ также ненависть къ домашнему счастью его приближенныхъ. Это одна изъ множества точекъ, которыя искаатель сходствъ, при помощи небольшой изобрѣтательности, можетъ найти между Фридрихомъ и Елисаветою Англіійскою, оставляя въ сторонѣ различіе пола; между-тѣмъ оба они, въ теченіе продолжительнаго и славнаго, сорокалѣтняго царствованія, не переставали заниматься дѣятельнымъ надзоромъ за вѣнскими и внутренними врагами. Государь, который добровольно отрекся отъ всего, что составляетъ гордость и счастье семейственной жизни, могъ завидовать въ сердцѣ, видя какъ другіе наслаждаются подобнымъ благополучіемъ. Мы не коснулись бы этой черты характера Фридрихова, если бы она не объясняла важнѣйшихъ обстоятельствъ его жизни и началъ его поступковъ. Хотя Г. Прейссъ, показывая по обыкновенію своему только одну сторону вопроса, торжественно повторяетъ пустыя сплетни о раннихъ волокитствахъ Фридриха, по ему слѣдовало бы припомнить, что свидѣтельство маркграфини Байрейтской, на которое онъ вполне ссылается, не во всѣхъ частяхъ своихъ такъ выгодно характеру любимаго ея брата. Фридрихъ скорѣе позволялъ всякія крайности, лишь бы онѣ не выходили изъ предѣловъ дисциплины, нежели поощрялъ военныхъ къ составленію законныхъ супружескихъ связей, что было величайшимъ вредомъ для правственности государства, котораго армія заключала въ себѣ почти пятую часть всей молодежи. Въ первомъ гвардейскомъ баталіонѣ, въ которомъ было весьма мало людей женатыхъ, капитаны были уполномочены выдавать разрѣшенія, называвшіяся *lieben scheine*, по которымъ солдаты имѣли право брать себѣ подружку на время своего постоя. На

капитана возложена была обязанность смотрѣть за тѣмъ, что бы лица, вступающія въ такія отношенія, имѣли все нужное для ихъ послѣдствій; говорятъ притомъ, что эти страшные союзы, которые зависѣли также отъ разрѣшенія капитана, прекращались весьма рѣдко. Въ знаменитомъ Байрейтскомъ драгунскомъ полку, который пользовался особенною милостью короля, при отправленіи его въ Баварскую компанію 1778 года, въ числѣ ссидесяти четырехъ офицеровъ не было ни одного женатаго. Вернѣйшіе служители Фридриха, военные и гражданскіе, большею частію оставались холостяками или вступали въ супружество уже въ самыхъ преклонныхъ лѣтахъ. Случалось, правда, что иногда онъ дѣлался снисходительнѣе, и не только позволялъ любимцамъ своимъ жениться, но даже самъ писалъ Французскія эпитафіи на ихъ свадьбы; но, по свидѣтельству самаго Г. Прейсса, при отказѣ или дарованіи подобныхъ привилегій, Фридрихъ всегда дѣйствовалъ единственно по внушенію мгновенной прихоти. Поступки его съ слугами, находившимися въ непосредственной зависности отъ него, не всегда были, до послѣднихъ годовъ его жизни, когда нравъ и склонности его сдѣлались кротче, согласны съ пріемами души, въ другихъ отношеніяхъ столь великой. Любопытнымъ примѣромъ подозрительности и ревности, съ которыми его вѣчно-бдительное око слѣдило за поведеніемъ приближенныхъ къ нему особъ, можетъ служить положеніе его четырехъ кабинетъ-совѣтниковъ, или секретарей. Имъ ввѣрялись всѣ тайны его царствованія; они состояли въ постоянныхъ, тѣсныхъ сношеніяхъ съ нимъ; жалованье ихъ простиралось до сорока тысячъ рублей въ годъ, суммы весьма значительной для бережливости и доходовъ Фридриха. При всемъ томъ, назначеніе на которое нибудь изъ этихъ четырехъ мѣстъ составляло предметъ ужаса для придворныхъ и вельможъ. Всякой, принимавшій подобную должность,—а отказаться отъ нея не смѣлъ никто,—дѣлался рабомъ на цѣлую жизнь. Онъ не получалъ ни какой власти, потому что король былъ господиномъ даже въ его домѣ. Онъ былъ осужденъ жить пустышникомъ посреди общества, нести днемъ и ночью непрерывные труды и быть предметомъ наблюденій не только недрем-

лющихъ очей короля, но и своихъ подчиненныхъ, которые слѣдили за всеми его дѣйствіями съ самымъ утонченнымъ соглядатайствомъ.

Въ числѣ документовъ, приложенныхъ къ творенію Г. Прейсса, находится собраніе отвѣтовъ Фридриха, которые онъ давалъ тотчасъ и писалъ болѣею частію на полѣ прошеній, или на представленіяхъ, поступавшихъ къ нему черезъ статсъ-секретарей. Отвѣты эти, служащіе доказательствомъ суровости характера и всегдашней готовности къ сарказму, который неволью вырывался изъ души его, писаны на собственномъ его Нѣмецкомъ языкѣ, котораго правописаніе и обороты не имѣютъ себѣ подобныхъ ни въ какомъ другомъ. На денежные просьбы отвѣтомъ обыкновенно служила слѣдующая фраза: «У меня нѣтъ ни гроша за душою,» и это — самая милостивая. Просьбы офицеровъ о производствѣ или увольненіи въ отпускъ перѣдко возвращались съ колкимъ напоминаніемъ объ ихъ поведеніи въ какомъ-нибудь дѣлѣ или бытности ихъ въ сраженіи, неудачномъ для Прусскаго оружія. Въ отвѣтъ на прошеніе одного Германскаго винопродавца, который желалъ получить вознагражденіе за убытки, понесенные имъ отъ Русскихъ, сказано, что «онъ имѣетъ такое же право просить о вознагражденіи убытковъ по случаю потона, когда то мѣсто, гдѣ находятся его погреба, было покрыто водою.» Вообще собраніе это показываетъ совершенное невниманіе насмѣшливаго Фридриха къ чувствительности ближнихъ, неговоря о рѣшеніяхъ его по просьбамъ о дозволеніи жениться, и рѣшеніяхъ, въ которыхъ его остроуміе иногда забывало благопристойность.

Нечего удивляться, слѣдовательно, что главные генералы Фридриха и герои его кампаній не пользовались личною его дружбою, и приходили ко двору болѣе для выполненія обязанности, нежели для собственнаго удовольствія. Между-тѣмъ, по непонятному противорѣчію характера, совѣтъ въ иномъ видѣ является король среди собесѣдниковъ собственнаго своего выбора. Правда, что литературные друзья его часто избирались болѣе въ качествѣ орудій, доставляющихъ извѣстность въ мірѣ, или пріятныхъ бесѣдниковъ, нежели по сочувствію между ними и ихъ покровителемъ, который иногда для того только снисходилъ до величайшей

короткости въ обхожденіи съ ними, чтобы, минуто спустя, уничтожить ихъ своими пасмынками. Связь его съ Вольтеромъ чрезвычайно странна. Съ перваго свиданія, каждый изъ этихъ проницательныхъ наблюдателей понималъ и узнавалъ другаго; каждый боялся силы и презиралъ слабость своего союзника, и различіе выраженій, какія они употребляли, говоря между собою, отъ тѣхъ, которыми ониговорили одинъ о другомъ, обнаруживаетъ самую забавную двуличность. Она похожа на двойной разговоръ въ комедіи. Добродушный Англійскій резидентъ Мичель никакъ не могъ понять этого кокетства между королемъ и поэтомъ. «Когда этотъ государь,» говоритъ онъ, «пишетъ какъ острословъ къ другому острослову, онъ способенъ къ великой нескромности. Но меня еще болѣе удивляетъ то, что, когда произносятъ имя Вольтера, его Прусское величество никогда не упускаетъ случая приложить къ нему эпитеты, которыхъ онъ вполне заслуживаетъ, называя его «человѣкомъ самаго дурнаго сердца» и «величайшимъ мерзавцемъ въ мірѣ,» *mauvais coeur* и *le plus grand coquin qui soit au monde*. При всемъ томъ, онъ продолжаетъ переписываться съ нимъ дружески!» Въ собственномъ своемъ кругу, Фридрихъ показывалъ не только первостепенный талантъ пріятнаго собесѣдника, но много дружества и благородныхъ чувствъ. Его дружба съ Даржансомъ, которая продолжалась безъ перерывовъ въ теченіе большей части его жизни; съ двумя благородными братьями изъ фамиліи Кейтовъ и съ другими близкими къ нему особами, которыхъ имена перешли къ потомству вмѣстѣ съ его собственнымъ, далеко превосходитъ степень привязанности и довѣренности, допускаемой его саномъ. Въ исторіи его, особенно пріятную черту составляетъ возвращеніе къ нему престарѣлаго лорда Маршала, который долго странствовалъ по цѣлому міру, оставилъ и свой домъ въ Шотландіи, и «любимое солнце свое» въ Валенсіи, для того, чтобы провести послѣдніе годы жизни подъ кровомъ *Sans-Souci*, въ монастырѣ «*de notre abbé, l'homme du monde le plus aisé à vivre.*» Доколѣ позволяли ему преклонныя лѣта, онъ былъ постояннымъ гостемъ за столомъ короля; когда это сдѣлалось для него невозможнымъ, Фридрихъ, какъ младшій, проводилъ часы досуга у своего стараго Шот-

ландца. Несправедливо было бы, даже при поверхностномъ обзорѣнн Фридрихова характера, не упомянуть объ его дружескихъ чувствахъ къ членамъ своего семейства: за исключеніемъ одного несчастнаго случая, который лишилъ его, сначала услугъ, а потомъ и жизни слишкомъ чувствительнаго брата, наслѣднаго принца, поступки его съ родными были въ высокой степени запечатлѣны уваженіемъ и привязанностію. Въ сердцѣ Фридриха была какая-то особенная кротость въ отношеніи къ тѣмъ, кого онъ любилъ, и она служила какъ бы вознагражденіемъ за жесткую оболочку, въ которой являлся онъ міру. Привязанность его къ сестрамъ была особенно сильна: изъ всѣхъ родовъ любви, эта, быть можетъ, переживаетъ всѣ прочія, въ сердцѣ, окисленномъ ложною и неумолнмою философіею. Посреди ужаснѣйшихъ бѣдствій, которыми отягощала его Семилѣтняя Война, когда жизнь его сдѣлалась непрерывною борьбою за средства продолжать съ честію свое существованіе, и самоубійство было предметомъ почти ежедневныхъ размышленій, смерть любимой сестры раздирала его сердце большею горестію, нежели всѣ несчастія, происходившія отъ отчаяннаго положенія дѣла его.

Фридрихъ не былъ жестокъ по склонности, какъ его часто изображаютъ. Въ этомъ отношеніи его можно обвинить только въ равнодушіи къ человѣческимъ страданіямъ, духовнымъ и тѣлеснымъ: виною этого равнодушія было напряженіе, съ которымъ его пламенное воображеніе преслѣдовало извѣстные предметы. Ни одинъ монархъ не прощалъ съ такою готовностію личныхъ обидъ своихъ. Впрочемъ лѣтописи его царствованія содержатъ въ себѣ нѣсколько ужасныхъ примѣровъ строгости, когда сильное стремленіе его души, въ общественныхъ или частныхъ дѣлахъ, встрѣчало сопротивленіе. Но надобно замѣтить, что равнодушный, насмѣшливый тонъ Фридриха, и гордо выказываемый имъ недостатокъ сочувствія съ родомъ человѣческимъ, подвергали его при жизни обвиненіямъ, которыхъ ни сколько не оправдываетъ общій характеръ его дѣяній.

Не что иное какъ сознаніе той падменности, съ которою онъ такъ часто выражалъ свое презрѣніе къ людямъ и ихъ сужденіямъ, дѣлало для него вдвое горьче мысль о пора-

женія и покорности. Для него невыносимо было бы явиться униженнымъ и безоружнымъ передъ лицомъ міра, надъ которымъ онъ во дни торжества своего такъ издѣвался. Это чувство удвоивало силу рѣшимости, которую противопоставлялъ онъ всѣмъ бѣдствіямъ Семилѣтней Войны. Намѣреніе кончить жизнь свою самоубійствомъ не было у него, какъ у Наполеона, желаніемъ, родившимся въ минуту отчаянія и оставленнымъ по слабости: мы видимъ неоспоримыя доказательства, что онъ твердо рѣшился прибѣгнуть къ этому послѣднему средству, однако не прежде какъ истощивъ безъ успѣха всѣ способы превозмочь судьбу. Подлинное «Наставленіе генералу Финку,» написанное послѣ Кюнерсдорфскаго сраженія и теперь напечатанное Г. Прейссомъ, служитъ замѣчательнымъ памятникомъ спокойствія духа, съ какимъ онъ приготовился къ этой крайности, и благородной довѣренности, съ которою поручалъ безнадежное дѣло избранному полководцу.

«Генералу Финку предстоитъ дружное порученіе: несчастная армія, которую передаю я ему, не въ силахъ долѣе «бороться съ Русскими; Гаддику, и за нимъ вѣроятно Лаудонъ, посылаю къ Берлину. Если генералъ Финкъ двинется за ними, Русскіе пойдутъ въ тылу у него; если онъ «станетъ на Одеръ, онъ будетъ подверженъ нападеніямъ «Гаддика, по вмѣстѣ съ тѣмъ, я думаю, если Лаудонъ поидетъ на Берлинъ, онъ можетъ атаковать и разбить его. «Успѣхъ могъ бы остановить неудачи наши и замедлить «теченіе дѣлъ: выигрывшъ времени весьма много значитъ въ «такихъ отчаянныхъ обстоятельствахъ. Секретарь мой Кёреръ будетъ присылать генералу газеты изъ Торгау и «Дрездена. Генералъ долженъ извѣщать обо всемъ брата «моего, котораго я назначилъ генералиссимусомъ арміи. Ссвернешь поправить этого несчастія невозможно; но всѣ «приказанія моего брата должны быть исполняемы. Армія «должна присягнуть племяннику моему. Вотъ единственныя «совѣты, которые я могу дать еще при такихъ бѣдственныхъ «обстоятельствахъ. Если бъ я имѣлъ еще какія-
«нибудь средства, я бы еще остался въ мірѣ. Фридрихъ.

Не въ блестящихъ собраніяхъ Санъ-Суси, и не посредни литературныхъ трудовъ, а на поляхъ битвъ и особенно

въ кабинетъ правителя блеститъ истинное величіе Фридриха. Всѣ согласно приписываютъ ему мужество, искусство и рѣдкую проицательность; но не многіе отдали ему полную справедливость, не многіе оцѣнили сильное, преобладающее надъ всѣмъ чувство своего долга, которое одно могло направить эти превосходныя качества къ великимъ результатамъ. Многіе поверхностно судили о человѣкѣ и о государственномъ мужѣ, и заключали, что главнымъ предметомъ его дѣятельности было усиленіе собственнаго могущества; что онъ дорожилъ этимъ могуществомъ единственно для себя, а не для того, что бы дѣлать счастливыми ближнихъ своихъ. Но надобно сомнѣваться въ человѣческой добродѣтели вообще, чтобы утверждать, что таковъ былъ предметъ всѣхъ непрерывныхъ и систематическихъ трудовъ его долгой и тягостной жизни. Подобно другимъ людямъ, Фридрихъ позволялъ честолюбію своему затмѣвать разумъ; но, при величайшихъ заблужденіяхъ, онъ сердцемъ не переставалъ стремиться къ тому, что признавалъ благимъ. Это возвышаетъ достоинство его характера и облагораживаетъ самыя слабости. Строгая бережливость его, надъ которою такъ часто смѣялись, принадлежала въ самомъ дѣлѣ къ числу важнѣйшихъ обязанностей Фридриха, потому что иначе онъ не могъ бы привести въ исполненіе тѣхъ обширныхъ предпріятій, которыя ему удалось совершить при самыхъ ограниченныхъ средствахъ. Многія изъ началъ его правленія, которыя обыкновенно приписывали просто его страсти къ властвованію, предразсудкамъ или упрямству, по всей вѣроятности были имъ оправданы въ глубинѣ души своей, какъ части системы, основанной на самой прочной политикѣ. Такимъ образомъ, противорѣчія, на которыя такъ часто указываютъ, между словами и поступками его на счетъ общественнаго мнѣнія, уравниенія состояній, литературы и воспитанія, легко объясняются собственнымъ его истолкованіемъ особеннаго положенія своего и королевства.

Такъ напримѣръ, хотя Фридрихъ давалъ общественному мнѣнію болѣе простора, нежели въ другихъ тогдашнихъ государствахъ, но мы весьма ошибемся, если вздумаемъ мѣрять эту свободу, своеволіемъ, допускаемымъ нынѣшними правительствами. Правда, что неограниченное поле пре-

доставлена была и философскимъ разсужденіямъ; но онъ странно противорѣчалъ бы собственному своему убѣжденію, если бы запретилъ своимъ подданнымъ то, что такъ сильно поощрялъ въ цѣлой Европѣ—право осмѣивать прежнія мнѣнія. Сильное, строгое чувство долга своего отечеству, достаточно обнаруживасть превосходство его характера, какъ законодателя, каковы бы впрочемъ ни были приняты имъ въ своемъ уложеніи основанія добра и зла. За исключеніемъ этого нравственнаго убѣжденія, его ни въ какомъ другомъ отношеніи нельзя назвать вѣрующимъ. Его отвращеніе къ католицизму, въ которомъ Г. Прейссъ находитъ что-то особенно важное, было просто политическая неприязнь, проистекшая изъ опыта по дѣламъ Силезскимъ: онъ былъ увѣренъ, что приверженецъ Римской Церкви не можетъ быть другомъ Бранденбургскаго дома въ продолженіе всей его жизни. Папа не признавалъ его даже королемъ Прусскимъ, и во время Семилѣтней Войны благословлялъ знамена Австріи какъ па крестовый походъ противъ невѣрнаго. По-этому, Фридрихъ, допуская въ своемъ государствѣ полную вѣротерпимость, неохотно однако давалъ католикамъ должности съ которыми соединялась власть и особенное довѣріе. Но онъ столько же заботился о томъ, чтобы его считали за протестанскаго короля, сколько Г. Прейссъ о безпристрастїи и краткости. Впрочемъ, несмотря на чрѣзмѣрную вольность, предоставленную имъ писателямъ Французской философической школы, тѣ весьма худо понимаютъ начала его правленія и существо созданной имъ военной монархіи, опирающейся на строгомъ порядкѣ государства и счастіи мирнаго, трудолюбиваго гражданина, которые превозносятъ его похвалами, какъ защитника заразы нынѣшнихъ обществъ,—свободы книгопечатанія. На пасквили, направленные лично противъ него, онъ смотрѣлъ съ равнодушіемъ философа: Гегенрова исторія карикатуры хорошо извѣстна. Когда Фридрихъ издавалъ многіе весьма тягостные указы для поддержанія монополїи на кофе, явилась гравюра, на которой онъ былъ изображенъ сидящимъ съ кофейною мельницею и терпѣливо приводящимъ ее въ движеніе. Король, протѣзжая по Берлинскимъ улицамъ, замѣтилъ толпу передъ мѣстомъ, гдѣ была выставлена одна изъ этихъ картинъ;

подъѣхалъ туда, и приказавъ купцу повѣсить ее ниже, «чтобы зрители не ломали себѣ шеи, смотря на нее.» Его узнали, и тотчасъ приветствовали громкими рукоплесканіями. Г. Прейссъ приводитъ изъ записокъ гравера Ходовецкаго другой не столь извѣстный анекдотъ. Ходовецкій помѣстилъ въ Берлинскомъ альманахѣ на 1771 годѣ двѣнадцать гравюръ, которыя были взяты изъ Донъ-Кихота, и портретъ Іосифа II на заглавномъ листѣ. Когда Берлинскіе остроумцы начали толковать объ этомъ собираніи, Фридрихъ, чтобы избѣжать подозрѣнія со стороны молодаго и раздражительнаго императора, предложилъ Академіи приготовить для слѣдующаго года картинки еще болѣе сатирическія и помѣстить собственный портретъ его на заглавномъ листѣ. Основываясь на этомъ желаніи, Ходовецкій выбралъ двѣнадцать сценъ изъ Бѣшенаго Орлаанда. Но что жъ это доказываетъ? Одно презрѣніе къ людямъ, со включеніемъ въ ихъ разрядъ и себя самого. Но онъ никогда не позволялъ печатн переступать за черту, которая въ его мысли отдѣляла сатирическія выходы на его особу отъ самовольнаго вмѣшательства въ его управленіе, и обиды частнаго, беззащитнаго лица. Ни какое разсужденіе объ общественныхъ и частныхъ дѣлахъ не могло быть напечатано безъ предварительнаго разсмотрѣнія его цензурою. При восшествіи его на престолъ, пылкость нѣкоторыхъ журналистовъ была тотчасъ унята. Впослѣдствіи, постоянная бдительность его случайно ослабѣвала; но на счетъ этого важнаго вопроса, который, въ его время и впослѣдствіи, перазъ волновалъ умы въ Европѣ, онъ имѣлъ понятія твердыя и глубоко обдуманныя. Стоитъ того, чтобы выслушать зрѣлыя сужденія Фридриха Великаго, которыя принадлежатъ послѣднимъ годамъ его жизни, — потому что кого жъ и слушать въ дѣлахъ человѣческихъ, если не такой умъ, каковъ былъ его? «Что касается до свободы — книгопечатанія,» писалъ онъ къ Даламбергу, въ 1772 году, «до насквилей и ругательныхъ сочиненій, которыя суть неизбежнымъ ея послѣдствіемъ, то признаюсь, что, зная людей, съ которыми уже довольно долго хлопочу, я убѣжденъ въ пользѣ и необходимости мѣръ предохранительныхъ, потому что такая свобода почти

«всегда употребляется во зло: по книги должны подлежать цензурѣ, не строгой, но и не слабой, для отращенія опасностей, угрожающихъ спокойствію и благосостоянію общества, которыя никогда не должны быть предметомъ безнаказанныхъ нарушеній.»

Другое обстоятельство, изъ котораго истинный либерализмъ Французскихъ писателей такъ же несправедливо сдѣлалъ пятно для Фридриха Великаго, какъ изъ предъидущаго легкомысленные его панегиристы вывели для него похвалу, равную общедѣ глубокой его опытности въ государственномъ дѣлѣ, относится къ постановленному имъ правилу, что офицерскіе чины въ войскѣ принадлежать почти исключительно дворянству. Противъ этого столько кричали, что пынче надобно быть довольно смѣлымъ, что бы назвать это постановленіе лучшимъ доказательствомъ его высокой мудрости. Причины, побуждавшія Фридриха, очень ясны. Если бѣ онъ даже не былъ убѣжденъ въ превосходствѣ своего начала, онъ былъ бы принужденъ поступить такимъ образомъ изъ бережливости, при скудныхъ доходахъ своего королевства, и по уваженію собственныхъ обстоятельствъ Германскаго дворянства, которое прежде всего надобно было держать въ полной зависимости отъ престола и заставить выкинуть изъ своей головы феодальность. Безусловное допущеніе низшихъ классовъ ко всѣмъ почестямъ военнаго поприща имѣетъ два важныя неудобства, при большихъ постоянныхъ арміяхъ: надобно дать офицерамъ значительные оклады жалованья, чтобы люди безъ состоянія могли считать военную службу за родъ жизни и прибыльное ремесло, а для этого нужно увеличить налоги, которые падаютъ прямо на низшіе классы, и возвысить бюджетъ до тысячи милліоновъ, — неудобство, вымышленное изъ виду мечтателями, проповѣдывавшими конституціи въ западной Европѣ, изъ котораго теперь представительныя государства никакъ не могутъ выпутаться. Съ другой стороны, такъ какъ въ промышленномъ и торговомъ классѣ есть люди богатые, и какъ золотые эполеты всегда прельщаютъ молодежь, то сыновья ихъ, опредѣляясь въ полки, и естественно желая жить не хуже своихъ сослуживцевъ изъ дворянъ, обыкновенно разоряютъ

родителей, неговоря уже о томъ, что путь, открытый всѣмъ къ подобнымъ почестямъ, похищаетъ у промышленнаго класса множество молодыхъ людей, которые бы могли быть полезными себѣ и государству своимъ трудолюбіемъ и своей смѣлливостью. Однимъ словомъ, промышленность страждетъ всячески, и для собственнаго ея блага, при огромныхъ постоянныхъ арміяхъ, необходимы извѣстныя ограниченія въ государствахъ, которымъ еще предстоитъ обогатиться, необходимы предѣлы самому обыкновенному честолюбію и препятствія страсти къ оружію, первѣйшей у всякаго молодого мужчины. Всѣ эти уваженія не могли не поражать провинцательнаго Фридриха, который велъ свой народъ къ благосостоянію путемъ положительнымъ и кратчайшимъ. Онъ весьма основательно предоставилъ военныя почести и всѣ на нихъ издержки преимущественно тому классу, который, по воспоминаніямъ старины, не могъ заниматься ни промышленностью, ни торговлею, и остался бы безъ занятія, если бъ это поприще не было указано ему, какъ его удѣлъ, какъ его природная собственность. Фридрихъ былъ совершенно правъ въ своемъ постановленіи, которое не могло имѣть другаго источника, кромѣ его глубокомысленности и всегдашней думы о благѣ своего народа. По его смерти, однакожь, въ смутныхъ обстоятельствахъ Пруссіи, сдѣланы въ его постановленія существенныя перемѣны, оправдываемыя успѣхами общества и распространеніемъ новыхъ идей и, быть-можетъ, эти уступки честолюбію низшихъ классовъ и духу времени вышли даже за предѣлы истинной пользы средняго сословія и государства.

Огдавая полную похвалу генію Фридриха, который, при самомъ началѣ своего удивительнаго созданія, такъ превосходно понималъ всѣ существенныя его условія, нельзя умолчать, что, простирая слѣдствія своего начала до послѣдней крайности, онъ, какъ это перѣдко съ нимъ случалось, не различалъ и здѣсь твердости и постоянства отъ несправедливости. Система маіоратовъ и новыя, болѣе строгіе законы, воспрещавшіе переходъ военныхъ помѣстій къ лицамъ недворянскаго рода, совершенно входили въ планъ его творенія, хотя впоследствии оказались тягостными Прус-

скому дворянству; по слѣдующій поступокъ неслишкомъ согласовался съ правосудіемъ. Со вступленія своего на престолъ, Фридрихъ старался, чтобы въ его арміи офицерами были почти одни дворяне; по кровавыя битвы Семилѣтней Войны сотнями вырывали изъ рядовъ благородную молодежь: необходимо было замѣнить ихъ другими офицерами, несмотря на ихъ происхожденіе. Производство скоро сдѣлалось общимъ: порядочное воспитаніе и заслуги послужбъ подымали на степеннозначительное число простыхъ солдатъ; между-тѣмъ коллегіи и гимназіи высылали большую часть юныхъ воспитанниковъ своихъ, — сыновей священниковъ, купцовъ и ремесленниковъ, на мѣсто падшихъ дворянъ. Поэтому, мѣра, принятая королемъ послѣ Губертсбургскаго мира, когда онъ, преобразовывая свою армію, выключилъ изъ службы всѣхъ офицеровъ недворянскаго званія, показалась всѣмъ строгою и даже жестокою: эти храбрые люди, виновники побѣдъ, одержанныхъ Пруссими войсками, почти всѣ должны были выйти изъ фронта и были преданы въ жертву бѣдности и отчаянію. Такъ какъ во владѣніяхъ Фридриха было слишкомъ мало дворянъ для замѣщенія всѣхъ офицерскихъ мѣстъ въ арміи, несмотря на ея уменьшеніе, то онъ призывалъ и опредѣлялъ въ службу молодыхъ бароновъ изъ другихъ земель, изъ Саксоніи, Мекленбурга и другихъ частей имперіи, устраняя настоящихъ своихъ сподвижниковъ. Ни признательность, ни всякое другое чувство не могли измѣнить непреклонной политики Фридриха. Впослѣдствіи, обстоятельства произвели весьма благоразумную перемѣну въ его упрямой приверженности къ первоначальнымъ намѣреніямъ: въ наставленіи, данномъ генераламъ, передъ началомъ войны за Баварское наслѣдство (1779) онъ постановилъ правиломъ, что «отличные офицеры будутъ производимы въ слѣдующіе чины за каждый храбрый поступокъ, сдѣланный ими; унтеръ-офицеры за отличіе могутъ получить дворянское достоинство и чинъ офицера; на такомъ же основаніи рядовые могутъ быть производимы въ унтеръ-офицеры.»

По гражданской части Фридрихъ съ большею охотою употреблялъ таланты средняго сословія. Фридрихъ Готлибъ Михелисъ достигъ даже степеней министра, неимѣя дворянской грамоты. Онъ всегда избиралъ своихъ камеръ-совѣт-

никовъ, которыхъ имѣлъ привычку называть подъячми, сіею, изъ среды простыхъ граждаъ, но никогда не возводилъ ихъ въ дворянское достоинство. Неровные браки, и вообще смѣшеніе разнородной крови ему весьма не нравились; при всей своей бережливости, онъ охотно давалъ пенсіюны старымъ барышнямъ бѣдныхъ благородныхъ фамилій, или помѣщалъ ихъ въ заведенія, назначенныя для воспитанія знатныхъ дѣвицъ, чтобъ только онѣ не выходили за мужъ за купцевъ. Такъ заботливо старался Фридрихъ поддержать сословіе, изъ котораго извлекалъ столько пользы для своего могущества, и которое разорялъ съ другой стороны.

Для народнаго воспитанія, одной изъ стихій общественнаго благосостоянія, которымъ нынче справедливо гордится Пруссія, герой ея сдѣлалъ гораздо менѣе, нежели какъ полагаютъ. Самый панегеристъ его принужденъ сознаться что «Фридрихъ менѣе сдѣлалъ для школъ и университетовъ, нежели слѣдовало бы надѣяться отъ него,—великаго друга просвѣщенія и наукъ. Вся эта часть управленія представляетъ немного важныхъ улучшеній, которыя однако были необходимы. Издано было много хорошихъ постановленій, но недоставало средствъ для приведенія ихъ въ дѣйствіе.» Въ самомъ — дѣлѣ, строгая расчетливость Фридриха не позволяла ему осуществлять его разнообразныя планы; но они тѣмъ не менѣе свидѣтельствуютъ объ участіи, которое онъ принималъ въ дѣлѣ образованности своего народа. Впрочемъ, кромѣ огромныхъ издержекъ на военное обзаведеніе, деньги, столь бережливо накопленныя, издерживались на учрежденіе колоній, осушеніе и обработку полей, постройки и неудачныя торговыя предпріятія. Зато онъ превосходно воспиталъ цѣлый народъ въ собственной своей школѣ: онъ оставилъ въ наслѣдство своимъ подданнымъ высокія добродѣтели,—любовь къ порядку, чувство долга, привычку къ умеренности и воздержанію, качества, которыми онъ обладалъ въ превосходной степени, и которыя основали, посреди повѣйшей роскоши и разрушительныхъ правилъ, извергнутыхъ на Германію Французскими революціями, самодержавіе, правительство и націю почти Спартанской простоты.

Коснемся еще послѣдняго предмета. Многіе писатели удивлялись предпочтенію, которое Фридрихъ постоянно оказывалъ Французскимъ авторамъ передъ отечественными; многіе оплакивали пренебреженіе, какому подвержена была музыка Германіи, или вѣсть съ Шиллеромъ славилъ ея независимость, когда

von Deutschland's grösstem Sohne,

Von des grossen Friedrich's Throne,

Ging sie schutzlos, ungeehrt.

Но едва ли кто изъ нихъ старался объяснить замѣченный у Фридриха недостатокъ сочувствія съ музыю родной страны политическимъ его положеніемъ. Фридрихъ желалъ окружать себя учеными людьми; тщеславіе и склонность равно побуждали его наслаждаться ихъ лестію; притомъ, онъ чувствовалъ пользу, которую приусило ему присоединеніе его имени къ именамъ многочисленнаго класса философовъ, бывшихъ руководителями общественнаго мнѣнія въ Европѣ; но онъ не имѣлъ ни какихъ поводовъ ободрять Нѣмецкую литературу, которая вообще была ему враждебна. Его преобразованія и строгость не нравились Нѣмцамъ, и онъ очень хорошо зналъ тайное нерасположеніе къ себѣ своихъ соплеменниковъ. Проницательность его указала ему всю опасность разведенія въ такое время доморощенныхъ резонёровъ, которые могли бѣ только распространять умозрѣнія, противныя его великимъ планамъ, или писать на него сатиры.

Вотъ немногія изъ отличныхъ чертъ публичной и частной исторіи великаго Фридриха, которыя Г. Прейссъ силлся тоже объяснить по своему разумѣнію. Трудно найти болѣе благородный предметъ для изученія, какъ по высочайшему превосходству этого царственнаго генія надъ рядами обыкновенныхъ людей, такъ и по великимъ вопросамъ, сопряженнымъ съ преобразованіями, которыя онъ ввелъ въ Европейскую систему. Царствованіе его есть одна, великая драма; единство дѣйствія и плана сохранено въ ней отъ начала до конца, но развязка ея, извѣстная Пруссіи уже полвѣка, совершается въ нынѣшнемъ столѣтіи для Европы. Никогда не было души, мѣтѣ способной къ измѣненіямъ:

обстоятельства переменнялись, поколѣнія проходили, пока онъ былъ на престолѣ; но его правила оставались постоянно тѣ же, какъ будто воскъ, припавшій первыи иден его, вдругъ превратился въ твердый мраморъ. Мы не найдемъ въ немъ ни излишней осторожности и робости, внушаемыхъ неблагопріятными обстоятельствами, ни воображенія, разстроенаго и разгоряченнаго успѣхами. Кромѣ упадка физическихъ силъ, онъ въ послѣдніе мирные и тихіе годы своей жизни былъ таковъ какъ и въ пылу юности, когда бросилъ перчатку могущественной Австріи. Тѣмъ перемѣны не легла ни на его мнѣнія, ни на его чувства. Фридрихъ оставилъ общество человѣковъ такъ же какъ онъ жилъ между ними, то есть, не раздѣляя ни надеждъ ихъ, ни страховъ, ни вѣрованій. Замѣтили одно только,—что когда тѣлесныя силы его начали уменьшаться, онъ уже не съ такою охотою заводилъ разговоръ о метафизикѣ и религіи, которыя были прежде любимымъ предметомъ его разсужденій за ужиномъ; что въ его несчастныхъ насмѣшкахъ надъ Христіанствомъ было меньше горечи, и въ немъ самомъ болѣе терпимости къ вѣрованію и поступкамъ прочихъ людей. Другихъ перемѣнъ въ немъ не было. Онъ сопротивлялся смерти какъ врагу, оспаривалъ шагъ за шагомъ, не уступая ни одного вершка, доколѣ не изнемогла природа, и исполнялъ обыкновенныя обязанности до тѣхъ поръ, пока дѣйствительное безсиліе не заставило его покинуть ихъ. Онъ даже употреблялъ, по словамъ біографовъ его, хитрости, къ которымъ, сказываютъ, прибѣгали нѣкоторые изъ Римскихъ императоровъ и кардиналъ Ришельё, чтобы скрыть близость разрушенія. Но причиною этого былъ не малодушный страхъ смерти, а твердая рѣшимость выполнять до самаго конца роль, принятую на себя добровольно. Такимъ образомъ онъ сошелъ съ одинокой ступени, которую такъ долго занималъ, будучи предметомъ удивленія Европы. Память его перешла въ святилище славы героевъ древности, которые—кромѣ Петра Великаго, еще никогда не принимали въ кругъ свой духа, такъ рѣзко означеннаго печатью ихъ первобытной крѣпости.

Н О В А Я

СРАВНИТЕЛЬНАЯ НАУКА ДРЕВНОСТЕЙ.

=

Мы принимаемся за перо не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы писать похвальное слово Археологiи или антикваріямъ, но чтобы показать новое направленіе, принятое въ наше время Наукою Древностей въ Европѣ, и новую эпоху, которая для нее начинается. Еще недавно слово «антикварій» было синонимомъ «неданта», и должно признаться, что бесплодные труды тѣхъ, которые носили это названіе, нерѣдко оправдывали насмѣшки людей, предпочитающихъ новую идею древнему винному горшку. Нынче антикварій старается стать выше всякой насмѣшки, — сдѣлаться истолкователемъ таинства исторіи, исторіографомъ образованности рода человѣческаго. До сихъ поръ были антикваріи Римскіе, Греческіе, Кельтическіе, Германскіе, Славянскіе, Египетскіе, Арабскіе, Скандинавскіе; каждый изъ нихъ, заключенный въ тѣсныхъ предѣлахъ своей національности или своего пристрастія къ обломкамъ утварей какого-нибудь одного народа, мало производилъ для науки и походилъ болѣе на мономана нежели на ученаго, полезнаго человечеству. Такой способъ отыскивать факты, сокрытые въ недрахъ земли или валяющіеся по ея поверхности, удивительно стѣснялъ понятія людей трудолюбивыхъ, и, ихъ мелочной энтузіасмъ, неимѣвній ни какихъ приложений и неприносившій непосредственной пользы, часто дѣлалъ ихъ смѣшными въ глазахъ свѣта, и даже ученыхъ, которые занимались науками положительными. Впредь не будетъ болѣе антикваріевъ по одной какой-нибудь части: отъ археолога требуется всеобщности. Надобно было начать съ частной старины; надобно было, чтобы каждый ограничился однимъ языкомъ, одною страной, однимъ особеннымъ родомъ памятниковъ, для того, чтобы подробно изслѣдовать свою часть предмета и составить ея статистику, или описать. Надобно было изучить сперва

Римскую имперію, Грецію, Египетъ, Финикію, Персію, Индію, Скандинавію, Германію, земли Славянскія. Прежде всего, надлежало составить собранія медалей, рѣзныхъ камней, разрисованныхъ вазъ, надписей, орудій, чтобы впоследствии опредѣлить мѣсто ихъ фабрикаціи, ихъ значеніе и степень ихъ отдѣлки. Когда это первое условіе было выполнено, когда кабинеты были устроены и описаны, тогда для науки открылась новая эра,—и всѣ эти разнородные элементы познаній, съ такимъ трудомъ обработанные, получили возможность устремиться отъ всѣхъ концевъ міра, подвергнутого изслѣдованіямъ, къ соединенію своему въ одну систему науки, къ сближенію обломковъ искусства между собою, для того, чтобы возстановить въ исторіи человечества единство и послѣдовательность, которыя въ ней всегда были, и которыхъ мы прежде не замѣчали по причинѣ нашей близорукости и недостатка способовъ. Очевидно, что во взаимныхъ отношеніяхъ древнихъ народовъ, въ передачѣ ихъ открытій и переходѣ ихъ идей, не было тѣхъ промежутковъ и перерывовъ, которые, единственно по нашей винѣ или отъ дѣйствія времени находятся въ письменныхъ свидѣтельствахъ. Человѣчество, въ своемъ величественномъ и правильномъ движеніи, развивалось какъ одно цѣлое, обогащаясь трудами смѣняющихся другъ друга поколѣній и вбирая въ себя всѣ періоды своего развитія, и на всѣхъ точкахъ своихъ владѣній, идеи, которыя множествомъ путей просачивались въ него изъ источниковъ весьма разнообразныхъ и нередко далекихъ. Всякій народъ, какъ бы онъ ни былъ отдаленъ, имѣлъ на прочіе народы какое-нибудь вліяніе и, въ свою очередь, былъ подверженъ ихъ дѣйствию. Помощію собраній памятниковъ и сближенія развалинъ всѣхъ странъ, предполагаютъ нынче разобрать истертые черты плана огромнаго лабиринта этихъ взаимныхъ вліяній: по этимъ обломкамъ древняго міра, очищеннымъ и приведеннымъ въ порядокъ, пытаются нынче начертать истинную исторію человеческого рода, которой не понимали лѣтописцы, сочиняя свои сказанія; хотятъ прочесть ихъ темныя творенія, при зажженномъ кострѣ изъ этихъ драгоценныхъ матеріаловъ, озарить писанную исторію новымъ и настоящимъ свѣтомъ, и истолковать ея первобытныя

преданія. Азія изъясняетъ Европу, Европа изъясняетъ Азію; Индія, Греція, Скандинавія, Італія и Персія объясняютъ одна другую и посредствомъ своихъ памятниковъ: вотъ основная мысль новой, всеобщей или сравнительной Археологіи, которая стремится слить въ одно цѣлое все прежнія частныя Археологіи.

Идея великая и истинная. Человѣчество имѣетъ только одну нравственную и умственную исторію; мысль мелькнувшая при началѣ обществъ на берегахъ Инда, должна была впоследствии, посредствомъ сообщеній народовъ, отразиться на утесахъ Норвегіи. Такой способъ изслѣдованія древностей долженъ принести огромные и драгоценные плоды. Это не значитъ, впрочемъ, что уже должно имѣть къ нему безусловное довѣріе и возглашать гимнъ торжества. Можно еще сомнѣваться въ томъ, дѣйствительно ли настало время привести этотъ способъ въ исполненіе, и пріобрѣли ли наши знанія подробностей столько твердости, ясности и точности, что мы уже не можемъ подвергаться оптическимъ обманамъ и заблужденіямъ при сооруженіи огромнаго цѣлаго. Не походитъ-ли Наука Древностей, которая предпринимаетъ эти прекрасныя, великія сближенія и хочетъ сдѣлаться другою всеобщею Исторіею, на Химію и Геологію, которыя, зная едва на вершокъ кору земнаго шара, смѣло толкуютъ уже о томъ, какъ онъ образовался? Чуждые излишняго энтузіасма, не преклоняя колѣнъ передъ каждою новою, по-наружности блистательною идеею, пока не убѣдимся на-дѣлѣ въ ея основательности, мы думаемъ, что въ Археологіи теперь собственно открывается поприще только блистательнымъ теоріямъ, въ которыхъ остроуміе часто будетъ играть роль истины. То же самое направленіе обнаружилось со временъ Шеллинга во многихъ другихъ наукахъ; результаты извѣстны: истративъ тридцать лѣтъ на системы, наконецъ должно было признаться, что мы слишкомъ рано начали. Теперь Археологія пускается по тому самому пути, на которомъ заблудилась Физика. Ее сопровождаютъ въ этомъ опасномъ путешествіи Лингвистика и Критика поэтическихъ преданій. Нынѣ съ большимъ чѣмъ когда-либо жаромъ стараются составить родословную всехъ языковъ, и даже есть люди, которые думаютъ, что они

ее составили: мы вовсе не раздѣляемъ ихъ мнѣнія, и думаемъ, напротивъ, что, принимаясь за дѣло такимъ какъ доселѣ образомъ, ея никогда не составятъ. Покушаются также найти связь между Эддою и поэмами Гомера, между поэмами Гомера и Санскритскими, которыя весьма искусно соединяютъ съ «Нибелунгами,» называютъ ихъ всѣ обломками одной великой эпопеи юнаго человечества: мы, признаемся, не изучали поэмъ Санскритскихъ, и потому не желаемъ имѣть голоса въ этомъ дѣлѣ; по этой же, быть-можетъ, причинѣ, не могли мы хорошо понять сродства между Эддою и Илиадою. Но эти неудачныя или слишкомъ смѣлыя попытки достигнуть безусловнаго въ Лингвистикѣ и Критикѣ поэтическихъ преданій, влекутъ за собою только личную отвѣтственность, и у насъ нѣтъ намѣренія, за ихъ ошибки, сдѣлать подозрительными услуги, которыя новое направленіе Археологіи монументальной можетъ оказать первобытной исторіи человеческого рода. Мы даже полагаемъ, что она, болѣе Лингвистики и Критики поэтическихъ преданій, имѣетъ право дѣйствовать такимъ образомъ, и что, остерегаясь духа системы, можно и теперь, при пособіи памятниковъ уже изученныхъ, получить недвусмысленные и весьма важные результаты.

Разсмотримъ сперва то, что сдѣлано для науки изученіемъ частныхъ древностей; потомъ, открытія, которыя могутъ быть пріобрѣтены черезъ сближеніе памятниковъ, и наконецъ мѣстныя средства того обширнаго поля, гдѣ нынче производятся уже въ большомъ видѣ археологическіе опыты и слагаются новыя теоріи. Мы должны сказать заранѣе, что это разсмотрѣніе, произведенное даже безъ участія блестящихъ мечтаній духа системы, будетъ во всякомъ случаѣ весьма благопріятно для Археологіи, какъ сравнительной науки. Цѣль ея прекрасна, и достойна сильнѣйшихъ умовъ.

Нынѣшняя Археологія начинаетъ свои изслѣдованія у самой колыбели человеческого рода. Въ знаменитой долинѣ Сенаарской, между двумя великими рѣками средней Азіи, Тигромъ и Эвфратомъ сооружена была руками первыхъ человѣковъ башня, которой высота должна была равняться ихъ честолюбію, и которой паденіе сдѣлалось вѣчнымъ па-

мятникомъ ихъ безсильной гордости. Въ этой-то долине, славившейся во все времена превосходствомъ своей почвы, которую, по-видимому, природа предназначила быть жилищемъ и кормилицею перваго общества, были основаны, не вдалекѣ одна отъ другой, двѣ огромныя столицы двухъ могущественнѣйшихъ имперій первобытнаго міра, — Вавилонъ и Нинивія, и дѣйствительно, доселѣ видны тамъ исполинскія развалины, которыя среди разрушенія, произведеннаго такимъ множествомъ рукъ и довершаемаго такимъ множествомъ вѣковъ, соотвѣтствуютъ еще величію и пространству Вавилона, оправдывая все, что исторія повѣствуетъ намъ объ его участи.

Съ именемъ Вавилона, мы невольно соединяемъ все идиллическія, могущества, богатства, доступныя уму человека. Самый Египетъ, заключающій историческія свои воспоминанія въ тѣсныхъ предѣлахъ Нильской равнины, не можетъ въ этомъ отношеніи выдержать сравненія съ обширною Ассирійскою имперіею, которая возникла близъ колыбели міра, охватила огромнымъ пространствомъ своимъ всю поверхность стараго Азійскаго материка, и, погибая, оставила въ исторіи одну безмѣрную бездну. Имена Фараоновъ, не исключая самого Сесостриса, не имѣли въ древнемъ мірѣ ни такого блеска, ни такого отгула, какъ славныя имена Нимрода и Семирамиды, которыя находились прежде и находятся донынѣ на всѣхъ необыкновенныхъ твореніяхъ первобытнаго человека, на всѣхъ огромныхъ обломкахъ, которые отъ нихъ уцѣлѣли. Вавилону суждено было наполнять во все времена духъ человѣческой образами величія, въ могуществѣ и разрушеніи, въ памятникахъ и развалинахъ своихъ.

Однако Вавилонская имперія и ея столица, Халдея и ея богослуженіе, не имѣли доселѣ мѣста въ Археологін. Винкельманъ не освѣтилъ ни одною страницей своего бессмертнаго творенія остатковъ Вавилона; онъ, кажется, не думалъ, что памятники такого государства, его храмы и идола, не могли исчезнуть, не оставивъ по себѣ слѣдовъ въ умственной жизни человечества, что какіе-нибудь слѣды ихъ должны были уцѣлѣть въ другихъ монументахъ древности. Ни одинъ изъ пресмиковъ Винкельмана не старался возстановить этой величественной страницы, даже въ

исторіи искусства. Вотъ новый листъ, который должно еще внести въ огромную книгу исторіи человѣческой образованности, дошедшую до насъ въ однихъ отрывкахъ, и которую наука, при помощи времени, силится возсоздать, по мѣрѣ того какъ время и невѣжество разсѣвають и губятъ составныя части ея.

Было время, когда такъ называемая философія Исторіи, замѣняя повсюду изученіе и критику фактовъ пріятнымъ скептицизмомъ, остроумными насмѣшками, ставила исторію и древности Вавилонскія почти на ряду съ сказками «Тысяча и одной ночи;» смѣялась подлѣ величія Нинивіи и богатствами Сузы, для того, чтобы не имѣть надобности вѣрить имъ или ихъ осматривать, и, отвергая свидѣтельство Библіи и цѣлаго Геродота, исключая изъ лѣтописей человѣческаго рода Азію и Египетъ, превращала то, что ей угодно было оставить въ Исторіи, въ рядъ небольшихъ картинъ и острыхъ эпиграммъ. Но въ ту самую эпоху, когда школа Вольтера такимъ образомъ играла философіею и забавлялась исторіею, люди глубокомысленные, ученые и терпѣливые путешественники, шли различными путями къ изслѣдованію древнихъ истинъ. Нибуръ, образовавшійся въ школѣ Милаэлиса, странствуя по Египту, Аравіи и Персіи, открылъ мѣстоположеніе Нинивіи, осматривалъ развалины Вавилона, списывалъ надписи и срисовывалъ барельефы въ Персеполисѣ.

Около того же времени, Французъ, которому уже хорошо были извѣстны языки Азіи, но который не могъ въ качествѣ ученаго получить пособія къ совершенію путешествія въ Индію, отправился простымъ солдатомъ на государственномъ суднѣ, и прибылъ въ Шандернагоръ, съ тѣмъ, чтобы учиться тамъ Санскритскому языку; послѣ того, съ тысячею опасностей, онъ успѣлъ достигнуть Сурата, гдѣ жилъ нѣсколько лѣтъ въ обществѣ Парсовъ, изучая у нихъ древніе языки Зендъ и Пеглеви, и читая съ нихъ жрецами книги Зороастра. Взятіе Пондишери Англичанами помѣшало ему быть въ Бенаресѣ, гдѣ онъ хотѣлъ заняться кингами и древностями Гиндусовъ. Возвратившись наконецъ въ Европу, безъ состоянія, безъ довѣрія, не имѣя ни какихъ средствъ кромѣ своихъ рукописей, этотъ человѣкъ, одарен-

ный такую деятельность и постоянством, обогащенный познаниями, которых приобретение ему так дорого стоило, продолжалъ въ уединеніи своемъ предаваться занятіямъ, столь для него драгоценнымъ, и посреди Парижа, оскверненнаго тогда ужасами революціи, жилъ съ своимъ Индѣйскимъ дестурамп. Онъ издалъ подъ названіемъ «Зендъ-Авесты» собраніе священныхъ книгъ Парсовъ, и такимъ образомъ далъ ученой Европѣ ключъ къ тѣмъ таинственнымъ партіямъ, къ тѣмъ древнимъ религіямъ Азіи, которыхъ уразумѣніе казалось навсегда потеряннымъ. Къ стыду его соотечественниковъ, этотъ человекъ, котораго имя мы произносимъ теперь съ почтеніемъ, Анкетиль-Дюперронъ, который отыскалъ въ Индіи цѣлую науку; который, бѣдный и безвѣстный, не взялъ отъ Англичанъ тридцати тысячъ рублей за рукопись Зендъ-Авесты, умеръ во Франціи, въ Парижѣ, въ ужасной нищетѣ, исключенный даже изъ Національнаго Института.

Около той же эпохи, покореніе Англичанами Индіи, которая подъ властію другихъ народовъ оставалась долгое время безплодною, превратилось для Европы въ настоящее завоеваніе науки, и труды Вильяма Джонса, Вилькинса и Кольброка открыли цѣлый міръ гражданственности, Искусства и Философіи, до тѣхъ поръ бывший неизвѣстнымъ.

Вскорѣ Французская экспедиція въ Египетъ ознаменовала себя новою ученою побѣдою, и присоединила еще одинъ древній міръ къ пяти, которыми занимались прежде, Римскому, Греческому, Ассирійскому, Персидскому и Индѣйскому. Напрасно было бы обременять здѣсь память читателя исчисленіемъ именъ всѣхъ ученыхъ и путешественниковъ, которые по слѣдамъ Нибура и Анкетилы изслѣдовали Востокъ, обыскали Азію, Египетъ въ особенности, по всѣмъ направленіямъ и глубинамъ, и теперь еще непрерывно трудятся надъ объясненіемъ тамошнихъ языковъ и памятниковъ. Мы совѣтъ не раздѣляемъ энтузіасма нѣкоторыхъ людей къ новому открытію, которое считаютъ главнымъ правомъ нашей эпохи на славу, и украшаютъ великолѣпнымъ названіемъ «искусства читать гіероглифы.» Когда-нибудь мы рассмотримъ его въ этомъ журналѣ, а покаместъ оно можетъ быть поставлено на одной чертѣ съ магнетизмомъ:

и въ томъ и въ другомъ есть много шарлатанства, но есть и нѣсколько истины, которой еще невозможно отдѣлить отъ массы иллюзій; но несправедливо было бы забыть здѣсь объ немъ, потому что искусство читать гіероглифы имѣетъ одну весьма полезную для науки сторону: оно довело насъ до возможности прочесть въ Египетскихъ надписяхъ нѣсколько десятковъ собственныхъ именъ. Имена Фараоновъ, разобранныя болѣе или менѣе вѣрно на памятникахъ, возвратили довѣріе книгамъ Манеѳона объ Египетской хронологіи; въ то же время множество остатковъ древности, вывезенныхъ изъ Ассиріи, представили намъ образы, которые во многихъ отношеніяхъ оправдываютъ тексты Санхониатона и Бероза, бывшіе предметомъ такихъ долговременныхъ нападеній.

Филикійская азбука почти угадана; и хотя мы думаемъ, что послѣдній трудъ ученаго Гаммакера не много подвинулъ впередъ эту отрасль частной Археологіи, несмотря на полученныя имъ похвалы, которыя ученые условились раточать другъ другу; однако не подлежитъ сомнѣнію, что новыя изысканія въ развалинахъ городовъ Карфагенской республики, находящихся нынче во владѣніи державы Европейской, могутъ со-временемъ доставить довольно основательное познаніе языка и религіи этого народа.

Гвоздеобразныя письма, изображенныя на кирпичахъ Вавилонскихъ, вырѣзанныя на мраморахъ Сузы, Нинивіи, Персеполиса и на утесахъ Ванскаго озера въ Арменіи, гдѣ Г. Шумъцъ и полковникъ Монтиль открыли недавно городъ Семирамиды, — эти непонятныя письма, бывшія долго для антикваріевъ надписью, которую перстъ Божій начерталъ на стѣнахъ чертога Валтазарова, не внушаютъ уже такого ужаса, какъ прежде, съ тѣхъ поръ какъ Тиксенъ, Мюнтеръ, Гротенендъ, Саси, несчастный Сепъ Мартенъ, Прайсъ и Морисъ успѣли разобрать писма многихъ Персскихъ государей. При Египетскихъ муміяхъ найдены папирусы, въ которыхъ гіероглифическія надписи переведены гвоздеобразною граматою. Въ музеумъ Англійской Остъ-Индской компаніи есть памятникъ, на которомъ находится болѣе шестисотъ строкъ такого письма. Можно надѣяться, что, при постоянныхъ усиліяхъ и соединенныхъ талантахъ

людей, которые съ усердіемъ и пламенною ревностью дѣйствуютъ на одномъ поприщѣ, послѣднія завѣсы, покрывающія этотъ древній и священный языкъ, падутъ предъ ученымъ любопытствомъ нашего вѣка.

Конечно, большая часть пользы, которая мы здѣсь исчислили, состоитъ еще въ полу-успѣхахъ, надеждахъ и ожиданіяхъ, но если присоединимъ то, что уже сдѣлано по разнымъ этимъ отраслямъ, къ основному капиталу науки, знанію памятникъ Греческаго и Римскаго міра, давно доведенному до высокой степени опредѣлительности и совершенства, все вмѣстѣ составляетъ огромную массу свѣдѣній, годныхъ къ разнообразному сочтанію, и дающихъ уже посредствомъ соблizenій чрезвычайно любопытные результаты. Кто повѣритъ, что изъ мрака Эгрусскихъ могилъ, въ окрестностяхъ Рима, во множествѣ исходили и исходятъ откровенія, которыя разоблачаютъ гений древняго Востока и соединяють въ одну систему религіозныхъ идей и символовъ, служащихъ графическимъ ихъ выраженіемъ, образованность Этрурин и Греціи съ образованностью внутренней Азіи, подтверждая такимъ образомъ почтенныя преданія древности. Въ свою очередь, Греція, лучше изученная и узнаваемая въ своихъ историческихъ текстахъ и символическихъ памятникахъ, являетъ согласія болѣе съ совокупностью фактовъ, которые составляютъ, въ вмѣстѣлищѣ первобытной образованности, верховный архивъ человечества. Такимъ образомъ, преобразуется и утверждается отвсюду, на почвѣ критики и науки историческая истина, съ которою такъ легкомысленно обходилась ложная и суетная философія прошедшаго столѣтія. Библія воспріяла все свое могущество, потому что независимо отъ ея священнаго характера, который находится внѣ всякихъ споровъ, она содержитъ великолѣпнѣйшее собраніе подлинныхъ документовъ, какого не имѣлъ ни одинъ народъ отъ начала своего до разсѣянія. Библія наконецъ снова сдѣлалась для ученой Европы тѣмъ, чѣмъ ей слѣдовало быть всегда,—самымъ достовернымъ источникомъ первобытной исторіи, книгою, которую прежде всего должно изучать, въ которой мы будемъ находить болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ будемъ пріобрѣтать по вѣсѣмъ частямъ основательнѣйшія познанія. При пособіи

памятниковъ, историческая вѣра уже завоевана у надменнаго скептицизма въ пользу этой божественной Книги; она возраждается въ то же время и для всѣхъ, заслуживающихъ ее остатковъ словесности языческой древности, Греціи и Рима. Прошло время, когда бранили Геродота и смѣялись надъ Ктесіасомъ. Нынче думаютъ, что благоразумнѣе и полезнѣе изучать Геродота и Ктесіаса, сличая ихъ тексты съ наблюденіями, сдѣланными на мѣстѣ, и смысломъ памятниковъ, стараясь извлечь изъ ихъ разсказовъ, даже баснословныхъ и простонародныхъ, истины положительныя или нравственныя, факты дѣйствительные или метафариическіе. Этотъ важный переворотъ въ образѣ мыслей ученаго свѣта есть одна изъ важнѣйшихъ заслугъ частной Археологін. Нынче всѣ чувствуютъ необходимость подвергнуть пскренному, правдивому изслѣдованію то, что искренно и правдиво разсказано намъ добродушною старинною о образованіи древнихъ обществъ, объ ихъ религіяхъ, столь разнообразныхъ, ихъ обрядахъ, по-наружности столь странныхъ; и что нѣтъ ничего забавнаго, ни пошлаго въ томъ, что въ какую нибудь эпоху и подъ какою-нибудь формою было мнѣніемъ цѣлаго вѣка, участію цѣлаго народа. Если еще существуютъ умы, ограниченные и поверхностные, которые въ критикѣ своей развиваютъ темы, заданныя обветшавшею философіею, и стараются казаться важными и глубокомысленными, называя баснями и смѣшными выдумками преданія временъ минувшихъ, объ нихъ должно сожалѣть, и не стоитъ заниматься опроверженіемъ ихъ доводовъ: они отстали полустолѣтіемъ, и устарѣлая ихъ ученость доказываетъ только неспособность понимать прошедшее и трудиться для будущаго.

Бросимъ теперь бѣглый взглядъ на великое поприще, на которое вступаетъ обновенная Археологія, обнимающая однимъ испытующимъ взоромъ обширное пространство мѣстъ и временъ, отъ Нимврода до послѣднихъ Цезарей, и отъ Ганга до Сѣвернаго Мыса и Гибралтара, откуда, черезъ ряды столѣтій, отдѣляющихъ насъ отъ древности, терпѣніе и пропнцательность похитили много тайнъ забытой исторіи. Въ серединѣ этого пространства, въ собственной области древней исторіи, совершились величайшія персвороты чловѣческаго ума: тамъ была обработана или про

изошла большая часть идей, которыя, путемъ разума или завоеваній религіи или торговли, дѣйствовали на весь этотъ міръ. Тамъ существовала въ глубочайшей древности образованность, которая до сихъ поръ господствуетъ надъ нашею, потому что мы живемъ на почвѣ нравственныхъ и религіозныхъ идей, перешедшихъ къ намъ изъ Азіи черезъ Грецію и Римъ и наконецъ дополненныхъ и освященныхъ Христіанствомъ, которое также возникло въ Азіи.

Здѣсь опять Вавилонъ будетъ первымъ предметомъ нашего вниманія. Соперница его, Нинивія, почти совершенно исчезла. Экбатана оставила не много слѣдовъ своего великолѣпія, и малочисленные, безобразные обломки, сохранившіеся на той почвѣ, гдѣ была Суза, до сихъ поръ представляли намъ одніе только загадки. Но остатки Вавилона равно величественны для философа и для антикварія. Видя эту огромную массу развалинъ, покрывшую землю почти на сорокъ верстъ, близъ пынѣшняго Багдада, чувствуешь, какъ несокрушимъ былъ этотъ городъ, когда столько народовъ и столько столѣтій не умѣли расхитить и истощить матеріаловъ, изъ которыхъ онъ былъ построенъ. Видя, какъ на развалинахъ его спорять путешественники образованной Европы, старался открыть въ кучѣ обрушенныхъ кирпичей первобытную форму башни и храма Белова, слѣды чертоговъ съ висячими садами Семирамиды и исполинскихъ зданій Небухаднесара, чувствуешь пріятный трепетъ сердца при мысли, что сегодня или завтра выйдутъ наружу формы первыхъ помысловъ образованнаго чело-вѣка, потому что, несмотря на возгласы проповѣдниковъ древности умовъ Египетскаго и Индійскаго, здѣсь впервые началась умственная и художественная жизнь нашего рода. Книги Евреевъ заключаютъ въ себѣ по этому предмету много свѣдѣній, которыя еще не были надлежащимъ образомъ употреблены въ исторіи искусства. Писанія пророковъ наполнены намеками высокой занимательности или прямыми свидѣтельствами, еще болѣе драгоценными, о древностяхъ Вавилона. Но въ особенности надобно слушать Даніила; Даніила, который былъ образованъ наукою Маговъ, жилъ въ Вавилонѣ и умеръ въ Сузѣ. Изъ Греческихъ историковъ особеннаго вниманія заслуживаютъ два. Геродотъ былъ въ

Вавилонъ около тридцати лѣтъ послѣ Ксеркса; онъ говорить, какъ самовидецъ, о памятникахъ этой столицы; вѣрно ли, если хотите, легковѣрно передаетъ всѣ мѣстные и народныя объ нихъ преданія. Ктесіасъ, который въ теченіе семнадцати лѣтъ занималъ должность придворнаго врача царей Персидскихъ, при пособіи Артаксеркса Мнемона, также провелъ большую часть своей жизни въ Вавилонѣ, Персеполисѣ и Экбатанѣ; его рассказы, къ несчастію извѣстныя намъ только изъ неполныхъ ссылокъ и выписокъ, быть-можетъ, невѣрныхъ, по всей вѣроятности были почерпнуты изъ достовѣрныхъ источниковъ. Къ этимъ документамъ надобно прибавить свѣдѣнія, доставленныя историками Александра, которыя суть не что иное какъ рѣдкіе и слабые отголоски древнихъ преданій, и подлинныя творенія писателей другаго вѣка, какъ напримѣръ Страбона и Арріана. При помощи этихъ указаній, несмотря на ихъ неполноту и недостатки, можно уже составить себѣ нѣкоторое понятіе о Вавилонской старинѣ, изслѣдованной въ главныхъ памятникахъ ея богослуженія, изъ которыхъ многіе, равно драгоценныя по искусству, содержанію, работѣ и древности, и особливо по неоспоримой подлинности, уже находятся въ Европѣ. Таковы, во-первыхъ, цилиндры, родъ талисмановъ или символовъ посвященія, на когорыхъ представлены главныя божества Вавилонской религіи съ изображеніемъ царей, жрецовъ и людей всѣхъ сословій, со всѣми почти чертами этого таинственнаго богослуженія. Таковъ еще славный «Бетиль» Парижскаго музеума съ изображеніями символическихъ животныхъ и гвоздеобразными подписями, — единственный памятникъ Азіатскихъ сусвѣрій, которыя современны началу образованнаго міра и долго еще будутъ упражнять догадливость науки. Таковы еще многочисленныя обломки памятниковъ, которые Англійскіе путешественники ежегодно привозятъ въ свое отечество, кромѣ рисунковъ, снятыхъ на мѣстѣ. Важныя, уже полученныя откровенія, позволяютъ надѣяться, что постоянныя усилія и новыя открытія доставятъ намъ болѣе полное знаніе предмета. Уже многія изъ фантастическихъ животныхъ Ктесіаса были узнаны на Вавилонскихъ цилиндрахъ, такъ же какъ въ видѣніяхъ пророковъ и выпискахъ изъ Берозія. Уже подобныя фигуры и группы, та-

кимъ же образомъ составленные, показались на вазахъ и рѣзныхъ камняхъ, которые принадлежать къ высочайшей эпохѣ Этрусской образованности: это сближеніе, столь любопытное и новое, принадлежитъ къ числу археологическихъ явленій нашего вѣка, заслуживающихъ полного вниманія.

Слѣдуя за ходомъ политическихъ судебъ Азіи, по стопамъ фортуны, которая передала могущество Ассійрійцевъ Мидянамъ и могущество Мидянъ Персамъ, персеходимъ, отъ развалинъ Вавилона, къ развалинамъ Экбатаны и Персеполиса. Въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ, которое теперь называется *Чегель-менаръ*, находятся, подлѣ великолѣпныхъ остатковъ чертога преемниковъ Кировыхъ и гробницъ Дарія и Ксеркса, памятники искусства и образованности, свойственные древней Персіи, которые, при недостаткѣ другихъ указаній, могли бы одни разоблачить передъ нами ихъ гсній. Здѣсь опять можно пользоваться пособіемъ цилиндровъ и другихъ талисмановъ религіи Персовъ, объясненныхъ свидѣтельствомъ самого Зороастра въ книгахъ Зендъ-Авесты. Уже можно слѣдить исторію этого богослуженія даже до послѣдней эпохи классической древности, гдѣ самые памятники представляютъ картину боренія язычества, гибнущаго подлѣ поведноснымъ вліяніемъ христіанской религіи. Мы говоримъ о памятникахъ богослуженія Митры, открытыхъ въ столь многихъ мѣстахъ Европы, и почти на крайнихъ предѣлахъ Римской древности, въ Италіи, Франціи и Германіи.

Финикія представила бы еще болѣе обширное поприще для соображеній такого рода, если бы намъ уже позволено было черпать свободно изъ всехъ источниковъ, которые явились взорамъ нашимъ. Съ самыхъ отдаленныхъ временъ, Финикіяне были главными дѣйствителями всемірной образованности. Ихъ торговля, которая простиралась отъ береговъ Чермнаго Моря до Азовскаго, которая съ одной стороны проникала до истоковъ Ганга, съ другой блуждала въ туманахъ Эккенна и въ Скиѳіи, которая, наконецъ, прошла за Столпы Геркулесовы, проникла въ Сѣверный Океанъ, далѣе Британскихъ Острововъ, изслѣдовала берега Африки и пыталась обойти кругомъ весь ея материкъ, эта огромная торговля, какъ сторукій исполинъ какой-нибудь Азіятской мифологіи, сдѣлала между собою Египетъ и Тавриду, Карфагенъ и Грецію,

Халдею, Этрурию и Ирландію. Тогда, въ самомъ дѣлѣ, купцы не были простыми поставщиками, которыхъ смѣтливость ограничивается перевозомъ товаровъ съ одного мѣста на другое и мною ихъ на сырыя произведенія. Въ ту высокую эпоху исторіи человеческого рода, когда идеи переносились вмѣстѣ съ товарами изъ края въ край; когда божества различныхъ народовъ переходили такимъ образомъ изъ рукъ въ руки, столько же въ видѣ предметовъ торговли, сколько въ видѣ предметовъ обожанія и памятниковъ искусства, Финикійцы, которые обладали одни пружинами этихъ огромныхъ оборотовъ, сдѣлались было посредниками умственного сообщенія народовъ. Отсюда, безъ сомнѣнія, эта смѣсь идей, мифовъ, символовъ, заимствованныхъ почти изъ всѣхъ источниковъ Азіятскихъ вѣрованій, во второмъ возрастѣ Греческой образованности, которой начало, истекшее изъ Восточнаго родника, еще болѣе древняго, удерживало дотолѣ первобытную простоту свою. Такимъ образомъ произошли идолы всякихъ формъ, обремененные принадлежностями и различными символами, чудовищныя сочетанія существъ двоякой природы, которыя, получивъ бытіе въ разныхъ религіозныхъ системахъ Египта, Халден, Фригійи и самой Финикіи, составляли значительную часть груза для мореплавателей этого народа; они развозили ихъ всегда въ своихъ путешествіяхъ; выставленные потомъ на показъ простотушному любопытству племенъ Пеласгическихъ и Скиѣскихъ, они сдѣлались первыми кумирами грубаго богослуженія, образцами искусства, еще дикаго, доселѣ встрѣчающимся въ первобытныхъ памятникахъ Греціи и Этруріи, гдѣ впоследствии подвергли ихъ большому или меньшему измѣненію успѣхи образованности, чисто Элліадской. Мы скоро подробнѣе будемъ говорить о Финикійцахъ по поводу новой книги Г. Погодина; здѣсь скажемъ только, что этотъ народъ можно сравнить съ нынѣшними Англичанами, которые въ одно и то же время купцы и миссіонеры, и укажемъ на одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, предстоящихъ рѣшенію любознательности археологовъ нашего вѣка: должно опредѣлить, при пособіи памятниковъ съ фигурами, недавно приобретенныхъ наукою, какіе религіозные образы и жреческіе типы заимствованы древнею

Европою у внутренней Азіи посредствомъ торговли, которой главными подрядчиками и исключительными монополистами, въ первомъ возрастѣ человѣческихъ обществъ, успѣли сдѣлаться Финикійяне, даже ко вреду цѣлаго человечества, потому что и самое приношеніе въ жертву людей, вводимое ими всюду вмѣстѣ съ конторами, имѣло главною цѣлію еслужить къ торговой ихъ выгодѣ и обезпечивать барыши ихъ монополіи. Разрисованныя вазы, первоначальнаго издѣлія, и Греческія медали, всѣхъ врсменъ, доставляютъ, въ этомъ отношеніи, свѣдѣнія вѣрныя, изъ которыхъ еще не было сдѣлано надлежащаго употребленія. Весьма полезно и занимательно искать слѣдовъ тѣхъ памятниковъ, которые произошли подѣ непосредственнымъ вліяніемъ Финикійскихъ идей. Хотя время разрушило, вѣроятно навсегда, великія произведенія искусства и религіи этого народа, хотя его храмы давно уничтожены вмѣстѣ съ идолами, однако есть возможность открыть въ памятникахъ другаго времени слабыя подобія этихъ древнихъ кумировъ. Геркулесъ *Мелькартъ* Тира и Тарса, Венера *Астартя* Сидонская, *Атаргатисъ* Декалонскій, не такъ совершенно исчезли, чтобы нельзя было еоставить себѣ нѣкоторое обѣ нихъ понятіе по тѣмъ, вмѣстѣ свѣжимъ и устарѣлымъ, воспоминаніямъ, какія ознаменовали послѣдній рѣшительный переломъ политеизма, когда онъ, оспоривая поле битвы у христіанскихъ идей, силлся вызвать изъ самыхъ древнихъ капищъ, ветхіе свои идолы и старался оживить, посредствомъ почтенности етарины, вѣтру, уже угасшую. Такъ, поклоненіе великой богини Сирійской, въ священномъ градѣ ея Іерополисѣ, было обновлено въ эпоху, когда оно давно уже пришло въ еовершенный упадокъ. Такъ, Венера Пафосская хотѣла возродиться къ новой жизни, проявляясь на своихъ послѣднихъ памятникахъ въ евоей первобытной формѣ. Такъ, наконецъ, въ Азіатской Греціи, богиня—Природа Эфеса, Перги и Самоса, приняла снова свой археологическій образъ, чтобы въ древней, иноземной формѣ быть предметомъ обожанія, котораго уже не доставляли ей изящнѣйшія формы, приданныя ея статуямъ геніемъ Греческой образованности. Однимъ еловомъ, политеизмъ, доживъ до послѣдняго часа своего, представлялъ чудное зрѣлище внезапнаго возстанія

всѣхъ этнхъ ветхихъ кумировъ, лежавшихъ въ забвѣніи въ глубинѣ капищъ, и вторженія ихъ въ пѣдра дряхлаго общества, какъ крайнихъ средствъ погибающей религіи: первыя воплощенія искусства и образованности, которыя уже не существовали, призваны были на мгновеніе снова къ жизни для того, чтобы потомъ исчезнуть безвозвратно, — страшный феноменъ, на который еще не обратили должнаго вниманія въ философской исторіи чловѣческаго духа, и который, разсматриваемый только въ археологическомъ отношеніи, можетъ составить одну изъ самыхъ любопытныхъ главъ въ исторіи искусства.

Мы имѣемъ въ Финикійскихъ медаляхъ, хотя онѣ относятся къ позднѣйшей эпохѣ, достовѣрные преданія о религіи и искусствѣ этого народа. Другія страны, которыя въ разныя эпохи древности были покрыты ихъ заведеніями, — острова Кипръ, Родосъ, Критъ, Оасосъ, Самоѳракія; Киликія, которой вся пумизматика носить на себѣ такой замѣчательный Финикійскій отпечатокъ; Карѳагенъ, оставившій также любопытные памятники этого рода, доселѣ худо оцѣненные наукою; Сицилія, гдѣ Финикійское вліяніе замѣтно до сихъ поръ даже въ произведеніяхъ Греческаго искусства; Мальта и Сардинія, бывшія въ числѣ колоній этого народа и сохранившія такъ много слѣдовъ его, представляютъ намъ, какъ и Испанія, которая почти вся осталась Финикійскою даже въ Римскихъ памятникахъ ея, разнообразныя элементы Финикійской Археологіи, весьма неполной безъ сомнѣнія, но которая однако достойна величайшаго уваженія и можетъ еще быть разработана искусными руками,

Древности Еврейскія составляютъ отдѣльную и притомъ чрезвычайно занимательную отрасль Финикійской Археологіи. Ненавидя идолопоклонство вообще, Евреи изгоняли изъ своей страны подражательныя искусства. Въ первомъ возрастѣ ихъ общества, малочисленные предметы искусства, которые оно допускало, должны были выдѣлываться подъ вліяніемъ преданій, вынесенныхъ имъ изъ Египта. Впослѣдствіи, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда имъ нужно было возвысить блескъ своихъ обрядовъ посредствомъ искусства, Іудеи искали художниковъ у Финикійцевъ, своихъ враговъ и сосѣдей. Саломонъ вызвалъ изъ Тира зодчаго, торы и строилъ храмъ его, и ваятелей, которымъ поруча-

чено было украсить зданіе. Этотъ знаменитый Іерусалимскій храмъ, отдѣланный такъ, какъ его изображаетъ Писаніе, со всѣми измѣненіями, которымъ онъ подвергался, и украшеніями, которыя получалъ въ теченіе многихъ поколѣній, до той эпохи, когда сдѣлался добычею Римлянъ и когда его видѣлъ Іосифъ; этотъ храмъ, чудеса котораго были, безъ-сомнѣнія, извѣстны Греческой древности, можетъ во многихъ отношеніяхъ быть разсматриваемъ какъ памятникъ Финикійской Археологіи. Такимъ образомъ должно изучать и его, и, изучая, найдутъ много любопытныхъ подробностей, много преданій, которыя должны быть означены въ исторіи искусства и челоѣчества.

Если изъ Сиріи мы направимъ шаги наши къ пустынь, гдѣ возвышался древній Геліополісъ, невдалекѣ отъ роскошной Пальмиры, гдѣ по-пынѣ стоятъ ихъ великолѣпныя развалины; если послѣ этого путешествія въ область искусства, равно принадлежащаго древности и временамъ упадка, Азіятской пышности и Римскому могуществу, мы пойдемъ къ Малой Азійи путемъ, по которому шли почти всѣ завоеватели этой части свѣта, отъ Сесостриса до Камбиза, отъ Александра до Траяна; проходя мимо утесовъ Берита и древнихъ изображеній царей Египетскихъ и монарховъ Вавилонскихъ, которые видѣлъ Геродотъ, и которые мы сами видимъ тамъ доселѣ; пропикнувъ въ Колхиду, Оракію, Тавриду, и Скиѣю, мы найдемъ опять много занимательныхъ предметовъ для наблюденій на обширномъ пространствѣ земель, гдѣ Эллинская образованность борелась съ владычествомъ Персовъ и жестокостью варваровъ, которыхъ она укрощала силою искусствъ, и гдѣ Греческіе художники выдѣлывали кумировъ Азіятскихъ, Киммерійскихъ, Дакскихъ и Сарматскихъ, между тѣмъ какъ философія Оалеса и Пифагора разливала по Элладѣ и союзнымъ землямъ идеи, отведенныя изъ древнихъ и далекихъ источниковъ Бактріи и Персіи. Не далѣе какъ здѣсь, даже ограничивая наблюденія свои остатками великихъ памятниковъ, искусство исторической эпохи, отъ Тарса до Пергама, и отъ горъ Тельмисскихъ до береговъ Галлса, до кургановъ Троадской равнины, гробницъ Пантикапеи, или нынѣшняго Керча, и взморьевъ Новороссіи, можно еще опредѣлить положитель-

но множество этихъ отношеній народа къ народу, вѣрованія къ вѣрованію, которыя озаряются такимъ свѣтомъ происхожденія племенъ и сообщаютъ новымъ археологическимъ трудамъ столько занимательности и прелести. Здѣсь можно отыскать колыбель Этрусскаго народа, и съ этой точки отправленія, указанной исторіею и оправданной памятниками, слѣдить, при перереходѣ его въ Италію, множество Азіатскихъ идей и типовъ, сравнивать гробницы, высѣченныя въ скалахъ Тельмисса, въ Ликии, во Фригіи, съ гробницами Норчин, Корнето, Вульги, могилу Мавзола съ памятникомъ Порсенны, катакомбу Мидаса съ подземельями Кіузи, и роаясь подъ колыбелю Рима глубже, нежели могли сами Римляне, вскрыть цѣлыя Азіатскіе клады, зарытыя въ Латинской древности. Здѣсь наконецъ, раскрывъ гробницу въ Крыму, или блуждая въ пустыняхъ одного изъ малоизвѣстныхъ пашалыковъ Анатоліи, можно прочесть цѣлый Скиѣскій романъ, цѣлую исторію торговли Аѳинъ временъ Перикла съ странами, прилежащими устью Нѣмана, или очутиться передъ древнимъ городомъ, исчезнувшимъ безъ слѣдовъ въ Историю; городомъ, котораго самое имя изгладилось изъ памяти людей, но котораго могущество, религія и искусство напечатѣлись на окрестныхъ утесахъ вѣчными буквами, посредствомъ изваяній, столь хорошо сохранившихся, что они еще не потеряли своей первоначальной свѣжести, своей до-исторической физиогноміи, — остатки государства, которое быть-можетъ предшествовало монархіи Мидаса и Гигеса, — памятники искусства, въ которыхъ, сквозь грубую работу Фригійскаго художника, проявляется мысль Ассирій и Бактрій.

Поле это, безъ-сомнѣнія, обширно, разнообразно и богато великими результатами, которые инстинктивная пропизательность генія сумѣетъ блистательно вывести наружу для обогащенія или положительнаго знанія, если только геній предохранитъ себя отъ увеличеній системодѣлія, которое въ состояніи все испортить. Чтобы подкрѣпить неопровержимымъ примѣромъ высокія надежды, о которыхъ мы говорили, и которыя, по нашему мнѣнію, Археологія, дѣйствуя путемъ сближеній и сочетаній, весьма способна осуществить, мы приведемъ только два новѣйшія от-

крытія въ области древнихъ памятниковъ, превосходящія занимательностью своею все, что сдѣлано въ наши годы по этой части, исключая, быть-можетъ, открытія Гг. Шульца и Монтита на озерѣ Вапъ. Мы говоримъ о гробницѣ одного Скиѣскаго царя, вскрытой въ Керчи въ 1830, подъ надзоромъ покойнаго Степиковскаго, титулярнымъ совѣтникомъ Павломъ Дюбро, и о извапіяхъ на утесахъ Богазъ-кіюа, въ древней Каппадокіи, найденныхъ господиномъ Тексіе въ прошедшемъ году. Оба памятника доставляютъ обильный предметъ для соображеній и сближеній: это двѣ любопытныя страницы въ исторіи обычаевъ, искусства и торговли народовъ, забытыхъ всеми историками; они сильно подкрѣпляютъ самыя возвышенныя надежды сравнительной Архелогіи, и мы, поздравляя ее съ этими пріобрѣтеніями, опасаемся только одного, — чтобы пріобрѣтенія эти не оправдали также мнѣнія, которое мы изложили въ началѣ статьи: намъ кажется, что самое обстоятельство недавняго открытія двухъ памятниковъ такой важности, уже само по себѣ доказываетъ, что всеобщая Археологія слишкомъ рано начинаетъ свои сближенія и теоріи.

Гробница, о которой мы упоминали, * находилась въ довольно крутомъ холмѣ, отстоящемъ на четверть версты къ югу отъ Керчи и называемомъ по-Татарски *куль-оба*; она была прикрыта сверху грудой наносныхъ камней различной величины, что придавало возвышенію видъ волканическаго бугра; но долговременная привычка, пріобрѣтенная на мѣстѣ, позволила Г. Дюбро угадать существованіе въ немъ гробницы. Послѣ нѣсколькихъ дней работы, открыли строеніе изъ тесаныхъ камней, которое было погребено въ холмѣ; передъ склепомъ находился родъ коридора, покрытаго тремя рядами огромныхъ камней, неимѣвшихъ другой опоры кромѣ деревянныхъ подставокъ и, съ тѣхъ поръ какъ ветхость обратила брусья въ пыль, державшихся только взаимнымъ давленіемъ. Входъ заложенъ былъ плитами.

* Мы не знаемъ ни какого Русскаго описанія этого памятника, и заимствуемъ слѣдующія подробности изъ *Journal des Savans*, въ которомъ напечатано нынче извлеченіе изъ записки, отправленной Г. Дюбро въ Парижскую Академію надписей.

Войдя въ склепъ, довольно похожій на погребъ, черезъ отверстіе, проломанное надъ дверью, тотчасъ убѣдились, что гробница не была никѣмъ посѣщаема,—обстоятельство, весьма рѣдкое въ памятникахъ этого рода, и которое придаетъ такъ много цѣны дѣлаемымъ въ нихъ наблюденіямъ. Погребальная комната представляла видъ почти правильнаго квадрата; длина ея отъ востока къ западу была шесть аршинъ восемь вершковъ, а ширина отъ сѣвера къ югу только шесть аршинъ. Высота отъ помоста до верхушки свода состояла изъ семи аршинъ съ половиною. Стѣны возвышались перпендикулярно до шестаго ряда камней, и начиная отселе, каждый верхній рядъ выдавался надъ нижнимъ впередъ на четыре или пять вершковъ, такъ, что строеніе въ разрѣзъ представляло пирамидальную форму; верхнее отверстіе, величиною почти съ квадратный аршинъ, было закрыто цѣльною плитой. На высотѣ пяти аршинъ отъ помоста, былъ прежде деревянный потолокъ, который обрушился, когда поддерживавшія его балки сгнили; отъ-этого произошелъ наружный видъ разрушенія, который являла гробница въ то время, когда въ нее вошли въ первый разъ. Не прежде, какъ по очищеніи пола отъ обломковъ бревенъ и досокъ, которыя покрывали большую часть его, могли Гг. Стемковскій и Дюбро приступить къ обозрѣнію предметовъ, находившихся въ гробницѣ: найденныя ими здѣсь вещи, сами по себѣ чрезвычайно богатая и любопытная, получаютъ новую степень занимательности отъ того, что расположеніе ихъ въ памятникѣ сохранилось безъ перемѣнъ, такъ, что можно опредѣлить намѣреніе, съ какимъ онѣ были помѣщены.

Первый предмѣстъ, близъ двери направо, около сѣверной стѣны, — была бронзовая, въ половину зарытая въ землю ваза, съ двумя ручками, продолговатой формы, вышиною въ тринадцать вершковъ, вмѣстѣ съ ножкою,—безъ сомнѣнія, родъ амфоры: ваза эта наполнена была водою и овечьими костями. Вблизи находился тазъ, изъ позолоченной бронзы, на круглой ножкѣ: на днѣ таза, покрывшемся окисломъ, стояли серебряный сосудъ для питья, кубокъ изъ того же металла и два рога, rhytium, также серебряные, изъ которыхъ одинъ украшался на концѣ ба-

ранеею головою превосходной работы. Обычай употреблять рогъ вмѣсто чаши, для питья, свойственный Скиѣскимъ народомъ подтверждается, между прочими памятниками, небольшою статуею изъ электрона, древняго состава золота и серебра, представляющею Скиѣскаго Геркулеса съ рогомъ въ рукѣ, и изданною покойнымъ Бларембергомъ. Немного далѣе, стоялъ другой бронзовый позолоченный тазъ съ ручками красивой формы и поддонкомъ; въ немъ также помѣщались четыре серебряныя вазы, а именно, три сосуда для питья, росица, украшенные извѣстными позолоченными барельефами: на одномъ были изображены водяныя птицы, тѣ же, которыя и теперь находятся на тамошнемъ проливѣ, — пеликаны, лебеди и морскіе вороны; на другомъ, группы звѣрей: левъ, одолеваящій вепря; *грифъ* терзающій оленя; на третьемъ фигуры волковъ; четвертый сосудъ былъ кубокъ съ двумя красными ручками и крышкою, на краю которой, внутри, вырѣзано было Греческими буквами ΕΡΜΕΩ, — надпись, показывающая, что кубокъ былъ посвященъ обрядамъ богопочитанія Меркурія: древность формы этого Ионическаго родительнаго падежа даетъ право думать, что помѣщеніе сюда или посвященіе самаго сосуда относится къ довольно глубокой эпохѣ. Такимъ образомъ, это драгоценныя памятники Милетійскаго искусства и исмадой древности, — вдвойнѣ драгоценныя, и по работѣ, и по своему происхожденію. За тѣми мѣстами, гдѣ найдены два таза, стояли прямо, прислонясь къ западной стѣнѣ, четыре глиняныя вазы, вполнѣ закрытыя и имѣющія видъ амфоръ небольшого размера. На ручкѣ одной изъ нихъ написано по-Гречески ΘΑΕΙ, а сверху, ΑΡΕΘΩΝ; поверхность ихъ вѣроятно была разрисована, судя по тому говорить сочинитель записки, что посрединѣ одной вазы изображена рыба. Г. Стемковскій полагалъ, что въ амфорѣ съ надписью ΘΑΕΙ, безъ-сомнѣнія вмѣсто ΘΑΕΙΩΝ, находилось Θасосское вино, столь знаменитое въ древности. Можно прибавить, что имя ΑΡΕΘΩΝ, которое читается сверху, должно принадлежать фабриканту, и археологи имѣютъ право помѣстить нынче извѣстныхъ по такимъ же надписямъ, въ число именъ славныхъ горшечниковъ и фаб-

рикантовъ разрисованныхъ вазъ Греческой древности, еще имя Ареополя Фасосскаго.

Погребъ, весь вымощенный каменными плитами, дурно соединенными, имѣлъ въ концѣ, съ южной стороны, впадину величиною съ квадратный аршинъ и глубиною въ поларшина: въ ней нашли лошадиныя кости, двѣ кнесмиды изъ золоченой бронзы и шлемъ конической формы. Вблизи впадины лежалъ остовъ мужчины, окруженный множествомъ фигуръ и вещей, сдѣланныхъ изъ золота или изъ электрона, толщиною въ четверть линію, — вѣроятно, украшенія, которыя были привѣшены къ одеждѣ этого чело-вѣка. Насупротивъ двери находились кости женщины, голова обращена къ югу, ноги къ сѣверу, и все тѣло было покрыто драгоценными вещами. На черепъ оставалась еще діа-дима изъ электрона, въ вершокъ ширины, украшенная съ краю разноцвѣтными эмалевыми розетками, а спереди, четырьмя изображеніями сидящихъ женщинъ, между которы-рыми помѣщены *грифы*; работа вездѣ выпуклая. Должно здѣсь напомнить, что грифъ былъ эмблемою или гербомъ города Пантикапен. На мѣстѣ шеи былъ большой кругъ изъ чистаго золота, открывавшійся и украшенный на обо-ихъ концахъ фермуаромъ изъ фигуръ двухъ лежащихъ львовъ; кромѣ того, ожерелье, сплетенное изъ золотой проволоки, съ небольшими продолговатыми чашечками того же металла, которыя висѣли на филиграновыхъ цѣпочкахъ. Посрединѣ тѣла находилось пять золотыхъ медальоновъ различной ве-личины, съ небольшими чашечками, привѣшенными такимъ же образомъ; два, самые большіе, медальона представляли голову Минервы съ ея принадлежностями, превосходной ра-боты; прочіе были украшены букетами цвѣтовъ изъ золота съ финифтью, такой тонкой работы, что дыханье шевелило листья ихъ. По обѣимъ сторонамъ того мѣста, которое за-нималъ трупъ женщины, лежали два золотыя запястья, ши-риною въ два вершка, украшенные двумя рядами группы, трижды повторенной и представляющей *олень*, изложен-наго *львомъ*, между-тѣмъ какъ *грифы* нападаютъ на него сза-ди. Это, конечно, изображеніе символическое, и относится къ какому-нибудь политическому событію: очевидно, что олень, съ которымъ Греки сравнивали трусавъ, представлялъ

малодушнаго врага, и что левъ служилъ эмблемою знаменъ Скиѣскаго царя: врагъ низложенъ былъ мужествомъ царя въ сраженіи, въ которомъ жители города Паантикапен, союзнаго царю, напали на общаго непріятеля съ тылу. Другіе предметы, которые, по-видимому, составляли часть наряда женщины, найдены тутъ же на мѣстѣ: два полукруга изъ электрона съ плоскими чашечками, которыя, подобно прежнимъ, были привѣшаны на филиграновыхъ цѣпочкахъ: полагаютъ, что полукруги эти носились на плечахъ; нѣсколько бутылочекъ изъ чистаго золота, съ пробками того же металла, длиною въ вершокъ и прелестной работы; шесть ножей съ ручками изъ слоновой кости, и седьмой, котораго ручка была съ золотою накладкою и выпуклыми *грифами*; наконецъ, круглая ваза изъ электрона, на поверхности которой красуются три барельефныя группы, равно замѣчательныя по тщательности отдѣлки и по новості рисунка. Первая группа представляетъ стоящаго человѣка, съ царскою діадемою на головѣ, копьемъ въ рукахъ и щитомъ возлѣ него; онъ слушаетъ другаго человѣка, который сидитъ напротивъ его, и вооруженъ такимъ же образомъ. Во второй группѣ являются два лица, на коленныхъ другъ передъ другомъ; у одного изъ нихъ разинутъ ротъ, другой, по-видимому, хочетъ вырвать у него зубъ; третья группа состоитъ также изъ двухъ фигуръ, именно, изъ человѣка, сидящаго на землѣ, которому другой, стоя передъ нимъ на коленныхъ, завертываетъ перевязкою ногу. Независимо отъ этихъ трехъ группъ, въ которыхъ всѣ фигуры имѣютъ длинныя, рассыпанные по плечамъ волосы, по обычаю Скиѣовъ, на вазѣ видно еще изображеніе Скиѣа, сидящаго и натягивающаго лукъ.

Рѣдкость и цѣна этихъ предметовъ, которые показываютъ необыкновенную роскошь жителей тамошняго края уже до Александра Великаго и дѣятельную торговлю съ отдаленными странами, — что заставляетъ предполагать у народовъ, обитавшихъ тогда по близости Чернаго Моря, гораздо высшую образованность, нежели мы воображаемъ, произнося слова — Скиѣи и варваръ, — рѣдкость и цѣна этихъ предметовъ не могутъ еще сравниться съ важною, въ археологическомъ отношеніи, того, что слѣдуетъ. Тѣло женщи-

ны, обладательницы этого богатаго и изящнаго убора, было покрыто деревяннымъ катафалкомъ, къ несчастію раздавленнымъ при паденіи потолка, но котораго обломки были найдены на полу, болѣе или менѣе поврежденные ветхостію. Этотъ катафалкъ, или лучше сказать, этотъ сундукъ, который вѣроятно былъ то самое, что Діодоръ Сицилійскій называлъ *χρυσόπτερος*, чахлою, состоялъ изъ четырехъ выточенныхъ ножекъ вышиною около аршина; доски двухъ боковыхъ сторонъ имѣли болѣе сажени въ длину; доски поперечныхъ сторонъ, противъ головы и ногъ, по аршину съ четвертью; всѣ четыре стороны были украшены живописью, хорошей работы, но истершейся до такой степени, что едва можно было различать очерки фигуръ. На одной изъ большихъ боковыхъ досокъ, той, которая лучше прочихъ сохранилась, находились слѣдующія изображенія. На одномъ концѣ представлена была колесница, запряженная четырьмя бѣлыми конями, которыми правила Побѣда; впереди колесницы группа изъ трехъ фигуръ, именно, мужчина, влекущій къ себѣ обѣими руками женщину, которую онъ держитъ за правую руку, и позади которой бѣжитъ другая женщина, протягивающая первой лѣвую руку, и, по видимому, поспѣшающая къ ней на помощь. Далѣе, направо, встрѣчаемъ еще группу, представляющую мужчину, который, съ одной стороны, бросается за драхвою, между-тѣмъ какъ съ другой противоположной стороны, женщина почти въ такомъ же положеніи старается овладѣть тою же птицею. Позади этой женщины, лебедь, который поднимается, расправляя свои крылья, и, вытягивая шею, кажется, хочетъ скрыться отъ преслѣдованій второй женщины, которая готовится схватить его. Дерево отдѣляетъ отъ этихъ любопытныхъ сценъ Скиѣской супружеской драмы фигуры слѣдующей группы, состоящей изъ женщины и двухъ мужчинъ по сторонамъ ея. одному изъ нихъ она протягиваетъ руку, которую онъ принимаетъ, между-тѣмъ какъ другой мужчина спѣшитъ къ ней. Наконецъ, на второмъ концѣ, еще одна колесница съ четырьмя лошадьми, которая бѣгутъ въ лѣвую сторону. Таковы картины одной изъ досокъ катафалка: онѣ могутъ-быть предметомъ весьма любопытнаго объясненія. Цвѣты употреблены бѣлый, черный, красный, лазоревый, зеленый и

желтый: это тѣ самые шесть цвѣтовъ, которые употреблялись въ глубокой древности и находятся на памятникахъ Греціи, Этрурии и Египта. Ими были раскрашены, на бѣломъ полѣ, рисунки на прекрасной Саламинской вазѣ, единственной въ своемъ родѣ, сдѣланной на одной изъ лучшихъ Аѳинскихъ фабрикъ и нынче принадлежащей господину Грасіе. Если бы эти доски лучше сохранились, мы пріобрѣли бы безцѣнный памятникъ живописи на деревѣ чисто Греческой древности, сдѣланный руками Грековъ. Впрочемъ, и въ настоящемъ состояніи его, это — одно изъ важнѣйшихъ открытій нашей эпохи.

Предметы, доселѣ описанные, занимали только третью часть погребѣ; двѣ другія части были заняты большимъ деревяннымъ сундукомъ, или «чахлоу», стоявшимъ на землѣ; форма его была квадратная, по четыре аршина во всѣ стороны. Куски дерева, изъ котораго онъ былъ построенъ, сохранились такъ хорошо, что пришлось рубить топоромъ концы, вѣданные въ четыре большія бревна. Снявши такимъ образомъ верхнія доски, открыли остатки мужескаго остова, котораго голова лежала на югъ, ноги на сѣверъ, а обѣ руки вдоль боковъ. На черепѣ, отъ котораго сохранились только обломки, былъ кругъ изъ электрона, отбѣлащій и украшенный въ такомъ же вкусѣ какъ діадима, найденная на головѣ женщины. Этотъ родъ повязки служилъ каймою конической шапки. На верхней части шапки находился другой кругъ, также изъ электрона, но гораздо меньшій въ діаметрѣ; судя по толщинѣ ткапи, кажется, что эта шапка, вѣроятно родъ Скиѣской тіары, и почти совершенно истлѣвшая, была сдѣлана изъ войлока. На шеѣ былъ надѣтъ большой раскрывавшійся обручъ, окрашенный по обоимъ концамъ, въ видѣ фермуара, двумя фигурами Скиѣовъ, скачущихъ верхомъ: начиная съ того мѣста, онъ испещренъ голубымъ, зеленымъ и краснымъ цвѣтами; остальная часть заплетена въ видѣ веревки, и походила на ожерелья Галловъ въ саркафагѣ Амандолы и знаменитой Капитолійской статуи. Обѣ руки были покрыты запястьями различной формы и на разныхъ мѣстахъ. На правой рукѣ, выше локтя, находился золотой обручъ, въ вершокъ ширины, украшенный барельефомъ; ниже локтей, на обѣихъ рукахъ, бы-

ли два гладкіе круга изъ электрона. Тамъ, гдѣ рука соединяется съ кистью, находились другія не закрытыя запястья, къ концамъ которыхъ придѣланы фигуры сфинксовъ, держащихъ въ лапахъ толстую золотую нить, служившую къ стягиванію запястій, когда ихъ надѣвали. Все это изъ чистаго золота и отличается изыскствомъ отделки.

Налѣво отъ остова, внутри сундука, раздѣленнаго во всю длину надвое небольшою доскою, по ту сторону перегородки, лежали многіе изъ главныхъ принадлежностей убора Скиѣскаго военнаго вождя, именно, мечъ, длиною въ семнадцать вершковъ съ половиною, и шириною въ два вершка съ четвертью, сколько можно было измѣрить по причинѣ ржавчины, переѣвшей его, съ рукою, обложенною золотыми листами съ рѣзбою; плеть, которой кожа, почти превратившаяся въ прахъ, обвита была листомъ золота; небольшой щитъ изъ чистѣйшаго золота, украшенный головами и изображеніями животныхъ, прекрасной работы, толщиною въ серебряный рубль и вѣсомъ въ два фунта, выгнутый по формѣ руки, — оружіе, вѣроятно, свойственное этому народу; наконецъ футляръ для лука, деревянный съ накладкою изъ электрона: дерево сгнило, но покрывка сохранила форму предмета, и, между прочими выпуклыми украшеніями, на ней видны были голова мужчины, безъ сомнѣнія, портретъ покойника съ именемъ его, написаннымъ по-Гречески, ΠΟΡΙΝΑΧΟ (s); выше, левъ, пизлагающій козла; потомъ извѣстная уже группа, олень, на котораго нападаютъ съ одной стороны левъ, съ другой грифъ, на верхней части футляра бегемотъ, или морской конь. Гг. Стемповскій и Дюбрѣ полагали, что этотъ «Поринахъ» былъ Скиѣскій государь, царствовавшій тамъ до поселенія Грековъ въ Пантикапѣй, относя такимъ образомъ гробницу и найденныя въ ней вещи къ весьма глубокой древности. Г. Рауль-Рошетъ думаетъ, напротивъ, что Поринахъ находился только въ тѣсныхъ связяхъ съ Пантикапеей по гостепріимству, торговлѣ и политикѣ, и жилъ во время цвѣтущаго состоянія Греческихъ городовъ на Киммерійскомъ Восфорѣ. Что касается до насъ, то мы уже обнаружили наше мнѣніе объ этомъ предметѣ самымъ объясненіемъ группы льва, оленя и грифа, которая находится на золотомъ запястьѣ жен-

щины и на футляръ для лука въ гробницѣ мужчины: намъ кажется очевиднымъ, что этотъ царь, несомѣнный Скиѳъ, судя по фигурамъ, вырѣзаннымъ на украшеніяхъ, и по самымъ характеристическимъ элементамъ его мавзолея, которые согласуются все съ обычаями Скиѳовъ, описанными Геродотомъ, — что этотъ царь былъ союзникомъ и защитникомъ Греческой колоніи. Быть-можетъ, онъ поставлялъ ей свою дружину и содержалъ въ этомъ торговомъ городѣ *Landvaern*, земле-защиту, какъ впоследствии князя Норманскіе въ Новѣгородѣ. Одно только это предположеніе въ состояніи объяснить причину, почему Поринахъ, царь чужаго народа, погребенъ въ Паптикапѣ.

Кромѣ меча, плети, щита и футляра, была здѣсь еще кненида изъ позолоченой бронзы, — другая кненида найдена за сундукомъ, у восточной стѣны, — и зеленоватый камень, твердый и округленный, на которомъ точили наступательное оружіе, съ рукою, обдѣланною золотомъ и украшенною выпуклыми изображеніями: тутъ снова встрѣчается грифъ, символическая птица Паптикапен.

Таковы были вещи, запертые въ погребальномъ сундукѣ вмѣстѣ съ остатками чловѣка. За головою его, по вѣту сундука, стояли четыре небольшія статуи изъ электрона, посредственной работы, совершенно сходныя съ статуею, которую покойный Бларемберъ обнародовалъ, какъ изображеніе Скиѳскаго Геркулеса, и двѣ фигурки изъ того же вещества, но лучше сдѣланныя: онѣ составляютъ группу двухъ Скиѳовъ, обнимающихся съ чашею въ рукѣ. Наконецъ, со стороны погъ, у сѣверной стѣны, тоже вѣту сундука, поставлены были три бронзовыя вазы, одна круглая, другія двѣ продолговатыя; послѣднія были наполнены овечьими костями. Небольшое блюдо или патера, также изъ бронзы, находилась на этой сторонѣ, подлѣ двери. Это цѣлый романъ Вальтера-Скотта!

Кромѣ всѣхъ этихъ предметовъ, которые, въ мѣстѣ древнихъ, всегда имѣли важность, соразмѣрную съ болѣе или менее близкимъ расположеніемъ ихъ подлѣ покойника или на его тѣлѣ, на томъ мѣстѣ, которое занималъ трупъ, найдено еще множество другихъ вещей изъ золота и изъ электрона: онѣ вѣроятно были пришиты къ одеждѣ или служили укра-

иеніемъ домашней утвари. Тутъ были розетки, или звѣзды, различной величины; маски (изображенія лица) женщинъ и боговъ, превосходнаго стиля; орнаменты, представляющіе пегасовъ, львовъ, зайцевъ и прочая; пуговицы съ эмалью; другія, гладкія; нѣкоторыя съ изображеніемъ головы или только маск. Всѣ эти вещи, сдѣланныя изъ весьма тонкихъ листовъ золота, были выбиты, а не вылиты. Полъ погребасотнями покрывали бронзовыя острія стрѣлы, до такой степени твердыя, что ихъ не брала рашпиль: между ними паходились желѣзные копья и дротики, сильно поврежденные ржавчиною. Г. Дюбрò, замѣчаетъ, о большей части этихъ предметовъ, что, судя по достоинству работы, они должны принадлежать къ лучшему времени Греческаго искусства, следовательно къ самой блестящей эпохѣ Милетійской колоніи въ Паптикапѣ. Жаль, что не нашлось здѣсь Греческихъ медалей, которыя могли бы вести къ разрѣшенію вопроса о древности памятника и отечествѣ покойника.

«Простѣвая черезъ рѣшето землю, которая покрывала остовы», говоритъ Г. Стемпковский въ собственноручномъ примѣчаніи, «нашли нѣсколько весьма мелкихъ кустовъ буковаго дерсва, сильно поврежденныхъ, которыя, по-видимому, «суть части какого-нибудь музыкальнаго орудія. Многіе изъ этихъ кусковъ были покрыты рисунками, сдѣланными грабштихомъ, удивительной работы. Между прочими изображеніями мы нашли на нихъ колесницы съ четырьмя конями; женщину, держащую въ рукѣ шлемъ; дитя, несущее большой сосудъ, изъ котораго оно даетъ пить лошади; сидящихъ женщинъ, и прочая. Многія изъ фигуръ вырѣзаны; одежда у нихъ Греческая.»

Каждая изъ этихъ подробностей есть черта, характеризующая гений древности въ одномъ изъ самыхъ занимательныхъ ея обрядовъ. То, что намъ остается сказать, не менѣе важно. На третій день изслѣдованій въ гробницѣ предстояло еще осмотрѣть пространство въ аршинъ ширины, вдоль восточной стороны, которое было завалено камнями обрушавшейся стѣны и землею. Отлагая до слѣдующаго дня розыски, которыя требовали большихъ осторожностей, не позаботились поставить на почѣ часовыхъ у погребас, и думали, что для отвращенія ночныхъ посѣтителей доволь-

но было завалить входъ въ памятникъ большими камнями. Но корыстолюбіе было сильнѣе страха умереть подъ развалинами: нѣсколько человекъ, пользуясь темнотою, проникли въ погребъ, и во мракъ, подвергаясь ужасной опасности, трудились съ такимъ успѣхомъ, что на другой день, когда изслѣдователи возвратились къ своему дѣлу, вся часть погреба, заваленная камнями и землею, была взрыта, и всѣ вещи, какія только тамъ находились, были расхищены. По свѣдѣніямъ, собраннымъ впоследствии, количество этихъ вещей было огромно; онѣ состояли изъ фигуръ, выбитыхъ или тиснутыхъ, какъ то—головъ Аполлона, Медузиной маски, розетокъ, звѣздъ, пуговицъ большихъ, и малыхъ, изображеній животныхъ, и прочая. Онѣ, по всей вѣроятности украшали одежды, висѣвшія въ погребѣ на пяти большихъ бронзовыхъ гвоздяхъ, которые еще держались въ стѣнѣ. Посредствомъ величайшихъ стараній, успѣли наконецъ собрать довольно значительную часть этихъ вещей, но многія изъ нихъ перешли въ чужія руки, были проданы и разбѣяны: нѣтъ сомнѣнія, что предметы, которыхъ описаніе Г. Рауль-Рошетъ напечаталъ въ *Journal des Savans* 1832 года, какъ найденныхъ въ одной Пантикапейской гробницѣ и купленныхъ имъ для Парижскаго музея, принадлежали къ числу древностей, похищенныхъ въ то время корыстолюбіемъ туземцевъ. Выбрасывая землю и даже ломая помостъ погреба, чтобы достать малѣйшія золотыя вещи, которыя могли тамъ находиться, эти люди, встрѣтили подъ поломъ близъ двѣри, направо, яму двухъ съ половиною аршинъ длины при одномъ аршинѣ ширины: глубина была болѣе аршина. Яма эта была наполнена черною, весьма мелкою, землею, и на днѣ ея лежали кости человека, подлѣ которыхъ находились различныя вещи изъ золота и электрона. Большой открытый обручъ, для надѣванія нашею, съ красивыми по обоимъ концамъ львиными головами, разрисованными голубою и красною финифтью, и нѣсколько листовъ электрона, съ барельефами довольно хорошей работы, изображающими разныя группы, какъ на колчанѣ или футлярѣ для лука, составляли также часть этого клада, похищеннаго у науки. Человекъ погребенный на этомъ мѣстѣ, вѣ-

роятно былъ **ННЮХОЕ**, оруженосецъ Скинскаго царя, который послѣдовалъ за государемъ своимъ въ могилу, по обычаю этихъ народовъ, описанному Геродотомъ.

Можно пожалѣть также, что и все найденное въ гробницѣ и спасенное отъ хищности обывателей, что вся эта богатая, гробовая поэма неизвѣстной эпохи и неизвѣстнаго народа хранится, вмѣстѣ съ другими драгоценными остатками древности, Таврчды и береговъ Чернаго Моря, въ музей города, столь мало ученаго, какъ Керчь, потому что и весь этотъ музей потерянъ для науки. Между-тѣмъ онъ бы могъ сдѣлаться, съ своими любопытными памятниками, основаніемъ великолѣпнаго труда и привести изыскателя къ сближеніямъ высочайшей важности, еслибъ былъ перенесенъ въ какой-нибудь центръ прілежныхъ ученыхъ занятій. Да вдохнетъ начертанная здѣсь картина новаго умственнаго міра, который можно открыть въ обломкахъ протекшихъ образованностей, молодымъ читателямъ нашимъ желаніе приняться съ любовью за ученые языки древности, безъ которыхъ нѣтъ основательнаго знанія. Наше отечество, Петербургъ въ особенности, обладаетъ рѣдкими собраніями древностей всякаго рода, и не одинъ истинный геній могъ бы на нихъ упражнять свои способности и воздвигнуть для себя блестящую литературную славу. Но надобно учиться!

Перейдемъ къ открытію Г-на Тексіе. Оно переноситъ насъ совершенно къ другой образованности, вовсе незнакомой, въ которой нѣтъ ничего Эллинскаго, и которая, по видимому, восходитъ за пять или за шесть столѣтій до нашей эры. Тамъ была царская гробница; здѣсь царская свадьба.

Г. Тексіе путешествуетъ по Азіи на счетъ Французскаго правительства, въ качествѣ минералога и антикварія. Въ началѣ текущаго года онъ находился въ Константинополѣ, по возвращеніи изъ путешествія въ малую Азію. Посѣтивъ Ангору, онъ переправился чрезъ Галисъ, пышнѣйшій Кызыль-Ирмакъ; потомъ поворотилъ къ юго-востоку. Оставивъ за собою многія рѣки и долины, которыя не означены на картахъ, онъ остановился на пятый день въ деревнѣ Богазь-кѣй, гдѣ, по разсказамъ жителей, дол-

женъ былъ пайти камни съ изваяніями, остатки дворца Зизима, базары и крѣпость, окружавшіе жилище этого государя. Въ самомъ дѣлѣ, на высокой горѣ, которой вершина образуетъ обширную площадь, онъ увидѣлъ остатки города, заросшаго внутри мелкимъ дубовымъ лѣсомъ и обведеннаго до сихъ поръ стѣною циклопской работы, шириною въ семь аршинъ. Ворота, изъ которыхъ одинъ прежде образовали арку, украшены двумя львиными головами; подземный три вышеграда, или акрополя, на высокихъ, отдѣльныхъ утесахъ, храмъ, построенный на террасѣ съ нѣсколькими уступами, дѣлаютъ это мѣсто однимъ изъ самыхъ примѣчательныхъ въ Малой Азіи. Можно предположить, по теперешнимъ картамъ нашимъ, что путешественникъ отыскалъ Соандъ, древній городъ Каппадокіи, котораго положеніе не было въ точности извѣстно; городъ, уже находившійся въ упадкѣ во времена Страбона, и упомянутый имъ только мимоходомъ. Онъ вѣроятно процвѣталъ въ эпоху, предшествовавшую водворенію въ этихъ странахъ Грековъ, и потому здѣсь нѣтъ Еллиническаго зодчества и ваянія, которыя покрываютъ землю въ столь многихъ городахъ западной Азіи.

Впрочемъ, главнымъ предметомъ нашего вниманія должны быть не эти развалины. Въ небольшомъ разстояніи отъ города, въ оградѣ, образованной утесами и имѣющей входъ съ востока, камни, выдающіеся впередъ и правильно огранные руками человѣческими, представляютъ барельефы, какъ на террасахъ Персеполя, какъ въ Накши-Рустемъ и Бисутонъ: это непрерывный рядъ фигуръ, которыхъ величина измѣняется отъ полу-роста до колоссальныхъ размѣровъ. Каждая фигура была тщательно отдѣлана и красовалась блестящимъ глянцемъ, который виденъ еще доселѣ въ закрытыхъ мѣстахъ.

Фигуры эти идутъ все въ одну сторону, ко входу въ ограду, которая называется окрестными жителями *язылы-кал*, «Писанною скалою», и вся процессія сходится въ глубинѣ нѣкотораго рода залы, гдѣ являются взорамъ два главные лица. Эти лица, кажется, дарятъ другъ друга. Одно изъ нихъ, представляющее царя, имѣетъ бороду; въ правой рукѣ оно держитъ палицу, лѣвою подаетъ цвѣ-

токъ; оно ступаетъ на головы двухъ человѣкъ, которые гнутся отъ тяжести. На головѣ у него высокая митра конической формы; оно одѣто въ короткую туннику; у ногъ его виднѣнъ однорогій быкъ. За царемъ слѣдуетъ его дворъ и образуетъ позади длинное шествіе. Непосредственно сзади царя, находятся два человѣка съ бородами и въ такихъ же митрахъ: первый несетъ въ правой рукѣ палицу, опущенную на плечо; лѣвая рука, вытянутая впередъ, поддерживаетъ длинный мечъ. Второй безъ оружія. Обѣ эти фигуры идутъ по крутымъ утесамъ.

Коммиссія, отдававшая Академіи Надписей отчетъ о донесеніи и рисункахъ Г. Тексіе, полагала, что изъ шести фигуръ, составляющихъ слѣдующій барельефъ, двѣ изображаютъ жрицъ: первая держитъ серпъ, вторая какое-то орудіе, быть-можетъ, зеркало. Двѣ другія фигуры имѣютъ крылья; наконецъ та, которая идетъ позади всѣхъ, несетъ въ рукахъ цвѣтокъ и жезлъ съ согнутымъ концемъ, нѣсколько похожій на *Lituus* Римскихъ авгуровъ; шаръ или кругъ, находящійся на шлемѣ его, украшенъ двумя крылами: слѣдственно, здѣсь снова встрѣчается религіозный сивланъ, украшающій всѣ памятники Египтянъ и нѣкоторыхъ народовъ древней Азіи. Такъ какъ одежда послѣдней фигуры отличается отъ прочихъ, то Г. Тексіе думаетъ, что это другой царь, который идетъ въ свитѣ перваго; но, можетъ-быть, это первосвященникъ, которому предшествуютъ жрецы туземнаго богослуженія.

Всѣ тридцать пять человѣкъ, которые, на трехъ послѣднихъ барельефахъ съ лѣвой стороны, заключаютъ это длинное торжественное шествіе, и которыхъ Г. Тексіе называетъ «копѣеносцами, полководцами и воннами», одѣты въ легкія тунники, доходящія имъ до колѣнъ. Многіе несутъ палицы, косы, большія выгнутыя сабли и еще предметы, которые кажутся цвѣтами или вѣтвями; но иныя вѣтви такого размѣра, что походятъ на убранные пучки розогъ, и напоминаютъ знамена Римскихъ легіоновъ. Послѣднія тринадцать фигуръ, которыя Г. Тексіе называетъ воинами, и которыя, въ самомъ дѣлѣ, кажутся войскомъ или народомъ, одѣты однообразно, имѣютъ на головахъ коническія шапки, стоятъ всѣ въ положеніи стрѣляющаго изъ лука: впро-

чемъ у нихъ нѣтъ оружія. Обувь ихъ очень выгнута. На всемъ памятникѣ только двѣ фигуры смотрять лицомъ прямо, — тѣ, которыя находятся въ «шестви копье-носцевъ»; онѣ стоятъ на подмосткахъ, и несутъ родъ лодки, быть-можетъ, большой тазъ, наполненный очистительной водою, «мѣдное море». Положеніе фигуръ на пьедесталѣ, ихъ осанка, ихъ поднятыя выше головы уши, ихъ почти чудовищные члены, показываютъ, что это религіозный обрядъ или символическая сцена, и когда вспомнимъ, что здѣсь было царство Мидаса, Греческая басня объ ослиныхъ ушахъ этого государя-меломана, надъ которою столько шутили, можетъ еще превратиться для насъ въ достойную объясненія загадку. Она, какъ всѣ древнія басни, конечно имѣла основаніе въ какомъ-нибудь фактѣ мѣстной вѣры или обычаяхъ страны, непонятномъ и перетолкованномъ легкомысленностью Грековъ.

Возвратимся въ глубину ограды, гдѣ находится царь, идущій впереди этой многочисленной свиты. Фигура, которая стоитъ противъ него, имѣетъ всѣ признаки женщины. Длинное платье съ широкими рукавами подвизано подъ шею; станъ сжатъ поясомъ; волосы длинные и висящіе, и головной уборъ состоитъ изъ зубчатой митры, которую мы иногда встрѣчаемъ на статуяхъ Цибеллы. Царица эта стоитъ на львѣ, и имѣетъ при себѣ, такъ же какъ царь, однорогое животное; позади ея видна, кажется, эмблема: это — изображеніе мужчины, которому художникъ далъ забавное выраженіе.

За царицею слѣдуетъ другое лице, посланникъ или переводчикъ, который, по одеждѣ своей, очевидно принадлежитъ къ другому народу. Вооруженный скирою и кинжаломъ, онъ также выступаетъ на спинѣ льва. Сзади его являются двѣ женщины, которыя подаютъ цвѣты: онѣ менѣе царицы ростомъ, но одѣты совершенно одинаково; ихъ несетъ двуглавый орелъ съ распростертыми крыльями. Шествіе съ этой стороны заключаютъ тринадцать лицъ того же пола и въ такомъ же нарядѣ; число ихъ равно числу воиновъ, которыхъ мы видѣли на противоположной сторонѣ.

Есть еще четыре барельефа, которые, какъ кажется, не принадлежатъ непосредственно къ главной сценѣ, хотя ваяніе, очевидно, относится къ той же эпохѣ. Направо, при входѣ въ ограду, за тринадцатью женщинами, которыя составляютъ свиту царицы, стоитъ фигура колоссальной величины: защищенная отъ непогодъ выдавшеюся скалою, она до сихъ поръ сохранила свѣжесть своего глянца. Ноги ея опираются на двѣ вершины горы; одежда совершенно такая же какъ у первосвященника, который идетъ за царемъ. Она держитъ тоже въ одной рукѣ согнутый скипетръ, а въ другой несетъ родъ маленькаго храма (*aediculum*) съ крылатымъ паромъ сверху, который въ подробностяхъ своихъ немного схожъ съ страннымъ украшеніемъ, помещеннымъ на головѣ великаго генія-храпителя, изваянной въ долигѣ Мурга-абъ, въ Персін. Нельзя рѣшить, кого здѣсь хотѣли изобразить, царя или бога, котораго такимъ же образомъ одѣтый первосвященникъ есть представитель. Три другія фигуры, росту болѣе естественнаго, находятся также направо, но внѣ главной ограды: это, безъ сомнѣнія, божества, напоминающія своимъ чудовищнымъ сложеніемъ и смѣшеніемъ формъ кумировъ внутренней Азии и Индіи. Первая изъ нихъ — человѣкъ съ львиною головою и поднятыми кверху руками: въ одной рукѣ онъ держитъ шаръ. Далѣе, существо съ головою человѣка, въ украшенной, полосатой митрѣ; вмѣсто рукъ у него двѣ переднія части льва, вмѣсто ногъ, морскія чудовища, которыхъ головы нынче скрыты возвышеніемъ почвы. Земля покрываетъ и нижнюю часть третьяго божества, которое Г. Тексіе почитаетъ Милитою, Ассирійскою Венерою. Лѣвою рукою она прижимаетъ къ груди своей младенца; въ правой держитъ эмблему, похожую на ту, которая видна позади царицы на главной картинѣ. Въ полѣ стоитъ маленькій храмъ (*aediculum*), отличающійся только немногими подробностями отъ того, который держитъ колоссальная фигура, изображенная позади царицыной свиты.

Ничто изъ того, что намъ извѣстно по Исторіи, не дастъ возможности примѣнить какое-либо имя къ фигурамъ, изваяннымъ на этомъ чудномъ памятникѣ, который выполненъ, очевидно, въ эпоху предшествовавшую введе-

нію сюда Греческаго искусства. Многія подробности, положеніе, разстановка, даже одежда нѣкоторыхъ лицъ, напоминають памятники Египта; но съ другой стороны, цвѣты, которые держитъ большаю часть фигуръ, походятъ на лотосъ, примѣченный на барельефахъ Чегель-минара (Персеполиса) въ рукахъ цари и нерѣдко въ рукахъ фигуръ, составляющихъ его свиту. Здѣсь, такъ же какъ въ барельефахъ Персеполиса, глазъ поставленъ прямо на лицахъ, нарисованныхъ въ-профиль. Наконецъ, не говоря о другихъ подобіяхъ, два человѣка, подымающіе колоссальную фигуру царя, довольно похожи на многочисленныхъ воиновъ, держащихъ въ памятникѣ Накши-Рустемскомъ архитравъ, на которомъ монархъ стоитъ прямо. Но тѣмъ неменѣе, различіе между барельефами Богазь-Кіоя и древней Персіи весьма велико. Послѣдніе сдѣланы съ большимъ искусствомъ и примѣтельною правильностію; въ широкихъ платьяхъ Мидянъ, въ тщательно завитыхъ волосахъ фигуръ и въ многочисленныхъ принадлежностяхъ, они представляютъ подробности, отличающіяся такою отдѣлкою и такою кистью рѣзца, какихъ мы напрасно искали бы въ тѣхъ, о которыхъ здѣсь идетъ дѣло. Они отличны и одеждою фигуръ и стилемъ; на нихъ почти всегда множество гвоздеобразныхъ или другихъ писменъ, между-тѣмъ какъ здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго слѣда надписей. Въ памятникахъ, сооруженныхъ Даріемъ и его преемниками до Александра, вовсе не видно женщинъ; царица, которая, въ оградѣ Язымы-каа, безъ покрывала и съ скипетромъ въ рукѣ выступаетъ на спинѣ льва въ сопровожденіи многочисленной свиты, составленной изъ особъ ея пола, также съ открытыми лицами, по-видимому, принадлежитъ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда на берегахъ Евфрата воинственныя предводительницы, какъ гласитъ преданіе, основывали или распространяли государства, и когда, вѣроятно, правы Азіятскихъ народовъ еще не были тѣмъ, чѣмъ они сдѣлались послѣ Кира, и въ особенности послѣ введенія магометанской религіи.

Эмблема плодородія, узнанная комиссіею Академіи Надписей, какъ нельзя лучше, въ эмблемахъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, и помѣщенная подлѣ лицъ, которыя предсѣдательствуютъ на этомъ великолѣпномъ праздникѣ гра-

нитныхъ исполиновъ, объясняетъ самымъ удовлетворительнымъ образомъ представленную здѣсь сцену: это свадьба. Фригійскій монархъ хотѣлъ, кажется, увѣковѣчить сочетаніе свое съ дочерью могущественнаго царя Мидянъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ произошла встрѣча молодыхъ супруговъ, потому что здѣсь или весьма близко отсюда была граница, раздѣлявшая оба государства. И такъ, это не болѣе и не менѣе какъ памятникъ династіи Гордіевъ, которые царствовали здѣсь между 740 и 570 годами до нашей эры. Безполезно было бы даже искать имя государя, который празднуетъ свадьбу свою на этихъ скалахъ: онъ или Гордій, или Мидасъ, по тому что всѣ государи ихъ фамиліи носили, не то, такъ другое, изъ этихъ двухъ именъ. Намъ не извѣстна также исторія древнѣйшихъ Мидійскихъ монарховъ, какъ на примѣръ, Деіока, Фраорта, Кіаксара, и мы не можемъ знать, выдалъ ли который изъ нихъ дочь свою за царя Фригійскаго. Впрочемъ, этотъ дивный памятникъ, по всѣмъ соображеніямъ принадлежащій VII столѣтію до Рождества Христова, этотъ гигантскій трудъ, совершенный, когда еще Греческая образованность не заходила въ ту сторону, есть открытіе, которое само по себѣ служить уже свѣтильникомъ во мракъ эпохи безъ исторіи, освѣщая величіе народовъ едва извѣстныхъ по именамъ, и обнаруживая намъ туземное Искусство, изъ произведеній котораго могутъ возникнуть откровенія, драгоцѣнныя для исторіи человѣчества.

БАЛЬСАМИРОВАНИЕ

У ДРЕВНИХЪ ЕГИПТЯНЪ И ВЪ НАШЕ ВРЕМЯ.

=

Въ последнее время журналы и газеты въ Европѣ такъ часто говорятъ объ опытахъ дѣланія новыхъ мумій, что обзоръ этого искусства должно быть занимательно для каждого читателя, который можетъ, — отъ чего Боже упаси, — когда-нибудь умереть. Тѣло челоуѣка, какъ и всякое другое органическое тѣло, по смерти подвергается гніенію. Обстоятельства, способствующія гніенію, суть доступъ воздуха, умеренная теплота, влажность, предшествовавшія болѣзни, нѣкоторые яды, и такъ далѣе. Обстоятельства, препятствующія гніенію, и средства, замедляющія его, суть значительный холодъ, сухой воздухъ, высокая степень сухой теплоты, винный спиртъ, хлоръ, дегтярная вода, дымъ, древесная кислота, креосотъ, мышьякъ, сулема, уголь, разнаго рода составы, которые плотно пристають къ поверхности тѣла, увеличиваютъ гладкость и лоскъ, и прочая. Мѣстные отношенія той почвы, или того пространства, въ которомъ мертвое тѣло заключено, имѣютъ большое вліяніе на его сохраненіе. Эти условія дѣйствуютъ тройко, — отвращая влажность, препятствуя доступу воздуха, и особеннымъ образомъ.

Желаніе сберечь тѣла умершихъ заставило древнихъ Египтянъ обратить вниманіе на эти условія. Такимъ образомъ родилось искусство бальсамированія, *pollinctura*, или *conditura*, *balsamatio cadaverum*, которое есть не что иное какъ приготовленіе мертвыхъ тѣлъ, челоуѣка и животныхъ, съ тѣмъ, чтобы сохранить ихъ отъ гнилости. Произведенія этого древняго искусства получили, въ XIII столѣтіи, названіе мумій.

Слѣды бальсамированія встрѣчаемъ у Скивовъ, Эеіоповъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ. Эеіопскій способъ бальсамированія разсказанъ Геродотомъ: «Высушивъ трупъ, такъ ли какъ «дѣлають Египтяне, или какъ иначе, и обмазавъ весь гипсомъ,

«украшаютъ живописью, стараясь, чтобы, какъ можно, былъ «онъ сходитъ съ живымъ. Потомъ ставятъ его въ пустую «колонну, сдѣланную изъ стекла», и такъ далѣе*. Скины бальсамировали тѣла своихъ царей такимъ образомъ: «Тѣло «наващиваютъ, разрѣзываютъ брюхо, вычищаютъ его, на- «полняютъ изрубленнымъ ситовникомъ, благовоніями, съ- «менемъ петрушечнымъ и анисовымъ, потомъ зашиваютъ,» и прочая **. Но все это не Египетское бальсмирование.

Искусство, представляемое намъ древними Египетскими муміями, есть собственность однихъ Египтянъ. Все доказы- ваетъ, что другимъ народамъ не былъ извѣстенъ Египет- скій способъ бальсмированія. Муміи, находимыя въ Мекси- кѣ и на островахъ Атлантическаго Океана, засушенные тѣ- ла, встрѣчаемыя въ подземельяхъ, или катакомбахъ, странъ, прилежащихъ къ Средиземному Морю, совершенно но- вы и какъ бы вчерашнія въ сравненіи съ древностью Еги- петскихъ мумій.

Во времена Фараоновъ искусство бальсмированія было въ полномъ совершенствѣ; но потомъ, начавъ мало-по-малу упадать, пришло въ забвеніе, и наконецъ вовсе потерялось. Причину этой потери трудно опредѣлить. Нѣтъ сомнѣнія, что это искусство, предоставленное особенному классу лю- дей, было ими сохраняемо въ глубочайшей тайнѣ, и отъ од- нихъ къ другимъ переходило черезъ преданія. Незнаніе ли надлежащихъ правилъ, или небрежное ихъ исполненіе баль- самировщиками, равнодушіе ли, постепенно происшедшее, самого народа къ этому предмету, или всѣ три причины вмѣстѣ, служили поводомъ къ такому упадку, — оставляемъ перышнымъ.

Трудно также опредѣлить, въ какое именно время пре- кратилось бальсмирование въ Египтѣ. Графъ Келюсъ (Caylus) относитъ это ко времени владычества Римлянъ надъ Егип- томъ: слѣдовательно, около временъ Діодора Сицилійскаго оно уже тамъ не существовало; однако жъ по свидѣтельству

* См. «Исторію Продота», переводъ съ Греческаго, Мартыно- вымъ, III, 24.

** Исторія Продота, IV, 71.

Блаженнаго Августина еще и въ сго время, въ первой половинѣ V столѣтія, въ Египтѣ бальсмировали *.

Наши свѣдѣнія о Египетскомъ бальсмированіи заимствуются частью изъ изслѣдованія самыхъ мумій, частью изъ историческихъ преданій. Я намѣренъ изложить здѣсь одни историческія извѣстія, для которыхъ есть два главные источника, Геродотъ, древній, жившій слишкомъ за четыреста лѣтъ до Р. Х., и Діодоръ Сицилійскій, современникъ Юлія Цезаря и Августа. Только слегка и весьма кратко упоминаютъ о муміяхъ Страбонъ и нѣкоторые другіе древніе писатели. Геродотъ и Діодоръ оба были въ Египтѣ; но повѣствованія ихъ о приготовленіи Египтянами мумій не во всемъ сходны съ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ мы теперь находимъ муміи. Нѣкоторые полагаютъ, какъ Blumenbachъ, Гренвилъ и другіе, что оба эти историка не были при бальсмированіяхъ и сами ни одной муміи не изслѣдовали, а рассказываютъ только слышанное отъ другихъ.

Выписываемъ весь рассказъ Геродотовъ, слѣдуя переводу Г. Мартынова ** «Для бальсмированія мертвыхъ ссть у нихъ (у Египтянъ) особливые художники. Когда при-несутъ къ нимъ тѣло, они показываютъ деревянные об-разцы труповъ, раскрашенные живописью, и образцемъ превосходнѣйшей работы почитаютъ тотъ, котораго имя здѣсь сказать почитаю неизволительнымъ; потомъ показываютъ образецъ низшей работы, который дешевле пер-ваго; наконецъ, самый дешевый, и спрашиваютъ, по ка-кому образцу желательно принесимъ трупъ, чтобы онъ былъ приготовленъ. Договарясь въ цѣнѣ, принесшіе трупъ уходятъ, а художники приступаютъ къ дѣлу. Я опишу прежде способъ превосходнѣйшаго бальсмирова-нія. Сперва искривленнымъ желѣзомъ сквозь поздри вы-нимаютъ мозгъ, который совершенно истребляютъ изъ головы частью такимъ способомъ, частью вливаніемъ вра-чебныхъ составовъ. Потомъ острымъ Эѳіопскимъ камнемъ разрѣзываютъ брюхо противу кишекъ, и всю внутрен-ность изъ него вынимаютъ. Очистивши брюхо, вымыва-

* Сравни Blumenbach's Ueber Aegyptische Mumien, S. 123 — 129.

** Книга II, 86.

«ютъ его палмовымъ виномъ, и вытираютъ истертыми
 «ароматами. Послѣ того, наполнивъ брюхо истертою чи-
 «стѣйшею миррою, кассіею и другими благовоніями, кро-
 «мѣ ладана, опять его зашивають. Сдѣлавъ это, кладутъ
 «тѣло въ селитру, въ которой лежитъ оно семьдесятъ дней;
 «долѣе держать его въ ней не позволяется. По прошествіи
 «семидесяти дней, тѣло омывають и обвивають нарѣзанны-
 «ми изъ тонкой пелены перевязками, обмаканными въ ка-
 «медь, которую большею частію употребляютъ Египтяне
 «вмѣсто клею. Тогда родственники получаютъ тѣло обрат-
 «но, дѣлають деревянный ящикъ человѣческой фигуры,
 «вкладываютъ въ него покойника, и, заперши ключемъ,
 «оставляютъ его въ погребальномъ покоѣ, поставивъ у
 «стѣны стоймя. Такимъ образомъ готовятъ трупы
 «по самой дорогой цѣнѣ. Желаящимъ имѣть трупы по-
 «проще, для избѣжанія большихъ издержекъ, они приго-
 «товляютъ слѣдующимъ образомъ: наполняютъ посред-
 «ствомъ клистировъ животъ покойника кедровымъ масломъ
 «чрезъ задній проходъ, не вскрывая тѣла и не вынимая
 «внутренности; только стараются, чтобъ вливаемая въ брю-
 «хо жидкость не выливалась назадъ, и кладутъ тѣло на
 «опредѣленное число дней въ селитру. Въ послѣдній день
 «кедровое масло выпускають изъ брюха, и оно имѣетъ
 «такую силу, что вытягиваетъ съ собою всѣ кишки и
 «внутренность истлѣвшими. Между тѣмъ мясо съѣдается
 «селитрою, такъ, что отъ покойника остается одна только
 «кожа и кости. Послѣ того отдають тѣло въ такомъ со-
 «стояніи тѣмъ, отъ кого получили, ничего больше не дѣ-
 «лая. Третій способъ, которымъ бальсамируются тѣла для
 «людей недостаточнаго состоянія, состоитъ въ слѣдую-
 «щемъ: вымывъ обыкновенною чистительною жидкостью
 «брюхо, семьдесятъ дней держать тѣло въ селитрѣ, по-
 «томъ отдають тому, отъ кого получили.»

То же, но съ нѣкоторыми измѣненіями, находимъ у
 Діодора * онъ упоминаетъ объ одномъ способѣ бальсами-
 рованія, который имѣлъ цѣлю сохранить всѣ черты по-
 койника. Брюшной разрѣзъ производилъ прозекторъ, рага

* Sprengel's Geschichte der Medicin, I, 97—98.

chistes, немедленно за тѣмъ убѣгавшій, потому что около стоящіе видѣли въ немъ существо нечистое и бросали въ него камнями. Первый способъ бальсмированія стоилъ, по Діодору, талантъ серебра (5400 Французскихъ ливровъ, или 1200 Саксонскихъ талеровъ), а второй двадцать минъ (около 1800 Французскихъ ливровъ).

Геродотъ и Діодоръ, повѣствуя о Египетскомъ бальсмированіи, говорятъ, что тамошніе бальсмировщики употребляли вещество, «добываемое изъ кедра», τὸ ἀπὸ τῆς κέδρου ἄλειψας, которое Геродотъ называетъ также κεδρίη, кедровое — масло въ переводѣ Г. Мартынова. По словамъ Геродота, оно имѣетъ силу выводить съ собою кишки и внутренности истлѣвшими. Берресъ ** ясно показываетъ, что κεδρίη Геродота есть не что иное какъ древесная кислота, acidum rugolignosum; сверхъ другихъ доказательствъ, онъ ссылается на одно мѣсто у Плинія,*** гдѣ этотъ знаменитый писатель излагаетъ то, что теперь называютъ обугливаніемъ дерева. «Въ Европѣ, говоритъ Плиній, добываютъ деготь изъ боровой сосны (teda, pinus sylvestris) въ печахъ, «которыя снаружи со всѣхъ сторонъ окружены огнемъ. «Сначала отдѣляется вещество водянистое; въ Сиріи называютъ его cedrium; оно такъ сильно, что въ Египтѣ «употребляется для сохраненія человѣческихъ труповъ.»

Рейхенбахъ**** показалъ, что древесная кислота, деготь и дымъ содержатъ въ себѣ особенное вещество, имѣющее въ высшей степени свойство предохранять другія тѣла отъ гнилости. Это вещество, столь же древнее какъ и огонь, названо «кросотомъ»; въ немъ, по Рейхенбаху, надобно искать причину сохраненія Египетскихъ мумій.

Геродотъ, говоря о превосходнѣйшемъ способѣ бальсмированія, считаетъ непозволительнымъ назвать имя дере-

* См. Крейцера Commentat. Herodotæ, I, 9.

** Ueber die Holzsäure und ihren Werth, 1823, стр. 74 и слѣд.

*** Historiar. Mundi lib. XVI, II.

**** Reichenbach's Das Kresot, ein neu entdeckter Bestandtheil des gemeinen Rauches, des Holzessigs, etc., 1833.

вяпнаго образа этой работы: полагають, что это имя относилось къ тѣлу Озириса, Египетскаго божества *.

Мы уже замѣтили, что повѣствованіе Діодорова не совсемъ сходно съ Геродотовымъ. Діодоръ не говоритъ о выведеніи мозга сквозь ноздри. Бальсамированіе у Геродота, происходитъ безъ постороннихъ свидѣтелей, напротивъ, по Діодору, оно совершается съ торжественными обрядами и всенародно; присемъ околостоящіе бросаютъ камнями въ прозектора; ученый Цега (Zoega) старался согласить это разнорѣчіе**.

Выше сказано, что желаніе сберечь тѣла умершихъ, заставило Египтянъ прибѣгнуть къ бальсамированію; но основная причина этого желанія заключалась въ преданіяхъ вѣры. Египтяне, по словамъ Геродота***, первые ввели ученіе, что душа человѣческая безсмертна. Душа останется при тѣлѣ, пока оно цѣло; по разрушеніи тѣла она переходитъ въ другое животное. Совершивъ странствіе черезъ всѣхъ земныхъ, морскихъ и воздушныхъ животныхъ, душа опять входитъ въ человѣческое тѣло, которое на тотъ разъ родится; этотъ переходъ совершается въ три тысячи лѣтъ. Каждый Египтянинъ желалъ избавить душу свою отъ этого тягостнаго странствованія: каждый, слѣдовательно, хотѣлъ, что бы тѣло его по смерти осталось какъ можно долѣе сохраненнымъ. По-этому, вѣроятно, что обычай бальсамированія, во времена Фараоновъ, принятъ былъ всеми сословіями Египетскаго народа. Въ пользу этого мнѣнія говорятъ три способа бальсамированія, описанные Геродотомъ. Изъ тѣхъ же преданій вѣры происходитъ обычай бальсамировать животныхъ: кошекъ, крокодиловъ, а особенно ибиса.

Бальсамированіе не могло имѣть вліянія на распространеніе анатомическихъ свѣдѣній между Египтянами. Народъ имѣлъ отвращеніе къ вскрытію труповъ; мы видѣли, какъ онъ преслѣдовалъ трупоразъятеля, *paraschistes*; сверхъ-того, самые приемы производившихъ брюшныи разрѣзъ были

* Herodot's Geschichte, übersetzt von Dr. A. Schöl, II. 86. примѣчаніе.

** См. *Commentationes Herodotem*, I. 20.

*** Исторія Геродота, II, 125.

весьма грубы и не могли вести къ важнымъ анатомическимъ результатамъ.

Въ наше время бальсамированіе предпринимается рѣдко. Оно принадлежитъ къ роскоши погребенія и производится надъ трупами людсей знатныхъ и богатыхъ. Не взирая на усовершенствованіе Химіи, наше бальсамированіе не станеть на ряду съ Египетскимъ, и сходствуетъ съ нимъ по одному имени. Въ прежнихъ способахъ бальсамированія, изъ которыхъ нѣкоторые весьма сложны *, главное мѣсто занимали ароматныя и смолистыя вещества. Новѣйшіе, слѣдуя за успѣхами Химіи, обратили вниманіе на сулему, древесную кислоту и нѣкоторыя другія средства.

Для бальсамированія избирается мѣсто прохладное, свѣтлое и защищенное отъ настькомыхъ. Если пътъ препятствій, то лучше приступать къ бальсамированію спустя двадцать четыре часа по смерти. Коппъ ** предложилъ слѣдующій способъ. Мозгъ, грудныя и брюшныя внутренности, вынутыя изъ своихъ полостей, хранятся въ сосудѣ, наполненномъ спиртовою жидкостію, въ составъ которой входитъ значительное количество сулемы. Сердце кладется въ отдѣльный сосудъ съ виннымъ спиртомъ. Въ мягкія части спины, поясицы, груди и конечностей трупа дѣлаются глубокіе надрѣзы въ длину. Три полости тѣла, равно и надрѣзы, предварительно вытерты на-сухо, вымываются крѣпкимъ растворомъ сулемы въ винномъ спиртѣ; нѣсколько этой жидкости вливаютъ въ полость рта. За этимъ кладутъ трупъ въ сухую, узкую, но довольно глубокую ванну и поливаютъ его крѣпкимъ водянистымъ растворомъ сулемы (16 унцій сулемы, 16 гражданскихъ фунтовъ перегнанной воды, 1 фунтъ виннаго спирту, полторы унціи нашатырю и столько же Кельпской воды); трупъ часто переворачиваютъ, и по прошествіи сорока восьми часовъ вынимаютъ изъ ванны. Полости тѣла и надрѣзы, вытерши ихъ полотенцами; вымываютъ древесною кислотой; часть кислоты вливаютъ въ ротъ. На это потребно 4 фунта дре-

* *Rüst's Theoretisch-practisches Handbuch der Chirurgie in alphabetischer Ordnung*, VI. Bd. *Einbalsamiren*. — *Dictionnaire des Sciences médicales*, art. *Embaumement*.

** *Denkwürdigkeiten in der ärztl. Praxis*, I, 324.

весной кислоты. Сдѣлавъ это, втирають, въ сказанныя мѣста порошекъ изъ селитры и камфоры; покрываютъ ихъ Перуанскимъ бальсамомъ, и наполняютъ ароматными и смолистыми веществами. Потомъ, сближаютъ твердыя части полостей тѣла между собою, мягкія соединяють посредствомъ шва, а надрѣзы обтягивають узкими холщевыми лентами съ пуговкой. Напоследокъ, на другомъ, чистомъ столѣ, вытирають трупъ вишнимъ спиртомъ и обвивають его снизу вверхъ повязками. Если время позволяетъ, то, до начатія бальсамированія, можно выпрыскивать въ боевыя жилы лица и рукъ киноварь, растертую съ эфирными маслами: черезъ это, лице и руки получаютъ полноту и обыкновенный видъ. Можно вставить искусственные глаза изъ эмали; лице и руки покрыть прозрачнымъ лакомъ.

Особенный, новѣйшій способъ бальсамированія употребляетъ профессоръ Тракина (Trachina) въ Палермо. По его наставленію бальсамировали человѣческій трупъ въ тамошнемъ анатомическомъ театрѣ. Это было въ началѣ марта 1854 года. Того же года, 14 мая, осматривали этотъ трупъ при большомъ стеченіи зрителей: въ немъ не замѣтили ни какихъ признаковъ разрушенія; тѣло удержало свой обыкновенный цвѣтъ и гибкость; внутренности были сохранены.*

Докторъ Медицины **ИВАНЪ СПАССКІЙ.**

==

* Froriep's Notiz. N°. 885.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

и

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

О ПОМѢСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

и постепенномъ ея измѣненіи.

Мы не удалимся отъ цѣли этого отдѣленія, посвященнаго свѣдѣніямъ, которыя могутъ быть полезными помѣщикамъ, занимающимся сельскимъ хозяйствомъ или промышленностію, когда обратимъ ихъ вниманіе на юридическую исторію земель, состоящихъ нынче въ ихъ владѣніи. Не всякому, быть-можетъ, извѣстно, что такое собственно—«помѣстье» и «помѣщикъ». Помѣстная собственность, которая со временъ Петра I, такъ рѣзко отличалась отъ другихъ родовъ недвижимой собственности, которой даже и названіе исчезло въ нынѣшнемъ нашемъ законодательствѣ, имѣетъ особенную важность въ исторіи отечественнаго Права по вліянію своему на нынѣшнія узаконенія о недвижимомъ имуществѣ. «Помѣстья» были земли и угодья, даваемые Государемъ вмѣсто жалованья разнымъ чиновникамъ, смотря «по мѣсту» ихъ, то есть, смотря по ихъ должности, отчего и произошло самое названіе этого рода имуществъ *.

Поэтому, помѣстья имѣли большое сходство съ «бенефи-

* Дѣтямъ боярскимъ даваны въ помѣстье бортиные ухажьи,..... а инымъ даваны оброчныя земли въ помѣстье же и въ оброкъ..... А буде который помѣщикъ приищеть пустыя озера, или въ рѣкахъ рыбныя промыслы,..... и такія воды всякимъ помѣщикамъ отдавати въ помѣстье. Уложеніе, XVI, 35, 36.

ціями» въ западной Европѣ. Бенефиціи, какъ и помѣстья, давались государемъ (a rege vel principe) изъ казенныхъ земель (praedium fiscale) разнымъ чинамъ. Какъ помѣстья, такъ и бенефиціи обязывали владѣльца самого вооружаться или выставять извѣстное число воиновъ, для защиты государства. Оба рода собственности первоначально возвращались по кончинѣ обладателя въ казну, впоследствии стали переходить къ наслѣдникамъ пользовавшимся ими. Но помѣстья почитались неотъемлемостію нѣкоторыхъ должностей, между-тѣмъ какъ раздача бенефицій завистля болѣе отъ произвола государя. Притомъ, владѣтели бенефицій могли, на основаніи правилъ феодальной системы, отдавать часть своихъ земель свободнымъ людямъ, требуя, въ отношеніи къ себѣ, исполненія тѣхъ же обязанностей, въ какихъ сами они находились въ отношеніи къ своему государю*. Какъ феодализмъ никогда не проникалъ въ Россію**, то «помѣщики» наши не пользовались правомъ, которое имѣли владѣтели бенефицій.

Происхожденіе помѣстій нельзя относить къ первымъ временамъ основанія Русскаго государства.

Нормандскіе князья продовольствовали свою дружину на счетъ покоренныхъ народовъ, отдавая ей часть собираемой съ нихъ дани. Воины, составлявшіе дружину, будучи болѣею частію «Варяги» и не зная цѣны хлѣбопашества, по самому образу жизни своей не могли даже желать земель въ пожизненное владѣніе вмѣсто жалованья. Чиновники судейской части, ихъ не имѣли: они пользовались узаконенными пошлинами и получали сверхъ того натурою опредѣленное количество припасовъ отъ обывателей подвѣдомственныхъ имъ округовъ. Намѣстники, которые были или родственники, или отличившіеся сподвижники князей,

* Относительно бенефицій можно прочесть *L'esprit des lois*, par Montesquieu, L. 30, c. 16. — *Observations sur l'histoire de France* par Mably, L. 1, c. 3. — *A view of the progress of society in Europe from the subversion of the Roman Empire to the beginning of the XVI Century*. By W. Robertson. Note 8. — *L'Europe au moyen âge* de M. Henry Hallam. T. 1. p. 189.

** Скандинавскія Саги въ отношеніи къ Русской Исторіи, Б. для Ч., 1834 No. 1.

не владѣли вѣренными имъ землями какъ помѣстьями: они только управляли ими, и пользовались за это извѣстною частію доходовъ съ области. Согласно показанія летописей заставляютъ предполагать, что эта часть составляла третью всѣхъ доходовъ*. Не были также помѣстьями самыя тѣ «волости и грады», которые князья раздавали своимъ приближеннымъ. Они отдавались въ потомственное владѣніе: не видно, но крайней мѣрѣ, чтобы они по смерти владѣльцевъ переходили въ собственность князя. Карамзинъ усматривалъ въ этой раздачѣ волостей и градовъ *феодалную, помѣстную или удѣльную систему***. Не говоря о томъ, что каждое изъ этихъ трехъ названій означаетъ систему совершенно отличную, и что, слѣдовательно, названія эти не могутъ быть принимаемы за тождественныя, замѣтимъ только, что раздаваемые волости и города не составляли помѣстной собственности. Раздача ихъ, существовавшая у всѣхъ народовъ Германскаго происхожденія, и извѣстная подъ названіемъ аллодіальной системы, была слѣдствіемъ права покоренія***. Варяги, сподвижники Рюрика и его братьевъ, будучи вольными людьми, какъ и всѣ Германцы****, слѣдовали не иначе за своими предводителями какъ съ условіемъ раздѣлить съ ними выгоды предпріятія: по этому каждый изъ сподвижниковъ княжескихъ, безъ сомнѣнія, взиралъ на свой участокъ земли, на свою волость, какъ на должное вознагражденіе за свои труды, какъ на имущество, пріобрѣтенное собственнымъ мечемъ; каждый пользовался своимъ участкомъ, располагалъ имъ произвольно и передавалъ его въ наслѣдство своему потомству. Если къ общему составу государства были присоединяемы впослѣдствіи нѣкоторые изъ волостей и городовъ, розданныхъ первыми нашими князьями и поименованныхъ у Нестора, то это происходило вѣроятно по такому же случаю, какъ и присоединеніе областей Синейса и Трувора къ владѣніямъ Рюрика.

* Разысканія о финансахъ древней Россіи, Ю. А. Гагемейстера, 1834, стр. 29, 30.

** Исторія Государства Россійскаго, Т. I, 116.

*** Скандинавскія Саги въ отношеніи въ Русской Исторіи, стр. 34.

**** A view of the progress of society in Europe, etc. by Robertson, p. 43.

Хотя Г. Горюшкинъ, въ своемъ «Руководствѣ къ познанію Россійскаго законоискусства», не считаетъ волостей помѣстьями, однако онъ относитъ также начало помѣстной собственности къ эпохѣ образованія государства. Эту ошибку должно, кажется, приписать преимущественно тому обстоятельству, что онъ не принимаетъ слова помѣстье въ нынѣшнемъ его значеніи. По его мнѣнію, коренные жители Россіи, Славяне, обитая въ странѣ, издревле принадлежавшей ихъ предкамъ, ихъ «отцамъ», владѣли *отчинами* (вотчинами), а Варяги, пришельцы, имѣли помѣстья; «ибо помѣстье, говоритъ онъ, есть не что иное, какъ мѣсто, данное кому-либо для поселенія и владѣнія, и до того времени ему «непринадлежавшее». По этому опредѣленію, которое не выражаетъ главнаго характера помѣстій, или точнѣе, по этой игрѣ словъ, къ помѣстьямъ должно было причислить всякое пустопорожнее *мѣсто*, пріобрѣтенное какимъ-либо образомъ.

Во время междоусобій и Татарскаго владычества, князья жаловали своимъ приближеннымъ, дворянамъ, земли, въ намѣреніи усилить преданныя имъ фамиліи. Дворяне обязаны были за это слѣдовать повсюду за своими князьями, * что и должно разумѣть подъ словомъ *служить*, употребляемомъ въ лѣтописяхъ; но мы не видимъ въ исторіи слѣдовъ, чтобъ эти пожалованія имѣли характеръ помѣстій, то есть, имуществъ, даваемыхъ при извѣстной должности вмѣсто жалованья. Должно однако жъ замѣтить, что система вознагражденія службы чиновниковъ посредствомъ имѣній, присвоенныхъ мѣстамъ, издревле распространена по всему магометанскому Востоку, существовала въ халифатѣ Аравитянъ, была принята всеми Турецкими и Монголо-Турецкими, или Татарскими, народами и по-сю-пору господствуетъ въ Отоманской имперіи, въ Персіи, Бухаріи, Кабулѣ, Африкѣ, вездѣ, гдѣ только находятся мусульмане. Въ сосѣдней Литвѣ и въ Польшѣ судьи не

* «А кто которому князю служить, тому съ тѣмъ княземъ ходити, гдѣ бы ни жилъ» *Собраніе Госуд. Грамотъ* I. 87. — «Даль есмь Борису Зорькову, аже иметь сыну моему которому служить, село будетъ за нимъ; не иметь ли служить, село отъимуть.» *Карамзинъ*, IV, прим. 304.

получали жалованья, но также пользовались доходами съ «судейскихъ староствъ», соединенныхъ съ ихъ званіемъ. Следственно, хотя лѣтописи не представляютъ ясныхъ свѣдѣній о существованіи помѣстій при владычествѣ Татаръ, однако самая система вознагражденія за службу, вмѣсто жалованья имѣніями, не могла небыть извѣстною уже въ тогдашней Россіи, и безъ-сомнѣнія, получила свое начало въ ту эпоху. Слово «помѣстье» еще не создавалось, но вещь уже была въ ходу подъ другими названіями. Любопытно въ этомъ случаѣ сравнить старинное наше выраженіе—*кормиться* съ Татарскимъ и Турецкимъ *лмекъ*, «ѣсть» свое мѣсто, то есть, пользоваться имѣніемъ, присвоеннымъ къ должности. Такія имѣнія, приписанныя къ разнымъ гражданскимъ и военнымъ званіямъ, называются у Турокъ и Татаръ *арпалыкъ*, «кормомъ для лошадей». Арабское слово *улюфѣ*, по Татарскому произношенію *алифѣ*, отъ котораго у насъ до сей поры остается слово *лафѣ*, означаетъ собственно «кормъ для лошадей», и въ то же время «имѣніе, приписанное къ мѣсту, содержаніе, жалованье». Не должно забывать, что и самое слово «оброкъ» въ нѣкоторыхъ Славянскихъ языкахъ значитъ тоже «кормъ для лошадей», именно овесъ или ячмень, точно такъ же, какъ Татарское и Турецкое *арпалыкъ*, которое происходитъ отъ *арпа* «ячмень». Весьма вѣроятно, что слово «оброкъ» не имѣло въ то время и на Руси другаго значенія, хотя въ Церковномъ языкѣ оно принималось въ общемъ смыслѣ «дани». Обязанность жителей имѣній, присвоенныхъ должностному мѣсту, поставлять сперва натурою, а впоследствии деньгами кормъ лошадямъ чиновника, да и самому чиновнику, который тоже хотѣлъ «кормиться», показываетъ одинаковое начало этихъ выраженій и назначеніе самыхъ земель. Одна неправильность, какая вообще господствовала у Татарскихъ и Турецкихъ народовъ, и конечно въ тогдашней Руси въ раздачѣ подобныхъ имѣній чиновникамъ, которые получали ихъ болѣею частію не по мѣстамъ, а по степени милости и покровительства, снисканныхъ у раздавателей; одинъ произволъ, управлявшій такими пожалованіями и доселѣ существующій въ Турціи.—достаточно для объясненія и того, почему не было ни какихъ узакон-

неній по ихъ предмету, и отсутствія въ языкѣ самаго слова «помѣстье».

Первыя извѣстія о правильной раздачѣ земель въ помѣстную собственность относятся ко временамъ освобожденія Россіи отъ ига Татаръ,—къ царствованію Іоанна III. Воюя съ зятемъ своимъ Александромъ, великимъ княземъ Литовскимъ, Іоаннъ чувствовалъ нужду усилить полки свои и ввести въ войскъ лучшее устройство. Надлежало заохотить многихъ къ службѣ и прекратить грабежи и опустошенія земель непріятельскихъ,—что дотолъ было главнымъ средствомъ содержанія войска и вмѣстѣ съ тѣмъ причиною многихъ въ немъ безпорядковъ. Этого не иначе можно было достигнуть, какъ выдачею постоянного жалованья; но оно не могло производиться деньгами, по причинѣ недостатка капиталовъ и еще большаго недостатка въ обращающейся монетѣ*. Между-тѣмъ изгнаніе Татаръ, паденіе Новгорода, а вмѣстѣ съ тѣмъ и гибель множества жителей его и переселеніе остальныхъ по границѣ государства для предупрежденія новаго возстанія, — все это оставляло внутри Россіи множество земель порожнихъ, кромѣ тѣхъ, которыя и прежде не были заселены и составляли собственность казны**. Эти обстоятельства побудили Іоанна III въ 1500 году раздать часть казенныхъ земель дѣтямъ боярскимъ вмѣсто жалованья***. Величина участка, даннаго каждому сыну боярскому, опредѣлялась *мѣстою*, чинномъ, который онъ имѣлъ въ войскѣ. Если въ «Судебникѣ Іоанна III» не встрѣчаемъ еще никакихъ постановленій о помѣстьяхъ, это по весьма естественной причинѣ: Судебникъ собранъ и изданъ въ 1498 году,—слѣдовательно, за два года до первой раздачи помѣстьевъ. Василій IV Іоанновичъ, слѣдуя примѣру отца, продолжалъ раздавать земли въ помѣстную собственность. Въ его царствованіе не только низшіе дворяне, но и множество обѣднѣвшихъ княжескихъ родовъ записывались въ сословіе дѣтей бояр-

* У насъ въ Россіи стали чеканить монеты только со временъ Іоанна III. Рѣдкость капиталовъ доказывается высокими процентами: закономъ позволялось брать по 20%.

** Versuch über die Geschichte der Ausbildung der Russischen Verwaltung, v. Reutz I, 87.

*** Исторія Россійскаго Государства VI, 337.

скихъ для полученія помѣстій. Этимъ только можно отчасти изъяснить непмѣвѣрное возрастаніе числа боярскихъ дѣтей при Василии Іоанновичѣ. Оно простиралось, по свидѣтельству нашего историографа, до 300,000 человекъ*.

При Царѣ Іоаннѣ IV Васильевичѣ Грозномъ раздача помѣстій получила новое развитіе. Этотъ государь, въ блистательную эпоху своего царствованія, возымѣлъ мысль замѣнить дотолѣ употребляемое земское сборное войско постояннымъ, и повелѣлъ указомъ 1557 (7059) года, избравъ изъ дѣтей боярскихъ лучшихъ слугъ тысячу человекъ, поверстать ихъ помѣстьями, лежащими недалѣе шестидесяти и семидесяти верстъ отъ Москвы**. Эти боярскіи дѣти были раздѣлены на три статьи по величинѣ своихъ помѣстій***. Находясь вблизи столицы, въ Московскомъ Уѣздѣ, они, по первому призыву Царя, выступали въ поле съ приводимыми еще ими всадниками, и составляли «царскую конную дружину», родъ регулярной конницы тогдашняго времени. Стрѣльцы, постоянное пѣхотное войско, учрежденное въ то же царствованіе и набранное изъ волостныхъ и сельскихъ обывателей, получали свое жалованье частію деньгами, частію съѣстными припасами****.

До временъ Іоанна IV Васильевича помѣстья были раздаваемы только военнымъ людямъ. Іоаннъ началъ жаловать и гражданскимъ чинамъ*****: тогда помѣстья еще болѣе получили характеръ имѣній, даваемыхъ вмѣсто жалованья.

Въ «Судебникѣ Царя Іоанна IV», изданномъ въ 1556 году, находимъ вмѣстѣ съ законами о вотчинахъ, первыя постановленія и о помѣстьяхъ. Эти два рода собственности, относительно обязанностей, которыя они возлагали на владѣльцевъ, ни въ чемъ не различались: со 100 четвертей какъ вотчинной, такъ и помѣстной земли надлежало выставить

* Исторія Россійскаго Государства, VII, 196.

** Извѣстіе о дворянахъ Россійскихъ, Миллера, стр. 33.

*** «А дѣтемъ боярскимъ въ первой статьѣ дати помѣстье по 900 «четвертей; второй статьѣ по 150 четвертей, третьей статьѣ по 100» (Изв. о дв. Росс. стр. 33.)

**** Исторія Петра Великаго, Бергмана, Введеніе, стр. 33.

***** А которымъ боярамъ и окольничимъ быти готовымъ къ посылкѣ «и имъ дати помѣстья.» Тамъ же.

одного коннаго воина въ полномъ вооруженіи, а въ случаѣ дальняго похода, давать ему еще одну запасную лошадь. Оба рода имуществъ могли быть приобретаемы не только людьми дворянскаго происхожденія, но и свободными, недворянами, по особеннымъ заслугамъ *. Но вотчины переходили къ потомкамъ и родственникамъ и могли быть выкупаемы въ продолженіе сорока лѣтъ; помѣстья же этихъ правъ не давали, и если, по смерти помѣщика, сынъ не занималъ его должности, они отдавались другому чиновнику.** Впрочемъ отъ Царя завистло, въ воздаяніе отличныхъ заслугъ, превратить помѣстную собственность въ вотчинную.

Раздача земель въ пожизненное владѣніе вмѣсто жалованья, начавшаяся со временъ Іоанна III, должна была породить разныя просьбы, мѣны, передачи и другія сдѣлки. Все это было разбираемо первоначально «судными приказами», завѣдывавшими всякаго рода тяжбыми дѣлами. Іоаннъ IV Васильевичъ, видя, что кругъ ихъ дѣятельности чрезвычайно расширился съ умноженіемъ дѣлъ, касавшихся до помѣстій, учредилъ для послѣднихъ особенное судебное мѣсто подъ названіемъ «Помѣстнаго приказа» или «Помѣстной избы ***». Въ вѣдомство новаго судилища вошли, по связи съ помѣстьями, жалованными въ вотчины, и дѣла вотчинныя. Такъ дѣла о переходѣ крестьянъ съ одной земли на другую, послѣ указа 1606 года, ограничившаго этотъ переходъ, рѣшались въ помѣстномъ приказѣ****.

Въ царствованіе Царя Θεодора Іоанновича и управленіе

* Geschichte der Russen, von Ewers I, 219.

** «И если изъ того чина кто умретъ и сынъ его къ той службѣ не пригодится, то въ то мѣсто прибрать иного.» *Исторія Россійскаго Государства*, VIII, прим. 490.

*** Опытъ историческаго изслѣдованія и описанія старинныхъ судебныхъ мѣстъ Россійскаго государства. Академика Малигина, 1803, стр. 51, 55.

**** Это видно изъ указа Василія Ивановича Шуйскаго, 1607 года «Марта 9, въ которомъ сказано: «Со святѣйшимъ Гермогеномъ патриархомъ, со всемъ освященнымъ соборомъ и со своимъ царскимъ сигилитомъ, слушавъ доклада Помѣстной избы, что переходомъ крестьянъ чинились великія крамолы.....и что судьи не знали, какъ по тому суды вершити.....сего ради приговорили» есмь мы, и про-
«чая. Указатель Законовъ, Максимовича, — томъ I.

Годунова раздача дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ земель въ окрестностяхъ Москвы значительно увеличилась. Оттого царская конная дружина возрасла до 15,000 человекъ. Дворяне и дѣти боярскіе, составлявшіе дружину, начинали получать въ это царствованіе, сверхъ помѣстныхъ земель, и денежное жалованье, каждый—отъ 15 до 100 рублей, то есть, отъ 240 до 2000 рублей ассигнаціями по нынѣшней монетѣ: рубль XVI вѣка равнялся пяти нынѣшнимъ серебрянымъ рублямъ. Многочисленность войска, которое составлялось изъ однихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, побудило Годунова, по вступленіи его на престолъ, уменьшить обязанности, соединенныя съ помѣстною и вотчинною собственностями: онъ повелѣлъ выставлять одного всадника только съ 200 четвертей.

Со времени восшествія на Русскій престолъ дома Романовыхъ помѣстная собственность стала измѣняться въ характеръ своемъ и сближаться съ вотчинною. Это особенно обнаруживается въ «Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича» изъ порядка наследованія, образовавшагося при помѣстной собственности. Помѣстья могли теперь быть наследуемы сыновьями, занимали ли сыновья должность отцевъ, или нѣтъ. Оставшееся послѣ умершаго помѣстье раздѣлялось между сыновьями по равнымъ частямъ. Впрочемъ, сынъ, имѣвшій самъ помѣстье, не участвовалъ въ дѣлѣжѣ. Вдова и дочери помѣщика получали изъ помѣстья извѣстное количество четвертей землѣ, на прожитокъ. Если помѣщикъ убитъ на сраженіи «на государевѣ службѣ въ полкѣхъ», то вдова съ каждаго 100 четвертей получала 20, а дочери 10; если онъ померъ «на государевѣ службѣ въ полкѣхъ собою» то есть, во время похода, вдовѣ давалось на прожитокъ со 100 четвертей 15, а дочерямъ $7\frac{1}{2}$; если же «его не стало дома», если онъ скончался въ мирное время, вдовѣ выдѣлялось со 100 четвертей 15, а дочерямъ 5. Эти прожиточныя части, при вступленіи въ замужество вдовы или дочерей, утверждались по Уложенію за ихъ мужьями, если послѣдніе просили о томъ государя.

Если умершій помѣщикъ не оставлялъ сыновей, помѣстье, за выдѣломъ прожиточныхъ частей вдовѣ и дочерямъ, отдавалось безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ родственникамъ

покойнаго*. Иностранцы, вступавшіе въ Русскую службу, также получали помѣстья, которыя послѣ нихъ опять были отдаваемы только иностранцамъ **. Правила о наследованіи этимъ имуществомъ вдовъ и дѣтей имѣли и здѣсь одинаковую силу. Находившіеся долгое время въ плѣну, по возвращеніи въ отечество получали обратно какъ отцовскія, такъ и собственныя помѣстья, если бы даже помѣстья въ ихъ отсутствіе отданы были «другимъ государевымъ людямъ.» При пользованіи помѣстнымъ имуществомъ запрещалось находящихся на немъ крестьянъ продавать или отпущать на волю, «дабы тѣмъ помѣстей не пустошить.» Помѣщики между собою и помѣщикъ съ вотчинникомъ могли мѣняться землями равнаго количества и качества, то есть, мѣнять «четверть на четверть и жилое на жилое, и пустое на пустое, а нежилое на пустое.» Владѣющій помѣстьемъ могъ сдавать его родственникамъ и чужеродцамъ, дѣлая условія, чтобъ ему давали содержаніе въ продолженіе его жизни («кормить до его живота»), и передавая вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ обязанности, соединенныя съ имуществомъ сего рода. Уложеніе несправедливо неблагодарности, какъ говоритъ авторъ «Юридическаго изслѣдованія Уложенія», и если получившій такое сдаточное помѣстье не исполнялъ своего долга относительно къ сдавшему, онъ лишался помѣстья и оно возвращалось къ-прежнему владѣльцу. Но обо всѣхъ этихъ сдѣлкахъ надлежало подавать челобитныя на имя государя въ Помѣстный приказъ, для полученія особенной грамоты на пріобрѣтаемое имущество и внесенія печатныхъ пошлинъ. Кто безъ челобитной вступалъ по наследству во владѣніе помѣстьями, или мѣнял свои помѣстья на другія земли, тотъ подвергался двойному взысканію печатныхъ пошлинъ. Кто безъ разрѣшенія Помѣстнаго приказа владѣлъ сдаточнымъ помѣстьемъ, тотъ лишался его.

Военные, имѣвшіе помѣстья, жили въ данныхъ имъ вла-

* Изъ Уложенія не видно, поступали ли части, даваемыя на прожитокъ вдовъ и дочерямъ, по смерти ихъ, въ казну или къ родственникамъ помѣщика.

** Versuch über die Geschichte. u. s. w., von Reutz, 368.

дѣніяхъ, ожидая указа, чтобы явиться на царскую службу. Невывавшіеся лишались своихъ помѣстій. Сыновья военныхъ, достигнувъ 15 лѣтъ, записывались въ царскую службу въ томъ же классѣ, къ которому принадлежали отцы, и если отцовскія помѣстья были малоземельны, такъ, что было «служить не съ чего», они получали новыя помѣстья, смотря по роду службы и способностямъ. Для того города имѣли своихъ «окладчиковъ», которые въ извѣстные сроки, иногда во время самой войны, разбирали новиковъ и недорослей и верстали ихъ помѣстьями.

При Алексѣѣ Михайловичѣ и сынъ его Ѳеодоръ Алексѣевичъ верстаніе помѣстьями было распространено не только на всѣ судебныя, но и придворныя чины; обстоятельство, доказывающее, что пользованіе помѣстьями не было исключительно преимуществомъ дворянства: «ибо, нѣтъ сомнѣнія,» говоритъ исторіографъ Миллеръ, «что стремянные конюхи «и дворовые люди, которымъ также жаловались помѣстья, «не могли бы быть причислены къ дворянству безъ особаго указа».

Несмотря на это распространеніе раздачи земель въ помѣстную собственность, мы замѣчаемъ съ середины XVII столѣтія постепенно увеличивающееся содѣйствіе правительства къ обращенію помѣстій въ вотчины. Уже въ Уложеніи разрѣшено было пріобрѣтеніе помѣстья въ вотчину, но только съ государева разрѣшенія. Пріобрѣтеніе такое облегчено въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича позволеніемъ людямъ всякихъ чиновъ покупать свои помѣстья въ вотчины, по подписнымъ челобитнымъ, помѣченнымъ думными дьяками *. Земли уступались за весьма умѣренную даже въ тогдешнее время цѣну: за четверть какъ жилой такъ и пустой земли платили Помѣстному приказу рубль, или около 15 рублей ассигнаціями.

Но этимъ не ограничилось правительство. Не только отдѣльнымъ лицамъ за какое-нибудь отличіе, но и цѣлымъ классамъ, какъ военныхъ такъ и гражданскихъ чиновниковъ,

* Думный Дьякъ мѣтилъ на челобитной: «Въ Помѣстной приказъ принять деньги и пошанны.» *Собраніе Законовъ Россійской Имперіи.*
II 1253.

начало оно жаловать за походы, при заключеніи мира и других торжественныхъ случаяхъ, помѣстья въ полное и потомственное владѣніе. Такъ, Царь Алексѣй Михайловичъ, по заключеніи Андрусовскаго перемирія, въ 1667 году, пожаловалъ за Литовскій походъ боярамъ, окольничимъ, думнымъ дворянамъ, дуинымъ дьякамъ стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ Московскимъ, жильцамъ, городовымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, даже дьякамъ и подъячимъ, часть ихъ помѣстій въ вотчины, предоставивъ дѣтямъ умершихъ во время похода право требовать за службу отцевъ слѣдовавшія послѣднимъ части. Царь Θεодоръ Алексѣевичъ, окончивъ съ успѣхомъ войну противъ Крымскаго хана и Турецкаго султана, обратилъ также всѣмъ дворянамъ военныхъ чиновъ часть изъ ихъ помѣстій въ вотчины, именно со 100 четвертей 20. Слѣдуя примѣру предшественниковъ своихъ, Петръ I и Іоаннъ Алексѣевичъ награждали такимъ же образомъ служилыхъ людей всѣхъ чиновъ за походы въ Троицкій-Сергіевъ монастырь въ 1682 году, по случаю заключенія вѣчнаго мира съ Польшею въ 1686, и за Крымскій походъ въ 1687 *.

Принявъ единодержавіе надъ Россіею, Петръ Великій дѣйствовалъ еще непосредственне на прекращеніе различія между помѣстьями и вотчинами. Преобразовывая во всѣхъ отношеніяхъ свое отечество, онъ перемѣнилъ также прежній образъ платежа жалованья чиновникамъ. Денежные оклады, установленные и опредѣленные указами 1715 года января 28, 1719 Мая 9 и другими, замѣнили пользованіе помѣстьями. Съ того времени раздача сихъ послѣднихъ прекратилась, а слѣдствіемъ того было переименованіе въ 1722 году Помѣстнаго приказа, завѣдывавшаго дѣлами недвижимыхъ имѣній, въ «Вотчинную коллегію», гдѣ еще нѣкоторое время рѣшались недоконченныя спорныя дѣла о помѣстьяхъ. Уничтоженіе различія между вотчинами и помѣстьями ввелотво всѣхъ судебныхъ дѣлахъ безразборчивое употребленіе названій этихъ двухъ родовъ недвижимаго имущества. Для предупрежденія могшихъ возникнуть не-

* Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, I, 400, 512; II, 865, 1079, 1187, 1258, и другіе.

доразумѣній, Императрица Анна Иоанновна, указомъ 1731, Марта 17, повелѣла какъ вотчины, такъ и помѣстья именовать одинаково, «недвижимымъ имуществомъ». Такимъ образомъ исчезаетъ въ исторіи нашего законодательства и самое названіе помѣстій. *А. Гирсз.*

=

ОСВѢЩЕНІЕ ГАЗОМЪ.

Прежде нежели Петербургъ освѣтится тысячами кенкетовъ, приготовляемыхъ для него новымъ обществомъ газоосвѣщенія, мы непременно должны поговорить объ этомъ блестящемъ изобрѣтеніи, чтобъ приготовить нашихъ читателей къ ослѣпительному, небывалому у насъ явленію.

Впрочемъ, что же тутъ небывалаго? Не во гнѣвъ почтенному обществу, мы право невидимъ въ его предпріятіи ни какой новости для нашей столицы. Оно освѣтитъ насъ газомъ, говорятъ намъ; но мы и всегда освѣщаемся газомъ: съ тѣхъ поръ, какъ Петербургъ существуетъ, онъ никогда не освѣщался иначе; съ тѣхъ поръ какъ свѣтъ стоитъ, онъ не зналъ другаго искусственнаго освѣщенія, кромѣ освѣщенія газомъ. Это фактъ, и фактъ несомнѣнный. Взглянемъ, какъ происходитъ горѣніе. Вы зажигаете твердое или жидкое воспламенимое тѣло, и оно горитъ. Но горитъ не твердое или жидкое тѣло: оно превращается напередъ въ воздушную и упругую жидкость, — въ газъ, и этотъ-то газъ воспламеняется и горитъ. Горѣніе какого-нибудь тѣла происходитъ по мѣрѣ превращенія его въ газъ. Свѣча, которая горитъ у васъ на столѣ, также превращается прежде въ газъ. И вотъ то самое освѣщеніе газомъ, о которомъ дѣлаютъ такъ много шуму!

Между обыкновеннѣйшими вещами есть мало такихъ, которыя бы, самую ихъ простоту, столько возбуждали наше удивленіе, сколько способъ добывать постоянный свѣтъ черезъ сожиганіе жидкаго или твердаго воспламенимаго тѣла посредствомъ вставленной въ него свѣтильни. Въ самомъ дѣлѣ, не просто ли, что свѣтильня, вслѣдствіе своей волокватости, подымаетъ газообразное воспламенимое вещество по мѣрѣ того, какъ оно разсѣвается въ атмосферѣ го-

рѣніемъ? Не удивительно ли, что воспламененіе, происходящее отъ мгновеннаго соприкосновенія горючаго тѣла съ горячимъ, которое превращаетъ его въ газъ, продолжается до совершеннаго разстѣянія этого горючаго посредствомъ жара, образующагося вмѣстѣ съ свѣтомъ, который составляетъ для насъ цѣль всего процесса?

Такъ какъ въ освѣщеніи твердыми и жидкими тѣлами, эти матеріалы, передъ воспламененіемъ, превращаются въ воздушныя и упругія вещества, то ясно, что и такъ называемое освѣщеніе газами не должно существенно различествовать съ двумя другими способами добыванія свѣта: вся разница между ними въ томъ, что, при освѣщеніи газами, упругія жидкости, дающія свѣтъ, образовались какою-нибудь причиною, вовсе независимую отъ жара, производимаго ихъ горѣніемъ; этотъ жаръ служить только къ продленію воспламененія, начавшагося отъ причины мгновенно подѣйствовавшей, — отъ заженія.

По словамъ Французскихъ писателей, выдумка освѣщать газомъ принадлежитъ инженеру путей сообщенія (ponts et chaussées), Филиппу Лебону. Онъ взялъ на это привилегію въ 1795 году и вторично въ 1799. Онъ освѣщалъ сѣни и лѣстницу театра Лувуа, одинъ проѣздъ и нѣсколько отелей, посредствомъ снаряда, названнаго имъ *термолампюю*. Газъ, который онъ жегъ, получался отъ перегонки дерева; но Лебонъ признавалъ каменноугольный болѣе годнымъ къ употребленію. Такъ гласитъ Французское тщеславіе, но въ подлинной исторіи газоосвѣщенія не упоминается даже и имя Лебона: первая мысль этого изобрѣтенія принадлежитъ доктору Клетону (Clayton), который зажигалъ каменноугольный газъ для иллюминаціи, какъ сказано въ Philosophical Transactions за 1735 годъ; а устройство перваго большаго снаряда для газоосвѣщенія приписываютъ въ Англіи Г. Мордоку, который въ 1798 году освѣщалъ такимъ образомъ нѣсколько ночей литейный заводъ Гг. Больтона и Ватта. Но не прежде 1805 года этотъ способъ введенъ былъ действительно въ большихъ мануфактурахъ.

Источники горючихъ газовъ суть каменный уголь и разныя жирныя вещества, каковы масла, жирныя кислоты, смолы, наконецъ маслястыя сѣмена.

Лучшій каменный уголь тотъ, который содержитъ наиболѣе горной смолы или водорода и наименѣе сѣрнистаго желѣза; потому что отъ него-то происходитъ стра водосѣрной кислоты, отдѣляющаяся при перегонкѣ угля; а эта кислота, если не горить, имѣетъ свойство чернить краски съ сюрмянымъ основаніемъ, если жъ горить, то производитъ сѣрнистую кислоту, располагающую къ кашлю.

Менѣе выгоды перегонять жирныя тѣла, способныя къ освѣщенію, чѣмъ жесть ихъ посредствомъ свѣтильнъ въ естественномъ состояніи. Слѣдовало бъ также оставить добываніе газа изъ маслянистыхъ сѣмянъ, потому что они доставляютъ газъ весьма печистый. Другое дѣло перегонять разныя жирныя вещества, которыхъ нельзя жесть ни въ видѣ свѣчей, ни въ видѣ масла, и которыя не имѣютъ притомъ ни какого опредѣленнаго употребленія: эти вещества даютъ газъ весьма пригодный. Г. Пеклѣ, авторъ ученаго «Трактата объ освѣщеніи», приводитъ въ примѣръ жирную часть помой кухонныхъ и мыльныхъ, которые разлагаются сѣрнистой или водохлористой кислотою. Мы прибавимъ къ этому слѣдующія замѣчанія, сдѣланныя Г. Шеврёлемъ въ Реймсѣ, гдѣ есть заведеніе Г. Узò (Houzeau), въ которомъ разлагаютъ весь помой, какіе только могутъ добыть въ городѣ. Они состоятъ изъ мыльной воды и изъ маслъ, непревратившагося въ мыло. Жирное вещество, отдѣленное отъ щелочи и отъ воды, образуетъ три слоя: самый легкій можетъ служить замшаникамъ, средній — перегоняется, нижній — употребляется въ видѣ горючаго матеріала на заводъ Г. Узò. Въ 1830 году, когда Г. Шеврёль посѣтилъ это заведеніе, Г. Узò самъ ему сказывалъ, что онъ покупаетъ ежегодно на сорокъ тысячъ рублей помоевъ, которые прежде выливались на улицу. Наконецъ вещество, перегоняемое Г. Узò, при 550 или 600 градусахъ, въ чугунныхъ трубахъ, наполненныхъ кусками желѣза, имѣетъ еще передъ каменнымъ углемъ то преимущество, что не даетъ водосѣрнистой кислоты.

Приготовленіе горючихъ газовъ требуетъ многоразличныхъ производствъ: отдѣленія посредствомъ жара въ чугунныхъ трубахъ или ретортахъ; очистки посредствомъ охлажденія и соприкосновенія съ кислотою и со щелочью;

наконецъ , собранія ихъ въ большіе пріемники, или газоемы, которые такъ некстати прозваны газометрами.

Очистка холодомъ отдѣляетъ воспламенимый газъ отъ водяного пара, отъ масла и отъ нѣкотораго рода дегтя. Масло, получаемое Г. Узò, употребляется на выдѣлку непроницаемой клсенки, а деготь идетъ на обмазку. Газы, происшедшіе отъ каменнаго угля, уже не подвергаются дѣйствию кислоты, какъ дѣлалось прежде, а очищаются только влажной известью. Газъ Г. Узò приводится въ соприкосновеніе съ водохлористой кислотою, потомъ снова охлаждается, прежде чѣмъ поступить въ пріемникъ.

Нельзя ли употребить здѣсь, въ Петербургѣ, да и вообще въ Россіи, способовъ Г. Узò? Угòль и масло дороги, а помоевъ у насъ такая бездна! Они ничего не стоятъ. Мы горой стоимъ за помой и со всѣмъ усердіемъ рекомендуемъ ихъ вниманію газоосвѣтительнаго общества. Это прекрасный случай употребить ихъ къ достиженію самой полезной цѣли, — къ освѣщенію улицъ и къ уменьшенію нездоровости Петербурга, котораго каналы поглощаютъ ихъ такъ много.

Доставленіе воспламенимаго газа, съ мѣстъ добыванія, туда, гдѣ должно ему горѣть, производится тремя разными способами:

1. Газъ проводится изъ пріемника посредствомъ металлическихъ трубъ. 2. Газъ сжимается въ удобоносимыхъ металлическихъ резервуарахъ, откуда истекаетъ съ одинаковою скоростью, когда нужно его зажечь. Если слухи насъ не обманули, здѣшнее общество газоосвѣщенія рѣшилось приложить этотъ способъ къ нашимъ улицамъ. Общество, принимавшее освѣтить такимъ образомъ Парижъ, не успѣло въ своемъ намѣреніи. 3. Газъ переносится въ пріемникахъ, или мѣшкахъ, изъ непроницаемаго полотна. Этотъ экономическій способъ изобрѣтенъ Г. Узò и отнюдь не имѣетъ тѣхъ неудобствъ, которыми порочили его во многихъ книгахъ и книжечкахъ. Недавно читали мы въ журналахъ, что Г. Узò перевезъ свой помойный газъ въ Парижъ въ этихъ пріемникахъ и пользуется тамъ неимовѣрнымъ успѣхомъ.

Говоря вообще, ненужно быть астрономомъ для убѣжденія въ томъ, что восковая свѣча даетъ свѣта больше сальной, масло въ Аргандовой лампѣ или кенкетѣ больше

восковой свѣчи, и наконецъ газъ больше нежелн масло; но тѣ, которые вздумали бѣ заняться измѣреніемъ свѣта, доставляемаго двумя восковыми свѣчами, двумя салными или двумя лампами, могутъ списать събѣ это удовольствіе однимъ весьма простымъ и легкимъ способомъ, который мы сейчасъ объяснимъ.

Поставьте какое-нибудь непрозрачное тѣло, напримѣръ, желѣзный костылекъ, вычерненный сверху, очень близко къ бѣлой плоскости, и передъ этимъ тѣломъ расположите двѣ свѣчи или свѣчу и лампу, которыя хотите сравнить, такъ, чтобъ на плоскости вышли двѣ тѣни непрозрачнаго тѣла, весьма близкія между собою и притомъ равной темноты. Извѣстно, что въ каждомъ свѣтящемъ конусѣ сила свѣта убываетъ въ обратномъ содержаніи къ квадратамъ разстояній отъ вершины конуса; поэтому и въ настоящемъ случаѣ степени сіянія двухъ свѣчей содержатся между собою какъ квадраты ихъ разстояній отъ освѣщаемыхъ тѣней. Должно однако жѣ замѣтить, что если наблюдатель не въ надлежащемъ положеніи относительно плоскости, и если эта плоскость несовершенно тускла, то весьма легко ошибиться въ сужденіи на счетъ сравнительной темноты тѣней. Г. Пеклѣ составилъ весьма точныя таблицы степеней освѣщенія, доставляемыхъ разными твердыми тѣлами, жидкостями и газами: мы предложимъ сущность его выводовъ нашимъ читателямъ.

Онъ принялъ основою сравненія, выраженною числомъ 100, свѣтъ Карсслевой лампы, потребляющей около десяти золотниковъ масла въ часъ и достигшей высшей степени своего разгара. Въ сравненіи съ нею, обыкновенный шестерикъ даетъ 10 свѣта; также въ высшей степени горѣнія, послѣ чего образуется пагарь и черезъ полчаса свѣтъ равняется уже 2, не болѣе. Пятерикъ даетъ 9, 10 свѣта въ той же степени горѣнія, а черезъ полчаса только 2, 75.

Полагали, что, когда не снимается пагарь, салныя свѣчи потребляютъ гораздо болѣе сала, чѣмъ при тщательномъ снимаіи: Г. Пеклѣ удостовѣрился, что разность въ этихъ случаяхъ была слишкомъ преувеличена. Но примѣчательнѣе всего существенное различіе, оказывающееся между салною свѣчею и восковою или спермацетною, или

наконецъ стеариновою и маргариновою. Мы видѣли, какъ убываетъ свѣтъ сальной свѣчи отъ несниманія нагара: если зажжемъ восковую свѣчу съ короткой свѣтильнею, блескъ пламени будетъ возрастать по мѣрѣ обнаженія свѣтильни до тѣхъ поръ пока достигнетъ высшей степени напряженія, и убываетъ послѣ въ томъ только случаѣ, когда образуется комокъ нагара.

Чистая восковая свѣча даетъ	13,	61 свѣта
— спермацетная	14,	40 —
— стеариновая и маргариновая	14,	30 —

Съ такими данными и съ познаніями о вѣсѣ и о цѣнѣ разныхъ горючихъ матеріаловъ, сожигаемыхъ въ извѣстное время, напримѣръ, въ часъ, легко опредѣлить относительную цѣну освѣщенія тѣмъ или другимъ матеріаломъ.

Что касается до масла, горящаго въ кенкетахъ, то есть столько обстоятельствъ, имѣющихъ вліяніе на проливаемый имъ свѣтъ, что почти нѣтъ возможности опредѣлить постояннымъ образомъ степень силы этого свѣта сравнительно со свѣчнымъ. Для произведенія наибольшаго блеска потребно, чтобъ внѣшніе и внутренніе воздушные потоки были соразмѣрны и имѣли бъ не болѣе той скорости, какая нужна для доставленія огню количества воздуха, необходимаго для горѣнія. Чтобы свѣтъ былъ по возможности постояненъ, надобно, чтобъ воздушные потоки были въ надлежащемъ содержаніи одинъ къ другому; чтобъ трубки, приводящія масло, были довольно широки; чтобъ уровень масла въ лампѣ подвергался наименьшимъ перемѣнамъ; чтобъ масло и свѣтильни были хорошія.

Сравнительная степень освѣщенія газовыми лампами опредѣлена опытами Г. Бранда, который нашелъ, что для произведенія такого свѣта, какъ отъ десяти восковыхъ свѣчей, надобно сжечь

42	литра	85	двууглеродистаго водороднаго газа,
49	—	58	маслянаго газа,
214	—	90	каменноугольнаго газа,

79	—	85	смѣси изъ	$\left\{ \begin{array}{l} 1 \text{ доли по объему} \\ \text{водороднаго газа,} \\ 5 \text{ долей двууглеродистаго водороднаго газа.} \end{array} \right.$

Наконецъ, сравнивая Карселеву лампу, потребляющую 10 золотниковъ масла въ часъ и производящую 100 свѣта, съ газовой горѣлкою, потребляющею, при обыкновенномъ давленіи, 156 литръ каменноугольнаго газа или 58 литръ маслянаго, мы увидимъ, что эта горѣлка производитъ 127 свѣта.

Но это еще не все. Извѣстно, что есть разныя снаряды для измѣненія силы свѣта и что можно увеличивать ее посредствомъ стеколъ и полированныхъ поверхностей. Эти снаряды бываютъ двухъ родовъ, одни имѣютъ цѣлю разсѣвать лучи свѣта, слѣдственно ослаблять излишнюю его яркость и вмѣстѣ разливать его ровнѣе въ данномъ пространствѣ; таковы прозрачныя колпаки изъ бумаги, изъ матоваго стекла и такъ далѣе. Другіе снаряды измѣняютъ направленіе свѣта, отражаютъ его въ одну точку и такимъ образомъ усиливаютъ; таковы рефракторы и рефлекторы. Самый употребительный снарядъ этого рода состоитъ изъ нѣсколькихъ зеркальных ялосокъ, расположенныхъ кругообразно въ видѣ призматической полуклѣтки, такъ, что отражающіеся отъ нихъ лучи, совпадаютъ всѣ въ одну точку. Но кто хочетъ имѣть маленькой дневной свѣтъ по захожденіи солнца, тотъ долженъ вооружить свои газовыя или масляныя кенкеты по способу, употребленному Г. Френелемъ для маяковъ. Замѣчательный его снарядъ представляетъ восьмистороннюю призматическую клѣтку; каждая сторона снабжена вертикальными выпуклыми стеклами, которыхъ главный фокусъ приходится на оси клѣтки. Въ общемъ фокусъ устроена горѣлка съ четырьмя концентрическими свѣтильнями, которая даетъ столько же свѣта, сколько семнадцать Карселевыхъ лампъ, потребляющихъ каждая одинаковое количество масла. Чтобы воспользоваться и тѣмъ свѣтомъ, который проходитъ мимо вертикальныхъ стеколъ, въ верхней части клѣтки расположены восемь маленькихъ стеклышекъ, образующихъ восьмистороннюю пирамиду, и проходящій въ нихъ свѣтъ отражается потомъ горизонтально наклоненными зеркалами. Въ зрительную трубку свѣтъ этого маяка можно видѣть днемъ верстъ за семьдесятъ.

Извѣстно, что теперь нѣтъ почти ни одного городка въ Англіи, который бы не освѣщался газомъ; но еще въ 1811 году ученый Вебстеръ отзывался объ этомъ способѣ освѣщенія съ самой невыгодной стороны. «Правда, говоритъ онъ, въ своихъ «Началахъ Химіи», что пропуская газъ сквозь известковую воду, можно отнять у него значительную часть его непріятнаго запаха; но все производство приготовления газа такъ многотрудно и такъ дорого, что несмотря на годность получаемого при этомъ кокса и дегтя, большинство истинно ученыхъ людей — того мнѣнія, что освѣщеніе газомъ должно почитать только за игрушку, которая принесетъ публикѣ вообще такъ же мало пользы, какъ и тѣмъ, кто вздумалъ пуститься въ подобныя предпріятія.» Пророчество Г. Вебстера не сбылось, вѣроятно, потому, что время ученіе всякаго большинства ученыхъ.

=

СРЕДСТВО СБЕРЕГАТЬ ВІНОГРАДЪ НА ЗИМУ.

Недавно еще повторили въ одномъ журналѣ старое представленіе укладывать виноградъ слоями въ сухихъ отрубяхъ для сбереженія его на зиму. Это хорошо до тѣхъ поръ, пока всѣ ягоды остаются невредимы; но какъ скоро начнутъ онѣ портиться, отруби приходятъ въ броженіе, и скоро весь запасъ дѣлается никуда негоднымъ. Гораздо выгоднѣйшимъ оказалось на опытѣ сбереженіе винограда въ сухихъ деревянныхъ опилкахъ и въ сухой золь. Чтобы придать ему, когда понадобится, всю естественную полноту и свѣжесть, стоитъ только, выпувъ его изъ опилокъ, положить минутъ на пять въ чуть теплую воду и потомъ дать ему обсохнуть въ прохладномъ мѣстѣ.

=

V.

КРИТИКА.

1. *Ледяной Домъ. Сочиненіе Н. И. Лажечникова. Москва, 1835. Четыре части.*

2. *Постоялый Дворъ. Записки покойнаго Горянова, изданныя его другомъ, Н. И. Маловымъ. Санктпетербургъ, 1835. Четыре части.*

Человѣку предстоитъ выполнить четыре обязанности во время жизни,—дослужиться порядочнаго чина, выстроить домъ подъ чужимъ именемъ, воспитать ребенка и написать книгу. Кто удовлетворилъ этимъ четыремъ условьямъ, тотъ можетъ умереть покойно, и сказать, умирая — «Я жилъ»! Но для достиженія каждой изъ этихъ великихъ цѣлей бытія необходимо искусство, которое основано на системѣ и составляетъ почти науку. Поэтому самыми важными книгами, самыми полезными, должно, кажется, признавать только такія, которыя, представляя удобство непосредственнаго приложенія къ практикѣ, научаютъ насъ или тому, какъ дослужиться порядочнаго чина, или какимъ образомъ дойти до того, чтобы выстроить себѣ домъ подъ чужимъ именемъ, или какъ лучше воспитать ребенка, или, наконецъ, какъ написать хорошую книгу. Авторъ «Постоялаго Двора» избралъ себѣ одну изъ четырехъ частей, и учитъ насъ искусству воспитывать: вотъ, почему мы считаемъ его сочиненіе гораздо важнѣйшимъ для человѣчества чѣмъ твореніе Г. Лажечникова, который хочетъ только забавлять людей уже въ чинахъ, уже построившихъ дома, и вотъ почему, будемъ говорить прежде о «Постояломъ Дворѣ» нежели о «Ледяномъ Домѣ».

Мы начнемъ съ того, что «Постоялый Дворъ» намъ очень нравится, и что мы находимъ въ немъ болѣе наблюдательности, болѣе истины, болѣе частной жизни и настоящаго романнаго матеріала, чѣмъ въ другихъ Русскихъ романахъ. Здѣсь есть черты правовѣ, есть фizioномія домашняго быта, тогда какъ въ другихъ сочиненіяхъ этого рода, большею частію, есть только анекдоты. Къ несчастію, эта книга не хорошо написана, и какъ всегда найдется болѣе знатоковъ слога, болѣе рудокоповъ для открытія мелкихъ недостатковъ, чѣмъ людей, способныхъ опредѣлить пробу данной массы ума и внутреннее достоинство произведенія, то весьма вѣроятно, что большинство читателей не отдастъ справедливости автору. Между-тѣмъ, если бы онъ только пожертвовалъ нѣсколькими длиннотами, нѣсколькими обстоятельствами и выраженіями нехорошаго тона, и написалъ свою книгу такимъ слогомъ, легкимъ, красивымъ, смѣющимся, какимъ написаны были двѣ его повѣсти, «Блистательное воспитаніе» и «Прихоть», помещенныя въ Б. для Ч., мы бы не усомнились сказать, что ничего лучшаго, ничего занимательнѣйшаго, не читали въ нашей Словесности. Онъ обладаетъ важнымъ преимуществомъ передъ всѣми нашими романистами, — огромнымъ и подлиннымъ наблюденіемъ Русской жизни въ различныхъ классахъ общества. Это кладъ, Синдбадова «Гора алмазовъ» для романиста, особенно при живомъ и изобрѣтательномъ воображеніи. Это даже превосходно замѣняетъ воображеніе.

Мы не сомнѣваемся, что почести втораго изданія написаны на скрижаляхъ судьбы для «Постоялаго Двора»: было бы не благодарно со стороны любителей Русскаго пріятнаго чтенія — не поддержать и не ободрить своимъ вниманіемъ столь примѣчательнаго таланта, который при первомъ знакомствѣ съ ними такъ умно ихъ занялъ и такъ много общается ихъ бу-

бущимъ удовольствіямъ. Въ этой увѣренности, мы принимаемъ на себя долгъ, при общемъ обзорѣ содержанія книги, открыть и тѣ ея части, которыя въ правѣ ожидать существенныхъ улучшеній отъ автора.

Горяновъ, разорившись и, слѣдственно, наскучивъ свѣтомъ, употребилъ остатокъ своего состоянія на учрежденіе постоялаго двора, гдѣ онъ живетъ счастливо и весело. Онъ обѣдаетъ съ знакомцами, ѣздитъ въ гости къ сосѣдямъ, и смотритъ на свѣтъ и его дѣла съ настоящей точки зрѣнія, — съ постоялаго двора. Собственныя его приключенія очень просты и были бы почти непримѣтны въ книгѣ, если бѣ онъ не замѣнялъ ихъ разсужденіями, которыя вообще болѣе благоразумны чѣмъ кратки и занимательны. Поэтому, одни происшествія у его сосѣдей и знакомцевъ составляютъ интересъ его записокъ. Между знакомцами есть двѣ знакомки, двѣ нравственныя крайности, двѣ противоположности воспитанія, — Катинька Катенева и княжна Серпуховская. Онѣ главныя дѣйствующія лица: одна прелестная, добрая, умная, чувствительная, воспитанная въ страхъ Божіемъ; другая прелестная, умная, ученая какъ нѣкоторые изъ профессоровъ, и вся-страсти. Катинька влюблена въ Русскаго полковника, родомъ Поляка, Долинскаго. Отецъ ея, старый генералъ временъ Суворова, извѣщенный объ этой любви самою дочерью, по ненависти къ Полякамъ, противится ихъ соединенію, но, не имѣя чѣмъ опровергнуть доводы ея прекрасной души, даетъ слово Катинькѣ не принуждать ея ни къ какому браку безъ ея согласія. Является графъ Чижевъ, закоренѣлый негодяй подъ маскою образованнаго свѣтскаго человѣка, вкрадывается въ сердце отца и дочери, чернитъ Долинскаго, и наконецъ получаетъ отъ Катенева слово на союзъ съ Катинькою. Въ это время всѣ хитрости его открываются; ему отказываютъ отъ дома; Катинька свободна. Но искра несчастья уже брошена.

Сердце графа создано для мщенія: теперь это сдѣлалось его единственною цѣлію. Опъ беспокоить и преслѣдуетъ семейство генерала и всѣхъ приближенныхъ къ нему почти до послѣдней страницы романа. Мы не должны открывать развязки.

Терпѣніе Катиньки во все время этихъ переворотовъ было самое христіанское; сердце ея, поминутно терзаемое новыми несчастіями, перешло все это испытаніе съ ангельскою кротостью; ея душа..... Но надобно познакомиться съ Катинькою покороче въ самой книгѣ, чтобъ вполне оцѣнить эту душу, — эту прекрасную душу, возвышенную и простосердечную, поэтическую и религіозную.

Между-тѣмъ княжна Серпуховская жила въ Москвѣ, училась Математикѣ и Философіи, живописи и скульптурѣ, Механикѣ и Гидравликѣ, Политической Экономіи и Дипломатикѣ, — училась, училась, училась, и доучилась до того, что узнала — на чемъ свѣтъ стоитъ. Какимъ образомъ она дошла до этого открытія, о томъ надобно читать въ запискахъ содержателя постоялаго двора, Горянова. Мы можемъ сказать только, что, семнадцати лѣтъ, она уже приспособляла Химію, Физику и Механику къ Гастрономіи и изобрѣла даже новую печь. Въ тѣ же годы невинности и чистоты, она написала масляными красками отличнаго Геркулеса, такого, что даже знатоки удивлялись ея познаніямъ. Коротко сказать, мать ея, княгиня Серпуховская, дѣлаетъ изъ нея савантку: она даетъ ей самое сумасбродное воспитаніе, знакомить ее въ юности со всѣми тайнствами природы, или, какъ говоритъ авторъ, напитокываетъ ее «свѣтскою мудростью», и между-тѣмъ не старается развить въ ней ни какого религіознаго чувства. По-несчастію, нельзя упрекнуть автора въ преувеличеніи: примѣры подобнаго воспитанія не рѣдки!... Конецъ всего этого тотъ, что ученая княж-

на влюбляется въ одного человѣка; узнаетъ, что этотъ человѣкъ — каторжникъ, и обожаетъ его за то еще болѣе. Развязки мы никогда не рассказываемъ. Но мы должны привести нѣсколько мѣстъ, чтобъ показать какимъ образомъ развивались понятія княжны въ бесѣдахъ ея съ Шебаровымъ.

«Проливной дождь препятствовалъ всѣмъ прогулкамъ; всѣ сидѣли дома; утро проходило быстро въ занятіяхъ. Княгиня и генераль, окруженные весельчаками изъ молодежи, сидѣли въ большой гостиной. Насталъ часъ обѣда, кушанье уже готово. Дожидались появленія княжны, но ея не было. Она сидѣла въ кабинетѣ для чтенія съ камергеромъ и слушала.

— Да, княжна, да, есть въ свѣтѣ наслажденія до того непостижимыя, что языкъ не имѣетъ словъ передать ихъ!

— И они, говорите вы, могутъ во всей силѣ существовать единственно во взаимной любви. Это впрочемъ странно, что вы, какъ человѣкъ умный, съ большими свѣдѣніями, не можете передать словами свойства чувствованій.

— Знаете ли вы, княжна, что-нибудь о бытіи тварей? чему вы это приписываете? добру или злу?

— Нсминуемо добру.

— Разумѣется; но добро есть ли наслажденіе?

— О! конечно.

— И такъ, бытіе тварей....

— Пожалуйте кушать! Княгиня дожидается, сказалъ дворецкій.

— Продолжайте! продолжайте! понуждала быстро княжна камергера.

— И такъ, бытіе тварей происходитъ отъ наслажденія, или, что все равно, черезъ наслажденіе существуетъ бытіе тварей.

— Какихъ тварей? спросила Княжна

— Органическихъ или неорганическихъ, отвѣчалъ онъ; это все равно, только бы имѣли жизнь.

«Княжна начинала смущаться.

«Шебаровъ пріостановился и не хотѣлъ развертывать

главной идеи; но онъ продолжалъ: — Древніе до того уважали тайну плодородія природы...

— Venez donc dîner, princesse! сказалъ одинъ изъ гостей, посланникъ матери.

— Сейчасъ, сейчасъ, Брынскій, скажите маменькѣ, сейчасъ! Оканчивайте, Шебаровъ!

— До того уважали, продолжалъ онъ, что производящую силу ея признали за божество, подъ именемъ извѣстной вамъ Изиды. Ей приписывали безпрестанные труды, безпрестанное движеніе, и за всѣмъ тѣмъ она, какъ богиня, по свойству своему, не могла ощущать живыхъ наслажденій. Въ ней заключалось понятіе о землѣ, оплодотворенной солнцемъ, черезъ рѣку Ниль; въ ней...

— Маменька просить васъ пожаловать въ гостиную, сказала дѣвица, любимица княжны.

— Господинъ Шебаровъ заговорилъ меня, сказала весело княжна, войдя въ гостиную, подавая руку генералу. И все это было безъ всякаго кокетства, просто, добродушно; однако жъ она не отвѣчала на вопросъ, о чемъ разговаривали. Она промолчала о силахъ производящихъ; сказала только объ Изидѣ.

«Послѣ обѣда княжна и камергеръ сидѣли опять вмѣстѣ. Онъ рисовалъ; она смотрѣла. На бумагѣ была уже изображена княжна въ прелестномъ положеніи: она сидѣла бокомъ на стулѣ, опершись рукою на его низкую задинку, и глядѣла вверхъ.

— Зачѣмъ вы такъ далеко запрокинули назадъ мою голову? спросила она.

— Спросту. Надобно однако жъ что нибудь придумать, для чего бы вы такъ смотрѣли. Знаете ли что, княжна? Я, поставлю передъ вами мужчину, которому бы вы смотрѣли въ глаза.

— Но, отвѣчала она, по настоящему направленію глазъ моихъ въ вашемъ рисункѣ, это будетъ чудовище, гигантъ.

— Что нужды! Можетъ-статься, супругъ вашъ будетъ подобнаго роста; надобно же смотрѣть на него.

— Охъ!

— Я начну рисунокъ. Сказывайте свои мысли: это будетъ вашъ идеаль.

— Хорошо.

— Позвольте сдѣлать общій очеркъ..... Боже мой, какъ высоко онъ пришелся! Да въ немъ будетъ болѣе пятнадцати вершковъ.

— Что жъ дѣлать? сказала княжна: такъ и быть, продолжайте; но вы сдѣлали его какъ чурбана. Тоньше, еще тоньше!

— Тогда, княжна, онъ лишится своей мужественности.

— Зато, смотрите, какъ теперь выставилась грудь его, плечи! Что за плечи! Мнѣ кажется, если бы вы положили земной шаръ на нихъ, рисунокъ представилъ бы изображеніе могучаго Атласа.

— Въмѣсто шара я одушеворю ему голову. Сказывайте! Каковъ очеркъ глазъ, носа и рта?

— Отдѣляйте напередъ всю голову.

— Въ чемъ прикажете? Въ шлемъ, шапкѣ, шляпѣ, колпакѣ?

— Безъ всего. Прекрасно! прекрасно! Больше волосъ, больше кудрей! Обнажите больше лобъ! Да это Антипой! Фи, носъ длиннѣе! губы ширѣ! Хорошо. Откройте ихъ немного. Несравненно! Такъ, такъ, огня; давайте больше огня! Что глаза безъ него? Однако это ужъ много! Это глаза адскіе! Пойдите, не стирайте: пусть остаются такъ. Брови погуще! Сморщите немного лобъ между бровями. Губу нижнюю немного впередъ. Охъ, онъ смотритъ слишкомъ гордо, презрительно! Смягчите обѣ черты. Еще немного! Такъ.

— Какія могучія плечи! сказалъ Шебаровъ, поднявъ къверху карандашъ и приглянувшись со всѣхъ сторонъ къ рисунку.

— Да на что же вы его дѣлаете безъ одежды? спросила съ живостью княжна.

— О, нѣтъ, онъ будетъ въ платъ; только мнѣ хочется сдѣлать открытыми грудь его и руки до плечъ, чтобъ обозначить мышцы и показать его силу.

— Это ужасъ, закричала княжна: онъ убьетъ меня! Онъ меня задушитъ! Посмотрите, что я въ сравненіи съ нимъ?

«Когда рисунокъ былъ оконченъ, княжна побѣжала его показывать матерн.»

Этотъ отрывокъ показываетъ, между прочимъ, какъ мило, живо и искусно веденъ разговоръ дѣйствующихъ лицъ сочиненія. Авторъ «Постоялаго Двора» имѣетъ въ этомъ отношеніи рѣшительное преимущество передъ другими нашими романистами. У него одного мы находимъ изящный языкъ бесѣды, языкъ чистый, благородный, безъ поговорокъ и прибаутокъ, которыхъ благовоспитанные люди не употребляютъ въ своихъ сношеніяхъ. Перейдемъ къ другому разговору.

«Что такое честолюбіе! Чувство, основанное на политическихъ условіяхъ. Оно въ натурѣ гражданина, какъ совѣсть или честность въ натурѣ челоѣка христіанина. Честолюбивый поддерживаетъ свое доброе имя. Совѣстливый или честный хранить свои добрые нравы. Можно сохранять совѣсть или быть честнымъ, лишась чести, потерявъ свое доброе имя; но можно также сохранить честь, потерявъ честность. Честь имѣетъ основою мнѣніе; обычай свѣта, честность, религію.

«Эта мысль есть только предисловіе къ противоположнымъ идеямъ Шебарова, обнаруженнымъ въ разговоръ съ княжною, который удалось мнѣ подслушать.

— Прошедшее, говорилъ онъ, цѣлуется съ будущимъ, и этотъ поцѣлуй есть настоящее. Прошедшее ложь, будущее обманъ. Всѣ приличія не что иное, какъ выдумка людей, закоренѣлая привычка дряхлаго свѣта. Поддаваться имъ, значить доказывать свою слабость, безпечность, лѣнь.

— Страшно идти противъ общаго мнѣнія, возразила княжна: особенно дѣвицамъ.

— Вамъ кажется, что онъ, что эти прелестнѣйшія произведенія природы, должны какъ волю подклонять голову свою подъ ярмо предразсудковъ: не должны смѣть думать какъ невольники въ кораблѣ увлекающемъ Африканскихъ негровъ.—Почему вамъ это кажется! Когда, напримѣръ, какая-нибудь дѣвица высокаго рода, высокородная, — вы смѣетесь?— выйдеть замужъ, какъ говорятъ, за неровнаго, просто за крестьянина, и весь свѣтъ говорить:—«Она себя о-

безчестила! потеряла доброе имя!», скажите сами, княжна точно ли это так? Заслуживаетъ ли подобный укоръ, заслуживаетъ ли презрѣнія та, которая сохранила честь и доброе имя дѣвицы, а только нарушила условіе свѣта? А если она имѣетъ постоянную твердость, духъ возвышенный, сердце пламенное, менѣе ли будетъ она отъ этого счастлива на груди любимца? Привычка вторая натура! Менѣе ли она будетъ счастлива и тогда, когда окружить себя семействомъ, картиною, конечно, болѣе изящною, чѣмъ та, которую представляетъ знатность и богатство.

— Грустно однако жъ сказала княжна, что любовь остываетъ, что она не продолжается вѣчно. А привычка одна едва ли въ состояніи прикрыть отвратительную наготу необразованности?

«Нѣтъ ничего справедливѣе! Одно только это есть сильный и постоянный доводъ на опроверженіе неравенства браковъ, потому что въ низшемъ состояніи предполагается уже невозможность получить одинаковую образованность, одинаковыя познанія, одинаковый образъ мыслей, съ лицами высокаго свѣта, а любовь, — любовь простираетъ владычество свое иногда и до лѣтъ преклонныхъ, — и напрасно укоряютъ ее въ мимолетности! Существованіе ея зависитъ отъ равновѣсія господствующихъ силъ нашего состава. Конечно, свойство любви измѣняется, какъ измѣняется все; но это измѣненіе не къ худшему, ежели только соразмѣрно общему измѣненію идей въ узахъ супружества. Теперь я не могу вамъ этого изъяснить; но вы увидите, что всякой періодъ измѣненія имѣетъ свои пріятности, можетъ-быть, грубѣйшія, а можетъ-быть, и нѣтъ. На деревцѣ персика показываются сначала почки; распускается листь, являются распуковки цвѣтовъ, раскидываются лепесточки, завязываются плоды, спѣютъ сѣмена. Все имѣетъ свою пріятность въ этой постепенности: листья, цвѣты, плоды. Цвѣты въ общемъ процессъ растительнаго царства, послѣ листьевъ, плоды послѣ цвѣтовъ; но плоды не хуже цвѣтовъ. Составъ человѣческій изнашивается, какъ изнашивается скрипка; но идеи могутъ сообщать ему повизну, которая отнюдь не хуже скрипочной градировки. Одна мысль въ лѣтахъ зрѣлыхъ, что въ подругу жизни моей перешло все мое; что

она напитана моими привычками, моею волею, моими понятіями — одна эта мысль уже подливаетъ горючее масло въ лампаду любви, и увядающая красота лица принимаетъ для насъ неизъяснимое сладострастіе. Далѣе, любовь дѣлается горькою, но душистою косточкою персика: она похожа на престарѣлаго полководца, который нѣжится на лаврахъ своихъ. Онъ шевелитъ ленты на груди своей, и кажется, вспоминая побѣды свои, оживотворяется на новые подвиги. Да; любовь ветерановъ любви, имѣетъ свои пріятности; а дѣти, а малютки внучки..... Чего не придумаетъ природа для утѣшенія баловня своего челоуѣка! Любовь, княжна, любовь есть единственное благо въ свѣтѣ. Стоитъ ли свѣтъ съ его мишурными предразсудками дѣйствительныхъ наслажденій любви?»

Это послѣднее мѣсто, о супружеской любви, превосходно. Мы не читали ничего лучшаго ни на какомъ языкѣ. И подобныхъ мѣстъ въ «Постояломъ Дворѣ» — множество.

Отдавая должную, совершенно заслуженную справедливость сочиненію, исполненному истины, чертъ подлинныхъ, рѣзкихъ и хорошо оттушеванныхъ, и по-времени чрезвычайно оригинальныхъ, мы не можемъ однако согласиться съ авторомъ въ главной его идеѣ, на которой основано созданіе княжны Серпуховской. Воспитаніе дѣвицъ, составляющее одну изъ главнѣйшихъ обязанностей обществъ и семействъ, должно раздѣляться на образованіе ума и образованіе сердца. Мы привыкли искать въ нихъ болѣе послѣдняго нежели перваго; но теперь рождается вопросъ: могутъ ли они быть одно безъ другаго? Чѣмъ живемъ мы въ свѣтѣ? Кто водить насъ по извилистымъ, сбивчивымъ, часто едва проходимымъ закоулкамъ этого запутаннаго, темнаго лабиринта? Ограничимъ существованіе женщины одною семейственною ея жизнію. Неужели слѣдуетъ образовывать одно сердце? Сердце женщины, этотъ бѣдный, горемычный слѣпецъ, пугающійся часто себя самого.

Нѣтъ! надобно образовать и умъ ея какъ средство, какъ скромнаго, спокойнаго помощника, какъ посохъ, — твердый на пути религiи, — разлетающійся въ дребезги на всякомъ другомъ пути; надобно образовать эту прекрасную способность, которая возвышаетъ человѣка надъ цѣлымъ міромъ, заставляетъ его уважать себя самого, и перелистывая передъ нимъ всю книгу творенiя, черезъ благодарность, благоговѣніе и священный трепетъ ведетъ къ началу бытія, къ Творцу всего, къ Богу. Можно ли оставить способность эту необработанной. Что такое воспитаніе? Направленіе духа къ истинной цѣли, говоря вообще; приспособленіе этого направленiя къ общественной и частной жизни, говоря въ особенности. Религiя указываетъ вамъ эту цѣль; она указываетъ и дорогу. Но окружающій васъ свѣтъ нападаетъ на васъ отвсюду, и старается разорить ваше вѣрованіе софизмами, чтобъ легче увлечь васъ въ пропасть съ собою. Откуда возьмете вы оружіе противъ его лжеумствованiй, ежели не изъ тѣхъ же наукъ, которыхъ именемъ онъ васъ воюетъ? Надобно помнить, что мы живемъ въ вѣкъ, который дѣлаетъ все зло и все зло наукою. Такъ единственно, основывая всякое наше образованіе на этихъ двухъ началахъ, религiи и просвѣщенiи, мы достигаемъ истинной цѣли. Вотъ, что авторъ кажется, упустилъ изъ виду. Его княжна Серпуховская — дѣвушка избѣженная, избалованная, и между-тѣмъ все испытующая, рѣшительная, огненная, безъ всякаго приготовленiя, безъ всякаго основанiя: она кидается вдругъ во всѣ таинства науки, и гибнетъ. Авторъ хотѣлъ доказать, что «свѣтская мудрость», то есть, науки или просвѣщеніе, безъ религiи пагубна. Но его силлогизмъ, выраженный исторіею княжны Серпуховской, логически не ведетъ къ этому заключенiю. Читатель еще остается въ сомнѣнiи; читатель думаетъ, что если бы

княжна, съ ея характеромъ, и не посвятила себя всѣмъ этимъ наукамъ, она погнѣла бы, можетъ, еще скорѣе. Эта дѣвушка не имѣла ни какого религіознаго основанія. Мы уже сказали, она была вся составлена изъ страстей. Поэтому, для паденія только нужна была минута. Науки тутъ въ сторонѣ. Развѣ невѣжды, со страстями и безъ религіи, сопротивляются искушенію долѣе ученыхъ безъ религіи? Можетъ быть, занятія княжны науками еще отдалили эту минуту: она должна была погибнуть и безъ нихъ. Чтобы сдѣлать свой аргументъ убѣдительнымъ, — тѣмъ болѣе убѣдительнымъ, что онъ тутъ же подкрѣпленъ разительнымъ примѣромъ, автору предстояло одно средство, — заставить Катиньку и княжну Серпуховскую учиться однѣмъ и тѣмъ же наукамъ, дать той и другой ученое образованіе совершенно равное, какъ бы оно сумасбродно ни было, и одной придать хорошее религіозное воспитаніе, а въ другой пренебречь его: тогда, видя первую спасенною, а вторую погибающею, всякая мать, подобная княгинѣ Серпуховской, вполнѣ убѣдилась бы, что науки безъ религіи неминуемо приведутъ дочь ея къ пороку и безчестию. Если авторъ хотѣлъ только изобразить картину опасностей ученаго воспитанія дѣвицъ, и именно такого воспитанія, какое нерѣдко даютъ у насъ матери подъ именемъ «блистательнаго», то и тутъ слѣдовало иначе приняться за дѣло. Еслибъ онъ представилъ намъ въ лицѣ княжны Серпуховской дѣвицу съ пылкимъ умомъ, съ добрымъ сердцемъ, съ глубокимъ чувствомъ, съ кроткою и твердою душою; дѣвицу, воспитанную во всѣхъ правилахъ нравственности и религіи, чистѣйшей изъ нравственностей, и потомъ уже приподнялъ передъ нею завѣсу «свѣтской мудрости» и заставилъ ее рисовать Геркулесовъ, если бы показалъ намъ, какъ она сначала боится, трепещетъ, не довѣряетъ; тамъ, какъ, увлеченная пылкостью своего ума, борется,

открываетъ, мучится, и наконецъ, какъ, ослѣпленная, истерзанная, лишившаяся религіи и нравственности, въ забвеніи кидается въ бездну, которую сама изрыла, воображая, что летитъ на небо, тогда сказали бы мы — Да; онъ правъ! софизмы и знаніе, не подъ силу душъ, могутъ погубить и самую добродѣтель! Но, для насъ, это еще не было бы доказательствомъ неизбежнаго вреда «свѣтской мудрости» въ женщинѣ: мы, на свой вѣкъ, имѣли счастье знать женщинъ чрезвычайно ученыхъ, даже большихъ живописицъ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ слыли образцами нравственности.

Главное внутреннее достоинство этого сочиненія состоитъ въ вѣрности, подлинности характеровъ, и въ той точкѣ, съ которой авторъ смотритъ на слабости людей. Замѣтно, что онъ понялъ челоѣчество своею жизнью. Мы привыкли осуждать всякую слабость, презирать всякое отступленіе отъ учрежденныхъ мнѣніемъ законовъ; онъ нашелъ сторону, съ которой эти слабости и отступленія кажутся достойными болѣе жалости нежели гнѣва, болѣе смѣха нежели презрѣнія. Что касается до нашей святой Руси, то она списана у него съ нагой натуры и съ глубокимъ знаніемъ ея анатоміи. Надобно еще похвалить разнообразіе записокъ почтеннаго Горянова: онъ изобилуютъ занимательными эпизодами, которыхъ единственный недостатокъ состоитъ въ томъ, что иногда нельзя отличить ихъ отъ длиннотъ. Мы однако жъ приведемъ одинъ изъ нихъ, — торжественный обѣдъ у судьи.

«Въ часъ пополудни господинъ уѣздный предводитель, всѣ паличные дворяне, всѣ чиновники и купцы именитые съѣхались на званый пиръ къ судѣ.

Послѣ жирной закуски, два карточныхъ стола были обсажены дѣйствующими лицами; между ими по угламъ сѣли скромные зрители. Прочіе гости расположились въ столовой, по фрунту стульевъ, и безопасно смотрѣли на лаке-

евъ, которые стучали безъ милосердія тарелками, ножами и ложками, накрывая столъ.

«Я сидѣлъ также въ залѣ, съ Родищевымъ, и слушалъ формулярные списки, которые прочитывалъ онъ мнѣ о каждомъ изъ нашихъ молчаливыхъ собѣтниковъ.

«Хозяинъ подошелъ ко мнѣ съ видомъ покровительства и спросилъ, не хочу-ли я трубку.

«Я отвѣчалъ, съ низкимъ наклоненіемъ головы:—Покорнѣйше васъ благодарю, я не курю.

«Въ три часа, кушанье готово. Изъ за карточныхъ столовъ вспыхнуло возстаніе. Я замѣтилъ замѣшательство хозяина, куда меня посадить, спустился внизъ, и занялъ мѣсто между секретарями уѣзднаго суда и Родищевымъ.

«Уѣздный предводитель, сложивъ руки, прищуривъ глаза и запрокинувъ немного голову назадъ, спросилъ меня черезъ весь столъ:—Вы, кажется, содержатель постоялаго двора въ имѣніи генерала Катенева?

«Да, отвѣчалъ я кивнувъ головою, и началъ-было говорить съ секретаремъ; но какъ онъ отъ меня попятился, то я облекся молчаніемъ и открылъ настежь уши.

— Это удивительно! провозгласилъ одинъ дворянинъ. Какъ это до сихъ поръ неизвѣстно, когда открыли сахарный тростникъ?

— Позвольте, отвѣчалъ докторъ: онъ открытъ въ глубокой древности. Объ немъ упоминаетъ еще Плиній, какъ объ растеніи Индѣйскомъ; но тогда сокъ изъ него употреблялся въ качествѣ лекарства и вывозился сгущенными шариками въ Римъ, подъ именемъ *саххарумъ*.

— Въ IV столѣтіи, сказалъ почти шепоткомъ, уѣздный учитель, привставъ немного, покраснѣвъ и спрятавъ бороду въ широкій галстухъ: въ IV столѣтіи-съ.

— Да помиуйте, господа! Сахаръ вывезенъ къ намъ изъ Америки, то есть, при открытіи ея Колумбомъ Америкусомъ, воскликнулъ дворянинъ.

«Предводитель, который до тѣхъ поръ сидѣлъ, облокотясь однимъ локтемъ на столъ и запустивъ два пальца въ ротъ, гладилъ ими по зубамъ, сѣлъ въ надлежащую позицію. Онъ сложилъ руки на грудь крестомъ, покачалъ го-

довою и сказалъ со всевозможною кротостію: — Помилуйте! какой Колумбъ Америкусъ?

— Разумѣется такъ, отвѣчалъ заносчиво дворянинъ.

«Однако жъ приставя указательный палецъ къ носу и подумавъ нѣсколько, онъ призналъ свою ошибку и произнесъ торжественно:—А вслѣдъ за нимъ, то есть, за Колумбомъ, отправился въ 1541 году Америкусъ, происходящій отъ одной изъ знаменитыхъ Флорентинскихъ фамилій. А! такъ ли?

— Осмѣливаюсь доложить, сказалъ учитель, вставъ и положивъ распростертую руку на грудь: Америкъ Веспучій, изволилъ отправиться въ новый свѣтъ не въ 1541, но въ 1491 году; притомъ же.....

— Говорите сидя, сказалъ предводитель.

— Притомъ же, продолжалъ учитель, сахаръ не изъ Америки привезенъ въ старый свѣтъ, но изъ *онаго* вывезенъ въ Америку въ 1506 году.

— Какая намъ нужда, сказалъ предводитель, нюхая табакъ, кто выдумалъ есть раковъ? кто первый изобрѣлъ дѣлать щуку подъ фаршемъ? Наше дѣло есть и, ежели можно усовершенствовать свои сахарные заводы изъ свеклы.....

«Въ это время я посмотрѣлъ на секретаря уѣзднаго суда и увидѣлъ длинное лице его ослабленнымъ. Черные маленькіе глаза его говорили, кажется, предводителю: «Взгляните на меня, отецъ мой! И я принимаю соучастіе въ законности вашихъ словъ.»

— Господинъ М^{***} написалъ превосходную книгу о произращеніи свекловицы и производствѣ сахарныхъ заводовъ, сказалъ предводитель : намъ останется только..... Флоръ, Карповичъ! продолжалъ онъ, оборотясь къ городничему: кажется, во всѣхъ городахъ губерніи нѣтъ мѣстоположенія такого прекраснаго, какъ занимаетъ вашъ городъ?

— Такъ, отвѣчалъ Городничій: ничего.

— Самый планъ города, продолжалъ предводитель, очень хорошъ: правиленъ и удобенъ.

— Конечно, ничего.

— Что за домики? Любо смотрѣть.

— Да, ничего, хороши.

— Вотъ кабаки, сказалъ предводитель, такъ ужъ плохи.

— Надобно знать причину, надобно знать причину, быстро отвѣчалъ городничій: дѣла откупа плохи, весьма плохи. Вина вовсе нѣтъ; взносъ откупной суммы затруднился; не только не на что строить новые, кабаки, даже печѣмъ поправить кое-какъ старые; даже.....

— Зато, прервалъ предводитель, училище и присутственные мѣста прекрасны.

— Такъ-съ, отвѣчалъ городничій.

— О соборъ говорить нечего; чудесная архитектура!

— Такъ-съ, отвѣчалъ городничій.

— Жаль только, что вездѣ крышки деревянные. Опасно отъ пожара. Но у васъ превосходные пожарные инструменты и кони.

— Кони, кони, кони, забормоталъ городничій. Надобно знать причину: отъ чего быть лошадямъ? чѣмъ ихъ кормить? чѣмъ вообще содержать? Фуражъ дорогъ, людей нѣтъ; бьешься кое-какъ; прибавляешь свои: а изъ чего, изъ какихъ благъ? Чтобъ раззориться и итти по міру?

«Голова улыбался, и закрывалъ свою улыбку усами и бородой. Онъ только поглаживалъ раздвоенную свою бороду и шепталъ секретарю, заслоня ротъ рукою:—Чего гнѣвить Бога! Отпускается по три тысячи, а лошадокъ нѣтъ какъ нѣтъ, и кормить не кого.

«Столъ кончился довольно поздно; всѣ подвеселились, поговорились. Дичь пороли, — надобно признаться; но они всѣ были почти равны въ понятіяхъ, и это ихъ сближало, и это даже придавало единство бесѣдѣ. Одинъ только лекарь, Адамъ Адамовичъ, дѣлался по временамъ общою потѣхою, и то потому только, что коверкалъ безъ милости Русскій языкъ. Впрочемъ общество подобныхъ людей для меня несравненно почтительнѣе тѣхъ, въ которыхъ или невѣжество пренебрегаетъ всѣмъ отечественнымъ, или гордая зависть осуждаетъ все иностранное.»

Выборъ нашъ палъ на этотъ эпизодъ по причинѣ его краткости, хотя мы предпочитаемъ ему много другихъ, истинно живописныхъ.

О слогъ мы уже говорили: разговоръ всюду прево-

ходный; но въ описаніяхъ, въ разсужденіяхъ, замѣтно усиленіе быть изящнымъ и непривычка владѣть фразами, которая однако жъ быстро исчезаетъ, — доказательствомъ тому «Прихоть», одна изъ лучшихъ Русскихъ повѣстей не только по содержанію, но и по прелести слога. Автору, какъ мы сказали въ другомъ мѣстѣ, весьма часто недостаетъ точнаго слова для выраженія своей мысли, и оттого многія предложенія выходятъ у него почти совершенно непонятны. Но долгъ строгой справедливости заставляетъ насъ сказать тутъ же, что наоборотъ, есть многія предложенія черезчуръ понятныя и ясныя, и что они могли бъ быть несравненно темнѣе безъ потери для смысла вообще и для хорошаго вкуса въ особенности. Тараторинъ часто напоминаетъ собою дурной тонъ героевъ Г. Польде-Кока. И когда мы постоянно хвалимъ разговоръ, это еще не значить, чтобы мы принимали на себя отвѣтственность за его предметы. Между прочимъ, бесѣды старика Горянова съ прелестною Катинькою, такъ необычайны, что ихъ нельзя оправдать даже его лѣтамп. Но — *honny soit qui mal y pense*.

Мы сдѣлаемъ еще одинъ, послѣдній упрекъ «Постоялому Двору», — послѣдній, потому что все остальное достойно признательности благомыслящаго читателя, и что весьма, весьма желательно, чтобы авторъ продолжалъ упражнять перо свое въ этомъ родѣ литературы, который оно въ состояніи украсить преумными и чрезвычайно занимательными произведеніями. Намъ весьма не нравится этотъ каторжникъ, въ исторіи княжны Серпуховской. Мы понимаемъ мысль автора совсѣмъ не такъ какъ поймутъ ее многіе изъ его читателей, которые безъ-сомнѣнія усмотрятъ въ этомъ отверженномъ лицѣ только подраженіе приѣмамъ «Юной словесности». Мы весьма постигаемъ, что дѣвушка съ такимъ воспитаніемъ, каково этой княжны, которая притомъ прилежно читаетъ новыя

Французскіе романы и драмы, которая, въ своемъ восторгѣ отъ генія Виктора, хорошо затвердила въ памяти знаменитый его афоризмъ — *Quatre-vingt forcats — quatre-vingt justes*, очень способна любить каторжника за то, что онъ каторжникъ: въ благомъ намѣреніи, или по-крайней-мѣрѣ въ хотѣніи, конечно недостатка у ней не будетъ; но затрудненіе въ томъ, — какъ привести его у насъ въ дѣйствіе? Слава Богу, въ нашемъ обществѣ каторжники еще не попадаютъ въ гостиныхъ, и любовникъ ея сіятельства, какъ бы онъ ни былъ въ послѣднемъ литературномъ вкусѣ, составляетъ на Руси явную невозможность или такое рѣдкое изъятіе, которое для романа, для картины правовъ, равносильно невозможности. Это уже переходить за естественное.

Несчаствіе писателей мыслящихъ — что Критика принимаетъ каждую ихъ мысль, каждое ихъ слово, серьезно и хочетъ разсуждать съ ними. Авторъ «Постоялаго Двора» долженъ приписать этому обстоятельству всѣ непріятныя слѣдствія разсужденія, въ которое вовлекла насъ его книга. Зато онъ, наши читатели и мы сами отдохнемъ отъ трудовъ спора на сочиненіи Г. Лажечникова. «Ледяной Домъ» такая книга, о которой совершенно нечего сказать, — кромѣ того, что она прелестна. Надобно ограничиться однимъ словомъ — прелестна! и даже не должно съ точностью опредѣлять смысла, въ какомъ вы принимаете это слово. Разборъ его уничтожилъ бы, можетъ, пріятность общаго впечатлѣнія, которому оно служить вѣрнымъ выраженіемъ. Это не *chef-d'oeuvre*, не верхъ искусства, не произведеніе мысли сильной и глубокой; сверхъ того, это романъ историческій, — родъ рестаураціи старыхъ картинъ, гдѣ художникъ только обновляетъ поблекшія краски и дополняетъ мѣста, истертые временемъ; однимъ словомъ, это простой рассказъ пріятнаго рассказчика: разсужденія его поверхностны и

обыкновенны; тонъ и пріемъ ихъ не самый изящный; остроты не блистательны; веселость не всегда ловкая; игривость немножко школьническая; но это книга прелестная, — чрезвычайно милая и занимательная, которая съ самаго начала увлечаетъ васъ своимъ интересомъ и быстро мчитъ по мелкимъ столбцамъ своимъ и некрасивой печати до послѣдней странички, не давая вамъ отдохнуть, ни подумать, въ чемъ состоятъ недостатки, что такое поражаетъ васъ иногда непріятно. Только прочитавши, и воскликнувъ — прелесть!, вы можете примѣтить, что изъ этого чтенія не осталось въ васъ ни одной идеи, даже ни одного счастливаго выраженія для вашихъ всегдашнихъ мыслей. Два раза не возможно читать этого романа, но если бъ мы сегодня забыли его содержаніе, въ первый досужный часъ опять принялись бы за него же, съ увѣренностью найти полное удовольствіе.

Какъ историческій романъ, это картина нѣсколькихъ мѣсяцевъ изъ царствованія Императрицы Анны Іоанновны; какъ повѣсть, это исторія любви Молдаванской княжны Маріорицы воспитанной Императрицею, и министра ея Волынскаго, человека женатаго, который увѣрилъ свою возлюбленную въ противномъ, — повѣсть, какъ мы уже сказали, истинно увлекательная. Мы не должны пересказывать ея содержанія, потому что тализманъ ея заключается весь въ содержаніи, — въ завязкѣ и приключеніяхъ этой любви, а не въ ея подробностяхъ; не въ анализѣ страсти, не въ пафосѣ главныхъ сценъ, которымъ вообще не достаетъ драматической силы и огня. Помощію этихъ-то приключеній, Волынской, главное лицо повѣсти, человекъ слабый, безпрерывно колеблющійся между любовью отечества, любовью къ женѣ и любовью къ Маріорицѣ, виновникъ собственныхъ несчастій и несчастія двухъ дорогихъ его сердцу особъ, жертва душевныхъ страданій, про-

никающихъ въ него отвсюду, внушаетъ читателю не смотря на свои ошѣбки, сильный и постоянный интересъ своимъ жестокимъ положеніемъ и характеромъ, хоть зыбкимъ, но всегда благороднымъ и возвышеннымъ.

Романо-историческая часть сочиненія основана на слѣдующемъ обстоятельстве. Императрица Анна Иоанновна нездорова; доктора прописываютъ ей употреблять развлеченія; министръ Волынскій даетъ ей праздникъ, для котораго онъ выписываетъ изъ разныхъ областей государства по парѣ человекъ каждаго племени; строятъ ледяной домъ, играютъ свадьбы шутовъ, одного женятъ на старухѣ, другаго на козѣ, и такъ далѣе. Это доставляетъ автору обильный матеріалъ для эпизодовъ, въ которыхъ потѣхи часто перемѣшаны политическими происшествіями. Вообще всѣ эти эпизоды читаются съ любопытствомъ и удовольствіемъ, хотя дикая пышность праздниковъ ни сколько не озаряется блескомъ слога, главнымъ факеломъ подобныхъ торжествъ. Авторъ сдѣлалъ, въ этомъ сочиненіи, неимовѣрные успѣхи въ изяществѣ Русскаго слова, но мы обманули бы его непростительнымъ образомъ, сказавъ, что онъ уже достигъ той точки, на которой усиліе можетъ остановиться и отдыхать. При его талантѣ къ созданію повѣсти, при его умѣніи сообщить ей такую заманчивость, должно непремѣнно стараться довести свою фразу до совершенной гладкости и придать ей свѣжесть по-крайней-мѣрѣ лоскомъ тщательной полировки. Само собою разумѣется, что въ условія этой отдѣлки мы включаемъ и грамматическую правильность языка, которая не-вездѣ соблюдена въ «Ледяномъ Домѣ».

Одной выписки будетъ достаточно для оправданія нашего мнѣнія во всѣхъ его отѣнкахъ, выгодныхъ и невыгодныхъ для новаго романа Г. Лажечникова. Читатель въ ней увидитъ всю занимательность, всю жи-

вость, движеніе начертанной картины, но вѣрно также не одобрить вмѣстѣ съ нами ни стила ея рисунка, ни рода игривости колорита, которая, безъ-сомнѣнія, могла бѣ быть лучшаго разбора и не такъ часто впадать въ пошлость. Возьмемъ лучшія страницы, — свадьбу шута, Кульковскаго. Тутъ будетъ и отрывокъ разсужденій, которыя мы назвали поверхностными, по-видимому, довольно справедливо.

«Не пользуясь Маеусавловой жизнью, мы не могли быть на праздникъ, который въ послѣдній годъ царствованія Анны Іоанновны данъ былъ по случаю свадьбы пажа и шута ея Кульковскаго. Жаль! чтожъ дѣлать? я постараюсь замѣнить вамъ эту потерю, описавъ праздникъ, будто самъ видѣлъ его. А отъ чего такъ хорошо его знаю, о, извольте знать, слышалъ я объ немъ отъ покойной моей бабушки, которая видѣла его своими глазами и вынесла изъ него разсказовъ на цѣлую жизнь, восторговъ на цѣлую вѣчность, если бѣ вѣчность дана была въ дѣлѣ моей бабушкѣ.

«И такъ просимъ ко мнѣ подъ бочокъ: смотрите жъ что я буду вамъ показывать.

«Видите ли? становится на площади между зимнимъ дворцомъ и Ледянымъ домомъ карета золотая, десятистельная, запряженная восьмью *Неаполитанскими* лошадьми. Что за кони! будто писанные! Сбруя пылаетъ на нихъ, строусовыя перья развѣваются на головахъ; снѣгъ курится изъ подъ ногъ, тонкихъ, какъ у оленя. Пифъ, пафъ бичемъ — каково жъ рисуются! Благородная кровь означилась струями по атласу ихъ шерсти. Двѣнадцать пѣшихъ гайдуковъ идутъ по бокамъ цуга, готовые смирить рьяность коней въ случаѣ, если бѣ забыли узду и бичъ. Кучера въ треугольныхъ шляпахъ съ позументами, изъ подъ которыхъ прицѣпляется въ карету длинная коса; въ откидныхъ ливрейныхъ шубахъ, исписанныхъ блестящими галунами, въ башмакахъ и шелковыхъ чулкахъ съ огромными пряжками. Пажи упизали карету ожерельемъ, которому служатъ, какъ бы замкомъ, два араба въ золотыхъ шубахъ и въ бѣлыхъ чалмахъ. Охраняютъ ее двѣнадцать пздовыхъ сержантовъ

верхами, въ гренадерскихъ съ плюмажемъ шапкахъ. Въ ней сидитъ Государыня, напротивъ ея княжна Маріорика Ледемико (кабы знали, что она дочь Цыганки!). На лицѣ *по-слѣдней* играетъ ужъ румянецъ, въ глазахъ роится удовольствіе. Скоро жъ оправилась! Мудрено ли? она увѣрена, что любима. Позади этой кареты нѣсколько другихъ съ Великими Князьями и придворными дамами. Въ одной изъ нихъ,—посмотрите, настоящая Русская дѣва, кровь съ молокомъ, и взглядъ и привѣтъ Царицы: это дочь Петра Великаго, Елисавета. Она даритъ толпу улыбкою, будто серебрянымъ рублемъ. Кажется, сердце хочетъ сказать: желанная, царствуй надъ нами! Какъ ей легко увлечь эту толпу! Невыгодно сравненіе съ нею для Анны Иоанновны, смуглой, рябоватой, съ длиннымъ носомъ, тучной, мрачной. Прибавьте къ испріятной наружности потворство ужасному Бирону, и можете судить, почему ее прозвали грозною, когда она въ самомъ дѣлѣ не была такою. Замѣтьте и эту молоденькую женщину въ придворной каретѣ—милое, дутое личико, на которомъ набросано кое-какъ простодушіе, доброта, вѣтреность. Это Анна Леопольдовна, супруга герцога Брауншвейгскаго. Кто бы подумалъ, что ей предоставлено смѣнить временщика и править Государствомъ? Кому однакожъ, какъ не голубкѣ прпнести вѣтвь мира человечеству, усталому отъ казней! Къ каретѣ перѣдко подъѣзжаетъ мужъ ея, незначащее лице, и статный, краспвый Липаръ, этотъ очарователь..... Вотъ и карета Герцога Курляндскаго, съ его гусарами, скороходами, егерями и пажами. Онъ ослѣпляетъ великолѣпіемъ своего экипажа и прислуги и красотою лошадей; онъ давитъ толпу своимъ грознымъ взоромъ и именемъ. Жена его съ погъ до головы облита корою алмазною: знатокп цѣнять ихъ въ два милліона. Вотъ и фельдмаршалъ Минихъ верхомъ,—герой, инженеръ, честолюбецъ, волокита, любящій страстно вѣтчину съ сахаромъ и женщинъ, но болѣе всего славу.

«Какой щегольской съездъ! Играютъ волны строусовыхъ перьевъ; переливается блѣскъ золота въ блѣскъ алмазовъ; бархаты пышутъ яркостью своихъ цвѣтовъ; черные соболы пѣжата на женскихъ колѣнкахъ. Какое отборное собраніе женщинъ! какія хорошенькія, свѣжія лица. будто сейчасъ

умылись снѣгомъ, или съ серебра подь первый, весенній громъ! Горятъ опасные взоры ихъ; или проблескиваетъ на васъ изъ-подь длинныхъ рѣсницъ лучъ потаенный. Кокетничаютъ и красавицы-лошади. Все блеситъ, все радуется снаружи. Зато какой хламъ становится за придворными экипажами. Чего тутъ нѣтъ? Вотъ курятникъ, изъ котораго выглядываетъ жирная насѣдка съ полудюжиной хохлатыхъ птенцовъ; вотъ человѣческая мумія подь бѣлымъ паркомъ, прилѣпленная къ своему сѣдалищу, устроенному въ богатомъ берлинѣ, который везутъ четыре лошадиныя муміи веревочными постромками; она боится малѣйшаго толчка, чтобы душа не вылетѣла изъ нея вонъ. Тутъ найдете въ экипажахъ живыя колоды картъ, живыя корзины съ цѣтами, свѣжими и поблекшими, простыми и росписными, индѣйскихъ пѣтуховъ, вѣтвистыхъ оленей, и прочее и прочее, что и нынѣ можете найти на всякомъ сѣздѣ. Какая смѣсь вкуса съ безвкусіемъ, блеска съ чернотою, великолѣпія съ недостаткомъ! Настоящая вывѣска необразованности тогдашняго времени! Только два, три экипажа вполнѣ щеголевато снаряжены, и въ числѣ ихъ карета Волинскаго. Въ ней сидитъ супруга его, счастливая, гордая имъ, только имъ, и развѣ плодомъ любви ихъ, который носить подь сердцемъ. Какая мысль блеснула въ головѣ ея и Маріорицы: что почувствовали онѣ, когда издали взглянули другъ на друга въ первый разъ? Ужъ вѣрно не Наталья Андреевна завидовала участи княжны, сидящей съ Государыней.—Самъ Волинскій развѣзжаетъ на саняхъ, чтобы удобнѣй распорядить всѣми частями праздника.

«Однакожь вниманіе, господа и госпожи! Не заглядывайтесь такъ на прекрасную, блѣдную княжну Лелемику и пригожую супругу кабинетъ-министра. Знаю, что обѣ заглядѣнье. Одною, говорите вы, любуетесь, какъ звѣздою любви на роскошномъ ложѣ неба, какъ обольстительною дѣвою, которая должна украшать рай Магометовъ: всѣ помыслы обѣй — соблазнъ, грѣхъ, безсонница, видѣнія, бунтующія кровь вашу. Другою восторжены вы, какъ Муриловымъ идеаломъ для его Conception, на который, кажется, бѣнисья глядѣть не душевными очами, котораго взглядъ соучастія даетъ крылья, чтобы летѣть на небо

христианское. Знаю, что вы колеблетесь, кому изъ нихъ отдать золотое яблоко: но теперь не время играть роль Париса. И такъ прошу вниманія, господъ и госпожи!

«Въ головѣ шествія рота гвардейцевъ: треугольныя шляпы солдатъ украшены еловыми и дубовыми вѣтвями, у офицера лаврами,—такъ ходили они, возвратившись изъ славнаго Турецкаго похода. Проходя мимо Императрицы, они приветствуютъ ее громкимъ: *виватъ!*»

«Вотъ выступаетъ огромный слонъ, — сильное, мудрое животное изъ числа четвероногихъ, которое однако жъ повинуется, какъ вы видите, маленькому двуногому животному, можетъ-быть, и довольно глупому. Но этотъ простачокъ получилъ отъ одного лукаваго выскочки изъ своего рода талисманъ, — молотокъ, которымъ онъ, сидя на его хребтѣ, долбитъ силача и мудреца въ голову и управляетъ имъ, какъ хочетъ. Тяжело выступаетъ слонъ въ теплыхъ котахъ. Но какихъ это двухъ звѣрковъ везутъ на спинѣ его въ огромной желѣзной клѣткѣ, утвержденной къ ней подпругами? Народъ, не смотря на присутствіе Императрицы, встрѣчаетъ ихъ радостными восклицаніями, хохочетъ, плещетъ руками. Позжай онъ на слонъ и не въ клѣткѣ, народъ не посмѣлъ бы смѣяться! Эти звѣрки, судя по образу ихъ, человеки. Одинъ—Кульковскій, другой—супруга его, бывшая Подачкина и барская барыня. Кланяйтесь имъ, господа и госпожи, и поздравляйте ихъ со вступленіемъ въ законное супружество. Они ѣдутъ изъ церкви на свадебный обѣдъ, провожаемые многочисленнымъ потѣздомъ. Напыщенные, какъ лягушка, собиравшаяся въ быки, сидятъ они другъ противъ друга въ богатыхъ креслахъ. Штофъ, бархатъ, золото, вспыхивая отъ луча солнечнаго, сквозятъ черезъ желѣзныя прутья клѣтки; муфты придаютъ новобрачнымъ высокую степень кукольнаго барства. Есть чѣмъ и похвалиться: отъ Баязета до нихъ еще никто не ѣзжалъ въ такомъ чудесномъ экипажѣ; а Баязетъ, какъ вы изволите знать, былъ не мѣлкая спица въ колесницѣ міра: легко сказать, султанъ!»

«Любезная старина! завидная! старина Увы, теперь не повезутъ человека въ желѣзной клѣткѣ!»

«Съ какой высоты смѣрять новобрачные на толпу! Все

мало и низко передъ ними. Съ какимъ самодовольствомъ озираются они! Не для нихъ ли съѣздъ двора, стеченіе всего Петербурга? Для нихъ собраніе всей Россіи, всѣ диковинки, нигдѣ еще невиданныя. Особенно торжественна Г-жа Кульковская: ей пожаловано богатое приданое, хотъ бы невѣсть Миниха; она ужъ столбовая дворянка, можетъ покупать на свое имя крестьянъ и колотить ихъ изъ своихъ рукъ; мечты о столѣ царскомъ, гдѣ сядетъ рядомъ съ женою Волинскаго, бывшею своею барынею, о пирахъ, и болѣе о наказаніяхъ, которыя будетъ разсыпать, кружить ей голову. Осмѣлся кто изъ ея крестьянъ пискнуть передъ ней: кликнула, — и заплечный мастеръ садится на облучокъ ея повозки, — летятъ, пріѣхали, и по ея мановенію, безъ дальнаго суда, расправа готова. Все дѣло нѣсколькихъ цѣлковыхъ и власти боярской. Чудныя времена, славныя времена!..... Г-жа Подачкина опьянѣла отъ восхищенія; ей не вѣрится, что она на такой высотѣ почестей и могущества.

«Глядите, глядите, что за странный поѣздъ тянется за экипажемъ повобрачныхъ! Честь первыхъ за ними принадлежитъ Остякамъ, или, лучше сказать, оленямъ, на которыхъ они ѣдутъ. Красивыя животныя дрожатъ и упираются; отъ страху, по шерсти ихъ перебѣгаютъ тѣни. За ними Новгородцы на парѣ козловъ, Малороссіяне на волахъ, Чухонцы на ослахъ, Татаринъ съ своею Татаркою, на откормленныхъ свиньяхъ, на которыхъ посадили ихъ, чтобы доказать, какъ можно преодолѣть свою натуру и обычаи. Тутъ и рыжеволосые Финны на крошечныхъ коняхъ, Камчадалы на собакахъ, Калмыки на верблюдахъ, Бѣлорусцы подъ войлокомъ колтуна, Зыряне, которыхъ честность могла бы поспорить съ Нѣмецкою, Ярославцы, взявшіе верхъ на этой человѣческой выставкѣ статью, красотою, щегольствомъ паряда, и такъ далѣе, всѣ сто пятьдесятъ разноплеменныхъ паръ, каждая въ своемъ народномъ костюмѣ, на отличной парѣ животныхъ, въ различныхъ сапяхъ и салазкахъ. Блеянье, лай, мычанье, ревъ, ржанье, звонъ бубенчиковъ и колокольчиковъ,—какая чудная музыка при этомъ диковинномъ поѣздѣ! Опять скажу, только въ Россіи можно было составить такой богатой этнографиче-

скій праздникъ. На другой площадкѣ собрались весь Сѣверъ Азіи и почти весь Востокъ Европы: для этого стояло только Русской Царицѣ махнуть платкомъ изъ окна своего терема.

«По волѣ Государыни потѣздъ сдѣлалъ два оборота на луговой линіи, и тянется къ манежу Бирона. Тамъ приготовленъ обѣдъ для новобрачныхъ и гостей. Столъ накрытъ на триста три куверта. Музыка, составленная изъ трубъ, гобой и литавръ, встрѣчаетъ потѣздъ. Садятся за столъ чинно парами, въ томъ порядкѣ, въ какомъ ѣхали — разумѣется князь и Княгиня свадьбы на переднемъ мѣстѣ. Передъ каждою парою поставлено національное ея кушанье.

«Государыня съ своею свитою расположилась на возвышеніи подъ балдахиномъ. Около нея составляется блестящая гора дамъ и кавалеровъ.

«Но это что за фигура въ богатомъ Французскомъ кафтанѣ, держа обѣими руками бумагу на головѣ, ползетъ на колѣнахъ отъ входа манежа черезъ всю длину его? Это Тредіаковскій. Глубоки слѣды, которые онъ роетъ на пескѣ; не смущаетъ педанта униженіе челоуѣчества и науки въ его лицѣ; одна физическая трудность подвига едва было не преодолѣла его исполннскихъ силъ; потъ каплетъ градомъ съ крутаго лба, грудь вздымается, какъ мѣхъ; но минута отдыха, и онъ стоитъ у цѣли своей, передъ Государыней. Бумага снята съ головы, и черезъ одного изъ дежурныхъ придворныхъ представлена Ея Величеству. Василію Кирилловичу дано позволеніе произнести его *поднось*. Въ своей обыкновенной позитурѣ, на колѣнахъ, читаетъ онъ громовымъ голосомъ во всеуслышаніе:

«Торжествуйте вси Россійски народы:

«У насъ идутъ золотыя годы.

Воспріимемъ съ радости полные стаканы,

«Восплещемъ громко и руками,

«Заскачемъ весело погамн

«Мы, вѣрные гражданы.

«Имѣемъ мы днесь радость учрежденну,

«Повсюду славно разнесенну:

«Анна надъ Россією воскресилась всею!

«То-то есть прямая Царица!

«То-то бола Императрица!

«Признаемъ всѣ душою.

«Государыня рукоплещетъ, именуетъ Василя Кирилловича придворнымъ пѣитомъ, и, по приказанію ся, все ее окружающее осынаетъ пѣвца лаврами рукоплесканій. Онъ встаетъ, изпсмогшій подъ бременемъ своего торжества. — Въ Капитолій! — Два пажа берутъ его подъ руки, и сажаютъ на противный конецъ стола, гдѣ для него поставленъ особенный кувертъ подъ бесѣдкою изъ вѣтниковъ. Ему одному пѣтъ пары; онъ единственъ. Во время обѣда слушать ему пажи, — честь, равняющая его съ Шапеллемъ, если не съ Тассомъ!

«Обѣдъ кончился; начинаются пляски, — каждая пара свою національную. Тамъ плыветъ лебедкою Русская дѣва, и около нея увивается соколомъ ея товарищъ; за ними ломаются, какъ одержимые духомъ, въ шайтанской пляскѣ; далѣе пристукиваютъ козачка, или выкидываютъ журавля. Тутъ мчатся степнымъ вихремъ Цыгане: «Эй, жги, говори! эвсе, эванъ!», и взоры изступленно-краснорѣчивы, и каждая косточка говоритъ, каждая жилка бьется, и грудь дышетъ бурей любви. Но что съ Княжною Лелемико? Она блѣднѣетъ. Пляшущая Цыганка не мать ея, но ее напоминаетъ, и это напоминаніе ледянитъ все существо Маріорицы. Она старается укрѣпиться, ищетъ взорами Волынскаго, находитъ, и прицѣпивши къ нему, *якорь своего сердца*, оживаетъ. Между тѣмъ Цыгане пролетѣли, голосъ ихъ отдается слабѣе и слабѣе, наконецъ совсѣмъ замираетъ. Новыя пары, новыя пляски и голоса! И страхъ и грусть Маріорицы промчались, какъ мимолетныя видѣнія.

«Пиръ конченъ, и повобрачные съ своимъ пестрымъ многочисленнымъ потѣздомъ отправились въ прежнемъ порядкѣ въ Леляной Домъ. Здѣсь, при звукѣ трубъ, литавръ и гобой, подъ хоръ козловъ, быковъ, собакъ и ословъ, высадили ихъ изъ желѣзной клѣтки и отвели съ подобающею честію въ спальню, гдѣ и заперли. Потѣздъ распущенъ. Часовые приставлены къ дому, чтобы влюбленная чета не могла изъ него освободиться. Каковъ алтарь Гименею! На

что ни садятся, къ чему ни прикасаются, все ледъ, — стѣны, брачное ложе, утварь; отсюду налетитъ на нихъ холодъ; ближе, тѣснѣе, наконецъ душитъ, костенитъ ихъ. Нѣсколько минутъ утѣшаетъ ихъ огонь въ ледяномъ каминѣ, на ледяныхъ свѣчахъ; но этотъ фосфорный огонь не грѣетъ. Вотъ и онъ слабѣе перебѣгаетъ по ледянымъ дровамъ, цѣпляется за нихъ, бьется умирая, исчезаетъ..... Холодно, мрачно, какъ подъ землею! Сердце замерло. Сначала, молодые селятся побороть холодъ; то бѣгаютъ взадъ и впередъ по комнатамъ, пляшутъ, кривляются, то кувыркаются, то колотятъ другъ друга. Смѣхъ, да и только!..... Нѣтъ болѣе силъ выдерживать. Стучатся въ дверь, стонутъ, умаливаютъ часовыхъ выпустить ихъ, припадаютъ заочно къ ихъ ногамъ, клянутся погробъ не забыть ихъ благодарнѣй, общаются озолотить ихъ. Ничто не помогаетъ. Отчаяніе беретъ верхъ. Отъ мольбы переходятъ къ проклятіямъ; все проклинаятъ, что только поситъ имя человеческое; ломаютъ и уничтожаютъ все, что могутъ разломать и уничтожить, селятся разрыть стѣну, грызутъ ее; наконецъ, предавшись отчаянію, садятся на постель. Глаза слипаются; дремота одолеваетъ ихъ болѣе и болѣе; смерть ужъ протягиваетъ на нихъ руки, усыпляетъ ихъ, убаюкиваетъ сказками, сладкими видѣніями; еще одна минута,—и они заснули бы на вѣки. Но утро потрясаетъ уже свои бѣлокурыя кудри изъ заснѣжнаго подзора; начинается свѣтать; къ новобрачнымъ входитъ караульный офицеръ, и, найдя ихъ въ предсмертномъ усыпленіи, старается ихъ оживить. Ихъ сттираютъ снѣгомъ и относятъ на квартиру, гдѣ помощь лекаря скоро возвращаетъ имъ жизнь.»

Это мѣсто ясно показываетъ, что талантъ Г. Лажечникова одаренъ прекрасными описательными силами, и что самъ авторъ сбивается ихъ съ пути ложнымъ понятіемъ о средствѣ казаться веселымъ, полагая, что это средство состоитъ въ прибауткахъ.

Въ отрывкѣ который мы привели, читатели могли видѣть Тредіаковскаго. Онъ играетъ въ романъ одну изъ важнѣйшихъ второстепенныхъ ролей. Мы гдѣ-то читали, слышали, или намъ снилось, что автору «Ле-

длянаго Дома» подносили дань искренняго удивленія за созданіе этого характера. Быть-можетъ, что эта часть творенія Г. Лажечникова способна восхитить многихъ, но надъ нами она производитъ совсѣмъ противоположное дѣйствіе. Тредіаковскій, по мнѣнію нашему, самая неудачная карикатура, какую только человѣкъ съ дарованіемъ можетъ создать. Нѣтъ ничего легче какъ представить смѣшнымъ педанта, вложивъ ему въ уста напыщенныя и безтолковыя фразы, которыми онъ писалъ, и которыхъ естественно никогда не употреблялъ. Онъ въ разговоръ и въ обыкновенныхъ отношеніяхъ частной жизни, но такой педантъ не будетъ живой человѣкъ, и такое литературное созданіе не будетъ художественно. Всѣ педанты, подобные Тредіаковскому, отличаются именно тѣмъ весьма характеристическимъ свойствомъ отъ не-педантовъ, что, пока говорятъ, они говорятъ какъ всѣ люди, но лишь-только взяли перо въ руки, имъ уже кажется, что никакъ нельзя изъясняться тѣми же словами, какими они за-минуту говорили сами: они замѣняютъ обыкновенныя, живыя рѣченія мертвыми, неупотребительными, странными для слуха; они выдумываютъ себѣ небывалый языкъ, полагая, что онъ красивѣе природнаго, они отдѣляются отъ общества, презираютъ его правила, и простираютъ свою дерзость до того, что передѣлываютъ на свой образецъ неприкосновенную собственность народа,—его современное слово. Такихъ людей, мы, въ этомъ журналѣ, часто называемъ «книжниками». Тредіаковскій былъ книжникъ въ полномъ смыслѣ слова. Но онъ былъ только книжникъ, и болѣе ничего; напыщенный и безвкусный педантъ, какъ скоро садился сочинять, человѣкъ какъ слѣдуетъ, доколѣ не писалъ, даже человѣкъ ученый и умный, даже острякъ, у котораго часто вырывались и сарказмъ и эпиграмма. Школа Тредіаковскаго продолжается у насъ по сію пору. Что такое дѣлаютъ всѣ тѣ,

которые говорят одними словами, а пишутъ другими? Чистую Тредіаковщину.

Мы ссылаемся на разборчивость всякаго, кто хоть немногo знаетъ людей, возможно ли заставить кого-нибудь въ свѣтъ, педанта или архи-педанта, разговаривать съ прапорщикомъ такимъ языкомъ: «Возгляньте «упованіемъ своимъ на меня, аки на адамантовъ камень. Что не возмогу я исполнить за великія щедроты, ниспосылаемыя на меня его свѣтлостію? Да не «позволите ли всенижайшему рабу его утруждать «ваше благородіе, яко вельми благодѣтельную особу, «обрѣтающуюся при высокомъ и уже рѣченномъ го-«сподинѣ, малую толку, презентовать его свѣтлости «недостойное мое стихосложеніе, въ честь его пер-«соны составленное?» Тредіаковскій такъ писалъ, но не говорилъ. Хотѣтъ этимъ, а не поступками, не чертами характера, изобразить педанта, дѣйствующаго въ обыкновенной жизни, все равно, что нарисовавъ на полотнѣ предателя, вымазать ему лице черною краскою, съ тѣмъ, чтобы это значило—черная душа.

Мы имѣемъ въ рукахъ два экземпляра очень любопытнаго документа, который въ нѣсколькихъ строкахъ гораздо рѣзче и живописнѣе изображаетъ автора «Телемахида», чѣмъ всѣ сцены «Ледянаго Дома», и воспользуемся этимъ случаемъ, чтобы сообщить его публикѣ. Это «черное доношеніе» Тредіаковскаго на экзаменаторовъ его предисловія къ «Аргенидѣ». Чувство сдѣланной ему обиды заставило его забыть здѣсь витійство и писать такъ, какъ онъ говорилъ. За исключеніемъ принятыхъ формъ канцелярскаго слога, языкъ этой бумаги совершенно простъ и естественъ; сочинитель ея часто выражается замысловато; тутъ же есть выписки изъ его сочиненія, писаннаго «краснымъ стилемъ», и по нимъ можно видѣть огромное различіе между Тредіаковскимъ въ книгѣ и Тредіаковскимъ въ частномъ быту.

«ВЪ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКУЮ АКАДЕМІЮ НАУКЪ»,

Отъ надворнаго совѣтника и оной академіи профессора, Василія Кириллова Тредіаковского.

1. Прошедшаго августа — дня 1750 года подалъ я доношеніе въ канцелярію Академіи Наукъ, которымъ просилъ, чтобъ повелѣно было напечатать дедикацію, сообщенную при доношеніи, въ первомъ томѣ Барклаіевы Аргениды.

2. А по силѣ моего прошенія, канцелярія ордеромъ приказала, чтобъ мою дедикацію освидѣтельствовать профессорамъ Ломоносову и Крашенинникову, да адъюнкту Попову.

3. И хотя мнѣ печально, что канцелярія Академіи Наукъ такъ со мною, дватцати-лѣтнимъ и безпорочнымъ, никого ни чѣмъ не раздражающимъ и понынѣ не раздражившимъ, а самымъ непрерывно терпѣвающимъ обиды и мало-по-малу всей бодрости и надежды лишаящимся академическимъ служителемъ немилостиво благоволила поступить, что самую краткую дедикацію мою не избобрѣла за благо принять просто надѣясь на мою самую малую въ томъ способность, принимавъ у другихъ не краткія только, но и вслѣпкія сочиненія ихъ безъ такова свидѣтельства, еще нынѣ и не собственнымъ сочинителевымъ, а пменемъ всей академіи печатанныя, изъ которыхъ всѣ имѣютъ самыя осязаемыя, чтобъ такъ сказать несправности, а пменно, дедикацію, приложенную къ Сибирской Исторіи, которая не токмо не превосходнымъ искусствомъ сочинена, да еще и несправна, и Слово Похвальное, произнесенное въ прошломъ году профессоромъ Ломоносовымъ, которос наполнено солесписмами, не упоминая уже о предисловіи Крашенинникова къ Курцію, и о Риторикѣ профессора Ломоносова, которая въ премногихъ мѣстахъ ложна; однако, для такой немилости, я только печалюсь, и причины ей не изыскивая, доношу, что моя печаль толь больше еще увеличилась, что помянутымъ профессорамъ и адъюнкту велѣно (или сами они собою такъ сдѣлали) свидѣтельствовать мою дедикацію безъ моей притомъ бытности, что не только ново, но и мнѣ предосудительно. А мнѣ, конечно, надлежало при томъ, по обыкновенію, быть, по-крайней-мѣрѣ для того, чтобъ хотя уже напомнить только одному изъ помянутыхъ экзаминаторовъ, именно адъюнкту Попову, что онъ свидѣтельствуеъ дедикацію къ Барклаіевой Аргенидѣ, а не къ Роленевой Исторіи; ибо онъ мнѣ самъ признался, сего Сентября 13 дня, что овъ, свидѣтельствуя дедикацію, думалъ, что ей надобно быть при Роленѣ; чего ради и были ему дикіе слова — «Такъ тотчасъ разойдутся музы, которыя де давно разошлись.»

4. Но, какъ то ни есть, токмо помянутые профессоры и адъюнкты показали репортomъ, что въ моей дедикаціи находятся ложныя мысли и излишнее ласкательство, а сверхъ того, нѣкоторыя и слова имъ не показались, — что все въ моей дедикаціи ими подчеркнуто.

5. На сію, учиненную мнѣ отъ нихъ обиду, доношу, что мнѣніе ихъ совсѣмъ неправо, ибо въ моей дедикаціи нѣтъ ни ложныхъ мыслей, ни излишняго ласкательства; да и слова все избранныя. Хотя впрочемъ я и не тщеславлюсь, чтобы мои сочиненія были совершенны, однако дерзаю по необходимости утверждать, что свидѣтельствованная дедикація конечно исправна, и еще въ своемъ родѣ нѣжна, въ чемъ я смѣю могу послаться на всѣхъ безпристрастныхъ знатоковъ.

6. Слова порознь, а именно *по истинѣ и либо*: всякъ читавшій довольно церковныя наши книги вѣдаетъ, что они чистыя Славенскія, изъ которыхъ первое употреблено у меня для такъ называемаго напращенія и ораторскаго числа, а второе вмѣсто *можетъ-быть*, а не за *или*; оба жъ они употребительныя, а не странныя, каковы у Ломоносова *условіе, сопредѣлъ, робный*, ни низкія, какія у Крашенинникова *глядить, пальцы*, ни напоследокъ развращенныя, какъ у Попова, ото дня на день.

7. Что они разсуждаютъ быть ложными мыслями, какъ то. 1. *Исповѣдую искренно, въ семъ точно случаѣ я послѣднѣйшій теперь обрѣтаюсь*; 2. *Къ подножію престола Вашего нисполагаемый*; 3. *Дерзаю впрочемъ съ раболѣпнымъ страхомъ быть нѣсколько въ благодушиномъ надѣяніи*; 4. *Какъ скоро пресвѣтлыя очи Вашего Величества обратятся на приносимую сію книгу, о чемъ и прошу, всеподданнѣйше повергалься къ стопамъ Императорскимъ, такъ тотчасъ разойдутся во всѣ концы пространнѣйшаго Вашего обладанія прекрасныя Музы сего книги*,—то все сіе не только не такое, какъ они говорятъ, но, напротивъ того, праведное, и еще красное въ своихъ выраженіяхъ. Въ семъ я могу послаться на всѣхъ академиковъ и профессоровъ, и на всѣхъ искусныхъ и совѣстныхъ людей, да и на похвальныхъ ученыхъ въ нашемъ языкѣ, вѣжъ академій находящихся.

8. Выраженіе сіе—*Все жъ толь не пренебрегаемое сіе пріобрѣтеніе востигнетъ отъ всеобщаго благодаренія, премудрости Вашего Императорскаго Величества и благоуспѣшному въ людяхъ своихъ за умножаемое просвѣщеніе, раченію и промыслу*,—хотя и подчеркнуто отъ господъ экзаменаторовъ, однако я не могу догадаться, какъ они изволили почестъ его, за ложную ль мысль или за излишнее ласкательство. Но хотя бъ тѣмъ или другимъ они положили, только жъ довольно на отраженіе ихъ мнѣнія и беззлобиваго смѣха.

9. Но что до слѣдующаго періода — *Не разпространяюсь болѣе: трепещу продолжительнѣйшимъ отнятіемъ времени презрѣвшимъ предъ общими добромъ всему государству Вашему, какъ непрерывно-способствующимъ чрезъ толь дѣйствительное Вашего Величества радѣніе*,—то онъ всеконечно принять отъ господъ экзаменаторовъ за излишнее ласкательство, какъ то мнѣ двое изъ нихъ, именно господина Крашенинниковъ и господина Поповъ, сами сказывали. Удиви-

тельно! наши господа экзаминаторы тамъ нашли порокъ, гдѣ вся ученическая Европа, отъ временъ Августа Цесаря понинѣ, не токмо не находитъ порока, но еще надивиться не можетъ тонкости мыслей, читавъ сѣи самыя выраженія по-Латински въ первой эпистолѣ во 2 книгѣ сочиненій Гораціевыхъ. И поистинѣ, тутъ нѣтъ ни малаго ласкательства; напротивъ того, самое важное, сладкое и великолѣпное показаніе всегдашняго монаршескаго попеченія о пользѣ всего государства. Смѣю сказать, какъ ни презрѣдно и нѣжно (какъ то утверждаютъ Скалигеръ, Яковъ Крупій, Даціеръ, Іезуитъ Сонадонъ, люди не моими экзаминаторамъ подобныя) Горацій у себя употребилъ первый сѣи выраженія, но у меня они еще положены праведнѣе: Горацій общается ими коротко говорить Августу, однако сдѣлалъ къ нему эпистолу долѣе всѣхъ своихъ прочихъ сочиненій, исключая третію его сатиру второй книги, да Науку о поэзіи, а я, и въ краткомъ моемъ сочиненіи, и кратко говоря, боюсь, чтобъ не утрудить еще и краткостію моею пекущуюся непрестанно Самодержицу нашу о общемъ государственномъ добрѣ. Пускай же меня съ экзаминаторами моими судить самое безпристрастіе и добрая совѣсть! Буде сѣе мое, взятое у Горація выраженіе, есть излишнее ласкательство, то какъ уже назвать слѣдующее, которое употребилъ профессоръ Ломоносовъ въ печатномъ своемъ сочиненіи, говоря «что Египетскія пирамиды строены чрезъ многіе вѣкии челоувѣкамъ, а Царское Село строить божество»? Не большель тутъ и не хужель что-нибудь находится ложныхъ мыслей и излишняго ласкательства? «Мы почитаемъ Кесаря», говоритъ самый знатный церковный учитель третьяго вѣка, и именемъ всѣхъ христіанъ, «такимъ способомъ, который намъ позволенъ, и какой ему приличенъ, то есть, какъ такова челоувѣка, который имѣетъ первую степень по Богу, отъ котораго единаго все то онъ получилъ, что имѣетъ, и что онъ есть, и который не знаетъ никого на землѣ выше себя, кромѣ «единого Бога».

10. Напоследокъ, адъюнктъ господинъ Поповъ такъ-было разохотился экзаминовать мою дедикацію, что при общей, прочихъ двухъ, находкъ ложныхъ въ ней мыслей, излишняго ласкательства, едва не нашель въ самомъ титулѣ великихъ грамматическихъ погрѣшностей, а именно, что нѣтъ въ немъ у меня личнаго глагола; но прочіе оба удержали искусную его ревность, говоря, что такіе приносительные титулы обыкновеннѣе бывають безъ личныхъ глаголовъ, а можетъ быть и напоянули, что и въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ *Αγνοοῦ θεοῦ* (Невѣдомому Богу) есть безъ личнаго жъ глагола. И ежели бы умѣли они по-Французски, то бѣ вѣроятно, для успокоенія въ немъ похвальнаго его жара, припомнили ему и Французское, *AU ROI* (королю или государю). О семъ обстоятельстве я увѣдомленъ отъ самаго господина Попова. Изъ всего заключить можно, что кто пошлымъ можетъ быть

астрономомъ, то не слѣдуетъ еще, чтобъ всеконечно онъ уже былъ искусенъ въ обыкновеніяхъ, до краснаго стила принадлежащихъ.

11. Того ради, я покорнѣйше прошу канцелярію Академіи Наукъ, не утверждаться на неправомъ, а можетъ-быть, еще и пристрастномъ и коварственномъ, мнѣ жъ несказанно предосудительномъ мнѣніи упомянутыхъ господъ. Я впрочемъ не домогаюсь, чтобъ дедикаціи моей быть напечатанной, видя, что не туда дѣло склонилось. Канцелярія изволить такъ дѣлать, какъ ей самой угодно. Она мнѣ могла прямо и безъ сихъ окружностей, отказать въ моемъ прошеніи, зная, что философы не только правдѣ, но и силѣ уступаютъ, какъ то сдѣлалъ Фаворинъ предъ Гадріаномъ. Но только я изъявляю, что мнѣніе сихъ экзаминаторовъ не можетъ никогда быть правильнымъ ей поводомъ къ отказу мнѣ въ моемъ желаніи, тѣмъ болѣе, что всѣ сии трое экзаминаторы мнѣ подозрительны, — вразсужденіи только меня самого. Сентября 17, 1750 года.

Мы предоставляемъ самому автору «Ледянаго Дома» рѣшить по этой бумагѣ—былъ ли бѣдный Тредіаковскій такой пошлый дуракъ въ частной жизни, какимъ онъ изобразилъ его въ романѣ, и не обидѣлъ ли авторъ неумѣстною насмѣшкою, въ которой нѣтъ даже искусства, памяти переводчика Роллена и Абульгазія;—литератора, трудолюбиваго и полезнаго, который познакомилъ Россію съ двумя важными сочиненіями въ то время, когда въ Россіи еще почти не было ни какихъ сочиненій. Но авторъ не довольствовался этимъ преувеличеніемъ; онъ еще выставилъ Тредіаковскаго подлецомъ и приписалъ ему такія низости, къ которымъ не способенъ человекъ съ его образованіемъ и привычками.

«Ледяной домъ,» повторимъ мы опять, — произведеніе прелестное, но если въ историческомъ романѣ хотите вы исторической вѣрности характеровъ, то читайте его не какъ романъ историческій, а просто какъ пріятную книгу.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОПИСЬ.

АВГУСТЪ, 1835.

НОВЫЯ КНИГИ.

=

Наслѣдница. *Быль вмѣсто романа, или романъ вмѣсто были.* Сочиненіе Петра Сумарокова. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1835, въ-12. Двѣ части, стр. 302—336.

Какой-то князь покупаетъ деревню съ домомъ. Въ домѣ есть кабинетъ, въ кабинетѣ есть полъ, а на полу оказывается кровь. Чего ради, князь съ княгиней непременно хотятъ знать исторію этой крови. Сосѣдъ берется удовлетворить ихъ любопытство, и рассказываетъ имъ простое, обыкновенное происшествіе, довольно занимательное, хотя и небогатое трогательными сценами и примѣтными характерами.

Авторъ слишкомъ часто забываетъ, что его повѣсть рассказывается. Услужливый сосѣдъ говоритъ такія вещи, которыя могутъ быть только написаны. Это не хорошо. Онъ читаетъ наизусть письмо, которое тянется нѣсколько страницъ и не имѣетъ почти ни какого интереса. Вотъ это письмо ему слѣдовало забыть, — за что князь и княгиня вообще, и мы въ особенности, были бы ему очень благодарны.

Ужасный бракъ. *Событіе XVII вѣка, почерпнутое изъ записокъ одного Англійскаго путешественника.* Сочиненіе Петра Машкова. СП.-бургъ, въ тип. III. О. К. Внутренней Стражи. 1835, въ-12., стр. 147.

Какіе превосходные эпиграфы!

Лоренцо жилъ, грабилъ и умеръ. Элеонора жила, вышла замужъ и умерла. Это называется — ужасный бракъ.

Но эпиграфы превосходны.

Сцены современной жизни. *Сочиненіе Алексѣя Москвича. Москва, въ тип. Степанова, 1835, въ-12. Три части, стр. 142 — 118 — 113.*

Такъ какъ теперь всѣ описываютъ своихъ знакомцевъ, то почему жъ Г. Алексѣю Москвичину нельзя было бы описывать своихъ? Г. Москвичинъ очень хорошо сдѣлалъ, что описалъ своихъ знакомцевъ.

Есть люди, которые непременно хотятъ быть знакомыми съ сочинителями, не имѣя въ себѣ ничего годнаго для печати! Пусть же знакомцы Г. Алексѣя Москвича прочитаютъ его «Сцены современной жизни», — и покраснѣютъ при мысли, что объ нихъ нельзя даже напечатать ничего занимательнаго. Повѣсти Г. Алексѣя Москвича возбуждаютъ — зѣвоту.

Новѣйшія повѣсти и рассказы. *Сочиненіе Евгенія Сю, Бальзака и Ожера. Переводъ съ Французскаго. Москва, въ тип. Степанова, 1835, въ-12. Двѣ части, стр. 132 — 132.*

Г. Платонъ Зубовъ напрасно думаетъ, что, когда онъ не выставитъ своего имени на заглавномъ листѣ, никто не узнаетъ его. Мы такъ хорошо набили глазъ его неподражаемымъ слогомъ, что, послѣ трехъ страницъ, воскликнули въ восторгъ: «Да это авторъ «Картинъ» Кавказскихъ, Закавказскихъ и разныхъ другихъ!» Можетъ статья, мы ошибаемся; но не всякому дается дѣлать такія ошибки: такъ ошибаются только храбрые, — которые не страшатся ни языка, ни слога Г. Зубова, и читаютъ его «Картины» подъ градомъ картечи *сего* и *онаго* и бомбъ *вышеупомянутаго*, въ черномъ дыму его удушливыхъ періодовъ.

Лучшая повѣсть въ этомъ собраніи — «Отравители». Она по-крайней-мѣрѣ занимательна по предмету. Но неправильный, тяжелый переводъ, и языкъ совершенно Скиѣскій, которые обезобразили прелесть ея подлинника, наповаль убили другіе рассказы, менѣе сильные сложеніемъ. Громоздятся длинныя, ужасно длинныя фразы; во фразахъ трудно добратъся до смысла, а Русскаго языка нигдѣ нѣтъ и въ заводѣ. Переводчикъ долженъ имѣть странное понятіе

объ изящномъ, когда блистательный, свѣтскій языкъ подлинниковъ онъ замѣняетъ грубымъ голосомъ повѣтъ, которыми можно переводить только купчія!

ПЕРЕВОДЫ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО прозою, и сочиненіи въ стихахъ Н. Кожухова. Москва, въ тип. Инстит. Восточныхъ языковъ, 1835, въ-12., стр. 24.

Въ стихахъ Г. Кожухова есть «Сповідніе», есть «Мадригалъ», есть «Эпитафія» и есть «Эпиграмма». Эпиграмма намъ очень нравится, особенно по своей сильной и блистательной краткости:

«Поэтъ Ермошка
Мяукаетъ какъ кошка.»

БАРОНЪ БРАМБЕУСЪ. *Водевиль въ одномъ дѣйствіи*, сочиненіе Н. Соколова. Москва, въ тип. Пономарева, 1385, въ-8., стр. 78.

Въ началѣ нынѣшняго года, мы читали небольшую повѣсть, «Баронъ Брамбеусъ», въ которой было нѣсколько веселости и ума. Изъ этой повѣсти Г. Соколовъ сдѣлалъ водевиль, въ которой нѣтъ ни ума, ни веселости. Впрочемъ, онъ самъ говоритъ, что это первое сочиненіе.

Одно обстоятельство поражаетъ насъ очень непріятнымъ образомъ, не только въ этомъ водевилѣ, но и во многихъ другихъ Московскихъ сочиненіяхъ: тамошніе авторы, какъ скоро приходится имъ изобразить типъ мѣстнаго журналиста, вмѣняютъ себѣ въ обязанность всегда представлять человека, лишеннаго всѣхъ благородныхъ чувствъ, гнуснаго, злаго, невѣжественнаго. Для чести нашей литературы, мы готовы быть увѣренными, что все это — преувеличенія!

ХАНСКІЙ чай. *Сельскій водевиль въ одномъ дѣйствіи*. Сочиненіе Алипанова. СП.—буръ, въ тип. Иверсена, 1835, въ-8., стр. 84.

КРЕСТЬЯНИНЪ, Иванъ Чаевъ, поѣхавшій въ Петербургъ на четверкъ вороныхъ въ извозъ и воротившійся въ деревню «на кнутъ», привезъ домой только страсть къ чаю. Эта страсть однако жъ не помѣшала у него другой стра-

сти, — любви, которая иногда бываетъ сильнѣе чаю, а иногда итъ, — смотря по сорту чаю и любви. Чайный фанатикъ, Иванъ Чаевъ, влюбленъ въ Дуню со всею пламенностью самовара, и уже получилъ согласіе ея тетки Акулины. Но Дуня, которая чаю не кушаетъ, любить другаго. Она любитъ Григорія, ученаго парня, который, — какъ онъ тоже не охотникъ до чаю, — занимается магнетизмомъ. Дуня плачетъ, Дуня рвется, поетъ унылыя пѣсни, а Григорій угощаетъ своего соперника такимъ чаемъ, что тотъ уступаетъ ему невѣсту за пудъ этого чаю. Пудъ — очень много: мы знаемъ примѣръ, въ которомъ подобная уступка состоялась за три фунта. Дѣло слажено. Григорій женится, Чаевъ остается въ дуракахъ. Въ такомъ критическомъ положеніи можно только пѣть куплеты. Онъ это и дѣлаетъ.

Часы благоговѣнія для споспѣшествованія истинному Христіанству и домашнему богопочтенію. Часть первая: Бесѣды христіанскаго семейства. Переводъ съ Нѣмецкаго четырнадцатаго изданія. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Сп. — бургъ, въ тип. Э. З. Государственныхъ Бумагъ, 1834, въ-8., стр. XX и 368.

Мы уже говорили въ прошломъ году объ этомъ превосходномъ твореніи. Любители назидательныхъ книгъ конечно съ удовольствіемъ узнаютъ о второмъ изданіи «Часовъ благоговѣнія», которое отличается также своею типографическою краснотой.

Трудолюбіе, умеренность и промышленность. Нравоученіе для дѣтей. Изъ сочиненій Франклина. Переводъ съ Англійскаго. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1835, въ-12., стр. 48.

Мы не знаемъ дѣтской книжки на Русскомъ языкѣ, которую мы дали бы охотнѣе въ руки дѣтямъ, чѣмъ эту. Превосходныя нравственныя правила объяснены въ ней примѣрами, которые всегда дѣйствуютъ сильнѣе самыхъ превосходныхъ правилъ. Если бъ изданіе было нѣсколько изящнѣе, мы бы сейчасъ же женились, чтобъ имѣть дѣтей для этой книжки. Но изданіе не хорошо!...

Азбука, приспособленная къ понятіямъ пяти или шести лѣтняго ребенка. Составленная въ 1835 году. СП.-бургъ, въ тип. Плюшара, 1835, въ 18., стр. 59.

Даже не читавши предисловія, изъ котораго видно, что полезная эта книжка написана дамою, и гдѣ такъ просто и такъ остроумно изложена цѣль ея, легко было бы отгадать въ ней трудъ матери-наставницы. Въ самомъ дѣлѣ, кто способенъ облегчить ребенку первые, самые трудные шаги на поприщѣ ученія, сначала такъ незаманчивомъ для его рѣзкаго любопытства? И что благороднѣе для матери, послѣ вскормленія ребенка собственною грудью, если необучать его первымъ началамъ знанія? Материнская проникательность, этотъ утонченный женскій тактъ, незамѣнима ни какимъ стараніемъ учителя.

При обыкновенномъ способѣ преподаванія, дитя не видитъ конца гудамъ складовъ, безсмысленныхъ, мертвыхъ, скучныхъ, утомительныхъ; урокъ становится для него мукою, а первое тягостное впечатлѣніе, повторяющееся каждый день, рѣдко проходитъ безъ послѣдствій. Цѣль книжки, изданной Г-жею М. М., состояла въ томъ, чтобы по возможности исправить этотъ недостатокъ, и онъ исправленъ ею очень замысловато. Мы увѣрены, что каждая мать семейства будетъ отъ души благодарить ее за этотъ мелкій, но прекрасно выполненный трудъ, и, прочитавъ ея «Азбуку», примется сама учить по ней своихъ малютокъ, если бы даже никогда и не подумала объ этомъ прежде. За успѣхъ мы отвѣчаемъ.

THE ENGLISH STUDENT'S MANUAL, or *Miscellaneous pieces, selected from the best prose writers, etc.* By Edward Harwey. Vol. II, being a dictionary and a grammar. Moscow. Selivanoffsky. 1835. 8-vo. p. 172.

Краткая англійская грамматика, служащая дополненіемъ къ ручной книгѣ для обучающихся Англійскому языку (The English student's Manual). Изданная Е. Гарвей, лекторомъ Англійской словесности при Московскомъ университетѣ. Москва, въ тип. Селивановскаго, 1835. въ-8., стр. 46.

НАЧЕРТАНІЕ РУССКОЙ ИСТОРИИ для училищъ. Сочиненіе профессора Погодина. Москва въ тип. Универс. 1835, въ-8., стр. 323.

Съ тѣмъ же чувствомъ убѣжденія въ своемъ безпристрастіи, съ какимъ мы осудили въ прошломъ мѣсяцѣ «Исторію въ лицахъ» Г. Погодина, въ нынѣшнемъ считаемъ своей обязанностью воздать полную похвалу его «Начертанію Русской Исторіи для училищъ», труду прекрасному, который утвердить за сочинителемъ пріобрѣтенную славу отличнаго профессора отечественной исторіи.

«Начертаніе Русской Исторіи для училищъ» — книга хорошая и хорошо выполненная. Она кратка и удовлетворительна. Всѣ важнѣйшія событія, всѣ рѣзкія черты нашей исторіи схвачены удачно и обозначены вѣрно. Ограничившись тѣсными предѣлами учебнаго руководства, ученый профессоръ не могъ входить въ подробности и мелочи, а тѣмъ менѣе вдаваться въ рѣшеніе споровъ и недоразумѣній. Онъ представилъ Русскую исторію въ такомъ видѣ, въ какомъ она оживѣла при смерти Карамзина. Новыя теоріи, еще неразвитыя, еще недоказанныя, не должны затмѣвать понятій воспитанниковъ неумѣстнымъ скептицизмомъ. При всей сжатости, нѣкоторыя эпохи изложены такъ превосходно, что самая ясность сюжета картины равняется полнотѣ, достигаемой подробностями. Особенно хорошо обработана эпоха съ Шуйскаго до Петра Великаго.

Мы желали бъ видѣть это сочиненіе введеннымъ въ училища, потому что лучшаго руководства невозможно предложить ни преподавателю, ни ученику; но намъ кажется, что въ такомъ случаѣ Г. Погодинъ сдѣлалъ бы его еще совершеннѣе и полезнѣе, присовокупивъ къ своему тексту небольшой томъ примѣчаній, по алфавитному или по другому порядку, и означивъ въ нихъ, противъ cadaго главнаго факта, источники, гдѣ учащійся можетъ почерпнуть знаніе подробностей, и книги, въ которыхъ заключаются лучшія разсужденія о томъ же фактѣ. Эту методи мы почитаемъ за лучшую въ учебныхъ книгахъ.

О РАСПРОСТРАНЕНІИ РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА съ Единодержавія Петра I до смерти Александра I. Со-

чиненіе Ю. Гагемейстера. СП.—бургъ, въ тип. Греча, 1835, въ-8., стр. V и 129.

Брошюра Г. Гагемейстера представляетъ соединенными на немногихъ страницахъ свѣдѣнія, разбросанныя по разнымъ сочиненіямъ Русскимъ и иностраннымъ, о постепенномъ распространеніи предѣловъ имперіи по праву войны, по добровольнымъ уступкамъ или вслѣдствіе открытій земель неизвѣстныхъ. Все разсужденіе основано на парадоксѣ, напечатанномъ на первой страницѣ, — будто быстрое распространеніе государства произошло *единственно* отъ стеченія обстоятельствъ, назначившихъ Россіи среди четырехъ морей естественныя ея предѣлы, и что Россія, по своей обширности и скудному народонаселенію, не можетъ быть завоевательницею и никогда ею не была. Все это очень сомнительно и, сверхъ-того, не совсѣмъ согласно со всеобщою исторіею. Мы знаемъ десятокъ чловѣкъ страшныхъ завоевателей, которые вышли изъ странъ обширныхъ и весьма дурно заселенныхъ.

Это краеугольный камень, на которомъ покоится вся компиляція Г. Гагемейстера,—камень, вывезенный изъ Германіи. Авторъ, кажется, хотѣлъ польстить Россіи, и между-тѣмъ обидѣлъ ее съ самой чувствительной стороны: ежели ея распространеніе произошло *единственно* отъ стеченія обстоятельствъ, которыя помѣстили ее среди четырехъ морей, искони и неизбежно назначенныхъ быть ея границами,—во что жъ тогда, при этомъ фатализмѣ, превратится наша Русская храбрость? Слѣдственно, мы не заслуживаемъ ни какой славы за то, что распространили наши предѣлы! Слѣдственно, намъ было предопредѣлено добратъ-ся до четырехъ морей, мы добрались, и все тутъ! Геній нашихъ полководцевъ, дальновидная мудрость нашихъ государей, были *единственно* послѣдствія стеченія обстоятельствъ! Мы побѣдили нашихъ враговъ только оттого, что намъ вѣрно сидѣть между четырехъ морей! Наши враги должны приписать свое низложеніе не нашему мужеству, а четыремъ морямъ, противъ которыхъ нечего и сражаться!!.... Неловкая лестъ пуще самой брани. Г. Гагемейстеру слѣдовало хвалить умѣренность и великодушіе

Россіи, которая, будучи въ силахъ и неоднократно имѣвъ случай распространить свои владѣнія гораздо далѣе и сдѣлать ихъ вдвое обширнѣйшими, не хотѣла и не хочетъ пользоваться своими преимуществами, а не превращать ее въ машину, дѣйствующую въ пользу рока и его четырехъ морей. Мы завоеватели,—и не стыдимся этого имени, но завоеватели великодушные и умѣренные среди самыхъ побѣдъ: мы покоряли сосѣднія земли, пужныя для безопасности и благоденствія нашего отечества: теперь оно безопасно, наслаждается благоденствіемъ, и мы не хотимъ болѣе чужаго; мы побѣждаемъ врага и даримъ ему поле нашей побѣды. Вотъ гдѣ настоящая похвала Россіи!

По исчисленіямъ Г. Гагемейстера, Россія заключала въ себѣ, при смерти Петра Великаго, 275, 815 кв. миль; при смерти Елисаветы 320, 524; при смерти Павла 349, 472; при смерти Императора Александра 362, 890; теперь содержитъ 363, 450, такъ, что со временъ Петра Великаго она пріобрѣла до 100,000 кв. миль.

Таблицы постепеннаго распространенія Россіи до Петра I были бы еще любопытнѣе; но свѣдѣній объ этомъ не находится въ Полномъ Собраніи Законовъ, по которому Г. Гагемейстеръ составилъ свою книжку, и мы должны благодарить его только за обзоръ предмета со временъ великаго преобразователя. Впрочемъ мы охотно умножили бы нашу благодарность еще кое-чемъ, если бѣ книжка была изящнѣе написана. Г. Гагемейстеръ не владѣетъ языкомъ.

Древнѣйшее Русское право въ историческомъ его раскрытіи. Сочиненіе І. Ф. Г. Еверса. Перевелъ съ Нѣмецкаго Иванъ Платоновъ. СПб.-бургъ, въ тип. III. О. К. Внутренней Стражи, 1835, въ-8., стр. XXII и 422.

Сочиненіе покойнаго Эверса выходитъ Русскими буквами въ самое ненастное для него время. Съ одной стороны противъ него воюетъ новая историческая школа, оспаривающая достовѣрность и древность нашихъ лѣтописей; съ другой ученый профессоръ М. Т. Каченовскій издаетъ, какъ мы слышали, въ Москвѣ, свое разсужденіе о Русской Прав-

дѣ въполнѣ. И съ той и съ этой стороны напесены будутъ сочиненію Эверса такіе удары, отъ которыхъ оно неизбежно разсыплется въ прахъ со всѣми своими ссылками на Нестора.

Мы сказали, что сочиненіе Эверса выходитъ «Русскими буквами», и настаиваемъ на это выраженіе, которое должно принимать въ буквальный смыслъ. Оно напечатано только Русскими буквами, но не по-Русски. Такого дурного и дикаго говора мы уже давно, — уже почти три мѣсяца, не встрѣчали даже въ ученыхъ книгахъ. Мы говоримъ это только въ отношеніи къ этому прекрасному, свѣжему, живому Русскому языку, который всѣ мы высосали вмѣстѣ съ молокомъ изъ Русской груди нашихъ матерей. Легко можетъ стать, что, какъ языкъ книжный, этотъ дикій говоръ и очень прекрасенъ: извѣстно, что книжный языкъ, чѣмъ дальше отъ настоящаго Русскаго, чѣмъ непохожѣе на него, тѣмъ книжнѣе. Какъ мы его не понимаемъ, то и не хотимъ опредѣлять степени книжной изящности перевода Г. Платонова. Все, что мы въ состояніи сказать, ограничивается тѣмъ, что переводъ столько же вѣренъ, сколько ужасенъ, или, быть-можетъ, очень немногимъ болѣе ужасенъ чѣмъ вѣренъ, и что языкъ его напоминаетъ великихъ патріарховъ книжнаго языка, Болтина и Татищева. Періоды тянутся въ безконечность; конструкція фразъ почти вездѣ неправильна, а самыя фразы шероховаты и жестки. Пора бы, право, переводить и ученые книги языкомъ пристойнымъ, несмотря на то, что онѣ ученыя.

Енисейская губернія. *СП.-бурзъ, въ тип. Вингебера, 1835, въ-8. Двѣ части, стр. 276 — 139 и XIV, съ двумя планами.*

Авторъ этого сочиненія — Г. Степановъ, бывшій губернаторъ Енисейской губерніи. Оно посвящено Государю Императору, и имѣетъ эпиграфомъ слова изъ Плиніева «Панегирика» Траяну: «Нѣтъ никого, ктобы не мыслить, что «Тебѣ извѣстно всякое дѣйствіе, направленное ко благу, да «же въ отдаленнѣйшихъ областяхъ. Полезно, Цезарь, и усладительно для ихъ правителей, имѣть въ виду столь великую награду: она обезпечиваетъ правителей, что ихъ без-

«пристрастіе и усердіе будутъ извѣстны Императору и удостоены его благоволенія.» Невозможно полезнѣе и благороднѣе употребить свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ на службѣ, какъ отдавъ въ нихъ отчетъ всенародно Отцу отечества. Книга Г. Степанова такъ любопытна и подлинность многочисленныхъ ея данныхъ такъ обезпечена самымъ положеніемъ, которымъ пользовался сочинитель, что мы непременно познакомимъ нашихъ читателей съ ея содержаніемъ: *Felix, qui poteret.....* Но этого мало: не одинъ разъ, а дважды счастливъ тотъ, кто можетъ писать такія милыя повѣсти и такія основательныя статистики!

1. Устроеніе вселенной или *Расположеніе естественныхъ видовъ по ихъ проявленіямъ*. А. Т. Москва, въ тип. Университетской, 1835. въ-8., стр. 80.

2. Естество міра, или *Вѣчность во времени, а пространство въ объемъ*. А. Т. Москва, въ тип. Университетской, 1835, въ-8., стр. 65.

3. Очертательность естества или *наружная форма проявленій*. А. Т. Москва, въ тип. Университетской, 1835, въ-8., стр. 45.

Господинъ А. Т., по-видимому великій философъ, хочетъ измучить природу брошюрами.

Мы уже имѣли однажды случай познакомить читателей съ философіею господина А. Т. Что касается до «проявительности» этихъ трехъ брошюръ, которыхъ «очертательность», несмотря на ихъ «совокупительность», не отличается большою «видообъемлемостью», то должно признаться, что она была немножко странна. Авторъ поднесъ свои брошюры Московскимъ дамамъ.

«Милостивыя государыни!» сказалъ онъ. «Представляя на судъ про-«священной публики сіе сочиненіе, желаю оное посвятить прекрасно-«му полу рода человеческого.....»

«Вамъ, благовоспитанныя женщины и дѣвицы, хочу я показать, ка-«кова очертательность естества.....»

«Вамъ, благовоспитанныя женщины и дѣвицы, подношу многихъ лѣтъ «моего занятія и наблюдательности природы въ общей связи вселен-«ной необходимый и ежечасно представляющійся любознательности на-«шей, безъ котораго человекъ не можетъ понимать естества.....»

«.....Ни улаждать себя зрѣніемъ. Безъ наружныхъ формъ очертанія «превосходное нашего организма ощущение: видѣть — было бы для чело- «ловѣка не нужно и бесполезно, и природа естества.....»

«Кому болѣе можетъ принадлежать разсужденіе о наружной формѣ «естества.....»

«.....Какъ не вамъ, прелестнѣйшія изъ всѣхъ видовъ нашей плане- «ты созданія! Вы — идеалъ ощущаемой красоты, впечатлѣваемой на «органахъ чувствъ нашихъ вѣншимъ видомъ предмета, привлекающія «чувствительность какъ всеобщее тяготѣніе вселенной.....»

«Вамъ, милостивыя государыни, принадлежитъ умозрительность сего «предмета!.....»

«Вамъ число и видъ формъ очертательностей естества!.....»

«Нѣжная образовательность женскихъ нервъ чувствительности!.....»

Но брошюры вышли въ желтыхъ оберткахъ, и это пре- дисловіе напечатано отъ слова до слова.

Отъ чего и отъ того, или *Краткое объясненіе нѣко- торыхъ явленій въ природѣ. Сп.-бургъ, въ тип. Вингебе- ра, 1835, въ-12., стр. 98.*

Эта книжка переведена съ Французскаго, съ нѣкоторыми измѣненіями, и заключаетъ въ себѣ вопросы и отвѣты, по- средствомъ которыхъ объясняются явленія, происходящія отъ огня, воздуха, воды и свѣта. Вопрошающій, для боль- шей занимательности представленъ дуракомъ, который не знаетъ даже того, отчего изъ печей идетъ дымъ, отчего свѣчка гаснетъ, когда ее гасятъ, отчего при туманѣ бываетъ пасмурно, и прочая. Нѣкоторыя явленія объясняются тѣмъ, что «такъ ихъ сотворилъ Богъ.»

Впрочемъ книга такого рода можетъ быть чрезвычайно полезна многимъ.

Переводъ хорошъ.

Русская Математическая Энциклопедія. *Книжка III, Алгебра. Изданіе второе, исправленное. Москва, въ тип. Университетской, 1835, въ-16., стр. 604.*

ДЕРЕВЕНСКІЙ ВРАЧЕВНИКЪ или *Наставленіе о лече- нии бользней безъ помощи врага простыми средствами. С. Х. Р. Москва, въ тип. Степанова, 1835, въ-12., стр. 66.*

«Деревенскій Врачебникъ» лечить всѣ болѣзни помощію лапушнаго корня и ясеновымъ деревомъ. Въ случаѣ неуспѣха, онъ совѣтуетъ прибѣгать къ «ученому» врачу, какъ къ самому крайнему средству. Это очень мудрая книженка.

Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета, Іюля 10, 1835 года. Москва, въ тип. Университетской, 1835, въ-4., стр. 29 — 16 — 23.

Въ запискѣ о состояніи университета, приложенной въ концѣ рѣчей, и которую мы всегда читаемъ прежде, показано, что въ минувшемъ учебномъ году было въ Московскомъ Университетѣ студентовъ, державшихъ экзамены, 370 человекъ; именно, по факультету нравственно-политическому 104, по математическому 33, по словесному 71, и по медицинскому 162. Но считая и тѣхъ, которые не подвергались испытаніямъ, общее число слушателей простиралось до 424, изъ которыхъ 112 человекъ на казенномъ иждивеніи. Слѣдовательно своекоштныхъ было 312.

Изъ той же записки мы узнаемъ, что Московское Общество Испытателей Природы имѣетъ теперь 969 членовъ: это, мы думаемъ, самое многочисленное ученое общество въ Европѣ.

Г. профессоръ Васильевъ, въ рѣчи, читанной на Русскомъ языкѣ, изобразилъ съ примѣчательною ясностью развитіе и ходъ политической. Рѣчь Г. профессора, *De artificiorum fatis apud Graecos et Romanos*, не восхитила насъ своей латынью, но содержаніе ея любопытно.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Г. Сухановъ издаетъ новое собраніе своихъ стихотвореній подъ заглавіемъ «Сельскіе листки». Извѣстно всѣмъ, что мы любимъ родъ и талантъ этого пріятнаго поэта.

— Читатели наши вѣроятно помнятъ прекрасную статью, «Каспійская торговля», помѣщенную у насъ въ прошломъ году. То было сочиненіе Г. Небольсина, котораго статьи, хорошо обдуманныя и изобилующія любопытными подробностями, часто отличаются въ «Коммерческой Газетѣ». Любители предмета конечно узнаютъ съ удовольствіемъ, что Г. Небольсинъ, издаетъ теперь свои многотѣнныя изысканія въ видѣ систематическаго дѣлаго, и подъ заглавіемъ — «Статистическія записки о внѣшней торговлѣ Россіи» въ двухъ частяхъ. Первый томъ представляетъ описаніе внѣшней торговли черезъ всѣ пункты морской и сухопутной границы; второй будетъ состоять изъ двухъ главныхъ отдѣловъ: въ первомъ отдѣлѣ авторъ излагаетъ свои замѣчанія о различныхъ отрасляхъ внѣшней торговли; краткую исторію ея хода въ разныхъ портахъ, ея нынѣшнее состояніе, наконецъ способы къ ея улучшенію; во второмъ систему управленія и правительственнаго надзора по внѣшней торговлѣ. Эта книга должна обратить на себя вниманіе читателей полезныхъ и основательныхъ сочиненій.

— Сейчасъ получили мы изъ Копенгагена объявленіе та-мошняго Королевскаго Общества Сѣверныхъ Антикваріевъ о предпринимаемомъ ими изданіи Скандинавскихъ письменныхъ памятниковъ, относящихся къ землямъ и народамъ древней Россіи. Читатели наши легко припомнятъ, что Библіотека для Чтенія подробно говорила въ началѣ прошлаго года, по поводу «Эймундовой Саги», о трудахъ этого ученаго общества, и о намѣреніи его издать со временемъ, въ видѣ особаго сочиненія, все, что въ Сагахъ и неизданныхъ остаткахъ Скандинавской литературы заключается любопытнаго и важнаго для первоначальной исторіи нашего народа.

Въ объявленіи между-прочимъ сказано:

«Королевское общество съверныхъ Антикваріевъ, котораго труды, удостоились Высочайшаго благоволенія Августѣйшаго Самодержца Всероссійскаго, Императора Николая, и живаго участія многихъ Русскихъ вельможъ, вмѣняетъ себѣ въ непремѣнную обязанность издать особое собраніе всѣхъ извѣстій, какія находятся въ древнихъ Исландскихъ рукописяхъ, касательно частыхъ сношеній, существовавшихъ между обитателями Россіи и Скандинавіи съ баснословной древности до исхода XIV вѣка.

«Собраніе это раздѣлено будетъ на четыре главныя части:

«I. Древнія сказанія, гдѣ мнѣе смѣшиваются съ исторіею; стихотворенія и преданія самой глубокой старины.

«II. Разказы и извѣстія чисто историческія, которыя составятъ главную часть всего труда.

«III. Руническія надписи, гдѣ говорится о Варягахъ, и замѣчательныхъ лицахъ другихъ племенъ.

«IV. Дипломы и другіе акты среднихъ вѣковъ, писанные на Исландскомъ и другихъ Скандинавскихъ нарѣчіяхъ.

«Текстъ будетъ напечатанъ съ лучшихъ древнихъ рукописей со всей тщательностью, какой требуетъ подобное предпріятіе. Его полагаютъ однако жъ свѣрять съ другими хорошими рукописями и отмѣчать дополненія и варіанты. Къ этому присовокупится точный Латинскій переводъ съ историческими и филологическими примѣчаніями на Латинскомъ же языкѣ для объясненія текста. Сверхъ того приложено будетъ нѣсколько картъ древней Руси и смежныхъ земель, съ ихъ Скандинавскими названіями и со всѣми объясненіями, какія доставитъ географія этой эпохи: Съ важнѣйшихъ рукописей сдѣланы будутъ fac-simile. Все собраніе будетъ состоять изъ одного или двухъ томовъ въ-4.»

Когда, въ первой книжкѣ Б. для Ч., мы говорили о предположеніи этого важнаго труда, и обращались къ Русской публикѣ о содѣйствіи ему нужнымъ капиталомъ, мы почти не ожидали, чтобъ ученые и дѣятельные члены Общества Съверныхъ Антикваріевъ могли такъ скоро приступить къ исполненію своей мысли. Честь и слава тѣмъ

изъ любителей отечественной исторіи, которые припали въ этомъ народномъ дѣлѣ участіе, столь благородное и столь достойное Русскаго патріотизма.

Сочиненіе выйдетъ въ свѣтъ въ Копенгагенѣ, подъ заглавіемъ—*ANTIQUITATES ROSSICAE*. Оно будетъ напечатано только въ томъ числѣ экземпляровъ, сколько окажется подписчиковъ. Черезъ три мѣсяца по закрытіи подписки, начнется печатаніе и будетъ продолжаемо со всею возможною скоростью. Цѣна подписки — десять червонныхъ (115 рублей ассигнаціями). Книгопродавецъ А. Ф. Смирдинъ, желая облегчить любителямъ отечественной исторіи пріобрѣтеніе этого сочиненія, принимаетъ подписку въ своемъ книжномъ магазинѣ, но только по 1 будущаго января. Можно обращаться и прямо въ Копенгагенъ, адресуя требованія и деньги:—*A monsieur C. C. Rafn, secrétaire de la Société Royale des Antiquaires du Nord, Copenhague, No 40, Kronprinsgade.*

Библіотека для Чтенія напечатаетъ у себя съ Русскимъ переводомъ всѣ пьесы этого собранія памятниковъ, подобно тому какъ была напечатана «Эймундова Сага».

Общество Сѣверныхъ Антикваріевъ предполагаетъ издать подобное собраніе извѣстій и касательно Сѣверной Америки, начиная съ X вѣка нашей эры. Подписка стоитъ шесть червонныхъ.

— Мы узнаемъ еще о другомъ предпріятіи, не менѣе важномъ для отечественной исторіи, но предполагаемомъ къ выполненію здѣсь въ Петербургѣ. Г. книгопродавецъ Калистратовъ, который долгое время занимался отыскиваніемъ и собираніемъ твореній иностранныхъ писателей о прежней Россіи, успѣлъ соединить въ своей библіотекѣ для чтенія болѣе ста такихъ книгъ, и теперь приступаетъ къ изданію ихъ въ Русскомъ переводѣ, который, если мы не ошибаемся, будетъ носить заглавіе—«Библіотеки Иностранныхъ писателей о Россіи». Эта «Библіотека» будетъ состоять изъ трехъ отдѣленій. Въ составъ перваго войдутъ творенія, объясняющія царствованія Іоанна III, Василія Іоанновича, Іоанна Грознаго и Ѳедора Іоанновича,

именно—Барбаро, Контарини, Ювій, Герберштейнъ, Колла, Ченслеръ, Дженкинсонъ, Одерборнъ, Поссевинъ, Гваньини, Адамъ, Таубе и Крузе, Гейденштейнъ, Бранденбахъ, фонъ-Гофъ, Ульфельдъ, Ленъ, Ральдорфъ, Кобенцель, Бухау,—и они составятъ двѣнадцать большихъ томовъ. Второе отдѣленіе будетъ посвящено эпохѣ Междоусобствія; третье царствованію Дома Романовыхъ, до Петра Великаго. Говорятъ, что программа скоро будетъ издана.

— Шестой томъ «Исторіи Русскаго народа», Н. А. Полеваго, вышелъ въ Москвѣ, но мы еще не видали его при заключеніи этой книжки.

VII.

С М Ъ С Ъ

ПАРИЖСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ. 1. *Берзелиусъ въ Парижѣ.* Этотъ Шведскій ученый, пользующійся Европейскою извѣстностью, явился въ засѣданіи Парижской Академіи Наукъ 27 Іюля. Можно себѣ представить любопытство и удивленіе присутствующихъ, когда они увидѣли, что такой знаменитый человекъ отнюдь не похожъ ни на Француза, ни даже на Итальянца. Дѣйствительно ни въ чемъ нѣтъ такъ мало сходства съ ученымъ южныхъ странъ, какъ въ сѣверномъ ученомъ: такъ значительны и глубоки измѣненія, впечатлѣваемые солнцемъ на всей природѣ отъ прозябенія почвы до самаго человека. Выраженіе лица, блескъ взора, звукъ голоса южныхъ ученыхъ дышатъ тѣмъ воздухомъ, сіяютъ тѣмъ свѣтомъ, въ которыхъ они жили. Взглядъ ихъ дѣйствуетъ на большое разстояніе; онъ господствуетъ въ цѣломъ собраніи. Напротивъ, сѣвернаго ученаго надобно видѣть гораздо ближе; онъ сначала не внушаетъ невольнаго уваженія и легче смѣшивается съ толпою; въ немъ слишкомъ много простоты, естественности, добродушія; онъ, такъ сказать, предается публикѣ съ излишней довѣрчивостью, не рисуется передъ нею и не ищетъ произвести эффекта. Присутствующіе чрезвычайно изумились при видѣ ученаго, великаго ученаго, который ни сколько не шарлатанъ. Парижане не знаютъ теперь что и думать! Тѣ, которые проникли въ тайныя причины всѣхъ вещей, объясняли себѣ это любопытное явленіе тѣмъ, что шарлатанизмъ растеніе благородное, пѣжное, требующее лучей жаркаго солнца, почти такъ же какъ апапасы.

Г. Берзелиусу пятьдесятъ шесть лѣтъ. Онъ родился 20 Августа 1779 года въ Остроготин, и въ 1803 году получилъ въ Упсалѣ степень доктора; въ 1805 назначенъ былъ адъюнктъ-профессоромъ Химіи и Естественной Исторіи при

Медицинскомъ Училищѣ въ Стокгольмѣ, и вскорѣ потомъ ординарнымъ профессоромъ Химіи и Фармаціи въ томъ же заведеніи. Онъ занималъ это мѣсто до 1852 года. Съ 1819 года Г. Берзеліусъ служить непремѣннымъ секретаремъ Стокгольмской Академіи Наукъ, и въ этомъ званіи сочиняетъ онъ ежегодные отчеты объ успѣхахъ Физики, Химіи и Минералогіи.

Кромѣ множества записокъ разбѣянныхъ въ разныхъ ученыхъ журналахъ всей Европы, онъ издалъ «Разсужденіе о Галванизмѣ» въ 1802 году, два тома «Животной Химіи», въ 1807; извѣстный «Трактатъ о Химіи» въ восьми томахъ, которыхъ вышло нѣсколько изданій на Шведскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, и которые недавно переведены на Французскій; онъ написалъ еще Трактатъ о паяльной трубкѣ, Опытъ о теоріи электро-химической и о химическихъ пропорціяхъ, и прочая, и прочая.

Наконецъ въ 1818 году Г. Берзеліусъ возведенъ въ дворянство. Онъ украшенъ орденами разныхъ государствъ: у него большой крестъ ордена Вазы, офицерскій Почетнаго Легіона, кавалерскіе Полярной Звѣзды и Св. Станислава. Г. Берзеліусъ—членъ большей части академій и ученыхъ обществъ въ Европѣ и одинъ изъ восьми иностранныхъ товарищей (associés) Парижской Академіи Наукъ. Г. Дальстремъ, ученый профессоръ Химіи въ Стокгольмѣ и бывшій ученикъ Г. Берзеліуса, сопровождаетъ его въ путешествіи.

2. *Еще новыя ружья.* Опять усовершенствованіи въ огнестрѣльномъ оружіи! Теперь, кажется, ужъ ничего нельзя придумать простѣе, и съ этихъ поръ можно будетъ убивать другъ друга самымъ удобнымъ образомъ. Представьте себѣ мушкетъ, открывающійся въ казенной части, но не многосложнымъ движеніемъ, а простымъ рычажкомъ, дѣйствующимъ справа вѣтвь и удерживающимъ стволъ на мѣстѣ, когда онъ придетъ съ нимъ въ одно направленіе; потомъ патронъ, совсѣмъ исготовленный, то есть, содержащій внутри порохъ, пыжъ, пулю и ударный колпачекъ вмѣстѣ; на полкѣ лежитъ маленькій желѣзный прутикъ, немножко выходящій изъ затравки и назначенный для сообщенія воспламеняющемуся пороху сотрясенія отъ курка.

Выстрѣлъ дѣлается безъ огня, безъ дыму, безъ разрыва колпачка снаружи, что могло бы вредить глазамъ солдата и на мигъ скрывать у него изъ виду непріятеля. Не можемъ сказать вамъ, сколько разъ можно выстрѣлить такимъ ружьемъ въ теченіе минуты, но очевидно, что такъ какъ тутъ не нужно ни шомпола, ни затравочнаго пороха, то темпы заряжанія ограничиваются двумя тремя движеніями, которыя такъ же легко выполнить, какъ понюхать табакъ.

Эти новыя ружья, о которыхъ Г. Сегіе отозвался Академіи самымъ выгоднымъ образомъ, защищены отъ освобожденія газовъ и отъ ѣдкости пороха маленькою мѣдною бляшкою расположенною такъ искусно, что она служитъ оболочкой для патрона. Изобрѣтатель ихъ—Г. Лефюше.

5. *Новая кислота.* Г. Плузъ (Pelouze) сдѣлалъ любопытное открытіе новой кислоты, состоящей изъ сѣры, азота и кислорода. Сѣрно-селитристыя соли этой кислоты имѣютъ замѣчательное свойство разлагаться при низкой температурѣ и освобождать много азотной педокиси. По этому, легко будетъ производить этотъ газъ и въ желудкѣ, давъ извѣстный пріемъ новооткрытыхъ солей: Г. Маженди взялся произвести опыты, чтобы удостовѣриться въ справедливости этого предположенія. Азотная педокись получила названіе *веселящаго газа*, *gaz exhilarant*, отъ страннаго ея свойства возбуждать веселость во всякомъ, кто ея вдохнетъ.

Однако жъ Г. Лоншанъ утверждаетъ по своей теоріи, что этой кислоты, названной Г. Плузомъ селитро—сѣрною, не должно почитать соединеніемъ сѣрной кислоты съ педокисью азота, но атома сѣрнистой кислоты съ атомомъ окиси азота. При разложеніи этой кислоты, часть кислорода окиси азота соединяется съ сѣрнистой кислотою и приводитъ ее въ состояніе сѣрной, а педокись азота освобождается. По мнѣнію Г. Лоншана, это совершенно сходно съ тѣмъ, какъ составляется сѣрная кислота, образующаяся, по его теоріи, соединеніемъ сѣрнистой кислоты съ окисленною водою.

КОРОЛЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО УЧЕНЫХЪ ВЪ ЛОНДОНѢ.
Новыл замѣчанія касательно теоріи дыханія. Изъ того

факта, что венозная кровь, подвергнутая дѣйствию воздушнаго насоса, не даетъ углекислаго газа, прежніе естествоиспытатели выводили заключеніе, что этого газа въ ней нѣтъ. Въ одномъ изъ засѣданій общества докторъ Вильямъ Стивенсъ старался обнаружить невърность этого вывода: онъ во-первыхъ показалъ, что пасока, упитанная значительнымъ количествомъ углекислаго газа, также не освобождаетъ его подъ воздушнымъ насосомъ; во-вторыхъ, онъ привелъ нѣсколько примѣровъ сильнаго сродства этого газа къ водородному и кислородному, которые тотчасъ поглощаютъ его сквозь мокрую перепонку. Посредствомъ особаго аппарата, состоящаго изъ двугорлой бутылки съ согнутыми трубочками, Г. Стивенсъ удостовѣрился, что венозная кровь, смѣшанная съ чистымъ водороднымъ газомъ и оставленная въ соприкосновеніи съ нимъ на одинъ часъ, сообщаетъ ему значительное количество углероднаго газа. Онъ нашель, что также и атмосферическій воздухъ, пробывъ извѣстное время въ соприкосновеніи съ венозною кровью, получаетъ отъ нея подъ воздушнымъ насосомъ углекислоту. Предположеніе, что углеродъ крови привлекаетъ въ нее кислородъ воздуха и тамъ съ нимъ соединяется, и что образовавшаяся такимъ способомъ углекислота выдыхается въ послѣдствіи, кажется, несовмѣстно съ тѣмъ фактомъ, что всѣ кислоты, а особенно угольная, сообщаютъ крови черныи цвѣтъ, тогда какъ непосредственное слѣдствіе соприкосновенія кислороднаго газа или воздуха съ венозною кровью есть перемѣна цвѣта изъ темнаго въ яркій алый, обличающая переходъ ея отъ венознаго характера къ артеріальному: отсюда Г. Стивенсъ заключаетъ, что кислота образуется не во время этого опыта, но уже существуетъ въ венозной крови и вытягивается изъ нея атмосферическимъ воздухомъ. Подобные опыты съ кислороднымъ газомъ, вмѣсто атмосферическаго воздуха, дали такіе же выводы, но еще болѣе разительные степенью силы и потому еще болѣе подтверждающіе мысли Г. Стивенса относительно теоріи дыханія. По его мнѣнію, кровь перемѣняется изъ артеріальной въ венозную не въ легкихъ, ни вообще при кругообращеніи, но единственно, проходя сквозь систему волосковатыхъ сосудовъ. Перемѣна эта состоитъ въ образо-

ваніи углекислоты черезъ примѣсь углерода, отдѣляемаго изъ твердыхъ частей тѣла и соединившагося съ кислородомъ артеріальной крови, отчего происходитъ ея теплота и темнотѣтность. Г. Стивенсъ приписываетъ яркую красноту артеріальной крови не дѣйствию кислорода, который самъ по себѣ ни сколько не окрашивающъ, но вліянію соляныхъ частицъ, естественно содержащихся въ здоровой крови. Когда эта жидкость дойдетъ до легкихъ, первая перемѣна, производимая въ ней кислородомъ атмосфернаго воздуха, состоитъ въ удаленіи углекислоты, причинявшей темнотѣтность венозной крови, а другая, — въ поглощеніи кровью изъ воздуха части кислорода, которая занимаетъ мѣсто отдѣленной углекислоты. Особенное строеніе легкихъ и возвышенность температуры въ теплокровныхъ животныхъ способствуютъ быстрому совершенію этихъ перемѣнъ, которыя, прибавимъ мы съ позволенія Г. Стивенса, въ свою очередь поддерживаютъ, высокую внутреннюю температуру.

НЕДАВНОСТЬ УПОТРЕБЛЕНІЯ РЕЗИНЫ. Замѣчательно; что люди, которые носятъ резиновые галоши, всѣ вообще большіе изыскатели Исторіи, такъ, что довольно поспѣтритъ на галоши чловѣка, попадашагося вамъ на тротуарѣ; чтобы знать, любитъ ли онъ Исторію, или нѣтъ. Мы надѣемся сдѣлать пріятное одолженіе людямъ въ резиновыхъ галошахъ, сообщивъ здѣсь нѣсколько историческихъ подробностей о резинѣ. Лондонскій Профессоръ Бернетъ (Burnett) въ новомъ сочиненіи своемъ *Outlines of Botany*, дѣлаетъ объ этомъ слѣдующее замѣчаніе: «Потребленіе резины, или каучука, теперь такъ велико, что въ однихъ первыхъ мѣсяцахъ нынѣшняго года привезено ея нѣсколько тысячъ тоннъ, тогда какъ лѣтъ за пять или за шесть она составляла самаго малѣйшую статью нашего привоза, а за полвѣка едва было извѣстно ея существованіе. Въ первый разъ упомянуто о резинѣ въ примѣчаніи доктора Пристли къ его «Трактату о теоріи и практикѣ Перспективы», издавшему въ 1770 году. «Со времени отпечатанія этой книги, говоритъ ученый докторъ, я видѣлъ вещество, которымъ удивительно хорошо стирается съ бумаги карандашъ, и кото-

рое, повидимому, должно быть чрезвычайно полезно для рисовальщиковъ.» Знаменитый Пристли конечно не могъ предвидѣть, что, черезъ шестьдесятъ лѣтъ послѣ его книги, изъ этого удивительнаго вещества будутъ дѣлать корсеты, тюфяки, подушки и даже галоши.

ИСТОРИЯ ШЕРСТЯНЫХЪ ФАБРИКЪ ВЪ АНГЛІИ. Хотя развитіе этой отрасли Англійской промышленности не представляетъ такихъ безпримѣрно быстрыхъ и огромныхъ успѣховъ, какъ фабрикація ситцевъ и кисей, о которой мы недавно говорили въ этомъ журналѣ (№ 16 Смѣсь, стр. 84), однако жъ и оно тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что еще въ весьма недавнемъ времени Англія была главною, почти всесвѣтною поставщицею суконъ и другихъ шерстяныхъ издѣлій. Съ одной стороны, удачное совмѣстничество Прусскихъ и Польскихъ фабрикъ, съ другой, запретительная система, которой слѣдуетъ Россія съ 1822 года, положили предѣлы этому развитію.

Шерстяная фабрикація въ Англіи получила первоначальную свою важность въ царствованіе короля Эдуарда III (1327—1377), который ободрилъ Фламандскихъ выходцевъ завести фабрики въ разныхъ частяхъ королевства. До того времени сырая шерсть составляла главную статью вывоза: количество ея простиралось до одиннадцати милліоновъ фунтовъ ежегодно. Чтобы поднять начинающіяся фабрики, Эдуардъ сдѣлалъ въ пользу ихъ монополію, запретивъ своимъ подданнымъ носить иное сукно кромѣ туземнаго. Несмотря на завистливую ревность прежнихъ сукноторговцевъ и даже на противодѣйствіе парламента, который запретилъ было вывозъ шерстяныхъ издѣлій, эти фабрики распространились до такой степени, что въ царствованіе Генриха VIII (1509—1547) онѣ взяли рѣшительный перевѣсъ надъ Фламандскими, и тамошніе торговцы, закупая ихъ въ Англіи, распродавали остальной Европѣ.

Преслѣдованіе протестантовъ во Франціи и особенно во Фландріи побудило многихъ знатныхъ мануфактуристовъ искать убѣжище въ Англіи, гдѣ они нашли милостивый пріемъ отъ королевы Елисаветы. Въ ея время, Англійскіе негодіанты вмѣсто того, чтобы сбывать свои товары Ганзейскимъ

и Фламандскимъ купцамъ для перепродажи, начали сами вывозить ихъ въ чужіе края, и успѣхъ этой торговли такъ встревожилъ Ганзейскіе города, что въ Любекѣ созвано было собраніе для принятія мѣръ противъ такого «безчинства». Однако жъ, въ царствованіе Іакова I было исчислено, что девять десятыхъ всей государственной торговли состояли изъ сбыта шерстяныхъ издѣлій, но большая часть суконъ вывозилась въ чернѣ, а красилась и отдѣлывалась Голландцами, которые, по тогдашнему мнѣнію, получали на этомъ до семнадцати милліоновъ рублей барыща.

Частыя измѣненія въ торговомъ законодательствѣ и изнѣнишія заботы его о самыхъ мелочныхъ подробностяхъ производства, неразъ приводили шерстяныя фабрики на край погибели. Парламентскіе акты опредѣляли мѣру сукна, способъ выдѣлки окраски и просушки; наконецъ, въ отеческой попечительности о доставленіи этому товару наибольшаго числа потребителей, мудрый парламентъ не удовольствовался живыми, и узаконилъ, чтобъ покойниковъ хоронили непременно въ шерстяныхъ саванахъ!

Всѣ эти поощренія и привилегіи, довольно вредныя сами по себѣ, были еще пагубнѣе въ своихъ слѣдствіяхъ. Фабриканты, обезопасенные отъ заграничнаго соперничества, ни сколько не заботились объ улучшеніи своихъ произведеній; Англійскія сукна утратили прежнюю славу въ Европѣ, и если бъ рынокъ ихъ не распространился Американскими колоніями, эта важная вѣтвь промышленности упала бы совершенно. Черезъ нѣсколько времени колоніи объявили себя независимыми, и ей угрожала крайняя опасность; но два счастливыя обстоятельства выручили ее изъ бѣды: во-первыхъ, невмѣшательство парламента, который былъ занятъ важными политическими событіями; во-вторыхъ, примѣръ бумажныхъ фабрикъ, гдѣ начинали вводиться машины. Съ этого времени шерстяныя мануфактуры постепенно освобождались отъ путевъ законодательства, и вмѣсто совершеннаго разоренія, которое казалось вѣрнымъ въ 1782 году, онѣ, даже и при неблагопріятныхъ для нихъ обстоятельствахъ, отпускаютъ теперь на сто шестьдесятъ милліоновъ рублей товару. Во всемъ королевствѣ считается

изъ 1,315, съ 31,360 работниками и съ 22,526 работницами.

Замѣтимъ еще, что Англійская шерсть даетъ хорошее сукно только въ смѣси съ иностранною, которой количество опредѣляется предполагаемою его тониною. Но иностранная шерсть обложена пошлиною въ пользу туземнаго производителя, который однако жъ болѣе отъ того теряетъ, чѣмъ выигрываетъ: шерсть остается у него на рукахъ, потому что не съ чѣмъ мѣшать ея для выдѣлки добротныхъ суконъ, при дороговизнѣ иностраннаго матеріала, причисляемой высокимъ таможеннымъ налогомъ.

ВРЕДНЫЯ СЛѢДСТВІЯ ТРУДОДѢЛЕНІЯ. Превосходство системы трудораздѣленія получаетъ каждый день такія похвалы отъ всѣхъ устъ и всѣхъ перьевъ, которыя рѣдять о благосостояніи народовъ, что мы считаемъ неизлишнимъ предложить имъ замѣчанія одного Англійскаго журнала объ этомъ предметѣ. Произведенія раздѣленнаго труда безспорно дешевле, и потому онъ справедливо почитается однимъ изъ главныхъ источниковъ народнаго богатства: это доказалъ сперва Адамъ Смитъ, и, за нимъ, цѣлая стая экономистовъ. Дѣйствительно если бъ не могущественный рычагъ трудодѣленія, Англія не занимала бы нынѣшняго ея мѣста между государствами Европы. Обремененные налогами, какихъ ни одинъ народъ въ мірѣ не могъ бы выпести, Англичане черезъ раздѣленіе труда находятъ еще возможность совмѣстничествовать съ другими не только въразсужденіи доброты произведеній, но и въразсужденіи ихъ дешевизны. Важный доводъ въ пользу трудодѣленія! Но на чемъ основана эта система? На томъ, чтобъ каждый человекъ занимался исключительно какою-нибудь одною частицею произведенія, и чтобъ навѣкъ его въ этомъ однообразномъ дѣлѣ доходило до той механической быстроты, которая исключаетъ всякую возможность къ соображенію.

Мальчикъ, едва научившійся грамотѣ, отдается на пять, на шесть лѣтъ для изученія какой-нибудь дробной части ремесла. Онъ начинаетъ съ охотою и въ нѣсколько недѣль привыкаетъ къ свосму дѣлу какъ пельза лучшес. Тѣмъ хуже для него: шесть лѣтъ онъ осужденъ не знать ничего

другаго, забывать, чему учился прежде, скучать, томиться безъ всякаго новаго побужденія, и въ малые промежутки своей машинальной работы искать вслѣдъ за другими утѣшенія въ кабакъ. Сто противъ десяти, что эти ужасныя шесть лѣтъ рѣшаютъ направленіе цѣлой его жизни. Развитіе способностей подавлено въ самомъ корнѣ, и только счастливый случай можетъ извлечь ихъ изъ этого отвердѣнія. Не шевелите долго рукою, она потеряетъ способность къ движенію; не шевелите ума, лишите его случая къ соображенію, вы утратите его вовсе, потому что онъ только и есть, что соображеніе. Раздѣленіе труда въ Шотландіи не достигло той степени дробности какъ въ Англіи, и нравственный характеръ тамошнихъ рабочихъ и фабричныхъ гораздо выше, хотя онъ примѣтно упалъ съ тѣхъ поръ, какъ Англійская система начала тамъ распространяться. Каждый Шотландскій работникъ дѣлаетъ еще нѣсколько дѣлъ, конечно не такъ скоро и не такъ ловко какъ Англичанинъ, которое-нибудь одно, зато въ немъ рѣшительно больше толку, больше нравственности, больше человечества.

Возьмемъ въ примѣръ другаго мальчика, отданнаго учиться какому-нибудь цѣлому ремеслу, положимъ машинному. Онъ долженъ обходиться и съ желѣзомъ и съ деревомъ, прилаживать ихъ по чертежамъ и самъ уметь чертить въ случаѣ пужды. Сначала онъ просто на побѣгушкахъ, но между тѣмъ исподоволь присматривается къ дѣлу, затверживаетъ названія, перенимаетъ нѣкоторые приемы; онъ ждетъ какъ чести, какъ повышенья въ чинѣ, чтобъ ему позволили что-нибудь сдѣлать, и чѣмъ труднѣе возложенная на него обязанность, тѣмъ удовлетворительнѣе старается онъ ее выполнить. Этотъ работникъ живетъ, онъ движется въ сферѣ чувствъ и понятій, свойственныхъ всякому; онъ не жерновъ, не маховое колесо въ чловѣческомъ образѣ, и будьте увѣрены, что онъ не пойдетъ истреблять машинъ: онъ ему не опасныя соперницы. Надобно очень унижить чловѣка для того, чтобъ онъ завидовалъ машинѣ и дрался съ нею за первенство. Мы удивляемся, — сказать мимоходомъ, — какъ повѣйшіе Французскіе трагики не воспользуются этимъ драматическимъ положеніемъ, имѣющимъ весь «смакъ современности», — *qui palpite de l'interêt du moment*. Врань ма-

шины — люди-машины, работники, посвятившіе всю жизнь какому-нибудь одному приему, который похищается у нихъ первымъ усовершенствованіемъ въ ихъ бездушныхъ соперникахъ. Человѣкъ, который двадцать, тридцать лѣтъ только и дѣлалъ, что насаживалъ булавочныя головки, разоренъ въ конецъ изобрѣтеніемъ машины, производящей эту работу лучше и скорѣе его. Но кто жъ виною его несчастія, если не собственная непредусмотрительность или справедливѣе, нерадѣніе тѣхъ, кто располагалъ имъ въ юныхъ лѣтахъ.

Желательно, чтобъ ужасный примѣръ дѣйствій и уничтоженія рабочаго народа въ Англіи предостерегъ другія Европейскія общества отъ подобнаго направленія ихъ промышленности.

ОБРАЗОВАННОСТЬ СОБАКЪ У РАЗНЫХЪ НАРОДОВЪ.

Одинъ журналъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія умозрѣнія о собакахъ. Будутъ ли когда-нибудь академіи у Эскимосовъ? Мы думаемъ, что будутъ; только не скоро. Однако жъ это отнюдь не общее мнѣніе, и большинство вѣроятно въ пользу того, что жестокость арктическаго климата навсегда заградила имъ путь къ гражданственности. Какъ бы то ни было, въ настоящемъ положеніи этого племени собаки составляютъ главное орудіе его промышленности, необходимое средство къ поддержанію его жизни. Таща съ неизмѣнной быстротою сани своего хозяина, эти животныя чувствуютъ за версту оленя или медвѣдя, и тотчасъ мчатся къ нимъ съ удивительной смѣлостью. Даже въ обыкновенныхъ перѣздахъ стоять только произнести имя медвѣдя, *ненилокъ*, чтобъ удвоить ихъ поспѣшность. Двѣ или три вмѣстѣ отважно идутъ съ человѣкомъ на огромнѣйшее изъ этихъ животныхъ. Странно, что онѣ боятся волковъ и, зачуявъ ихъ, подымаютъ обыкновенно страшный вой. Жизнь этихъ собакъ не только многотрудна, но и тягостна. Лѣтомъ находятъ они обильную пищу въ кожѣ и жирѣ морскихъ рыбъ, добываемыхъ Эскимосами или выбрасываемыхъ на берегъ; но зимою, когда хозяева ихъ сами не богаты припасами, онѣ голодаютъ до такой степени, что у нихъ остаются только кости да кожа. Бѣдняжки, бѣгаютъ по юртамъ и грабятъ все, что имъ попадется, но Эскимосы томятъ ихъ отъ

себя безъ всякой жалости. Совсѣмъ не такъ обходились съ собаками древніе Греки. Гомеръ, въ десятой книгѣ Одиссеи говоритъ, что даже цари, обѣдая другъ у друга, брали домой остатки яствъ въ гостинецъ своимъ собакамъ. Впрочемъ эти животныя могутъ очень долго выносить голодъ. Мемуары Парижской Академіи упоминаютъ о собакѣ, забытой въ одномъ загородномъ домѣ, которая сорокъ дней питалась только шерстью стараго одѣяла.

По мѣрѣ того какъ люди достигаютъ высшей степени гражданственности, домашнія животныя, особенно собаки, принимаютъ участіе въ успѣхахъ ихъ образованія. Англійская собака войдетъ въ комнату, уставленную кушаньемъ, и какъ бы она ни проголодалась, ничего не тронетъ, между тѣмъ какъ собака Эскимоса дерется съ нимъ за каждый кусокъ грубой его пищи; увидѣвъ оленя или другую собаку, она часто уходитъ за ними отъ своего хозяина съ санями и со всей поклажею. Ничто не доказываетъ силы воспитанія надъ собаками такъ явно, какъ терпѣливость ихъ при раздачѣ корма на псарнѣ. Онѣ голодны, знаютъ, что имъ принесли ѣсть, и несмотря на то, ни одна не забудетъ должнаго послушанія. При появленіи челоуѣка съ кормомъ вся стая испускаетъ радостный крикъ: онѣ дѣлаютъ знакъ, и водворяется глубокое безмолвіе. Онѣ вызываютъ каждую собаку по имени, и каждая является отдѣльно, хотя бы ихъ было тридцать своръ. Если какая-нибудь новая жилица псарни выйдетъ незваная, ее отсылаютъ назадъ, и этотъ урокъ остается въ памяти. Замѣтимъ, что стая доводится до этой строгой дисциплины самыми легкими наказаніями и поощреніями.

АФРИКАНСКІЕ ОЧЕРКИ. Въ предъидущей книжкѣ этого журнала общали мы познакомить читателей съ книгою остроумной Г-жи Ли, подъ заглавіемъ *Stories of strange lands*. Вотъ нѣсколько любопытныхъ отрывковъ изъ этого занимательнаго сочиненія.

1. *Хохотъ гіены.* Хохотъ этого звѣря чрезвычайно похожъ на хохотъ сумасшедшаго, и производитъ очень странное дѣйствіе, когда въ тишинѣ ночи раздается вдругъ подъ самыми окнами, гдѣ бродитъ гіена, отыскивая пищи.

Сила подражанія, какою одарены эти животныя, неизмѣрна: они не только перенимають крикъ четвероногаго, которое хотять заманить, но поддѣлываются даже и подъ человѣческіе звуки. Комендантъ одной крѣпости на западномъ берегу Африки увѣрялъ меня, что нѣсколько вечеровъ въ обѣденное время беспокоилъ его хохоть и крикъ туземныхъ женщинъ, проходившихъ подъ стѣнами за водою. Онъ выслалъ своего сержанта сказать имъ, чтобъ онѣ ходили другою дорогою, и онѣ обѣщали повиноваться. Но на слѣдующій вечеръ опять послышался, шумъ, что крайне разсердило коменданта, и онъ велѣлъ солдатамъ стеречь ихъ, схватить и привести въ крѣпость. Люди спрятались по его приказанію; хохоть поднялся какъ наканунъ: они выскочили изъ засады и къ изумленію увидѣли только трехъ гіенъ, стоявшихъ на дорогѣ, по которой обыкновенно ходили женщины, и передразнивавшихъ ихъ голоса такъ хорошо, что за-глаза невозможно было узнать обмана. Впрочемъ эти гіены не слишкомъ страшны и скорѣе убьютъ, чѣмъ нападутъ на человѣка.

2. *Сраженіе змѣи съ крысою.* Удивительно, говорить Г-жа Ли, какъ скоро привычка уменьшаетъ страхъ и отвращеніе. Никогда не забуду я, какой морозъ пробѣжалъ у меня по жиламъ, когда я увидѣла въ первый разъ, что огромная ящерица ползетъ по стѣнѣ моей спальни, а впоследствии я не только забавлялась быстрыми движеніями этихъ животныхъ, игравшихъ на верандѣ, гдѣ я обыкновенно сидѣла, но даже и кормила ихъ ежедневно. Сначала, змѣя подлѣ меня казалась мнѣ вѣрной смертію, но потомъ я такъ мало объ этомъ заботилась, что, проходя ближайшею дорогою на кухню, выжидала только, чтобъ ядовитыя, змѣи которыхъ гнѣздо было у насъ въ стѣнѣ, спрятали на минуту свои головы,—поступокъ довольно отважный, потому что онѣ ужасно злы, когда выведутъ змѣенковъ. Любопытно было видѣть сраженіе змѣи съ крысою, къ которому привлекли насъ необыкновенное шипѣніе и пискъ въ провизномъ чуланѣ. Отворивъ его, мы увидѣли, что змѣя подняла на крысу свою прекрасную, разноцвѣтную шею и голову, а та сверкала своими черными глазками, исполненными ярости. Онѣ были такъ озлоблены, что не естревов-

жились нашимъ появленіемъ и нѣсколько разъ насккивали другъ на друга; наконецъ крыса издохла въ ужасныхъ мукахъ, покрытая пѣною и вздувшись до невѣроятной величины: змѣю тотчасъ же убили слуги.

3. *Антропофаги.* Существованіе антропофаговъ въ западной части Африки слишкомъ достоверно, и не только ѣдятъ они своихъ непріятелей, но торгуютъ другъ у друга тѣла умирающихъ. Тѣ однако жъ, которые не ѣдятъ человѣчины, смотрятъ на нихъ съ ужасомъ, и даже вопросъ объ этомъ, повидимому, возбуждастъ въ нихъ стыдъ и отвращеніе. Три человѣка въ Сіерра-Леонѣ,—кажется, изъ освобожденныхъ Африканцевъ,—заманили четвертаго въ лѣсъ, убили его, съѣли часть его тѣла на мѣстѣ, а остальное слегка прикрыли землею. На другой день они воротились къ своему пиршеству; но послѣ того двоихъ взялъ ужасъ, и они больше не пошли: третій не могъ противустоять искушенію, и частыя его отлучки, вмѣстѣ съ исчезновеніемъ убитаго возбудили наконецъ подозрѣніе. Его подстерегли и поймали на самомъ дѣлѣ, когда онъ дожиралъ остатки своего товарища. Онъ былъ схваченъ и подвергнутъ суду за смертоубійство, но такъ какъ не было возможности уличить его въ этомъ преступленіи, а въ Англійскихъ законахъ нѣтъ ничего о ѣденіи человѣческаго мяса, то и нельзя было приговорить его къ казни.

4. *Африканская инквизиція.* Дѣйствія, таинственность и могущество фетиша, или сословія жрецовъ, имѣютъ большое сходство съ тѣмъ, что представляетъ намъ исторія Инквизиціи. Во всякое время и гдѣ бы то ни было туземцы западной Африки подвержены ихъ посѣщеніямъ и вмѣшательству; мѣсть никогда у нихъ не забывается, хотя и отлагаютъ ес на нѣсколько лѣтъ; и часто, послѣ очень длинныхъ промежутковъ, усыпляющихъ всякое подозрѣніе, несчастныя жертвы пропадаютъ совсѣмъ неожиданно, внезапно. Тщетно было бы вывѣдывать, что съ ними сдѣлалось; никто не посмѣетъ сказать правды: содроганіе плечъ или кивокъ головою сопровождаютъ обыкновенно увѣреніе въ несправедливости. Жрецамъ все извѣстно; они мѣшаютъ во все, участвуютъ въ каждомъ удачномъ дѣлѣ, грабятъ своихъ соотечичей безъ зазрѣнія совѣсти, и даже мѣшаютъ выводить

барсовъ, гіенъ и другихъ звѣрей, объявляя ихъ священными и взыскивая пеню съ каждаго, кто приметъ участіе въ ихъ истребленіи. Черезъ сообщеніе съ фетишами другихъ земель, они распространяютъ свое вліяніе далеко за предѣлы, доступные обыкновеннымъ людямъ.

Двое Англичанъ, жившіе въ Сіерра-Леонъ, изъявили одному жрецу желаніе посмотрѣть на одну изъ оргій фетиша, и, за довольно высокій подкупъ, онъ согласился доставить имъ случай; но они должны были присягнуть, что никогда не откроютъ того, что видѣли и слышали. Долго держали они это обѣщаніе; вдругъ въ одинъ несчастный вечеръ, подгулявъ немного съ пріятелями, они проговорились, что видѣли обряды фетиша и слегка намекнули на ихъ содержаніе. На другой же день оба были отравлены: одинъ вскорѣ умеръ, другой прожилъ нѣскольکو лѣтъ, но въ постоянныхъ мученіяхъ и болѣзняхъ.

5. *Ашантійскіе гости.* «Король, говоритъ Г-жа Ли, прислалъ одного Ашантія въ Кепъ-Костъ, когда я тамъ жила. Сгаралъ всеми силами подружиться съ Ашантіями, я согласилась на просьбу его у меня обѣдать, и назначила ему день, съ тѣмъ, чтобъ онъ пришелъ въ три часа не ранѣе. Гость мой пожаловалъ въ десять и привелъ съ собою человѣкъ пятьдесятъ грязныхъ и въ лохмотьяхъ. Въ этой свитѣ былъ по обыкновенію и камергеръ, съ огромной связкою ржавыхъ ключей, для которыхъ никогда нѣтъ ни одного замка. Я должна была сказать пріѣзжему, что не могу быть съ нимъ цѣлымъ день; и онъ ушелъ отъ меня не слишкомъ довольный пріемомъ. Въ назначенный часъ онъ явился опять съ своей свитою; но когда я сказала, что не ждала такого множества гостей, онъ выслалъ всѣхъ, кромѣ своего задушевнаго пріятеля. Оба они сѣли со мною за столъ; я подавала имъ рыбы, и они начали было тѣсть руками, но увидѣвъ, что я употребляю ножъ и вилку, просили научить и ихъ этому искусству. Я едва могла удержаться отъ смѣха на ихъ попытки, и на то, какъ они потихоньку отъ меня хватали куски руками, когда думали, что я не гляжу, что они дѣлаютъ. Съѣвъ половину своей рыбы, гость мой просилъ позволенія отправить остатокъ къ его женѣ. Для этого я подарила ему сырую рыбу и бутылку портеру,

чѣмъ онъ остался очень доволенъ. Между-тѣмъ подали цыплятъ, но я была несчастлива въ своемъ выборѣ: фетишъ запретилъ ему ѣсть птицъ, и онъ не смѣлъ до нихъ дотронуться, зато баранину и хлѣбное глоталъ онъ пре-большими кусками и потомъ возвратился къ своей рыбѣ. Портеръ и вино бросились ему въ голову, и я была очень рада, что неодолимая дремота наконецъ заставила его удалиться. Но послѣ этого онъ считалъ себя въ правѣ посѣщать меня каждый день и во всякое время. Негодяй этотъ воротившись домой, увѣрялъ Ашантиевъ, что не видалъ отъ меня ни гостепріимства, ни подарковъ; но когда король отнялъ у него все имѣніе, то между его пожитками нашлось много доказательствъ противнаго.

«Онъ былъ недостойный представитель Ашантийскихъ правовъ, и племянникъ короля, Эду Бреди, пристыдилъ его своимъ благоприличнымъ поведеніемъ. Портретъ моего мужа доставлялъ ему большое удовольствіе: онъ улыбался, подмигивалъ, болталъ съ нимъ по получасу. Но ничто не содѣйствовало такъ къ его благополучію, какъ мое фортепіано. Оно совсѣмъ испортилось во время продолжительной моей болѣзни, и потому я позволяла Эду тѣшиться на немъ сколько ему угодно. Онъ созвалъ всѣхъ своихъ друзей смотрѣть и слушать, но отнюдь не позволялъ имъ трогать инструмента, и какъ скоро я разрѣшила ему играть, онъ кинулся за стуломъ, усялся и среди ужасной тараборщины звуковъ самодовольно читалъ удивленіе на черномазыхъ лицахъ своихъ слушателей. Этотъ добрый малой потѣхалъ разъ на одинъ Англійскій фрегатъ, стоявшій на рейдѣ. Случилось, что передъ этимъ матрозы выстирали бѣлье и развѣсили по снастямъ свои красныя и синія рубашки, а Королевскій племянникъ принялъ ихъ за флаги, поднятые въ честь его прибытія, и былъ чрезвычайно доволенъ.»

МАТЕМАТИЧЕСКІЙ ИНСТИНКТЪ ПЧЕЛЪ. «Дѣйствія чистаго инстинкта, говоритъ лордъ Брумъ въ своемъ *Discourse of natural theology*, никогда не приписывались способности сужденія, а между-тѣмъ они представляютъ сильнѣйшія доказательства бытія разумной причины и единства преднамѣренія въ мірѣ. Труды пчелъ принадлежатъ

къ числу самыхъ замѣчательныхъ фактовъ въ обоихъ отношеніяхъ. Соты ихъ одинаковы видомъ, соразмѣрностью, и величиною вездѣ, гдѣ вамъ угодно, и этотъ видъ есть тотъ самый, который, помощію утонченнѣйшаго анализа, дознанъ математиками за удобнѣйшій и требующій наименѣе труда и матеріала. Открытіе это сдѣлано лѣтъ за сто, и даже способъ, подавшій къ тому возможность, то есть, дифференціальное счисленіе, изобрѣтенъ только полувѣкомъ ранѣе, тогда какъ пчелы уже цѣлыя тысячи лѣтъ строятъ по этому неизмѣнному правилу во всѣхъ странахъ земнаго шара. Съ удивительной точностью выбираютъ онѣ для наклоненія стѣнокъ своей маленькой кельи уголъ въ 120 градусовъ, который давно признанъ за лучший и удобнѣйшій, а для наклоненій ея кровли углы въ 100 и въ 70 градусовъ, которыхъ свойства не зналъ ни одинъ человекъ до восемнадцатаго столѣтія, когда Меклоринъ разрѣшилъ любопытную проблему максимумъ и минимумовъ, недоступную изслѣдованіямъ до открытія дифференціального исчисленія.»

ВОЗДУШНОЕ СООБЩЕНИЕ МЕЖДУ ЕВРОПЕЙСКИМИ ГОРОДАМИ. Газеты не разъ упоминали о предполагаемомъ воздушномъ сообщеніи между Парижемъ и Лондономъ. Въ последнемъ составилось даже «Европейское Аэронавтическое Общество», которое вызываетъ желающихъ видѣть первый воздушный корабль, Орель, въ 23 сажени длины, въ 7 вышины и въ 6 ширины, совсѣмъ готовый къ отплытію. На кораблѣ будетъ семнадцать человекъ экипажа. Сперва отправится онъ въ Парижъ, а тамъ пойдетъ летать въ Брюссель, Амстердамъ, Берлинъ, Мюнхенъ, Мадридъ, и такъ далѣе, пока вся Европа удостовѣрится собственными глазами въ его легучести. Это все очень хорошо; жаль только, что не ново: еще въ 1796 году предложенъ былъ подобный планъ инженеромъ Кампенъ (Campeas) Французскому правительству, и Національный Институтъ скрѣпилъ его своимъ одобреніемъ. Кампенъ писалъ объ этомъ къ генералу Бонапарте въ Италію предлинное письмо, изъ котораго мы приведемъ нѣсколько строкъ для любопытныхъ. «Художникъ, который обращается къ вамъ,

исполненный живѣйшей признательности, берется выстроить, если ему дадутъ къ тому средства, огромное зданіе, откуда вылетитъ воздушный корабль, могущій поднять васъ съ двумястами человекъ и нести куда угодно. Я самъ буду вашимъ кормчимъ. Такимъ образомъ вы можете безъ всякой опасности парить надъ флотами враговъ, завидующихъ нашему благоденствію, и громить ихъ подобно повому Юпитеру пожарами, которыхъ нельзя будетъ потушить, или, быть-можетъ, вы предпочтете начать съ того, чтобъ принудить Великобританскій кабинетъ къ сдачѣ, въ чемъ вы легко успѣете, имѣя всегда средства къ сожженію Лондона или какого бы то ни было другаго приморскаго города Англіи», и прочая, и прочая. Но новый Юпитеръ предпочелъ тогда плыть моремъ въ Египетъ, а не воздухомъ въ столицу Англіи. Кажется, что и современные путешественники предпочтутъ дилижансы и пароходы новопостроенному кораблю.

КИТАЙСКАЯ СЕМИНАРІЯ ВЪ НЕАПОЛѢ. Англійскій путешественникъ, Г. Ре-Вильсонъ (Rae Wilson), сообщаетъ объ этомъ заведеніи слѣдующія любопытныя подробности. Въ него принимаются маленькіе Китайцы, только-что вывезенные изъ отечества. Они учатся здѣсь разнымъ языкамъ и наукамъ; но болѣе всего внушаютъ имъ ученія католической вѣры, потому что единственная цель этой семинаріи, послать ихъ обратно въ Китай миссіонерами. Весьма рѣдко, чтобъ кто-нибудь изъ нихъ воротился опять въ Италію съ отчетомъ объ успѣхахъ своего посольства: полагаютъ, что бѣольшая часть становится жертвою негодовапія соотечественниковъ, которые почитаютъ ихъ вѣроотступниками. Г. Вильсону показывали комнату, увѣшанную портретами воспитанниковъ, которые отправлены были миссіонерами и заплатили жизнию за возложенную на нихъ обязанность. Во всю бытность ихъ въ семинаріи не позволяютъ Китайцамъ выходить, ни имѣть свиданій съ кѣмъ-нибудь, кромѣ своихъ учителей или между собою. Это ограниченіе наблюдается для того, чтобъ они не имѣли ни какого случая отвыкнуть отъ роднаго языка, говоря почти исключительно другъ съ другомъ. Въ одеждѣ ихъ нѣтъ

ничего особенно замѣчательнаго: она состоитъ изъ чернаго, длиннаго платья и того же цвѣта шапочки; по черты ихъ и весь наружный видъ обличаютъ чуждое происхожденіе. Они показывали много собственныхъ издѣлій, между прочимъ фонарь, привѣшенный къ потолку, и украшенный разными изображеніями, которыя приводились въ движеніе какимъ-то механизмомъ. Молодые Китайцы объяснялись на многихъ языкахъ довольно свободно, и когда путешественникъ сказалъ имъ, что онъ былъ въ Іерусалимъ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Святой Земли, они распрашивали его съ большимъ любопытствомъ о разныхъ подробностяхъ.

СТРАННОСТИ АКТЕРА КИНА. Знаменитый артистъ долго былъ бѣднымъ, странствующимъ актеромъ, пока мѣсть слава остановила и обогатила его въ Лондонѣ; но и здѣсь, какъ въ ранній періодъ своей жизни, онъ сохранялъ ту пылкость и беспорядочность характера, которыя часто доходили до излишества. Вотъ немногія черты изъ любопытной его біографіи, которая недавно издана Г. Берри Корпвалемъ, и о которой мы уже имѣли случаи говорить нашимъ читателямъ.

Въ 1808 году скиталецъ Кинъ прикочевалъ въ Струдъ. Директоръ театра, тщетно старавшійся заманить къ себѣ зрителей, рѣшился наконецъ вызвать изъ Лондона славившагося въ то время актера Бетти, и, предоставивъ ему ролю Гамлета, назначилъ Кину играть съ нимъ Лаэрта. Въ негодованіи за это мнимое оскорбленіе, Кинъ ушелъ неизвестно куда, и трое сутокъ всѣ поиски оставались тщетными. Театральныя дѣла пришли въ замѣцательство; директоръ выходилъ изъ себя; многіе думали уже найти трупъ потеряннаго Лаэрта въ какомъ-нибудь прудѣ за городомъ. Вдругъ одинъ изъ людей, отправленныхъ покровительницею Кина, миссъ Чамберсъ, встрѣчаетъ бѣлаго трагика, бредущаго домой въ крайнемъ разстройствѣ, но сердитаго по-прежнему. Кинъ пошелъ прямо къ миссъ Чамберсъ, и на вопросъ ея, гдѣ онъ былъ все это время, отвѣчалъ: «Въ полѣ, въ лѣсу, за городомъ..... Я умираю съ голоду..... Я ничего не ѣлъ, кромѣ дикой капусты и под-

солнечниковъ, съ тѣхъ поръ какъ вышелъ изъ дому; но и пойду и въ другой разъ, и въ третій разъ, и всегда, какъ скоро мнѣ стануть навязывать такія роли..... Не уступлю первенства ни одному живому человѣку кромѣ Кембля!»

Когда въ послѣдствіи Кинъ дѣйствительно достигъ этого первенства, онъ посѣтилъ въ Нью-Йоркѣ то мѣсто, которое слыло тамъ гробницею актера Кука, и, какъ ревностный почитатель этого трагика, соорудилъ ему новую гробницу. При переносѣ тѣла, Кинъ выпуль себѣ одну косточку, привезъ ее въ Англію и, нимало не сомнѣваясь, что она подлинно принадлежитъ уважаемому имъ артисту, хранилъ ее какъ драгоценнѣйшій памятникъ. Нѣсколько мѣсяцевъ лежала она на каминѣ въ его библіотекѣ, и только избраннымъ посѣтителемъ объяснялъ онъ ея достоинства. Впрочемъ ни отъ кого въ домѣ не пользовалась она такимъ уваженіемъ. Жена Кина ненавидѣла ее; слугамъ надобно она до смерти; служанки того и смотрѣли, что она сойдетъ съ каминя и начнетъ «представлять комедію». Въ одинъ скучный вечеръ, когда Кина не было дома, и жена отчаявалась дожидаться его возвращенія, ненавистная кость мелькнула ей въ глаза; она почувствовала желаніе нарушить святыню, но только посмотрѣла на нее съ отвращеніемъ и прошла мимо. Однако жъ искушеніе было слишкомъ сильно: она воротилась, взяла свою неприятельницу сквозь бумажку и бросила ее въ сосѣдній садъ. Легко себѣ представить, что такое преступленіе не могло остаться безъ послѣдствій, и когда прошла первая вспышка рѣшительности, Г-жа Кинъ невольно почувствовала тревогу и опасеніе. Громовый стукъ у дверей возвѣстилъ прибытіе трагика: онъ входитъ пьянехонекъ и прямо отправляется въ библіотеку, потому что, напившись, онъ всегда искалъ утѣшенія въ заветной косточкѣ. Смотритъ, — ея нѣтъ. Съ бышепствомъ зазвонилъ онъ въ колокольчикъ, жена бросилась къ нему со всѣхъ ногъ, и еще издали, встрѣтилъ ее страшный голосъ: «Ты не видала Куковой косточки?» Помолчавъ немного, она сказала: Куковой косточки, другъ мой? — «Да! отвѣчалъ онъ свирѣпо: зачѣмъ ты повторяешь мои слова? Куковой косточки, гово-

рять тебѣ.»—Мой милый сказала Г-жа Кинъ съ исподражаемымъ смиреніемъ, я пойду поищу, если тебѣ угодно. — Она вышла; подняли весь домъ для поисковъ; Кинъ становился часъ отъ часу торжественнѣй: «Отвѣчайте мнѣ, кричалъ онъ своимъ людямъ, гдѣ Кукова косточка?» Никто не зналъ, и каждый могъ присягнуть въ томъ по чистой совѣсти. Кинъ выслалъ ихъ изъ комнаты, и обернувшись къ женѣ, сказалъ ей важно и почти съ горестью: «Марія, сынъ твой потерялъ все: эта косточка стоила десять тысячъ фунтовъ; теперь онъ нищій.»

ЧАТТЕРТОНОВА МИСТИФИКАЦІЯ. Имя Чаттертона сдѣлалось громкимъ во всей Европѣ драмою графа Альфреда де-Виньи, который съ большимъ искусствомъ и дарованіемъ изуродовалъ исторію и характеръ этого Англійскаго поэта. Говоря о драмѣ, мы коснулись жизни Чаттертона, — пылкой, неукротимой души, метавшейся между скептицизмомъ, бѣдностью и жаждою славы; и упомянули также, что онъ мистифировалъ Англійскую публику и ученыхъ, написавъ первыя свои произведенія стариннымъ слогомъ XV вѣка и выдавъ ихъ за труды какого-то монаха Роли. Исторія этой мистификаціи, при пышныхъ драматическихъ обстоятельствахъ, заслуживаетъ быть подробнѣе извѣстною.

Поводы, приготовившіе появленіе старинныхъ поэмъ Чаттертона, чрезвычайно просты, но достойны его страннаго воображенія. Юный поэтъ, съ половины 1767 до половины 1770 года, проводилъ все время за конторкою одного Бристольскаго адвоката, между множествомъ дѣловыхъ бумагъ, и единственною его отрадою были честолюбивыя мечты, стишки скептическаго и любовнаго содержанія и, по воскресеньямъ, прогулки въ окрестностяхъ города. Легко себѣ представить, что такое ремесло не улыбалось душѣ его, и молодой писецъ рѣшился занять собой молву, во что бы то ни стало. Въ Бристолѣ давно строился новый мостъ взамѣнъ стараго. Его торжественно открыли въ 1768 году, и описаніе церемоніала было помѣщено во всѣхъ газетахъ. Вслѣдъ за тѣмъ появилось въ «Бристольскомъ журналѣ», который издавался типографщикомъ Фарлеемъ, древнее описаніе открытія стараго, разрушеннаго моста, заимствован-

ное изъ ветхой рукописи и подписанное Dunhelmus Bristolensis. Эта пьеса изумила публику чистосердечною торжественностью своихъ забавныхъ подробностей — и, особенно, стариннымъ, неслыханнымъ языкомъ. Начали узнавать; со всѣхъ сторонъ спрашивали типографщика; онъ не могъ сказать, откуда взялась эта статья. Наконецъ онъ успѣлъ довѣдаться, что ее принесли мальчикъ лѣтъ пятнадцати или шестнадцати, именемъ Томасъ Чаттертонъ. Его отыскали. Онъ объявилъ, что статья вручена ему однимъ господиномъ, у котораго переписываетъ онъ старые пергамны; потомъ, какъ бы спохватившись, началъ утверждать, что отецъ его нашелъ это описаніе, вмѣстѣ со многими другими сочиненіями въ стихахъ и въ прозѣ, въ сундукъ одной Бристольской часовни, и съ той минуты Чаттертонъ уже постоянно выдавалъ это показаніе за истину, приписывая и впоследствии всѣ свои сочиненія, писанныя стариннымъ слогомъ неисчерпаемому сундуку батюшки. Между-тѣмъ, вотъ исторія древняго сундука, который воображеніе молодого и честлюбиваго подъячаго наполнило невѣдомыми сокровищами, и который долго озадачивалъ множество ученѣйшихъ критиковъ. Въ то время, когда богатые Англійскіе грѣшники отказывали католическимъ монастырямъ земли или доходы, у тамошняго духовенства было въ обыкновеніи тщательно беречь документы этихъ благочестивыхъ вкладовъ; сверхъ-того, каждому вкладчику посвящался особый сундукъ съ надписью, ставившею добродѣтели усопшаго въ примѣръ живымъ мирянамъ. Надъ сѣвернымъ входомъ въ Редклифскую церковь, въ Бристолѣ, построенную или обновленную Эдуардомъ IV, покоились въ темной кладовой шесть полусогнившихъ сундуковъ, изъ которыхъ самый замѣчательный назывался по старинному Master Canynge's cofre, «Сундукъ господина Кенинга». То былъ Бристольскій купецъ, оказавшій значительное содѣйствіе къ поправкѣ церковнаго зданія. Достопочтенный бауль его охранялся шестью разными замками, отъ которыхъ ключи торжественно ввѣрены были блюстителству городского мера, церковныхъ старостъ, настоятелей монастыря и другихъ сановниковъ. Но по прошествіи многихъ лѣтъ, когда всѣ статьи завѣщанія были выполнены, когда отказанные доходы совершенно смѣша-

лись съ церковными, забыли и о сундукахъ и о вкладчикѣ, и, что всего хуже, затеряли самые ключи. Наконецъ, въ 1727 году, нѣкоторые аккуратные члены городского общества и смотрители ризницы, проходя однажды кладовую, вздумали заглянуть въ старые сундуки; позвали слесаря, и, въ присутствіи нотаріуса, взломали всѣ шесть замковъ; но въ сундукахъ не нашли ничего кромѣ ненужныхъ документовъ. Послѣ этого осмотра, сундуки остались отпертыми на произволеніе каждаго прохожаго. Семейство Чаттертоновъ уже полтараста лѣтъ отправляло при этой церкви прибыльную должность офиціального могильщика, sexton, которая въ то время поручена была дядѣ молодаго поэта, Джону. Отецъ Чаттертона, видя, что изъ сундука покойнаго Г. Кенинга всякой беретъ что ему угодно, и будучи самъ бѣднымъ школьнымъ учителемъ, сталъ тоже потаскивать къ себѣ порядочныя связки пергаментовъ и употреблять ихъ на переплетъ библій и грамматикъ. По смерти его, случившейся въ 1752 году, за три мѣсяца до рожденія Томаса Чаттертона, бѣдная вдова учителя берегла въ углу своей каморки остатки этихъ пергаментовъ на мелочныя кухонныя потребности. Такимъ образомъ молодой Чаттертонъ съ самаго дѣтства имѣлъ передъ глазами кучу старинныхъ документовъ, источенныхъ пылью и червями, покрытыхъ готическими буквами. Понятно, до какой степени это таинственное зрѣлище могло возбудить его юное, могучее воображеніе.

Тогда-то предпринялъ и исполнилъ онъ странное намѣреніе вырѣзать изъ документовъ всѣ концы и поля, которыя представляли ему большія куски чистаго пергамена, выучиться какъ можно вѣрнѣе старому почерку и наконецъ покрыть ихъ литературными описательными отрывками, особенно стихотвореніями, которыя выдавалъ онъ попеременно за труды достопочтенныхъ «мастера Кенинга», сирѣчь Тиббота Горджяза, аббатовъ Джона Искема, Джина, и наконецъ монаха Томаса Роли (Rowley). Энтузіасмъ его, когда онъ увидѣлъ передъ собой этотъ источникъ славы и дохода, былъ такъ великъ, что онъ сказалъ своей матери, не постигавшей его восторга: «Я нашелъ суцій кладъ». Вскорѣ послѣ этого написалъ онъ свое открытіе стараго моста въ Бри-

столъ и длинную балладу, Bristow tragedy, одно изъ самыхъ наивныхъ и трогательныхъ его произведеній, и, можетъ-быть, единственное, которое нравится въ Англіи всѣмъ вообще, потому что оно нашло мѣсто во всѣхъ антологіяхъ и въ *Elegant extracts*. Любопытство, возбужденное въ публикѣ такою находкою, доставило Чаттертону знакомство и дружбу хирурга Вильяма Баррета и жестяника Джорджа Кеткота. Первому изъ нихъ передавалъ онъ нѣсколько разъ отрывки старыхъ поэмъ, писанные на пергаментъ, измаранные и нечеткіе, говоря, что они вынуты изъ сундука мастера Кенинга. Къ несчастію для историческаго бытія этихъ писателей пятнадцатаго вѣка, подозрительные антикваріи удостовѣрились на самыхъ отрывкахъ, изъ которыхъ одинъ представленъ былъ Чаттертономъ въ сѣмкѣ, приложенномъ къ первому собранію старинныхъ поэмъ, что почеркъ совсѣмъ не того времени, что нѣкоторыя Арабскія цифры слишкомъ новы и что онъ очевидно руки молодаго писца. Наконецъ, при формальномъ археологическомъ «слѣдствіи», возникшемъ по этому поводу, Мелону удалось открыть тотъ ужасный извѣтъ противъ обманщика, что самый большой кусокъ пергамена, представленный однажды Чаттертономъ, величиною совершенно подходитъ къ одному изъ вырѣзовъ, которыми оканчивались всѣ старинныя квитанціи въ полученіи доходовъ, хранящіяся въ Редклифскомъ архивѣ.

Какъ бы то ни было, но достоверно извѣстно, что большая часть старыхъ поэмъ Чаттертона была подарена и продана имъ самимъ пріятелямъ его Кеткоту и Баррету, которые потомъ уступили ихъ Томасу Тервитту, издвигателю перваго изданія, вышедшаго въ Лондонѣ въ 1777 году. Нѣтъ возможности отыскать точный хронологическій порядокъ этихъ стихотвореній; достоверно лишь то обстоятельство, что всѣ они сочинены Чаттертономъ въ бытность его писцемъ у Г. Ламберта съ октября 1768 по апрѣль 1770, и что всѣ они написаны въ Бристолѣ за исключеніемъ одного, и, быть-можетъ лучшаго, баллады «Состраданіе», которую онъ сочинилъ, кажется, въ Лондонѣ, въ іюль 1770 года,—стало-быть, за мѣсяць до своей трагической смерти.

Между первыми опытами Чаттертона отличаются три

эклоги и отрывокъ трагедіи Goddwin, сочиненія монаха Роули, «изданныя съ комментариемъ Томасомъ таттертономъ». Это чрезвычайно оригинальныя пьесы, въ которыхъ онъ съ удивительнымъ искусствомъ поддѣлался къ гению и къ языку того времени. Но произведеніе самое полное, единственное, надъ которымъ онъ особенно старался, была трагедія, подъ заглавіемъ «Элла (Oella), лордъ Бритольскаго замка, трагическая интермедія или трагедія въ разговорахъ (discorseeing tragedy), сочиненная Томасомъ Роли, «игранная въ присутствіи мастера Кенинга въ домъ его «близъ Роддъ-Лоджа, и въ присутствіи Джина Говарда герцога Норфолькскаго, разными кавалерами, аббатами и «минстрелями».

СУБЪЕКТИВНЫЙ НѢМЕЦКІЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Многіе и не знаютъ, что въ Германіи перестали раздѣлять людей на два пола, мужскій и женскій: этотъ распорядокъ найденъ вовсе невѣрнымъ, и родъ человѣческій дѣлятъ тамъ нынче на людей субъективныхъ и людей объективныхъ. Довольно трудно объяснить иностранцу настоящій смыслъ этихъ прилагательныхъ: надобно быть Нѣмцемъ, чтобъ постигать, его, а теперь дѣло въ томъ, что одинъ субъективный Нѣмецъ пустился изъ дому, въ качествѣ субъективнаго путешественника, съ похвальнымъ намѣреніемъ объѣхать субъективно Сицилію и другіе теплыя и любопытныя края, и что, воротившись изъ этой субъективной экспедиціи, онъ издалъ въ Берлинѣ два тома, подъ заглавіемъ *Wanderungen durch Sicilien und die Levante*. Эти *Wanderungen*—книга не только не дурная, но даже хорошая; и такъ какъ всѣ журналы даютъ изъ нея выписки, мы тоже возьмемъ нѣсколько мѣстъ. Не станемъ говорить о развалинахъ, которыми она наполнена,—мы не большіе охотники до древностей,—обратимся лучше къ любопытной исторіи Палермскихъ кожевниковъ.

«Цехъ кожевниковъ искони пользовался въ Палермѣ большими преимуществами, а въ малолѣтство Фердинанда IV достигъ, такой полной независимости, что дѣйствительно сталъ государствомъ въ государствѣ. Кварталь свой, *la conciattoia* (кожевня), заключающій въ себѣ самыя тѣсныя

и грязныя улицы, укрѣпили они до такой степени, что онъ отражалъ не одно покушеніе городской полиціи и даже храбрѣйшихъ Неаполитанскихъ войскъ. Значекъ ихъ торжественно развѣвался на ремесленной управѣ, и по первой тревогѣ собирались къ нему дюжіе кожевники. Они обложены были отъ правительства взносомъ определенной суммы, которой и не думали платить, и за ними числилась недоимка за нѣсколько лѣтъ, предшествовавшихъ 1820 году.

«Во время Неаполитанской революціи, кожевники всегда были первые тамъ, гдѣ только происходили грабежи и убійства. Мятежъ вспыхнулъ въ Неаполь 1 іюня 1820 года, а 15 іюля въ Палермѣ. Англичанинъ, генераль Чорчъ, едва не истерзанъ былъ чернью, вдругъ вышедшю изъ повиновенія: генераль Кольи который бросился къ нему на помощь, спасъ его съ большимъ затрудненіемъ; но его домъ и имѣніе были сожжены толпою. Шестнадцатаго іюля, Палермскій комендантъ, генераль Назелли, покушался укротить безпорядокъ силою; но кожевники ворвались въ тюрьмы и выпустили заключенныхъ. Бунтовщики, подъ предводительствомъ Монреальскаго монаха Джіоакима Вальини, успѣли захватить нѣсколько пушекъ. Назелли увидѣлъ, что ему противъ нихъ не устоять, и ушелъ въ Неаполь. Чернь, предоставленная самой себѣ, производила ужасныя злодѣйства. Тюремны наполнены солдатами и полицейскими; присутственныя мѣста были ограблены и сожжены; деньги, найденныя въ казначействѣ, раздѣлены между мятежниками. Одинъ артиллерійскій кузнецъ, хотѣвшій заклепать пушки, былъ казненъ; ему отрубили руки и вмѣстѣ съ головою прибили на показъ въ разныхъ частяхъ города. Съ тѣхъ поръ лучшимъ средствомъ избавиться отъ личнаго врага было то, чтобъ сунуть ему въ карманъ длинный гвоздь и потомъ довести, что онъ заклепываетъ пушки: яростная толпа мигомъ бросалась на обвиненнаго, и его какъ не бывало.

«Кожевники избрали тогда консула, дона Карла Леона, который, въ этомъ званіи, нѣсколько недѣль управлялъ въ Палермѣ съ полнымъ самовластіемъ. Герцога Яни, схваченный ими, приговоренъ былъ къ смерти и тотчасъ разстрѣ-

лянъ. Напрасно престарѣлый кардиналъ Гравина и герцогъ Виллафранка старались укротить толпу: домъ герцога былъ весь ограбленъ и сожженъ. Мятежъ разпространялся постепенно и въ сосѣдственныхъ округахъ. Разбили арсеналь и роздали тридцать тысячъ ружей; но крестьяне лучше умѣли дѣйствовать ножомъ, чѣмъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Междоусобная война свирѣпствовала въ улицахъ Палерма; гдѣ кожевники и чернѣйшій народъ дрались съ гражданскою гвардіею: триста или четыреста человѣкъ были убиты.

«Наконецъ генералъ Пепе высадился въ Милаццо съ четырьмя тысячами войска, и пошелъ на Палермо. Герцогъ Патерно, терзаемый подагрою, которая удерживала его въ постелѣ, нашелъ однако жъ средства пріобрѣсть народную довѣренность, и ему поручили вступить въ переговоры съ Пепе: Палермо сдался ему на капитуляцію 5 октября. Неаполитанское революціонное правительство не хотѣло утвердить этой капитуляціи, требуя безусловной покорности; Пепе отказался отъ своего званія и воротился въ Неаполь. Преемникомъ его былъ генералъ Колетта, отличавшійся неумолимою строгостію; но и онъ съ кожевниками не могъ ничего сдѣлать. Они такъ укрѣпились въ своемъ кварталѣ, который сталъ убѣжищемъ для всѣхъ воровъ и преступниковъ, что храбрые Неаполитанцы не смѣли сдѣлать противъ нихъ ни какого покушенія. Это длилось до мая 1821 года. Тогда Австрійцы заняли Палермо; кожевники упорствовали въ возмущеніи, и сограждане ихъ нетерпѣливо ждали, чтобы это чѣмъ-нибудь кончилось: всѣ думали, что смиренные Нѣмцы или не посмѣютъ бороться съ горстью непокорныхъ, или приступятъ къ правильной осадѣ ихъ кожевни. Смирные Нѣмцы не сдѣлали ни того, ни другаго. Въ два часа по полуночи Австрійскій военачальникъ послалъ нѣсколько бригадъ Тирольскихъ и Богемскихъ стрѣлковъ окружить кварталъ. Другія войска, ведомыя жандармами, проникли сквозь тѣсныя улицы и переулки до ремесленной управы и заняли ее безъ всякаго затрудненія. Кое-гдѣ раздавались одинокіе выстрѣлы изъ оконъ, но у кожевниковъ не было уже сборнаго мѣста, и они отнюдь не были готовы къ такимъ печальнымъ и сильнымъ мѣрамъ среди ночи; оттого въ какіе-нибудь два часа

Австрійцы овладѣли всѣми домами въ ихъ кварталѣ. Нашли бездну оружія и аммуниціи, а въ управѣ даже и пушки, только безъ колесъ. Достопочтенный цехъ кожевниковъ созванъ былъ въ управу, но уже въ послѣдній разъ, и тутъ имъ объявлено, что они должны немедленно очистить кончатторію и основаться за городомъ по трое вмѣстѣ, не болѣе. Ихъ тотчасъ заставили повиноваться приказу, и затѣмъ послѣдовало преобразование неизвѣстной до той части города. Множество старыхъ лачужекъ было снесено, улицы по возможности расширены и назначены военные караулы. Большая часть домовъ по сую пору ни кѣмъ не занята; во многихъ живутъ жандармы съ семействами.

«Со времени этого искуснаго и успѣшнаго подвига, который чрезвычайно изумилъ Сицилійцевъ, привыкшихъ къ первшмости робкихъ Неаполитанскихъ воиновъ, и поднялъ Австрійцевъ въ общемъ мнѣніи, городъ наслаждался тишиною; но бѣдные кожевники стали предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ, и теперь каждый, кто явится на улицѣ съ пониклой головой и потупленными глазами, тотчасъ прослышается кожейвникомъ.»

Другая любопытная вещь, которую субъективный путешественникъ видѣлъ въ Палермѣ, это сады виллы-Буттеры, особенно замѣчательные по способу ихъ орошенія. Эта вила принадлежала покойной принцессѣ Буттеръ, которая, сказать мимоходомъ, несмотря на свое высокое рожденіе, вышла замужъ за молодаго Ганноверскаго офицера, Г. Мюллера, прибывшаго въ Сицилію съ Англійскими войсками, и сдѣлала его тотчасъ княземъ, *principe*, а потомъ еще Неаполитанскимъ посломъ въ Парижъ, гдѣ онъ и теперь носить это званіе. Другой Ганноверецъ, пріятель новаго князя и также пріятель субъективнаго путешественника, управляетъ теперь вилою нынѣ уже покойной принцессы, и онъ-то показывалъ ему сады.

«Другъ мой повелъ меня въ прохладный садъ, который разведенъ его собственнымъ стараніемъ. Пріятно было смотрѣть, какъ въ короткое время все выросло и поднялось. Жидкія отпрыски сдѣлались въ три года порядочными деревьями, которыя, при хорошемъ уходѣ, даютъ отличные плоды. Стоитъ воткнуть въ землю крошечный сучекъ,

листья и цветы ползутъ наружу, и тѣнь его покрываетъ изумленнаго садителя раскидистыми вѣтвями. Виноградъ вьется съ одинакимъ изобиліемъ по южнымъ и по сѣвернымъ стѣнамъ зданій, и единственная забота здѣсь о томъ, какъ бы умѣрить его-дикую роскошь. Акаціѣнный шпалерникъ, которому едва ли есть два года, выказываетъ стволы въ руку толщиною, и померанцовыя вѣтви, не тонѣ этого, образуютъ крытую аллею, насажденную не для плодовъ, а только для густой тѣни.

«Но едва-ли не всего болѣе достойно удивленія малое количество воды, которымъ все это производится и поддерживается. Палермо, какъ и Римъ, снабжается водою посредствомъ системы трубъ, проведенныхъ въ большую часть отдѣльныхъ домовъ, — распоряженіе, приписываемое Арабамъ; но для садовъ и плантацій есть здѣсь на южныхъ холмахъ резервуары, наполняющіеся водою изъ сосѣдственныхъ ключей и разливающіе ее по временамъ куда нужно. Въ доставленіи воды землямъ разныхъ владѣтелей наблюдается строжайшая точность и правильность: пріятелю моему Д*** даютъ пользоваться ею, для княжескихъ садовъ, съ шести до девяти часовъ утра каждую субботу. Въ шесть часовъ отворяется шлюзъ у верхней окопечности сада; плодотворная стихія бѣжитъ во множествѣ излучистыхъ потоковъ по всей виллѣ, и въ три часа жаждающая почва непремѣнно должна напиться на цѣлую недѣлю. Ровно въ девять отворяется нижній шлюзъ, и вода стекаетъ къ ближайшему сосѣду; но такъ какъ при этомъ случаѣ первый получатель всегда можетъ пользоваться разными мелочными выгодами, то очевидно, что земли, ближайшія къ резервуару снабжаются лучше тѣхъ, которыя ниже. Княжіе сады принадлежать къ послѣднимъ, и несмотря на то растительное царство, отличается въ нихъ неимовернымъ богатствомъ и роскошью.»

Послѣ того субъективный путешественникъ отправился на Этну. Но на Этнѣ былъ весь свѣтъ, — вѣроятно и все наши читатели. Въ Сиракузахъ, субъективный путешественникъ видѣлъ одного ученаго Сицилійца, который, изъ почтенія къ умнѣе древнихъ, старается вывести изъ употребле-

нія тряпичную бумагу и возвратить папирусу его прежнюю важность.

«Неутомимому Ландолфинъ, говоритъ субъективный путешественникъ, предоставлено было открыть съизнова древній способъ дѣлать бумагу изъ Сицилійскаго папируса, — способъ, если не полезный, по-крайней-мѣрѣ весьма интереснѣйшій для науки. Онъ размачивалъ нижнюю часть стебля въ водѣ, отдѣлялъ наружную зеленую кожу и вырѣзывалъ мягкую бѣлую сердцевину тончайшими пластинками, которыя накладывались одна на другую, стискивались, тщательно просушивались, пакленывались и составляли наконецъ совершенно годную и ослѣпительной бѣлизны писчую бумагу.»

Въ Мальтѣ попалъ онъ на важнѣйшее открытіе, какое-только сдѣлалъ въ своихъ субъективныхъ путешествіяхъ: онъ понялъ одно слово въ Гомерѣ и удостовѣрился въ точности его смысла, — слово «виновидное, багряное», море, *οἶνονες*, какъ говоритъ этотъ поэтъ.

«Есть особенная прелесть въ отливахъ моря, измѣняющихся съ порою дня; на нихъ не посмотришься, и тутъ-то видишь полное оправданіе отца Гомера, говорящаго о *багряныхъ* волнахъ. Не то, чтобъ подъ словомъ «багряный» разумѣли мы какой-нибудь фіолетовый оттѣнокъ; совсѣмъ нѣтъ: эпитетъ буквально вѣренъ, какъ и всѣ картины безсмертнаго поэта; онъ основанъ на не предубѣжденномъ наблюдѣніи и не нуждается въ сколесныхъ, софистическихкихъ толкованіяхъ, чтобъ быть понятнымъ и естественнымъ. Море, вмѣсто обычнаго темно-лазореваго цвѣта, дѣйствительно принимаетъ багряный, то есть, темно-красный, видимый не у самыхъ ногъ, а далѣе къ небосклону. Необыкновенный отливъ является въ полномъ великолѣпіи къ вечеру, если только вы въ открытомъ морѣ: въ заливахъ и гаваняхъ, никогда его не увидите.»

Всѣй второй томъ посвященъ путешествію на Востокъ, также субъективному. Книга эта состоитъ изъ писемъ, адресованныхъ къ одной очень объективной Италіянкѣ, которой имя Аннуціата, и которая, по-видимому, чрезвычайно нравится нашему путешественнику.

ЭСКИМОССКАЯ ОПРЯТНОСТЬ. Въ предъидущей книжкѣ Б. для Ч. говорили мы объ опрятности Голландцевъ; теперь возьмемъ у знаменитаго капитана Росса разсказъ объ опрятности его полюсныхъ пріятелей. Надобно всегда сравнивать вещи.

«Между Эскимосами былъ одинъ человѣкъ, который получилъ отъ природы обыкновенную человѣческую наружность, но до того выпачкался кровью и рыбьимъ жиромъ, что нельзя было узнать въ немъ ни одной черты. Когда мы дали ему разумѣть, что есть средства къ освобожденію лица его отъ всѣхъ этихъ нечистотъ, онъ воскликнулъ: *Накка, накка!* то есть—Нѣтъ, нѣтъ! и протягивалъ руки къ провіантмейстеру, крича ему: *Аллюпа, аллюпа!* то есть—Оближи! Этотъ покачалъ головою и тоже отвѣчалъ: *Накка, накка*, что, по-видимому, привело дикаря въ большое изумленіе. Увидѣвъ, что провіантмейстеръ не сдается на его благосклонное приглашеніе, онъ началъ лизать себѣ пальцы, какъ кошка или собака. Но тутъ представился важный вопросъ: какъ вылизеть онъ себѣ лице? Самъ онъ не могъ этого сдѣлать и потому обратился къ женѣ, крича опять—*Аллюпа, аллюпа!*, а та съ чрезвычайною готовностію и ласкою принялась за дѣло, и ни одно животное не вылизало бы своего дитенка съ такимъ внимательнымъ усердіемъ. Мало-по-малу лице Эскимоса получало естественный видъ свой, и черезъ четверть часа не осталось на немъ и слѣда крови или жиру. Операция выполнена была такъ отлично, что, эту добрую супругу должно почитать виртоузою въ лизальномъ искусствѣ. Дальнѣйшія наблюденія показали, что у Эскимосовъ каждый умываетъ собственнымъ языкомъ свои руки, а лице предоставляет облизывать другимъ. Во время этой замѣчательной сцены между Мевіакомъ и нѣжною его супругою, вышелъ другой, не менѣе странный, случай между ихъ дѣтьми и трупами тюленей, съ которыхъ только что сняли кожу, и на которыхъ кровь была еще во всей свѣжести. Трупы лежали на палубѣ, гдѣ хотѣли ихъ изрубить собакамъ, дѣти, привлеченныя искусительнымъ запахомъ крови, присѣли около нихъ и стали лизать кровь съ обыкновенной своей жадностію: ни одной собакѣ не вы-

лизать такъ чисто тарелки, какъ эти звѣри—люди облизили мертвыхъ тюленей.»

Это странное зрѣлище объясняется самыми естественными причинами, и именно тѣмъ, что «о вкусахъ спорить не должно».

НАПОЛЕОНЪ И ПИГО-ЛЕБРЕНЪ. Читатели наши вѣрно уже знаютъ изъ газетъ, что Пиго - Лебрёнъ, Французскій романистъ, котораго, по мнѣнію многихъ, не читаетъ ни одна дама, и который нѣкогда славился, какъ нынче Поль-де-Кокъ, умеръ въ Парижѣ 21 Іюля нынѣшняго года. Біографы его воспользовались этимъ печальнымъ случаемъ, чтобъ рассказывать объ немъ разные анекдоты, изъ которыхъ слѣдующій, кажется, еще неизвѣстенъ. Каждый слыхалъ о строгости Наполеона къ братьямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они забывали, на данныхъ имъ престолахъ, приказанія великаго императора, и отваживались отступить на шагъ отъ слѣпаго повиновенія его волѣ. Особенно доставалось отъ него Іерониму, королю Вестфальскому, и ни одинъ курьеръ не прѣвзжалъ въ Кассель безъ какой-нибудь гнѣвной грамматы; — одной изъ тѣхъ грамматъ, которыя теперь въ канцелярскомъ слогѣ называютъ «носомъ». Однажды императоръ журилъ Іеронима строже обыкновеннаго, и Пиго-Лебрёнъ, который былъ тогда библіотекаремъ у короля Вестфальскаго, прочитавъ по довѣренности посланіе, совѣтовалъ своему государю не позволять обходиться съ собой какъ съ ребенкомъ и отвѣчать съ достоинствомъ, приличнымъ его сану—. «Оно такъ,» отвѣчалъ Іеронимъ, все еще дрожа отъ страха: «но кто же напишетъ къ императору? «Я—ни за что на свѣтѣ! Напишите вы пожалуйста.» Пиго повиновался. Посланіе было отправлено въ Парижъ. Отвѣтъ на это письмо присланъ былъ съ генераломъ Раппомъ. Іеронимъ распечаталъ, и прочелъ: «Король, братъ мой, на «сутки подъ арестомъ во дворцѣ своемъ, а сочинителя письма посадить въ тюрьму на три мѣсяца.» И тотъ и другой подверглись наказанію, по точному смыслу приговора.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. *La Berlino de l'Émigré, Берлинъ эмигранта*, драма въ пяти дѣйствіяхъ, Гг. Добиньи и Мелевиля.

Карманъ Робеспьера жилета играетъ тутъ роль несравненно важнѣйшую, чѣмъ берлинъ эмигранта, потому что изъ этого-то именно кармана и выходятъ всѣ приключенія въ драмѣ.

Робеспьеръ былъ санкюлотъ, но между-тѣмъ большой франтъ; очень любилъ бѣлые жилеты, и часто посылалъ ихъ въ мытье, такъ, что на нихъ никогда не было замѣтно ни капельки крови. Прачка его, Г-жа Бельомъ, мыла также на кое-какихъ графовъ, маркизовъ и другихъ бѣдняковъ того времени; въ числѣ ихъ былъ маркизъ Савинь. и Однажды, въ старомъ жилетѣ Робеспьера Г-жа Бельомъ нашла въ карманѣ списокъ осужденныхъ, въ которомъ значился и сынъ маркиза Савиньи. Г-жа Бельомъ бѣжитъ къ нему, чтобы его предупредить. Маркизъ милостиво обнимаетъ прачку и велитъ подать себѣ берлинъ. Берлинъ подаютъ, берлинъ новый, недавно сдѣланный каретникомъ Паскалемъ, сыномъ Жерве, маркизова управителя. Маркизъ, предвидя судьбу свою, нарочно заказалъ этотъ берлинъ съ пустотами, въ которыхъ можно было бы спрятать большія суммы денегъ, и готовясь въ путь, онъ прячетъ туда 600,000 фр. При этомъ видѣ Паскаль, разорившійся игрокъ, не можетъ устоять противъ искушенія. Онъ доноситъ на маркиза и бѣдняка берутъ подъ стражу, въ ту самую минуту, какъ онъ садится въ берлинъ. И берлинъ возвращается опять къ Паскалю съ присовокупленіемъ 600,000 франковъ. Берлинъ ставятъ въ сарай, маркиза сажаютъ въ тюрьму.

Второе дѣйствіе имѣетъ передъ первымъ большое преимущество: въ немъ не говорится ни слова ни о карманѣ Робеспьера, ни о мытѣ бѣлья, ни о берлинѣ эмигранта, который ни на минуту не эмигрируетъ; въ этомъ дѣйствіи есть даже нѣсколько хорошихъ сценъ.

Маркизъ, приговоренный революціоннымъ трибуналомъ къ смерти, сидитъ въ Люксембургской тюрьмѣ. Добрый управитель Жерве не захотѣлъ отстать отъ своего господина. Маркизъ старый волкъ, знаетъ, что ему остается только умереть, засыпаетъ крѣпкимъ сномъ, въ ожиданіи призыва на эшафотъ. Между тѣмъ, какъ господинъ спитъ такъ покойно, вѣрный слуга горюетъ и плачетъ. Онъ не

постигаетъ, кто бы могъ довести на маркиза, потому, что тайну своего отъѣзда онъ ввѣрилъ только ему Жерве и сыну его Паскалю. Жерве терзается въ догадкахъ, но мысль обвинять сына не приходитъ ему и въ голову.

Вмѣстѣ съ Жерве сидитъ въ тюрьмѣ одинъ молодой живописецъ, обвиненный въ какомъ-то преступленіи, быть можетъ, въ томъ, что умѣлъ рисовать. Этотъ живописецъ рассказываетъ Жерве, что когда его допрашивали въ комитетѣ общественной безопасности, одинъ, молодой человекъ, съ отвратительнымъ лицомъ, пришелъ съ доносами на маркиза Савиньи. Живописецъ не знаетъ имени этого молодаго человека, но еслибъ прожилъ и пятьдесятъ лѣтъ, то не забылъ бы его гнусной физіономіи, которой смущеніе и безпокойство придавали выраженіе еще болѣе ужасное. Живописецъ беретъ карандашъ и начинаетъ рисовать это лицо. Вы видите бѣднаго отца и его терзанія по мѣртвѣ того, какъ черты его сына являются подъ рукою художника!—О, нѣтъ! этого быть не можетъ! вскрикиваетъ онъ; вы ошиблись; это не тотъ человекъ!—Вы видите, что портретъ похожъ когда вы его тотчасъ узнали, отвѣчаетъ живописецъ. Это сцена истинно трагическая и прекрасная; въ драмѣ Гг. Добиньи и Мелевиля она еще лучше чѣмъ въ Нѣмецкой драмѣ *das Bild*, Иммерманна или Мюльнера.

Узнавъ о гнусномъ поступкѣ своего сына, Жерве рѣшается умереть вмѣсто маркиза, котораго онъ хотѣлъ погубить! Въ это время, когда во Франціи все было доведено до крайности, и добродѣтели, и пороки, нѣчто подобное дѣйствительно случилось: отецъ Г-на Луозероля пошелъ на эшафотъ вмѣсто своего сына. Между тѣмъ какъ маркизъ проводитъ часы въ крѣпкомъ снѣ, Жерве надѣваетъ его платье и является къ комиссару, который приходитъ за осужденными. Слыша, что зовутъ маркиза, Паскаль закрываетъ себѣ лице руками, чтобы не видѣть своей жертвы, и Жерве, проходя мимо его, оставляетъ ему, вмѣсто прощенія, проклятіе. Потомъ, когда Жерве ушелъ и слѣдственно уже умеръ потому что смерть ждетъ его на порогѣ, Паскаль хочетъ видѣть отца. Вообразите же его ужась, когда онъ видитъ, что маркизъ спокойно спитъ на соломѣ. Тутъ онъ догадывается о томъ, что случилось,

бросается къ дверямъ и призываетъ отца громкими криками; но эти дѣвери отворяются только для тѣхъ, кто идетъ на смерть, и Паскаль слышитъ борабанный бой, показывающій, что все свершилось. Это второе дѣйствіе просто и трогательно.

Благодаря самопожертвованію Жерве, Маркизь освобожденъ. Онъ скрылся у своей прачки, а Паскаль перевезъ берлинъ въ свой магазинъ и ждетъ ночи, чтобы достать деньги. Третье дѣйствіе происходитъ вокругъ этого берлина. Паскалю безпрерывно мѣшаютъ, то жена, то работники, то сосѣди. Наконецъ, когда почъ уже совсѣмъ наступила, когда уже онъ готовъ овладѣть своею добычею, сокровищемъ, за которое онъ отдалъ отца, берлинъ берутъ для потребъ республики: народный представитель поѣдетъ въ немъ въ лагерь Дюмурье. Паскаль остается безъ берлина и безъ сокровища!

Четвертое дѣйствіе происходитъ въ лагерь, на границѣ. Паскаль прїѣзжаетъ туда, отыскивая свой берлинъ. Наконецъ онъ находитъ его у дверей одного трактира, гдѣ остановился также и маркизь Савиньи, который старается пробраться въ Швейцарію. Паскаль снова бродитъ вокругъ берлина; всѣ попытки его тщетны; но бродя, онъ подслушиваетъ разговоръ между народнымъ представителемъ и адъютантомъ Дюмурье. Паскаль узнаетъ, что одинъ дефиле никѣмъ не охраняемъ, и бѣжитъ къ непріятелю, чтобы продать свое отечество. Но это ему не удастся, его ловятъ, уличаютъ и разстрѣливаютъ. Савиньи снова получаетъ берлинъ свой и уѣзжаетъ въ немъ изъ драмы.

Тутъ есть еще одинъ молодой человѣкъ, который женится на дочери маркиза; мы не говорили вамъ о немъ потому, что тогда надобно было бы говорить и о самой дочери, а ни дочь, ни зять ни сколько не привлекаютъ участія зрителей и не заслуживаютъ ни какого вниманія. Главное дѣйствующее лице въ драмѣ, не она, не Паскаль, не Жерве, не Савиньи, а берлинъ.

2. *La fille mal élevée, Дѣвчонка безъ воспитанія*, введенъ въ двухъ дѣйствіяхъ Гг. Комбрусса и д'Эпаньи.

Въ одномъ провинціальномъ замкѣ живутъ смирно и благополучно, почтенный старикъ Г. Дезормъ, сестра его Г-жа Пранже и двѣ дѣвушки, Леонія и Фанни; Леонія дочь Г-жи Пранже, Фанни дочь умершей матери; обѣ племянницы Г. Дезорма. Но характеры этихъ дѣвушекъ также различны какъ ихъ воспитаніе. Леонія воспитана въ модномъ Парижскомъ пансіонѣ, и тамъ ее цѣлыя семь лѣтъ учили всѣмъ пансіонскимъ наукамъ, держаться прямо и спокойно, краснѣть всегда кстати, и особенно никогда не компрометироваться; Леонія боится сужденій свѣта; она знаетъ, что живетъ для свѣта и что свѣтъ на нее смотритъ; однимъ словомъ, Леонія дѣвушка благовоспитанная. Кроткая и простая Фанни совершенно напротивъ: эта, дочь природы и провинціи; она хохочетъ, поетъ, играетъ, говоритъ громко, имъ лучше сказать, думаетъ вслухъ. Она, откровенна, простодушна; у ней добрый характеръ и доброе сердце; однимъ словомъ, Фанни, что называется—дѣвчонка безъ всякаго воспитанія, до того, что не пишетъ цвѣтовъ акварелью, не ѣздитъ верхомъ, и не извѣстно даже, рисуетъ ли Аполлоновъ съ антиковъ.

Надобно вамъ сказать, что въ этомъ же замкѣ живетъ молодой отставной офицеръ, Г. Ремонъ, пріятель Г-на Дезорма. Г. Ремонъ всякой вечеръ играетъ съ хозяиномъ своимъ въ шахматы. Однажды они сидятъ вечеромъ; скоро уже полночь; Г-жа Пранже на балѣ съ дочерью своею Леоніею, и племянницею, Фанни. Играя въ шахматы, Г. Дезормъ сотый разъ начинаетъ разваливать Ремону рѣдкія качества племянницы своей Леоніи; по Г-ну Ремону болѣе правится Фанни. Черезъ нѣсколько минутъ дамы возвращаются: Г-жа Пранже уѣхала съ бала такъ рано, потому что не могла далѣе терпѣть вѣтрености Фанни. На этомъ балѣ Фанни танцевала, Фанни смѣялась, Фанни говорила, Фанни со всѣми была учтива и ласкова, однимъ словомъ Фанни была совершенно противное тому, что Леонія, которая танцевала какъ люди ходятъ, которая ни съ кѣмъ не говорила, ни на кого не глядѣла. Такъ Г-жа Пранже выхваляетъ дочь свою. Потомъ всѣ расходятся; только привратнику показалось, что въ прошлую ночь въ

паркѣ забрались воры, и онъ приходитъ просить у Г. Дезорма ружье, чтобы въ случаѣ нужды выстрѣлить.

Оставшись однѣ, дѣвушки начинаютъ разговоръ, который покажетъ намъ ихъ въ другомъ видѣ. Леонія, избавившись отъ надзора матери, признается двоюродной сестрѣ своей, что ей очень жаль было уѣхать съ бала такъ рано. Дѣло въ томъ, что на этомъ балѣ былъ Г. Эрнестъ; чтобы не скомпрометироваться, она не глядѣла на него, не говорила съ нимъ, но за то и не мѣшала ему говорить; онъ сказалъ ей, что любитъ ее, что у него хранится ея балый букетъ; въ ту же минуту стекло съ дребезгомъ распадается; дѣвушки оглядываются; это свадебный букетъ Леоніи, который Эрнестъ возвращаетъ ей въ окно! Леонія, дрожа отъ страха, и думая, что весь свѣтъ уже на нее смотритъ, не смѣетъ поднять букета; но Фанни поднимаетъ его и она же въ окно говоритъ Г. Эрнесту, чтобы онъ ушелъ. Наконецъ Фанни же пишетъ къ Эрнесту вмѣсто двоюродной сестры своей Леоніи, которая ни за что въ свѣтъ не хочетъ скомпрометироваться.

Между-тѣмъ придверникъ, который видѣлъ, что кто-то бродитъ въ паркѣ, стрѣляетъ въ Г. Эрнеста изъ ружья. Испуганная Леонія убѣгаетъ въ свою комнату, не заботясь о своемъ любезномъ; погибни лучше тысяча Эрнестовъ, чѣмъ доброе имя Леоніи. Но добрая Фанни, зная, что въ паркѣ бродитъ молодой человѣкъ, который можетъ быть убитъ, старается спасти его, какъ будто онъ ея любезный. Между-тѣмъ весь домъ въ страхѣ пробуждается, и Фанни прячетъ Эрнеста въ своей комнатѣ. Но занимаясь этимъ добрымъ дѣломъ, бѣдная Фанни не замѣчаетъ, что ее видитъ Г. Ремонъ, который влюбленъ въ нее, и котораго она тайно любитъ.

Вотъ въ какомъ положеніи находится дѣло во второмъ дѣйствіи. Въ продолженіи большей части этого дѣйствія тысяча уликъ поднимается противъ бѣдной Фанни, которая сдѣлалась жертвою добраго своего сердца. Не она-ли говорила съ молодымъ человѣкомъ, который былъ въ паркѣ? Не она-ли посылала ему букетъ? Не она-ли писала къ нему? Не она-ли спасла его? Г. Ремонъ самъ видѣлъ, какъ эготъ молодой человѣкъ пропалъ въ комнатѣ Фанни. Сцена

между Ремонъ и Фанни очень мила. Между-тѣмъ Фанни, несмотря на всѣ эти непріятности, будетъ до конца доброю дѣвушкою; она не хочетъ ни въ чемъ признаться, ни дядѣ, ни теткѣ, ни даже Ремону. Къ счастью, Эрнестъ, видя, что Г. Дезормъ наконецъ найдетъ его, выходитъ изъ комнаты Фанни, и объявивъ свое имя, званіе, даже имѣніе и доходы, проситъ руки племянницы Г. Дезорма. Фанни такъ скомпрометирована, что Г. Дезормъ отказать не можетъ. Но потомъ, съ величайшимъ удивленіемъ узнаетъ, что Г. Эрнестъ хочетъ жениться не на Фанни, а на Леоніи, на робкой, стыдливой и трикраты скромной Леоніи, которая невольно скомпрометировалась съ молодымъ человекомъ! Г. Дезормъ очень удивленъ, Г-жа Пранже очень разсержена, Леонія очень пристыжена; а Г. Ремонъ очень счастливъ: онъ женится на той, которую любитъ, на милой, невоспитанной Фанни.

Что касается до Леоніи, то, не зная какъ выпутаться изъ такой исторіи, она, какъ слѣдуетъ благовоспитанной дѣвушкѣ, падаетъ въ обморокъ.

Основа этого водевиля не нова, - но въ немъ много прекрасныхъ сценъ и онъ написанъ остроумно.

5. *Les Danseuses à l'Ecole, Танцовщицы въ школѣ*, водевиль въ одномъ дѣйствіи.

Г. Шальо, заслуженный танцоръ, старый танцоръ, блистая долгое время на оперномъ театрѣ, подъ старость сдѣлался танцевальнымъ учителемъ. У Г-на Шальо учатся дѣвицы Жоржена, Дельфина, Тальмина, Алина и другія мелко-травчатая танцовщицы. Съ этими господами танцуетъ господинъ Доверинъ, господинъ Помпилюсъ, господинъ Дюронъ, господинъ Гигантманъ, не считая Г-жи Сентъ-Готаръ. Г-жа Сентъ-Готаръ — мать-танцовщица. У всякой танцовщицы есть мать. Вы ее знаете: розовый поношенный шарфъ, желтыя поношенные перчатки, зеленая поношенная шляпка шелковые поношенные чулки. Мать — танцовщица напимается обыкновенно на годъ, и носить обноски дочери — танцовщицы. Сверхъ-того, Г-жа Сентъ-Готаръ женщина болтливая, прожорливая и сентиментальная; всего болѣе на свѣтъ любить она каштаны и толстыхъ Англійскихъ милордовъ.

Это занимательная и устрзумная часть водевиля, написанная только для того, чтобы сдѣлать выставку кое-какихъ расхожихъ ногъ, потому что тутъ начинается, подъ управленіемъ Г. Шальо, балетъ. Танцуютъ, танцуютъ, а послѣ танцевъ кто-то на комъ-то женится.

Лѣтомъ, когда всѣ знаменитыя Парижскія танцовщицы, всѣ ноги съ извѣстными именами, ноги въ большомъ ходу, совершаютъ танцевальныя путешествія по провинціи и чужимъ краямъ, въ Парижъ выпускаютъ на театръ танцовщицъ второстепенныхъ, которыя зимою выступаютъ только въ хорахъ и держатся по-ближе къ кулисамъ, или и за кулисами. Но какъ ихъ выпустить! Публика не пойдетъ смотрѣть балета, въ которомъ начнутъ танцовать эти пошлыя ноги, ноги толстыя и тяжелыя, ноги, которыхъ не знаешь какъ и назвать, потому что имъ даже нѣтъ имени. Для этого сочиняется танцевальный водевиль. По надлежащемъ сочиненіи водевиля, собираютъ по всемъ угламъ какъ-можно побольше этихъ безыменныхъ ногъ, высыпаютъ ихъ на сцену, заставляютъ ихъ прыгать въ водевилѣ какъ-можно выше, показывать ихъ какъ можно выше, и все это составляетъ спектакль весьма интересный. Вышеописанный водевиль принадлежитъ къ числу таковыхъ.

4. *Les courses de Chantilly, Шантильскія скачки*, водевиль въ одномъ дѣйствіи.

И сей тако-же. Это также водевиль, посредствомъ котораго показываются дрянныя ноги. Въ томъ водевилѣ, эти госпожи отправляются въ танцевальный классъ, въ этомъ, на Шантильскія скачки. Герцогиня Жомсзъ преслѣдуетъ Г. Бомона, своего любовника; разныя графини, княгини и тому подобныя одѣваются жокеями и танцуютъ на сельскомъ балѣ. *Idem per idem*, — все та же пѣсня: разница въ томъ, что въ одномъ водевилѣ показывали ноги въ короткихъ юнкахъ, въ другомъ тѣ самыя ноги въ узкихъ панталонахъ, что несравненно живописнѣе.

5. *Mon bonnet de nuit, Мой спальный колпакъ*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, Гг. Жоржа Дювала и Боррьера.

Мерсье, авторъ «Картины Парижа», назвалъ одну изъ книгъ своихъ: «Мой спальный колпакъ.» Малезарбъ донесъ

на него. Полиція его преслѣдовала, и онъ рѣшился отдать свой спальный колпакъ на сохраненіе дочери одного пирожника. Прошу покорно сдѣлать изъ этого водевиль? Однако жъ Гг. Дюваль и Боррьеръ сдѣлали изъ этого водевиль сицевымъ образомъ. Они сначала выставили Анжелину, дочь пирожника; къ ней присоединили двоюроднаго братца, который просить ее спрятать у себя въ спальнѣ «ночной колпакъ» пріятеля его Мерсье. Безпокоясь о томъ, что такое у нея хранится, Анжелина непрерывно толкуетъ о ночномъ колпакѣ своего двоюроднаго брата, который (то есть, колпакъ) лежитъ у нея въ спальнѣ. Разумѣется, что рѣчь идетъ о книгѣ, а ревнивый женихъ Анжелины, Було, воображаетъ себѣ, что рѣчь идетъ о настоящемъ, бумажномъ колпакѣ, и сердится, что ночной колпакъ двоюроднаго братца попалъ въ спальню его невѣсты. Наконецъ полиція конфискуетъ книгу Мерсье, все объясняется и любовники, какъ водится, женятся. Вотъ и все.

б. La leçon des mathématiques, *Урокъ изъ математики*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, Г. Рамона де ла Круазета, члена Палаты Депутатовъ.

Одна молоденькая женщина пристрастилась къ математикѣ и учится у своего двоюроднаго братца геометріи, которая, какъ извѣстно, есть не что иное какъ наука объ измѣреніи протяженій, то есть длины, ширины и глубины. Страсть довольно эксцентрическая! Молодой человекъ охотно принялъ на себя это преподаваніе и всякой день ѣздитъ изъ Парижа въ деревню давать уроки. Отецъ его беспокоится о томъ, что сыночекъ теряетъ много времени этими загородными лекціями. Какъ добрый и попечительный отецъ, онъ запираетъ платья своего сына; но такая бездѣлица не въ состояніи остановить усерднаго профессора. Онъ отправляется къ своей двоюродной сестрицѣ просто въ шлафрокъ. Тамъ онъ дѣлаетъ множество дурачествъ, танцуетъ съ какою-то дѣвушкою Альмаидъ, наряжается въ платье Г. Сентъ-Амана, который сватается за Г-жу Клервилль (двоюродная сестрица тожъ). Сентъ-Аманъ, за неимѣніемъ лучшаго, надѣваетъ шлафрокъ молодого учителя и это такъ кампрометируетъ Г-жу Клервилль, что она, желая по-

править дѣло, выходить за него замужъ. Таковъ водевилъ, составленный Французскимъ депутатомъ. Глупъ, не правда-ли? И послѣ этого, они же хотятъ составить законы!

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ АНГЛІИ. Въ одно и то же время, въ Лондонѣ и въ Нью-Йоркѣ, вышло путешествіе фрегата Соединенныхъ Штатовъ, Потомакъ, описанное Джономъ Ренольдсомъ. Книга эта можетъ служить новымъ доказательствомъ, какое вліяніе политическій бытъ народа имѣетъ на его литературу: грубость, запосѣчивость, хвастливость и какое-то ожесточенное, совсѣмъ не рыцарское молодечество, составляютъ характеръ этого произведенія съ одной стороны и повтореніе стараго съ другой. Надобно прочесть, съ какимъ безстыднымъ торжествомъ авторъ разсказываетъ о подвигахъ своихъ соотечественниковъ на западномъ берегу Суматры, гдѣ они въроломно сожгли Малайскій городокъ Квала-Батту, подошедъ къ нему подъ купеческимъ флагомъ и сами нарядившись купцами. Это презрѣніе или незнаніе всѣхъ народныхъ правъ, побудившее Американскаго капитана сперва разорить городъ и перебить жителей, а тамъ требовать удовлетворенія за какіе-то давно причиненные убытки; это совершенное забвеніе воинской чести, допустившее его унижить свой флагъ и мундиръ передъ несравненно слабѣйшимъ непріятелемъ, возбудило негодованіе не только въ Европѣ, искони христіанской и рыцарской, но даже и въ Америкѣ, куда эти стихіи нравственнаго образованія занесены вмѣстѣ съ товарами и съ искателями приключеній. Фрегатомъ «Потомакъ» начальствовалъ коммодоръ Джонъ Доунсъ; а Г. Ренольдсъ виновенъ только въ литературномъ потворствѣ его разбойничьему подвигу.

— Кромѣ этого Американскаго путешествія вышло еще нѣсколько Англійскихъ. Едва завелись пароходы на Дунай,—и Англичане воспользовались случаемъ, чтобъ проплыть изъ Вѣны въ Константинополь и описать этотъ удивительный подвигъ. Докторъ Медденъ, который недавно еще издалъ путешествіе на Востокъ, очутился чиновникомъ въ Вестъ-Индіи, и тоже описываетъ поприще своей службы. Г. Монро побывалъ прошлымъ лѣтомъ на Востокъ

и описываетъ, какъ богомольцы и богомолки всѣхъ возрастовъ купаются въ водахъ Иордана: коротко сказать, счету нѣтъ Англійскимъ путешествіямъ.

— Изъ числа новыхъ романовъ, которыхъ также очень много, заслуживаетъ особеннаго вниманія Plantagenet, явившійся безъ имени автора, но обличающій въ немъ чловѣкъ «высокаго полета». Это сейчасъ видно по тону, небрежному и свысока, какъ-будто авторъ писалъ больше для облегченія собственнаго сердца, чѣмъ для публики; по изыщному выбору эпиграфовъ и по тысячѣ другихъ вещей, которыя отличаютъ «высоколетныхъ.» Plantagenet—нѣчто въ родъ Чайльдъ Гарольда: это признанія меньшаго брата одной благородной фамиліи, который родился гордымъ, мечтательнымъ, скрытнымъ изъ самолюбія, reserved, бѣднымъ, почти безъ гроша, и не научился смолоду укрощать порывовъ пылкой души. Діаволъ въ чловѣческомъ образѣ, лицемѣрный смиренникъ,—сѣетъ вражду и ревность между имъ и старшимъ его братомъ, законнымъ наследникомъ всего родоваго имѣнія. Онъ любитъ; его обманываютъ. Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ, вступаетъ онъ въ свѣтъ съ уязвленнымъ сердцемъ и страстями, тѣмъ болѣе сильными, что онъ скрыты. Прихотливая фортуна дѣлаетъ его, между-прочимъ, солдатомъ, домашнимъ учителемъ, секретаремъ министра, и наконецъ впускаетъ его въ кругъ великихъ сего міра. Мы сказали «прихотливая фортуна» только для сокращенія, а въ романѣ подробно описано какъ все это было и почему. Многіе характеры набросаны весьма удачно; но полной отдѣлки нѣтъ ни въ единомъ.

— Записки о жизни сирь Джемза Мекинтоша, изданныя его сыномъ, наиболее обращаютъ на себя вниманіе Англійской публики. Всего замѣчательнѣе въ нихъ то обстоятельство, что покойный литераторъ пріобрѣлъ себѣ славу не столько тѣмъ, что онъ написалъ, сколько тѣмъ, чего ждали отъ его способностей. Мекинтошъ самъ это чувствовалъ, и вотъ собственный разсказъ его о томъ, что было съ нимъ въ 1814 году въ Парижѣ: «Одна очень умная дама, Г-жа де-Шатне (de Chatenay), говоритъ сирь Джемзъ въ своемъ журналѣ, сдѣлала мнѣ презатруднитель-

ный вопросъ:—Какими сочиненіями я снискалъ такую громкую извѣстность? И, по обыкновенію, мнѣ надобно было прибѣгнуть къ пересказу того, что я предполагаю написать».

— *Tales of the Ramadhan*, Г. Сентъ-Джона, отличаются, какъ говорятъ Англійскіе журналы, вѣрнымъ изображеніемъ Восточныхъ обычаевъ и Азіятскаго характера вообще. Это рядъ повѣстей, рассказываемыхъ будто-бы записными Каирскими повѣсчиками, для сокращенія длинныхъ часовъ рамазана. Рассказы прелестной Абиссинки, Фатимы, богатствомъ вымысла подходятъ къ Шехеразадѣ. «Чалма такъ пристала къ Г. Сентъ-Джону, что другой не повѣритъ, чтобъ онъ когда-нибудь носилъ шляпу.»

— Многие журналы отзываются съ большими похвалами о «Греческой исторіи древнихъ временъ», написанной Г. Терльвалемъ для Ларднеровой *Cabinet Cyclopaedia*. Авторъ умѣлъ держаться середины между легковѣрностью Гиллиса, предубѣжденіемъ Митфорда и скептицизмомъ одного изъ повѣйшихъ писателей, Г. Китли (Keightley): онъ разсматривалъ истинно ученымъ и критическимъ образомъ преданія, на которыхъ основана древняя исторія Греціи, и показалъ, что именно препятствуетъ къ безусловному допущенію ихъ подлинности съ одной стороны, и совершенному отрицанію ея съ другой. Особенно замѣчательна въ критическомъ отношеніи третья глава этой книги, гдѣ изслѣдываются преданія объ иностранныхъ поселенцахъ.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ ГЕРМАНИИ. Одинъ изъ даровитѣйшихъ послѣдователей Шеллинга, Г. Гейнрихъ Стеффенсъ, философъ, — онъ же и романистъ, издалъ въ 1829 году первую книжку своихъ *Polemische Blätter zur Beförderung der speculativen Physik*, въ которыхъ предпринималъ «показать отношеніе Естественной Философіи къ нынѣшнему познанію природы и по-возможности, даже къ будущему.» Недавно вышла вторая книжка этихъ *Blätter*, гдѣ кратко, но мастерски изложена исторія и теперешнее состояніе Геологіи, которую авторъ принимаетъ за основу своихъ собраній, въ противоположность прежнимъ «безначальнымъ космогоніямъ.» Въ умозрительной части все тѣ же толки о всежизни, всецѣломъ организмѣ и постепенномъ разви-

тѣхъ организмовъ, которые пережевываются тридцать пять лѣтъ безъ малѣйшей пользы для науки. И, какъ вы думаете, къ чему привели ученаго и остроумнаго Стеффенса его продолжительныя умозрѣнія? Къ тому, что жизнь есть фактъ. Слава Богу! А между-тѣмъ Нѣмецкіе журналы говорятъ объ этомъ, какъ бы о какомъ-нибудь новомъ открытіи, требующемъ подтвержденія: *das Leben sei That-sache*, произносятъ они пополамъ со страхомъ.

Профессоръ А. Г. Петискусъ издалъ очень хорошее обзоръніе главнѣйшихъ историческихъ событій древняго и новаго міра, отличающееся особенно тѣмъ, что древность, какъ основаніе, изложена авторомъ гораздо подробнѣе новаго времени. Однако, если бъ всѣ историки вздумали держаться этого порядка, потомки наши читали бы одни перечни современныхъ намъ происшествій? Изложеніе этой книги такъ ясно и привлекательно, какъ только допускаетъ перо Германскаго профессора.

— Еще одинъ покойникъ-сочинитель въ Нѣмецкой Словесности! Сочиненія пишущихъ и печатающихъ покойниковъ въ такомъ ходу, что теперь, приступая къ сочиненію чего-нибудь, надобно сперва умереть. Но къ счастью, не всѣ покойники такъ остроумны и затѣливы, какъ его сіятельство князь Пюклеръ-Мускау. Мертвецъ изъ разночинцевъ, который издалъ недавно два тома своихъ записокъ, можетъ рассказывать о своихъ похожденияхъ и толковать о политикѣ сколько ему угодно: изъ всѣхъ живыхъ на свѣтѣ одни только его читатели будутъ отъ того въ накладѣ; да развѣ еще Лейпцигскій книгопродавецъ Гартманъ, который издаетъ эти произведенія.

— Любители Нѣмецкихъ повѣстей съ удовольствіемъ прочтутъ два тома сочиненій Адольфа фонъ-Чабушингга, вышедшихъ въ Вѣнѣ и живо напоминающихъ рассказы фонъ-Веста, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ очень нравились въ Германіи. У Фонъ-Веста болѣе юмора, у Чабушингга болѣе сентиментальности, и подчасъ даже слишкомъ много. Несмотря на то, повѣсть его, *Der Bücherwurm*, можетъ назваться истинно прекрасною.

— Лудвигъ Бехштейнъ, о которомъ неразъ упоминали мы въ этомъ журналѣ, написалъ драму, *Des Hasses und der Liebe*

Kämpfe, которой предметъ заимствованъ имъ изъ собственной повѣсти, а первоначально изъ исторіи XIV вѣка. Любовь двухъ молодыхъ христіанъ къ двумъ жидовкамъ представлена здѣсь въ бореніи съ ненавистью и предразсудками тѣхъ временъ, еще усиленными появленіемъ черной смерти. Нѣтъ ничего мудренаго, если въ такую смутную пору всѣ почти дѣйствующія лица погибають, кто отъ кинжала, кто отъ меча, кто на кострь, такъ, что моровой язвъ поживиться нечѣмъ. Допустите только посылку, слѣдствія вытекають сами собою.

— Кромѣ того, драматическая словесность обогатилась пьесами — Цедлица, Kerker und Krone, и Ухрица Rosamunde, нѣсколькими произведеніями Раупаха, Граббе и наконецъ еще парю Фаустовъ: одинъ принадлежитъ Николаю Ленау, другой Браунталю.

— Г. Симрокъ, извѣстный нѣсколькими удачными стихотвореніями, выдалъ Германское поэтическое преданіе, Wiedland der Schmidt, въ двадцати чстырехъ пѣсняхъ.

— Франкфуртскій литературный журналъ, «Фениксъ», представляющій въ Германіи идеи юной Нѣмецкой школы, которая возстаетъ противъ художественныхъ теорій Гёте, предлагаетъ Нѣмецкимъ поэтамъ съѣзжаться ежегодно въ тотъ или другой городъ Союза, по примѣру естественны-тателей. Слѣдственно, будетъ и конгрессъ поэтовъ. Такъ какъ политическія мнѣнія юной школы довольно извѣстны Германскому сейму, то врядъ ли можно полагать, чтобъ эти «невинные» съѣзды были дозволены ея послѣдователямъ.

СЛОВЕСНОСТЬ ВО ФРАНЦИИ. Какой вы хотите искать Словесности во Франціи? Во Франціи, въ землѣ преступленій, уголовныхъ процессовъ, заговоровъ, приговоровъ, адскихъ машинъ, траура, отравленій, насилій? Можетъ ли тутъ быть Словесность? Загляните въ списокъ новыхъ книгъ, и вы увидите. Никогда еще Франція не представляла такой грустной картины низложенія общественной нравственности какъ въ два послѣдніе мѣсяца. Процессъ Ларонсіровъ, процессъ Бапкалевъ, процессъ республиканцевъ, улицы устланы трупами маршаловъ и генераловъ, перъ Франціи отра-

вленный въ собственномъ домѣ, вмѣстѣ съ женою, сыномъ и дочерью!.... И всёго этого въ значительной части соумышленица — новая словесность, которая развратила умы, приучила все презирать, все попрадала, все закидала грязью, — честь, величіе, добродѣтель, чувство долга и даже самыя приличія! Помнится, были такіе, которые возставали противъ Библіотеки для Чтенія, когда она показывала, къ чему ведетъ подобная литература. Теперь и сама Франція спохватилась. И тѣ, которые прежде производили эту литературу, теперь говорятъ, что дурно дѣлали. Спасибо имъ и за это: лучше поздно чѣмъ никогда.

Между-тѣмъ въ Парижѣ, по обыкновенію, уже забыли обо всемъ этомъ, и новый балетъ, *L'île de pirates*, занимаетъ публичку болѣе чѣмъ Фіески. Балетъ великолѣпный. Перелѣтый пиратъ сватается на одной Италіанской графинѣ. Она ему отказываетъ. Онъ ее похищаетъ и увозитъ въ море. Пиръ и балъ пиратовъ на палубѣ плавающего корабля: эта декорация, говорятъ, чудесна! Пираты выходятъ на берегъ пустого острова, гдѣ ихъ убѣжище и гаремъ. Тутъ другой пиръ въ гаремѣ, — борьбы, пляски. Между-тѣмъ военный корабль дѣлаетъ нападеніе на островъ, завязывается битва въ гавани, флотъ пиратовъ горитъ, пламень, вода, суматоха, отчаяніе, радость. Картина всеобщая!

Вотъ, чѣмъ теперь всѣ заняты въ Парижѣ! Счастливыя народъ!

— Романъ Г. Менара, *Outremer*, о которомъ говорили въ журналахъ какъ произведеніи примѣчательнаго таланта, есть мерзкое подражаніе школь и манеръ Виктора Гюго, — наборъ ужасовъ, преступленій, неслѣдствій и неблагопристойностей. Это — одно изъ послѣднихъ гнилыхъ яблокъ гнилой яблоки «юной словесности. Сцена происходитъ на островъ Мартиникъ. Предметъ—борьба цвѣтныхъ противъ бѣлыхъ.

— Новое сочиненіе Г. Фредерика Сулиё, *Le conseiller d'état*, несравненно приличнѣе: оно можетъ быть читано, и даже способно растрогать читателя, несмотря на свой духъ, свою школу и нѣкоторыя безвкусныя подробности. Это исторія одной молодой женщины, доброй, чувствительной, благородной, довольно гордой, у которой есть мужъ,

нотаріусъ,—любимый типъ Г-на Суліе,—одинъ изъ умнѣйшихъ и любезнѣйшихъ нотаріусовъ. Эта добрая чувствительная, благородная женщина, открываетъ, что любезнѣйшій изъ нотаріусовъ сдѣлалъ ей — невѣрность. Она, какъ женщина гордая, поклялась никогда не прощать преступнаго нотаріуса, и сдѣлала его..... Кстати: Парижане въ восхищеніи отъ роговой музыки; общество какихъ-то путешественниковъ музыкантовъ, которые выдаютъ себя за Русскихъ, давало тамъ недавно концертъ на рогахъ разной величины, и эта тихая, заунывная мелодія очаровала всѣхъ слушателей. Возвратимся къ роману Г. Фредерика Суліе: главная его перипетія состоитъ въ препятствіяхъ, которыя гордость этой доброй и благородной женщины поставляютъ прощению мужа за его страшный проступокъ и примиренію супруговъ. Въ этой части повѣсти есть нѣсколько сценъ хорошо нарисованныхъ и выполненныхъ съ примѣчательною силою. Впрочемъ авторъ уже извѣстенъ тѣмъ, что безъ дюжины прелюбодѣяній, убійствъ и магнитическихъ продѣлокъ, онъ не издастъ въ свѣтъ романа, хоть бы даже написалъ его хорошимъ слогомъ, чего онъ никогда не дѣлаетъ.

— Г. Бальзакъ, придворный романистъ и сказочникъ всего прекраснаго пола, отличился! По долгу присяги, советуетъ дамамъ не читать его *La Fille aux yeux d'or*. Тѣ изъ любопытныхъ читательницъ, которыя насъ не послушаютъ, будутъ расказываться. Въ этой честной компаніи, мы не можемъ сказать ничего болѣе о его последнемъ твореніи,—*La Fille aux yeux d'or*.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

Французскія.

MÉMOIRES, tirés des papiers d'un homme d'état sur la politique secrète des cabinets. Dans les guerres de la révolution. Tome X.

ROME au Siècle d'Auguste, ou Voyage d'un Gaulois à Rome à l'époque du règne d'Auguste et pendant une partie du règne de Tibère, par M. Desobry. 4 vol.

HISTOIRE de Paris depuis 1821 jusqu'à nos jours, par M. Delaure. 4 vol. Par livraisons.

CONSIDÉRATIONS sur la nature de l'homme en soi-même et dans ses rapports avec l'ordre social, par M. le comte de Redern. 2 vol.

NOTES d'un voyage dans le midi de la France, par M. Prosper Mérimée. 1 vol.

DICTIONNAIRE national, philosophique et pittoresque, contenant tous les mots de la langue française, leur étymologie, et tout ce qui se rattache à l'histoire, l'industrie, le commerce, etc., de la France, par une société de gens de lettres. 6 à 8 vol., avec 1200 dessins. Par souscription.

DICTIONNAIRE usuel de Chirurgie et de Médecine vétérinaires, manuel pratique, rédigé par une société de médecins vétérinaires. 2 vol., par souscription.

ETUDES SUR DUCIS, ouvrage couronné par l'Académie, par M. Onésime Leroy. 1 vol.

SOUVENIRS D'ANTONY, par M. Alexandre Dumas. 1 vol.

JULIA, ou l'Amour à Naples, roman, par M. Quỳ d'Agde. 2 vol.

MÉDIANOCHES, roman, par Jacob, bibliophile. 2 vol.

LE MARI de la Reine, roman, par M. E. Guérin, auteur de la Fleuriste, d'Une Actrice. 2 vol.

SOIRÉES d'une grisette, par. Maximilien Perrin. 2 vol.

GEORGE, ou Un entre mille, roman, par M. Théodore Muret. 2 vol.

LA FILLE aux yeux d'or, par M. de Balzac. 1 vol.

Англіійскія.

A HISTORY of Greece. By the Rev. C. Thirlwall. Vol I. Lardner's cyclopaedia No 68.

AN HISTORICAL Sketch of the origin of English prose literature, and of its progress till the reign of James I. Ry William Gray. 1 vol.

MEMOIRS of the life of the Right. Hon. Sir James Mackintosh. Edited by his son, R. J. Mackintosh, Esq. 2 vol.

NOBLE deeds of women. 1 vol.

VOYAGE of the U. S. frigate Potomac, under the command of commodore John Downes. By J. N. Reynolds. 4 vol.

A TWELVEMONTH'S residence in the West Indies. By R. R. Madden. 2 vols.

WANDERINGS and adventures in the interior of Southern Africa. By Andrew Steedman. 2 vols.

ROUGH LEAVES from a Journal kept in Spain and Portugal, from 1832 to 1834, by Lieut. Col. Badcock. 4 vol.

A STEAM voyage down the Danube; with sketches of Hungary, Wallachia, Servia, and Turkey, etc. By M. J. Quin. 1 vol.

A SUMMER ramble in Syria, with a Tartar trip from Aleppo to Stamboul. By the Rev. Vere Monro. 2 vols.

- REPORT** of the fourth meeting of the British association for the advancement of Science, held at Edinburgh 1834. 1 vol.
- OUTLINES** of Botany. By *Gilbert T. Burnett*, professor of Botany in King's College. 2 vols.
- PLANTAGENET**. A novel. 5 vols.
- VILLIERS**. A novel. 3 vols.
- ERNEST CAMPBELL**. A novel. 5 vols.
- MEPHISTOPHELES** in England; or, the Confessions of a prime minister. 5 vols.
- TALES** of the Ramad'han. By *J. A. H. John*. 3 vols.
- THE RURAL MUSE**. Poems by *John Clare*. 1 vol.
- THE FUDGES** in England; being a sequel to the Fudge family in Paris. By *Thomas Brown*. 1 vol.
- SPECIMENS** of English dramatic poets. By *Charles Lamb*. 2 vols. A new edition.
- SONNETS**. By the Rev. *C. Strong*. 1 vols.
- THE STORY** of Justin Martyr, and other poems. By the Rev. *R. C. Trench*. 1 vol.

Нѣмецкія.

- DIE HAUPTBEGEBENHEITEN** der Vorzeit und Mitwelt. Von *A. H. Petiscus*, Professor. 1 Bd. Berlin.
- DIE ALLGEMEINE** Geschichte. Ein Lehrbuch für Jeden, welcher die Wissenschaft in ihrer Allgemeinheit und in ihren Haupttheilen kennen lernen will. Von Dr. *Joh. H. G. Heusinger*, Professor. 4 Abthl. Dresden.
- DIE SÄCHSISCHE** Revolution, oder Dresden und Leipzig in den Jahren 1830 und 1831. Herausg. von *F. Stolle*. 1 Bd. Leipzig.
- DR. C. A. W. BERENDS** Vorlesungen über practische Arzneiwissenschaft. Nach des Verfasser's Tode zuerst herausg. von *Karl Sundelin*. 2 Auflage, neu durchgesehen und berichtigt von Dr. *J. C. Albers*. 1 Bd. Berlin.
- DIE GEBURTSKUNDE**, mit Einschluss der wichtigsten Krankheiten der Schwangeren, der Wöchnerinnen und der neugeborenen Kinder, für Lernende und Examinanden, von *Ludw. S. Weiss*. 1 Bd. Berlin.
- CHIRURGISCHE** Kupfertafeln. Herausgeg. von Dr. *Rob. Froriep*. 65 Heft. Weimar.
- LEHRBUCH** der Akiurgie. Bearbeitet von Dr. *Ernst Blasius*. 1 Bd. Halle.
- ENUMERATIO** plantarum omnium hucusque cognitarum, secundum familias naturales disposita, auctore *Car. Sigism. Kunth*. Supplementum Tomi I. Bd. Tubingae.
- POLEMISCHE** Blätter zur Beförderung der speculativen Physik, herausg. Von *Heinrich Steffens*. 2. Heft. Zur Geologie. Breslau.

JAHRBUCH für den Berg-und Hüttenmann auf das Jahr 1835. Herausg. bei der kön. Berg-Academie zu Freiberg. 4 Bd. Freiberg.

DIE ZUCHT und Pflege der veredelten Schafe, von Dr. *F. A. Schrader*. 1 Bd. Meissen.

THEORIE zur allgemeinen Auflösung der bestimmten algebraischen Gleichungen, nebst kritischanalytischer Untersuchung der bis jetzt bekannten, und Aufstellung neuer, wissenschaftlich begründeter Auflösungen. Von *Fr. Graf Hochenegg*. 1 Bd. Wien.

PRAKTISCHE GEOMETRIE, von Dr. *H. Umpfenbach*. 2 Theile. Frankfurt a. M.

DIE GRUNDLEHREN der Grössenkunst. Eine ganz neue Bearbeitung der Elemente der Mathematik, von Dr. *J. H. G. Heusinger*. 1 Bd. Leipzig.

P. HELL'S REISE nach Wardoë bei Lappland und seine Beobachtung des Venus-Durchganges im Jahre 1769. Aus den aufgefundenen Tagebüchern geschöpft und mit Erläuterungen begleitet von *Karl Ludw. Littré*. 1 Bd. Wein.

DAS NOVELLENBUCH oder Hundert Novellen nach alten italienischen, spanischen, französischen, lateinischen, englischen und deutschen bearbeitet von *Ed. v. Bülow*. Mit einem Vorworte von L. Tieck. 2 Theile Leipzig.

MEMOIRES eines Verstorbenen. 2 Bde. Leipzig.

NOVELLEN von *Adolph Ritter von Tschabusnigg*. 2 Theile. Wien.

DIE VERFÜHRERIN und Robespierre. Ein Nachtstück aus den blutigsten Tagen der franz. Revolution. Von *Cölestin Horst*. 2 Theile. Neuhaldensleben.

NACHLESE zu Fr. von Schiller's sämtlichen Werken. Besorgt von Dr. *G. Döring*. 4 Bd. Zeitz.

DES HASSES und der Liebe Kämpfe. Drama in fünf Aufzügen von *Ludwig Bechstein*. 4 Bd. Hildburghausen.

DER COLIBRI und die Ruine. Zwei Erzählungen von *Henriette Hanke*, geb. *Arndt*. 1 Bd. Liegnitz.

М О Д Ы.

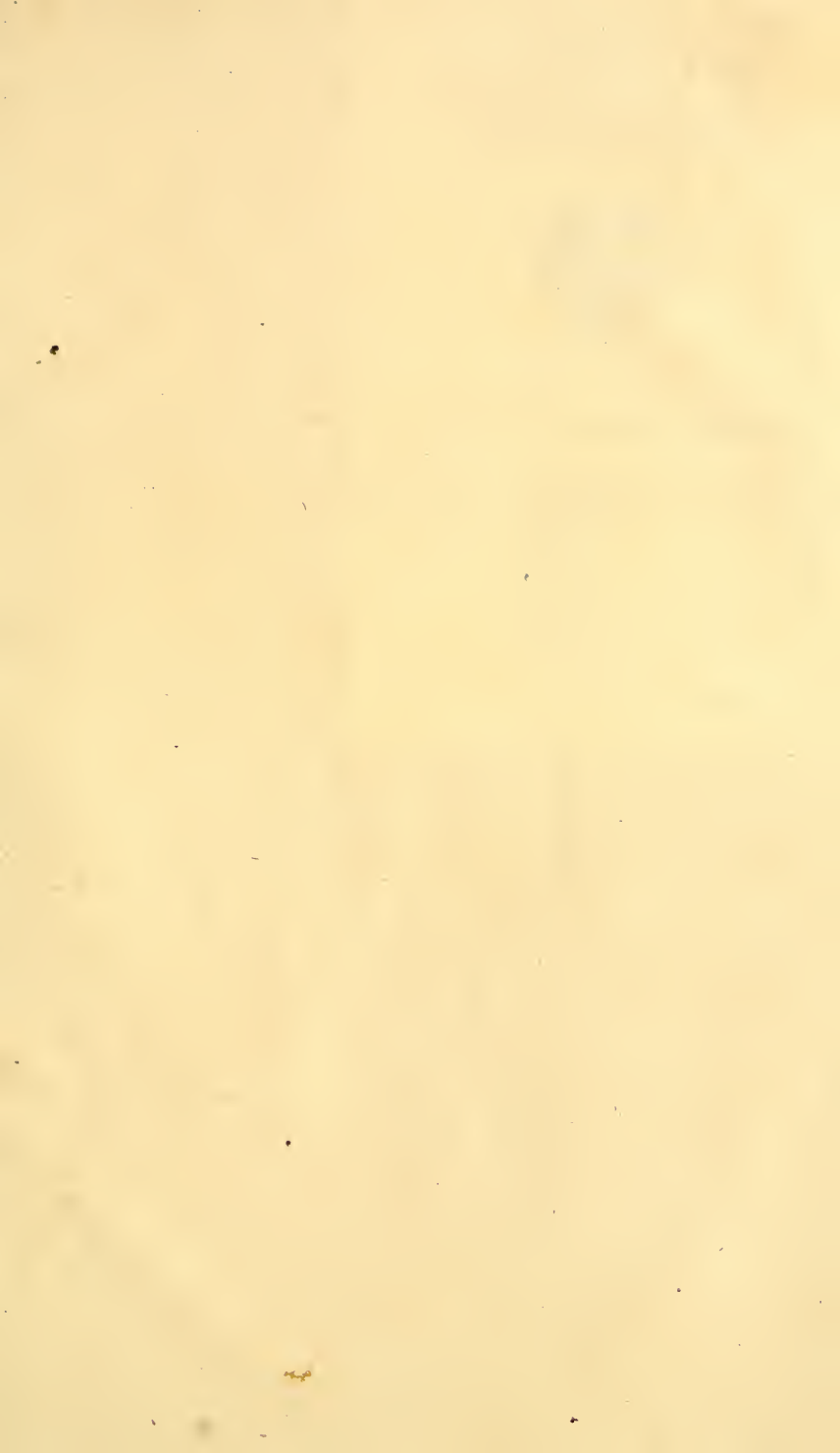
Парижск. Августъ.

— Мы ничего не скажемъ о шляпкахъ, потому что въ Парижѣ еще господствуютъ кренны, басты и соломы, а въ Петербургѣ они уже замѣняются на всѣхъ головахъ атласомъ и бархатомъ. Можно однако жъ упомянуть, что принцессы, дочери короля Французскаго, на последнемъ цер-

ковномъ торжествѣ послучаю чудеснаго сохраненія жизни ихъ родителя и братьевъ, были въ шляпкахъ изъ бѣлаго пу-де-суа, съ бѣлыми мелкими цвѣтами и съ полями весьма открытыми.

— Въ Парижѣ весь Августъ было очень жарко, и дамскіе наряды еще отличаются тамъ лѣтнею и воздушною легкостью. Журналы говорятъ только объ одномъ прелестномъ платьѣ, которое можетъ быть занимательно для нашихъ читательницъ. То было платье изъ пу-де-суа съ вытканными узорами, сѣрыми и розовыми, убранный воланомъ въ видѣ фестоновъ, который былъ сдѣланъ изъ гладкой шелковой матеріи, накрапленной тѣми же красками. Здѣсь должно замѣтить одно важное обстоятельство: юбка была нѣсколько уже обыкновеннаго. Далѣе, — рукава съ двумя буфами, корсажъ крестомъ, эшарпъ изъ чернаго круазе, обшитый великолѣпными черными кружевами, довершали этотъ оригинальный костюмъ самымъ изящнымъ образомъ.

— Перчатки бѣлыя съ легкимъ розовымъ отливомъ еще удерживаются въ своей силѣ, хотя Шведскія перчатки оспариваютъ у нихъ самыя нѣжныя и лучшія ручки.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
AP50
.B5
t.12
ch.1

